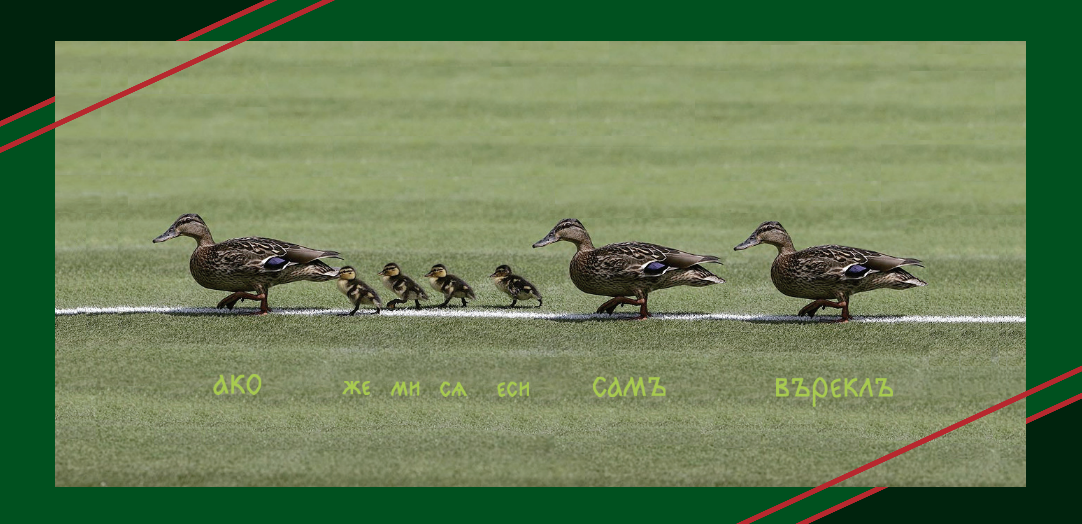
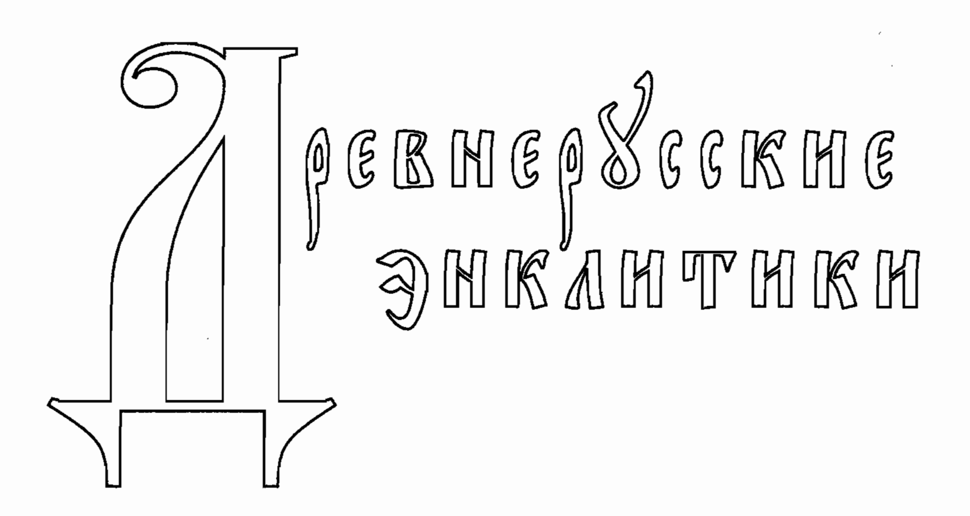
А. А. Зализняк

Древнерусские энклитики



РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. Зализняк



ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

ББК 81.2Рус-67-1
З 55

Издание осуществлено при поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(*РГНФ*)
проект № 07-04-16251

Зализняк А. А.

З 55 Древнерусские энклитики. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 280 с.

ISBN 5-9551-0232-9

Книга посвящена малоизученной проблеме исторического синтаксиса русского языка — функционированию и исторической эволюции древнерусских энклитик, то есть безударных слов, примыкающих в просодическом отношении к предшествующему слову фразы. В число энклитик входили частицы (*же*, *ли*, *бо*, *ти*, *бы*), местоименные словоформы (*ми*, *ти*, *си*, *мя*, *тя*, *ся*, *ны*, *вы* и др.) и связки (*есмь*, *еси* и т. д.).

В книге на материале большого числа древних памятников, в первую очередь берестяных грамот и летописей, показано, что в древнерусском языке расположение энклитик во фразе подчинялось строгим закономерностям, знание которых оказывается существенным для правильного понимания древнерусских текстов. Детально исследована также эволюция энклитик на протяжении XI–XVII веков, в ходе которой часть энклитик исчезла, а энклитика *ся* превратилась из самостоятельного слова в неотделимую составную часть глагольной словоформы.

Книга предназначена для лингвистов, литературоведов и историков, занимающихся историей русского языка и словесности, а также для более широкого круга читателей, интересующихся вопросами истории русского языка.

ББК 81.2Рус

В оформлении переплета использована фотография с сайта etoday.ru.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восточнославянские энклитики — в отличие от южно- и западнославянских — привлекали к себе до сих пор, как в синхроническом, так и в историческом плане, очень мало внимания. В курсах истории русского языка соответствующий раздел вообще отсутствует.[1]

Причина недостаточного внимания к вопросу об энклитиках явно в том, что в современных восточнославянских языках от богатой древней системы славянских энклитик не осталось почти ничего и нынешние энклитики этих языков не играют сколько-нибудь существенной роли в их грамматике. И эта особенность современных восточнославянских языков, отличающая их от южных и западных соседей, по-видимому, подсознательно понижала интерес к этой проблеме также и при изучении языка древней эпохи.

Следует признать также, что для недооценки роли энклитик в древнерусском синтаксисе имелись и некоторые объективные основания: до открытия берестяных грамот (точнее, до систематического анализа их синтаксиса) по-настоящему оценить эту роль было действительно нелегко.

Нельзя сказать, конечно, что поведение энклитик в древнерусском языке оставалось вообще незамеченным. Констатацию того, что в древнерусском языке положение с энклитиками было в общем сходно с другими славянскими языками, а не с современным русским, мы находим уже у Миклошича (1874: 271) и Бернекера (1900: 60 и далее). Но они ограничиваются лишь краткими замечаниями на эту тему.

Особо отметим монографию Гуннарссон 1935, посвященную положению показателя возвратности *сѧ* в древнерусской фразе. Она содержит ценные наблюдения над поведением *сѧ* в ряде древнерусских памятников. Но, к сожалению, ее общие выводы ныне имеют лишь весьма ограниченную ценность — в частности, потому, что рассмотренные Гуннарссоном памятники очень неполно отражают действительную картину синтаксиса живого древнерусского языка.

Самой значительной и удивительной по проницательности работой в этой области является статья Романа Якобсона «Les enclitiques slaves» (Якобсон 1935), представляющая собой его выступление на съезде лингвистов в 1933 г. В ней содержится целый ряд положений, опередивших свое время, которые, увы, не привлекли к себе должного внимания русистов и не получили развития в их работах.

---

[1] В частности, никакого специального раздела, посвященного проблеме энклитик, не обнаруживается в таких общих курсах, как Соболевский 1907, Шахматов 1915, Дурново 1924, Якубинский 1953, Борковский, Кузнецов 1963, Горшкова, Хабургаев 1981.

Следует учитывать, однако, что история русских энклитик рассматривалась в статье Якобсона не сама по себе, а лишь как часть истории энклитик во всем славянском мире. Конкретного древнерусского материала Якобсон не приводит и не разбирает. Сбор и детальный анализ такого материала лингвистам еще оставалось произвести.

В настоящей книге мы как раз и пытаемся решить эту задачу.

При этом чрезвычайно важно то, что за время, отделяющее нас от статьи Якобсона, доступный лингвистам древнерусский материал стал принципиально гораздо богаче — в силу открытия таких бесценных новых документов, близких к живой древнерусской речи, как берестяные грамоты. Тем самым тезисы Якобсона подверглись необычайно серьезной проверке. И мы можем, забегая вперед, сказать, что они не только не пострадали от этой проверки, а напротив, получили на новооткрытом материале яркое подтверждение.

В настоящее время мы можем с полной уверенностью утверждать, что в древнерусском языке положение было совсем иным, чем в современном: существовал чрезвычайно четкий механизм функционирования энклитик, и его роль в построении фразы была весьма значительной. Во многих случаях только знание этого механизма позволяет правильно интерпретировать древнерусскую фразу, и можно указать немало ошибок интерпретаторов и переводчиков, возникших из-за незнания закономерностей употребления энклитик.

Механизм функционирования энклитик решительно противоречит поверхностному тезису о том, что на протяжении всей истории русского языка «порядок слов был свободным» (в силу которого проблема порядка слов могла вообще не рассматриваться в исторических курсах).

С точки зрения общего языкознания, процесс исторической эволюции системы энклитик, приведший к ее полной перестройке, представляет собой чрезвычайно важный пример эволюции, позволяющий с большой наглядностью и хорошей степенью документированности проследить ход крупного системного изменения в языке.

По всем этим причинам функционирование и историческая эволюция восточнославянских энклитик заслуживают подробного изучения.

Ранним, предельно сжатым вариантом изложения основных положений настоящей книги является одна из частей работы Зализняк 1993 (а именно, раздел «Место энклитик в предложении и их порядок» = § 62–75, с. 280–298). В настоящей книге исследован намного более широкий круг источников, ряд проблем разработан гораздо полнее, но принципы исследования, основные идеи общего порядка и важнейшие выводы не претерпели с тех пор существенных изменений. Во введении использован ряд положений, содержащихся в книге Зализняк 1985.

Основная задача настоящей книги ограничена древнерусским языком. В отдельных случаях привлекается также материал старославянских источников, но на полный анализ системы старославянских энклитик мы не претендуем. Выявленная в настоящей книге система древнерусских энклитик может быть сопоставлена с соответствующими системами, с одной стороны, других древних индоевропейских языков, с другой — живых южно- и западнославянских

языков. Но в рамках настоящей работы ни одна из этих дополнительных задач, требующих отдельного большого труда, не ставилась.

Приношу глубокую благодарность М. Н. Толстой за ценные замечания и за неоценимую помощь во всех технических аспектах подготовки книги и А. А. Пичхадзе и В. М. Живову за предоставление мне электронных версий ряда важных древнерусских памятников.

ВВЕДЕНИЕ

Основные черты древнерусской просодической системы

§ 0.1. Необходимо прежде всего ввести основные термины, которыми нам предстоит оперировать в последующем изложении.

Основные черты древнерусской просодической системы таковы.

В потоке речи всякое предложение с просодической точки зрения распадается на так наз. т а к т о в ы е г р у п п ы. Тактовая группа представляет собой отдельную словоформу или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении (подробнее см. ниже, § 0.3).

Все словоформы делятся на а к ц е н т н о с а м о с т о я т е л ь н ы е, способные хотя бы в некоторых случаях сами по себе составить отдельную тактовую группу, и к л и т и к и (не обладающие этим свойством, то есть объединяющиеся в одну тактовую группу с предшествующей или последующей словоформой).

Заметим, что клитики иногда определяют просто как словоформы, не имеющие ударения. Такое определение допустимо только в качестве первого, довольно грубого приближения. В славянских языках (как, впрочем, и во многих других) клитики в действительности вполне могут оказаться носителями ударения. Существенно лишь то, что для этого нужны некоторые специальные условия (которые будут ясны из последующего изложения); в немаркированном случае, то есть при отсутствии этих специальных условий, клитики действительно безударны.

Акцентно самостоятельные словоформы могут быть также названы п о л н о у д а р н ы м и (строго говоря, внутренняя форма данного термина соответствует, как будет видно ниже, лишь относительно позднему состоянию системы; но мы позволим себе употреблять его просто как синоним для более длинного «акцентно самостоятельные»).

В раннедревнерусском основное просодическое противопоставление на уровне слогов таково: фонологически ударный слог – фонологически безударный слог. Важнейшая особенность рассматриваемой просодической системы состоит в том, что существуют акцентно самостоятельные словоформы, у которых все слоги фонологически безударны. Такие словоформы называются э н к л и н о м е н а м и. Им противопоставлены акцентно самостоятельные словоформы, содержащие фонологически ударный слог; они называются о р т о т о н и ч е с к и м и.[2] Данное противопоставление действительно также для тактовых групп: они могут быть энклиноменными или ортотоническими.

[2] Здесь необходимо отметить, что в ряде работ, в частности, у Г. Гуннарссона и в части случаев также у Р. Якобсона, термин «ортотонический» используется в более широком смысле, а именно, как синоним для «акцентно самостоятельный».

Ниже в тех немногих случаях, когда нам потребуется отмечать ударение в древнерусских словоформах (не в составе цитат из памятников), мы будем обозначать фонологическое ударение знаком ̍ над ударной гласной, а принадлежность словоформы или тактовой группы к числу энклиноменов — знаком ¯ перед словоформой (тактовой группой); например: *мъно̍го*, *рабо̍та*, *жена̍*; *¯слово*, *¯на слово*, *¯были*, *¯не были.*

Данное противопоставление реально для раннедревнерусского, т. е. для домонгольской эпохи. Позднée (к сожалению, пока еще не удается с точностью определить, когда именно) его собственно фонетическая основа постепенно утрачивается. Противопоставление ортотонических словоформ и энклиноменов приобретает с синхронической точки зрения новое содержание, а именно: ортотонические словоформы имеют постоянное (не подверженное ни утрате, ни сдвигам) ударение на определенном слоге (*мно́го*, *рабо́та*, *жена́*, *жену́*), а энклиномены в изолированной позиции имеют ударение на первом слоге (*сло́во*, *го́лову*, *бы́ли*, *про́далъ*), а в составе более крупной тактовой группы с проклитиками и/или энклитиками самостоятельного ударения не имеют — ударение принадлежит тем или иным клитикам (*на́ слово*, *за́ голову*, *не́ были*, *не́ продалъ*, *продалъ сѧ́*, *не продалъ сѧ́*).

Проклитики и энклитики

§ 0.2. Часть клитик (так наз. п р о к л и т и к и) в потоке речи входит в одну тактовую группу с последующей словоформой, другая часть (так наз. э н к л и т и к и) — с предшествующей словоформой.

Соответственно, проклитика не может стоять в конце фразы, а энклитика не может стоять в ее начале.

Проклитики — это основная часть союзов и предлогов и некоторые из частиц.

Из союзов к числу проклитик в древнерусском языке относятся: *и*, *а*, *нъ*, *то*, *та*, *ти*, *ци*, *чи* и *ꙗко* (в качестве изъяснительного союза); см. также ниже о слове *да*. Из предлогов: *без*, *въ*, *въз*, *за*, *из*, *къ*, *на*, *передъ*, *по*, *при*, *про*, *о*, *об*, *отъ*, *съ*, *у*, *чересъ*. Эти союзы и предлоги ниже могут быть также названы п е р в о о б р а з н ы м и.[3]

Из частиц проклитиками являются *не*, *ни*, *и* (усилительное) и *се* (в значении ‛вот’).

Так, слово *да* (союз и частица, входящая в состав оборота типа *да будеть*) в позиции после проклитики является энклитикой, во всех прочих позициях — проклитикой (подробнее см. § 1.14).

Частица *ли* — энклитика; но существовал также и полноударный союз *ли* (см. § 1.5).

[3] Казалось бы, достаточно назвать эти союзы и предлоги просто проклитическими. Но, как будет видно ниже, в определенных случаях свойства проклитик могут приобретать и другие союзы. Поэтому во избежание недоразумений мы обозначаем союзы основной группы не по просодическому признаку, а иначе.

Частица *бо* — энклитика; но в живых говорах Юго-Западной Руси *бо* могло выступать также как союз, и в данном качестве это проклитика (см. § 1.6).

Союз *нъ* — проклитика; но существовала также и частица *нъ* (довольно редкая) — энклитика (см. § 1.13).

Союз *то* 'тогда, в таком случае, то' — проклитика; но местоимение *то* 'это, то' — энклиномен, а частица *то* (например, в *оже то*, *коли то* и т. п.) — энклитика.

Частица *се* 'вот' — проклитика; но местоимение *се* 'это' — энклиномен.

Изъяснительный союз *ꙗко* 'что' (вводящий косвенную, а также и прямую речь) — проклитика; но тот же союз в других значениях ('как, как бы', 'потому что' и др.), равно как союзное слово *ꙗко* 'каким способом, как' — энклиномен.

Отметим также группу омонимов, включающую единицы неодинакового происхождения:

союз *ти* 'и, то, так что' — проклитика; но частица *ти* 'ведь, же' и местоимение *ти* 'тебе' — энклитики (см. § 1.7 и 1.9), а местоимение *ти* 'те, они' — энклиномен.

Помимо собственно проклитик, как проклитики в определенных случаях могут себя вести также некоторые акцентно самостоятельные словоформы из числа местоименных словоформ и непервообразных союзов, а именно, они могут утрачивать самостоятельное ударение и примыкать в акцентном отношении к следующему слову. Это явление мы будем называть в т о р и ч н о й п р о к л и з о й, а словоформы, которые его допускают, — п о л у п р о к л и т и к а м и.[4]

Примеры полупроклитик: *ꙗзъ*, *ꙗ*, *ты*, *мы*, *къто*, *чьто*, *аже*, *ать*, *или*, *оже.*

В настоящей работе вторичная проклиза отмечается знаком °; например, запись *ты° далъ еси* означает, что в данной фразе словоформа *ты* (в нормальном случае акцентно самостоятельная) ведет себя как проклитика. Подробнее о вторичной проклизе и полупроклитиках см. § 1.38.

Энклитики — это большинство частиц, ряд местоименных словоформ (*ми*, *ти*, *си*, *мѧ*, *тѧ*, *сѧ* и др.) и связки (*есмь*, *еси* и т. д.); их перечисление и описание содержатся в §§ 1.4–17.

В поведении энклитик следует различать два аспекта — фонетический и синтаксический. Разумеется, определяющими для энклитик являются их фонетические свойства: само понятие энклитики основано на них. Однако для энклитик характерно также и весьма специфическое синтаксическое поведение, а именно, их место во фразе определяется жесткими закономерностями (которые будут подробно рассматриваться ниже).

Поэтому опознать энклитику в принципе возможно и в том случае, когда фонетическая сторона текста нам недоступна, например, когда перед нами письменный памятник древнего языка, не имеющий знаков ударения.

Может оказаться, что комплекс фонетических характеристик энклитик и комплекс их синтаксических характеристик выделяет не в точности одну и ту же совокупность единиц. Так, на возможность некоторого расхождения между этими двумя комплексами указано в работе Толстая 2000, где анализируются энклитики в одном из закарпатских украинских говоров. Соответственно, мы

[4] Мы используем здесь терминологический опыт А. Вайяна, который называет слова, обнаруживающие в части случаев свойства энклитик, полуэнклитиками.

должны в принципе различать собственно энклитики (выделяемые по просодическим признакам) и «синтаксические энклитики», т. е. единицы, обладающие синтаксическими свойствами, характерными для собственно энклитик, но необязательно обладающими всем комплексом соответствующих фонетических черт.

При изучении древнерусского языка сведения о фонетическом поведении энклитик может дать в сущности лишь один памятник — Чудовский Новый Завет XIV века, текст которого снабжен знаками ударения (см. об этом подробнее § 0.4). Из всех прочих древнерусских памятников мы можем извлечь при изучении энклитик только сведения об их синтаксическом поведении. Это значит, что практически все излагаемые в настоящей книге наблюдения, строго говоря, относятся к тому, что можно назвать «синтаксическими энклитиками».

Необходимо указать также следующее свойство клитик. Проклитика может непосредственно соединяться с энклитикой, без участия акцентно самостоятельного слова, например: *да же*, *не бо*. Такое соединение (которое может состоять и из нескольких проклитик, за которыми следует несколько энклитик, например, *и не ли ми*) называется проклитико-энклитическим комплексом (иначе проклитико-энклитической группой).

В отличие от энклитик, проклитико-энклитический комплекс может стоять в начале фразы. Подробнее о таких комплексах см. § 1.39–41.

Тактовая группа (фонетическое слово)

§ 0.3. Как уже указано, тактовая группа — это отдельная словоформа или несколько словоформ, объединенных в просодическом отношении. Объединение выражается в том, что тактовая группа получает с просодической точки зрения такое же строение, как у единой словоформы — ортотонической или энклиноменной. В первом случае тактовая группа получает единое фонологическое ударение — одно на всю группу. Например, тактовая группа *оди̍нъ на десѧте* имеет только одно ударение — на слоге *ди*; и то же верно и для более длинной тактовой группы *не на оди̍нъ на десѧте ли* (как и в современных наследниках этих древнерусских групп — *оди́ннадцать*, *не на оди́ннадцать ли*). Во втором случае тактовая группа целиком фонологически безударна, т. е. эквивалентна единому энклиномену, например: *¯дъвѣ сътѣ*, *¯на три дьни.*

Ввиду просодического сходства тактовой группы со словоформой в некоторых работах в том же значении, что «тактовая группа», употребляется термин «фонетическое слово».

Мы будем пользоваться в настоящей работе обоими этими синонимичными терминами. Дело в том, что хотя более обычно наименование «тактовая группа», нам ниже иногда придется иметь дело с формулировками, где должны фигурировать одновременно тактовые группы и актантные группы (о которых см. ниже), а это затруднительно для восприятия. Поэтому для облегчения громоздких формулировок мы предпочитаем в таких случаях использовать второе наименование — «фонетическое слово».

Различается несколько типов тактовых групп: 1) самый простой и самый частый тип — группа из одной акцентно самостоятельной словоформы, с проклитиками и/или энклитиками или без них, например, *мъного*, *мъного бо*, *слово*, *на слово*, *не на слово ли*, *продали*, *нъ не продали же*, *оже*, *оже ли*; 2) то же с двумя акцентно самостоятельными словоформами, например, *сего дьне*, *не сего дьне*, *съпаси Богъ*; 3) группа, состоящая только из одной или нескольких проклитик в соединении с одной или несколькими энклитиками, например, *не бо*, *а ци ли*, *и ли* (= *или*), *не же ли* (= *нежели*); это не что иное, как проклитико-энклитическая группа (проклитико-энклитический комплекс).

Имеющиеся данные позволяют представить формирование древнерусских тактовых групп следующим образом:

1) В медленной, раздельной речи тактовые группы формируются так: всякая проклитика объединяется в одну тактовую группу с последующей словоформой, всякая энклитика — с предшествующей; никаких иных объединений соседних словоформ не происходит.

2) В обычной (и, тем более, ускоренной) речи могут объединяться в одну тактовую группу две[5] соседних тактовых группы медленной речи, если они тесно связаны по смыслу. Особенно характерно такое объединение для синтагм с местоимениями и числительными и для синтагм из прилагательного и определяемого существительного. Примеры: *вы вѣсте̍*, *¯въ тѣ поры*, *¯дъва дьни*, *¯на три дьни*, *сего̍ дьне*, *¯дъвѣ сътѣ*, *пѧть десѧ̍тъ*, *оди̍нъ на десѧте*, *въ бѣлѣ̍ городѣ*, *съпаси̍ Богъ*, *си̍ рѣчь* (ср. в современном языке *сего́дня*, *две́сти*, *пятьдеся́т*, *оди́ннадцать*, *спаси́бо*, *си́речь*). Но точные правила о том, когда происходило и когда не происходило такое объединение, неизвестны. По-видимому, в широком диапазоне случаев такое объединение было факультативным и зависело непосредственно от темпа речи.

Такое объединение, однако, как правило не происходит, если обе соседние тактовые группы — ортотонические. Исключения редки; таковы, например, *се̍и ча̍съ*, *се̍мь десѧ̍тъ*, *о̍смь десѧ̍тъ*, которые ныне дали *сейча́съ*, *се́мьдесят*, *во́семьдесят*. Можно предполагать, что объединения этого рода реализуются лишь в относительно позднее время, а первоначально были невозможны.

Ниже соединение двух или нескольких тактовых групп в одну может быть также названо просодическим объединением.

Акцентуация тактовых групп

§ 0.4. Как установлено в первую очередь работами В. А. Дыбо, акцентуация тактовых групп в древнерусском языке (как и в праславянском) подчинялась жестким закономерностям.

Основные принципы здесь таковы:

1. Если в составе тактовой группы имеется ортотоническая словоформа (и притом ровно одна), она сохраняет свое ударение, а все прочие члены тактовой группы, если таковые имеются, безударны. Примеры: *а не мъно̍го ли*; *то и не родила̍ бы сѧ*; *нъ не сего̍ дьне*.

[5] Вероятно, иногда и более двух.

2. Если в составе тактовой группы нет ортотонических словоформ, то:

а) если нет также и энклитик, тактовая группа представляет собой энклиномен; примеры: *¯началъ*, *¯не началъ*, *¯и не началъ*, *¯родилъ*, *¯на голову*, *¯три дьни*, *¯на три дьни*.

б) если энклитики есть, тактовая группа несет фонологическое ударение на первой из энклитик; примеры: *родилъ сѧ̍*; *да и не началъ сѧ̍*; *не тако же̍*; *чьто же̍ мѧ* [*зовете̍*]; частный случай здесь составляют проклитико-энклитические группы, например: *не бо̍*, *ни же̍*.

Что касается тех единичных тактовых групп, которые содержат более одной словоформы с фонологическим ударением (см. выше), то на этот случай общего правила нет. Как уже отмечено, первоначально таких тактовых групп, вероятно, просто не было.

Имеются также некоторые более частные правила, которые в отдельных ограниченных зонах несколько модифицируют действие этих основных принципов; например, в силу одного из таких правил вместо ожидаемого ударения типа *родило сѧ̍*, *родили сѧ̍* реально выступает ударение типа *родило̍ сѧ*, *родили̍ сѧ*. Но здесь нам нет необходимости рассматривать такие правила.

К сожалению, практически единственный древнерусский памятник, из которого можно непосредственно извлечь информацию об акцентуации энклитик, — это Чудовский Новый Завет XIV века. Эта информация проанализирована в классической работе Дыбо 1975. Приводим в качестве развернутой иллюстрации к приведенным принципам некоторые примеры из этого памятника (взятые частью из указанной работы, частью непосредственно из текста памятника; для многократно встречающихся примеров даем только одну отсылку).

К пункту 1: *поле́зно бо ти* 4г; *отъ наро́да же* 72г; *до зако́на бо* 101в; *не по мно́зѣ же* 78г; *ни болѣ́зни же* (Р. ед.) 158а (и т. п., очень много).

К пункту 2а: *і́ бѣси* 32в; *по́ взрастоу* 88в; *и́ волк* (И. ед.) 46г; *ни́ на древо* 151г; *и́ звѣри* (В. мн.) 66а; *н҃бо и́ землю* 61а; *о́ имени* 47а; *и́ крови* (Р. ед.) 69б; *на́ лесть* (В. ед.) 92а; *бе́з лѣности* 128г; *при́ мори* 65а; *бе́з моужа* 110г; *ни́ мѣха* 32в; *по́ нагу* 24б; *ро́уцѣ и́ нозѣ* (В. дв.) 41а; *на́ площадї* (В. мн.) 32в; *в вре́тищи і́ попелѣ* 32в; *на́ поустѣ мѣстѣ* 31г (об отсутствии знака ударения в словоформе *мѣстѣ* см. примечание ниже); *ни́ свободь* 123б; *ни́ слово*^{м} 134г; *по́ страху* 142г; *и́ трепето*^{м} 128в; *не́ тѧжко* 132а; *въ́ оуши* 82г; *бе́зо чти* 19а; *не́ ѩвѣ* 45а;

і́ ты 46в; *і́ мы* 44г; *да́ мы* 122в; *и́ вы* 45б; *но́ се* 76в; *да́ кто* 22б; *не́ тако* 126б;

і́ вложю 52а; *не́ погоу|блю* 44в; *паки не́ пощажю* 121б; *но́ чту* 46а; *и́ оуча* 132а; *и́ мстилъ* 157а.

К пункту 2б: *не Бъ҃ лѝ* 81в; *градо́ сь* (‛этот город’, В. ед.) 75б; *гр*^{а}|*жане жѐ* 37в; *даръ жѐ* 101в; *не двѣ лѝ птѝцѣ* 7а; *дроу*^{г} *бѝ к дроу*^{гȣ} 21а; *жестко тѝ* 78а; *живо бо́ | слово* 144а; *кнѧзи бо̀* 105г; *корень бо̀* 138а; *лѣпо | лѝ есть* 112г; *миръ тѝ* (‛тебе’) 91г; *моужи жѐ и жены̀* 63в; *нощи жѐ* (‛ночью’) 39а; *не оба лѝ* 29г; *остро|въ жѐ* 78г; *не плотѧни ли́ ѥсте* 109а; *на родо́ сь* (‛на этот род’) 13б; *слово бо̀* 104а; *страха же́ ихъ* 85а; *тръсти лѝ* (Р. ед.) 7б; *тѣло жѐ* (В. ед.) 146б;

аз жѐ 102в; *аз бо̀* 74а; *ты лѝ* 40г; *мы бо́* 123г; *вы жѐ* 66а; *вы мѧ̀* 121а; *не ти лѝ* (‛не они ли’) 81в; *се жѐ* 11г; *се бо́* 29в; *кто бо̀* 133а; *і кто тѝ* 22в; *что же́*

мѧ зоветѐ 29г; *что тѝ сѧ мнѣ*ᵀ 10б; *что вы̀ рѐкоу* 113а; *и сами тѧ̀* 35б; *тако бо̀* 4в; *како жѐ* 104в; *ꙗко жѐ* 93а;

аще жѐ 103а; *аще лѝ* 111б; *аще бо̀* 101а; *аще бы̀* 123а;

постыжюсѧ̀ 128а; *сдержю жѐ сѧ* 128б; *створю тѝ* 22а; *і створю ва̀* 16г; *щажю жѐ сѧ* 120г; *боꙗсѧ̀* 132а; *постѧсѧ̀* 65в;

проклитико-энклитические группы — *і бо̀* 15б, *не жѐ* 32в, *не лѝ* 39б, *а не лѝ* 18б, *і не лѝ* 19а, *не бо̀* 6в, *ни жѐ* 8б, *ни лѝ* 36г, *не бы̀* 23б, *а не бы̀* 146б, *да жѐ* 93а, *да бы́* 46а, *да мѝ* 19б, *да сѧ̀* 59г, *и да̀* 151б, *не да́* 44в, *но да̀* 24б.

Примечание. Используя показания древнерусских акцентуированных памятников, необходимо все же учитывать, что во всех таких памятниках, не исключая и Чудовского Нового Завета, некоторая часть реально имеющихся ударений остается необозначенной. Например, в записи *на́ поустѣ мѣстѣ* 31г в словоформе *мѣстѣ* просто не обозначено фонологическое ударение, которое стоит здесь на первом слоге. Понятно, что из-за этого единичный пример, где та или иная словоформа не имеет знака ударения, еще не может служить окончательным просодическим свидетельством — необходим анализ всей совокупности имеющихся показаний, чтобы с достоверностью установить реальную безударность этой словоформы.

Следует, впрочем, указать, что даже и такой уникальный и бесценный источник сведений о древнерусском ударении, как Чудовский Новый Завет, отражает картину, все-таки не вполне совпадающую с первоначальной. В некоторых второстепенных точках системы здесь уже представлены отклонения от исходного состояния (обычно, правда, лишь в форме колебаний). Например, мы уже не находим здесь переноса ударения влево на союз *а* (ср. *а не́ мирови* 49б, *а не́ в ветсѣ писме́ни* 102в и т. п.), лишь крайне редко встречается перенос ударения на союз *но*, при наличии двух энклитик ударение иногда падает на вторую, а не на первую (например, *азъ же вы̀ ща́жю* 111а, *ꙗко же бо̀* 113б, *аще же бы̀* 145а), и др.

Но в настоящей книге нам почти не придется заниматься акцентологией: во-первых, подавляющая часть нашего материала состоит из неакцентуированных рукописей; во-вторых, даже в тех немногих, которые имеют акцентные знаки (за исключением Чудовского Нового Завета), способ расстановки этих знаков таков, что он не дает возможности надежно установить, какие клитики были реально безударными и какие несли ударение.

Клауза

§ 0.5. Капитальное значение для изучения энклитик имеет правильное выделение того отрезка речевой цепи, в рамках которого действуют правила о порядке расположения энклитик. Таким отрезком оказывается синтаксическая единица, для которой в русской лингвистике нет традиционного общепринятого термина[6] и за которой ныне все более закрепляется термин «клауза», идущий из англоязычной традиции (англ. clause). В книге Тестелец 2001 (с. 256)

[6] Встречаются наименования: предикация, предикативная группа, элементарное предложение, первичное предложение. Все они по тем или иным причинам недостаточно удобны для широкого практического применения.

дается такое определение: «Клаузой называется любая группа, в том числе и не предикативная, вершиной которой является глагол, а при отсутствии полнозначного глагола — связка или грамматический элемент, играющий роль связки».

Это определение в целом пригодно для решения основной задачи настоящей работы. Лишь для некоторых частных случаев нам потребуется его несколько модифицировать или уточнить. Соответственно, ниже мы поясняем более конкретно, какие единицы расцениваются в настоящей работе как клаузы.

1. Самым обычным видом клаузы является простое предложение — выступающее самостоятельно или в качестве члена сложного предложения. Отметим, что в последнем случае союз, если он имеется, рассматривается как часть того предложения, перед которым он стоит. Например, в предложении: *како приде сѧ грамота*, *тако пришли ми цоловѣкъ на жерепцѣ*, *зане ми здѣсе дѣлъ много*[7] — каждая из трех частей, разделенных в этой записи запятыми, представляет собой отдельную клаузу.

Примечание 1. Тем самым с практической точки зрения основное различие между клаузой и фразой состоит в том, что сложное предложение — это одна фраза, но две или более клаузы. Но при рассмотрении многих вопросов это различие несущественно и находится вне фокуса внимания. В таких случаях мы позволяем себе говорить не о клаузах, а просто о фразах, чтобы без особой необходимости не отвлекать лишний раз внимание читателя нетрадиционным термином.

Здесь полезно отметить, что в древнерусском языке чаще, чем в современном, в функции сказуемого выступает инфинитив (обычно со значением долженствования, например, *взѧти ми у Ивана рубль*).

Особый тип клауз составляют конструкции с подчиненным инфинитивом, например, *хочю сѧ бити*. Здесь две глагольные словоформы, каждая из которых в принципе способна составить отдельную клаузу. Но с точки зрения размещения энклитик такие конструкции обычно ведут себя как единые клаузы, и именно так мы и рассматриваем их ниже.

Прочие виды клауз носят более специальный характер.

2. Как особый вид клаузы мы рассматриваем сложное предложение (самостоятельное или входящее в состав еще более крупного комплекса), где придаточное вклинено внутрь главного.[8] Такие клаузы можно назвать «двухъярусными». Например, в предложении: *а что есмь придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую, а то есмъ далъ кнѧгини своеи* — три клаузы: 1) *а что есмъ придобылъ золота, что ми далъ Богъ, и коробочку золотую* (двухъярусная клауза); 2) *что ми далъ Богъ*; 3) *а то есмь далъ кнѧгини своеи.*

[7] Во введении и в первой главе примеры могут быть искусственными. И даже там, где использована реальная фраза из древнего памятника (как, например, в данном случае, когда взята фраза из берестяной грамоты № 43), она может быть подвергнута нормализации и упрощению и ссылка на источник может не даваться.

[8] В соответствии с определением, предложенным в Тестелец 2001, клаузой является любое сложное предложение. Но с точки зрения основной задачи нашей работы столь широкое понимание термина «клауза» было бы неудобным, и мы им не пользуемся.

3. Отдельную клаузу составляет (вместе с подчиненными словами и вводящим союзом, если таковой имеется) второе (третье и т. д.) сказуемое в ряду однородных сказуемых. Например, во фразе *Ѩрополкъ же постоꙗ нѣколко днии оу Чернигова и възвратисѧ в Киевъ и распусти воѣ* — три клаузы. При этом общая начальная часть фразы, относящаяся по смыслу сразу ко всем однородным сказуемым (в данном примере — *Ѩрополкъ же*), с просодической точки зрения входит в ближайшую к нему (т. е. в первую по порядку) клаузу.

Все то же верно и для однородных именных сказуемых. Например, во фразе *старъ есмь и боленъ* часть *и боленъ* — это отдельная клауза.[9]

Добавим к этому, что отдельную клаузу составляет также второй (третий и т. д.) инфинитив в ряду однородных инфинитивов. Например, во фразе *не могоу ити изъ ѡтчины своєѣ и со братьѥю своєю розоитисѧ* часть *и со братьѥю своєю розоитисѧ* — это отдельная клауза.

4. Отдельную клаузу составляет группа, вершиной которой является деепричастие.[10] Например, во фразе: *добывъ серебра, присли же* — две клаузы; во фразе *зане ѡнъ, мнии боуда, не покорить ми сѧ* 'потому что он, будучи младшим, мне не покоряется' клаузой является, помимо фразы в целом, также *мнии боуда.*

Поясним, что деепричастиями мы называем здесь и ниже то, что в грамматиках древнерусского языка традиционно квалифицируется как действительные причастия в нечленной форме И. падежа, например, *водѧ*, *водѧчи*, *водѧче*, *възьмѧ*, *избивъ*, *присълавъши* и т. п. С нашей точки зрения, в живом древнерусском языке они должны расцениваться как несклоняемые причастия или, что то же, как согласуемые деепричастия (см. ДНД$_2$, с. 134). Ввиду того, что они в ходе истории превращаются (путем потери согласования) в полноценные деепричастия и что этот процесс начинается уже в древнерусский период, мы считаем допустимым и уместным именовать их именно деепричастиями.

Таким образом, традиционный класс причастий мы подразделяем на деепричастия и собственно причастия. К последним относятся все причастия в членной форме и/или в косвенном падеже, а также все вообще страдательные причастия.

Примечание 2. Следует учитывать, что одиночное деепричастие часто имеет тенденцию превращаться в простое наречие (ср. в современном языке, например, *лежа*, *сидя*, *стоя*, *походя*, *нехотя*, *не евши* и т. п.). Это явление отмечается и в древнерусском; ср., например: *ꙗко не вѣдаꙗ* ('по неведению') *ѥсмь коупилъ* (ПР, ст. 119). В таких случаях деепричастие не составляет отдельной клаузы.

Примечание 3. Необходимо особо оговорить способ членения древнерусских фраз с общим подлежащим у личной формы и деепричастия, поскольку он не всегда

---

[9] В исключительных случаях отдельные клаузы образуются на основе не однородных сказуемых, а других однородных членов. Пример: клауза *ни на ср^д^ци ми того не было* во фразе *брате и ѿце, ако ни в оумѣ своемъ, ни на ср^д^ци ми того не было* [1149], 136.

[10] В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, встречается объединение деепричастия в единую клаузу с основным сказуемым. Пример: *н(е) мози сѧ лицѧ оустыдѣвъ лъжи послоухъ быти* (Изб. 1076, л. 31 [с. 211 издания]); здесь невозможно вычленить клаузу деепричастия — просодическое единство отрезка *н(е) мози сѧ лицѧ оустыдѣвъ* такое же тесное, как в *хочю сѧ бити.*

совпадает с современным. Мы будем исходить в этих случаях из такого членения на клаузы, как в следующих образцах (| – граница между клаузами): *поклонивъсѧ Мьстиславъ* | *рече*; *Мьстиславъ* | *поклонивъсѧ* | *рече* (и, разумеется, такое же членение в случае, если перед *рече* имеется еще союз *и*).

5. Отдельную клаузу составляют различные синтаксические эквиваленты придаточного предложения. Помимо уже отмеченных выше оборотов с деепричастиями, сюда относятся: оборот dativus absolutus; оборот с обособленным причастием (как, например, *печалью одержимь* во фразе *печалью одержимь, плакашесѧ плачемь великомъ*).[11]

Особо отметим, что в древнерусском языке отдельной клаузой иногда оказывается то, что теперь нам представляется просто союзом: *пакы ли*, *или*, *али*. Это видно в тех случаях, когда следующая клауза вводится своим собственным союзом (*а*, *да*), например: *или, а зовите Ѳомоу сѣмо* 'если же не так, то зовите Фому сюда'; *пакы ли, а рать зачнеши с нимь* 'если же нет, то будешь с ним воевать' (подробнее см. § 1.21).

Следует, однако, признать, что предложенные выше уточнения все же не могут покрыть всех сложных случаев выделения клауз, — чтобы оговорить все такие случаи, нужно было бы сперва построить весь синтаксис. Поэтому смиримся с тем, что какие-то редкие случаи здесь не предусмотрены, и удовлетворимся тем, что на общие выводы эти единичные случаи практически не влияют.

Актантная группа

§ 0.6. В дальнейшем нам потребуется также понятие актантной группы. Условимся понимать под актантной группой каждое из непосредственно подчиненных сказуемому слов вместе со всем, что подчинено самому этому слову. (Подчиненным сказуемому, как и принято в современных работах по синтаксису, считается также подлежащее.)

Такая терминология соотносится с понятием актанта в широком смысле, включающим как актанты в узком смысле (обязательные участники ситуации), так и так называемые сирконстанты. Для наших целей разграничение актантов (в узком смысле) и сирконстантов нигде не требуется (а педантически точная формула «актантная или сирконстантная группа», разумеется, была бы недопустимо громоздкой).

Примечание 1. Поскольку в настоящей книге широко используется как понятие актантной группы, так и понятие тактовой группы, полезно напомнить, во избежание их смешения, что тактовая группа — единица фонетического членения текста (содержащая в нормальном случае только одно знаменательное слово), а актантная группа — единица синтаксического членения текста (которая может содержать как одно, так и несколько знаменательных слов).

---

[11] В редчайших случаях, оговариваемых при разборе особо, причастия образуют самостоятельные клаузы и за рамками названных случаев; такова, например, клауза *тако сѧ исполнивъша сребролюбиимь* во фразе *видѧ ѥго сотона тако сѧ исполнивъша сребролюбиимь веселѧшесѧ* (ЖАЮ, 31б).

Условимся в нашем разборе входящие в состав актантных групп энклитики не учитывать (поскольку мы не должны считать их место заранее известным — наша задача состоит как раз в том, чтобы научиться предсказывать это место, исходя из остальных элементов фразы). Соответственно, если актантная группа просто состоит из энклитики (скажем, *ми*), то при разборе (или подсчете) актантных групп фразы она вообще из нашего рассмотрения исключается.

Например, во фразе *а ты сѧ еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ* мы выделяем следующие актантные группы: 1) *а ты*; 2) *еще*; 3) *с людми*; 4) *Киевѣ*. Во фразе *и в Роускои землѣ части просилъ еси оу мене* — актантные группы: 1) *и в Роускои землѣ части*; 2) *оу мене*. Во фразе *сего ти мира зде не оулюбить братъ мои Рюрикъ* — актантные группы: 1) *сего мира*; 2) *зде*; 3) *братъ мои Рюрикъ* (обратить внимание на то, что энклитика *ти* здесь стоит внутри актантной группы *сего мира*).

Специально отметим, что группа, состоящая из однородных членов (но не именных частей сказуемого и не *л*-причастий), считается единой актантной группой. Например, во фразе *ѿчиноу нашю и хлѣбъ нашь взѧлъ еси* выделяется актантная группа *ѿчиноу нашю и хлѣбъ нашь*.

В особом положении находятся слова (или словосочетания), не входящие в структуру предложения (обращение, междометие, вводное слово), а также вклиненное придаточное предложение или деепричастный оборот. Мы будем называть их и н о р о д н ы м и г р у п п а м и.

Не являются актантными группами также вводящие клаузу союзы.

Таким образом, клауза в нормальном случае может быть разделена на а) сказуемое; б) актантные и инородные группы; в) вводящий клаузу союз.

Особый случай составляет актантная группа, разорванная другой группой, вклиненной в нее. Например, во фразе: *сии же тако пламень тъ ꙗвлѧше сѧ томоу* 'сие же пламя так являлось ему' (Феод. 56а) актантная группа *сии пламень тъ* разорвана актантной группой *тако*.

Возможна также ситуация, когда внутрь актантной группы вклинено сказуемое (одно или вместе с чем-то еще), как, например, внутрь группы *другую польтину* во фразе *другую даю полтину* или *другую далъ ѥсмь Дмитру череньцю польтину*. Мы будем обозначать такую ситуацию как «о х в а т с к а з у е м о г о».

При охвате сказуемого для всех излагаемых ниже правил и классификаций существенна только левая часть разорванной таким образом актантной группы. Она приравнивается к целой актантной группе, а правая часть в нашем анализе уже просто не принимается во внимание (например, число членов подсчитывается только в левой части). Так, в приведенном примере для правил об энклитиках существен только отрезок *другую*; соответственно, с точки зрения этих правил мы имеем здесь дело с одночленной (а не двучленной) актантной группой.

Будем называть актантную группу, содержащую только одно фонетическое слово, о д н о ч л е н н о й, или л е г к о й, а содержащую более одного фонетического слова — н е о д н о ч л е н н о й, или т я ж е л о й. (При наличии этих эпитетов слово «актантная» может опускаться.)

§ 0.7. Часть клаузы левее сказуемого, если таковая имеется, мы будем называть ради простоты предглагольной частью (поскольку точное название «предпредикатная часть» неудобно в употреблении).

Примечание 1. Если сказуемое составное (т.е. представляет собой не единую словоформу, а словосочетание), то предглагольной частью считается: при наличии вспомогательного глагола в аористе, имперфекте или *л*-причастии (или в форме *буду*, *будеши* и т.д.) — то, что стоит левее этого вспомогательного глагола; в прочих случаях — то, что стоит левее *л*-причастия смыслового глагола или именной части сказуемого.

В дальнейшем нас в основном будут интересовать клаузы с неначальным положением сказуемого (проклитики не в счет), поскольку при начальном положении сказуемого поведение энклитик тривиально и никаких проблем нет.

Среди клауз с неначальным положением сказуемого мы будем различать:

1. Простые клаузы, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной легкой актантной группы или из одного непервообразного союза. Кроме того, считаются простыми также такие клаузы, где сверх указанных элементов имеется еще одна актантная группа из одиночного местоимения[12] (с предлогом или без) или наречия *къде*, *сьде*, *камо*, *тамо*, *сѣмо*, *како*, *тако*, *уже.*

При подсчете актантных групп в клаузе следует помнить, однако, что в этот счет не входят инородные группы, а также актантные группы, состоящие из одной лишь энклитики.

2. Осложненные клаузы — все остальные.

Осложненные клаузы подразделяются на:

тяжелые, т.е. такие, где предглагольная часть состоит из одной или нескольких тяжелых актантных групп;

многоактантные — все остальные.

Примечание 2. Многоактантные клаузы определяются, таким образом, чисто негативно: не простые и не тяжелые. Понятно, что их позитивное определение было бы несравненно более сложным (основным требованием в нем оказалось бы наличие двух или более актантных групп, из которых хотя бы одна — легкая; потребовались бы также уточнения, связанные с возможным участием непервообразного союза). Основной смысл разделения осложненных клауз на два подкласса можно огрубленно представить так: многоактантные клаузы отличаются от простых количеством актантов, а тяжелые — качеством. Правда, в принципе и многоактантные клаузы могут содержать отдельные тяжелые группы, и тяжелые клаузы могут иметь несколько актантных групп; но и в том, и в другом подклассе эти возможности фактически реализуются редко.

Примеры простых клауз:
сынъ ти сѧ кланѧеть;
моложьшему сѧ не поклоню;
товарьць есмь послале Смольньску;
ꙗ есмь позывалъ тебе Кыевоу сѣдѣти;

---

[12] А именно, любой словоформы личного местоимения или местоимений *къто*, *чьто*, *тъ*, *сь*, *самъ*.

ѡже мѧ оумиришь съ братомь;
кънѧже, ты сѧ на насъ не гнѣваи;
а мы сѧ сами оурѧдимъ;
ꙗ есмь оуже старъ.

Особо отметим клаузы с охватом сказуемого (см. выше), например: *другую далъ ѥсмь Дмитру череньцю польтину*. Данная клауза тоже считается простой, поскольку в силу сформулированного выше соглашения от неодночленной актантной группы *другую польтину* учитывается только левая часть (*другую*).

Примеры осложненных клауз:
тяжелые — *а дроужина моꙗ изнемогласѧ*;
весь день чюду тому дивилисѧ;
неприꙗзнивыи дѣмонъ ѿ змѣева образа на свои ѡбразъ премѣнисѧ;
многоактантные — *того вы братъ мои не велѣлъ*;
ѡнъ же нынѣ ворогъ ми сѧ оучинилъ;
сего ти мира зде не оулюбить братъ мои Рюрикъ;
зане в землѣ нашеи жито не родилосѧ нынѣ;
а ты сѧ еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ.

Мы указали здесь основные принципы данной классификации. По ходу дальнейшего изложения (§ 1.29, 4.3) будут обсуждены также возможности ее детализации и способы ее применения в ряде неочевидных случаев.

Строение книги

§ 0.8. Книга построена следующим образом.

Во введении определяются и обсуждаются основные понятия, используемые в дальнейшем изложении: клитика, проклитика, энклитика, тактовая группа (фонетическое слово), клауза, актантная группа.

В главе 1 рассматривается основное правило расположения энклитик — так называемый закон Вакернагеля, а также правило рангов, определяющее порядок следования энклитик при их контакте друг с другом. Вводится понятие ритмико-синтаксического барьера, рассматриваются различные типы таких барьеров и их роль в размещении энклитик. Вводятся понятия коэффициента препозиции и коэффициента неавтоматической постпозиции энклитик, которые в дальнейшем служат важным инструментом для оценки исторической эволюции энклитик.

В главе 2 обсуждается различие народных (иначе некнижных) и книжных черт в сфере поведения энклитик. В качестве образцов памятников некнижного типа взяты берестяные грамоты и прямая речь в Киевской летописи; дана общая картина поведения энклитик в этих двух источниках. Им противостоят памятники книжного типа, в качестве характерного представителя которых выбрано Житие Феодосия.

В главе 3 рассматривается историческая эволюция энклитических местоимений (кроме *сѧ*). Выявляется динамика смены энклитических местоимений дательного и винительного падежей соответствующими полноударными.

Глава 4 посвящена исторической эволюции энклитики *сѧ*. Исследуется поведение этой энклитики в различных классах клауз и в различных хронологи-

ческих, жанровых и стилистических категориях памятников. В результате в памятниках некнижного типа выявляется картина плавного исторического перехода энклитики *сѧ* от первоначального полного подчинения закону Вакернагеля к статусу морфемы в составе глагольной словоформы. Между тем в книжных памятниках картина оказывается существенно иной: неподчинение закону Вакернагеля здесь наблюдается с древнейшего времени.

Глава 5 посвящена исторической эволюции связок. Выявляется динамика отмирания связок и действие компенсационного механизма, состоящего в употреблении личных местоимений взамен связок.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования.

Способ цитирования и условные знаки

§ 0.9. При цитировании в основном сохраняется графика и орфография подлинника. Допускаются, однако, небольшие упрощения (не оказывающие влияния на основной предмет нашего исследования) — в частности, снятие знаков придыхания над гласными, замена *ъı* на *ы* и *ı* на *i*, снятие титл (или знаков «взмета») над выносными буквами. Там, где это полезно для ясности, могут быть раскрыты (с добавлением опущенных букв в круглых скобках) сокращенные написания.

В цитатах для большей ясности смысла даются современные знаки препинания и заглавные буквы. Из длинных фраз иногда приводится только начальная часть (достаточная для иллюстрации поведения энклитик).

При цитировании по изданию мы как правило сохраняем орфографию издания (исправляя лишь явные ошибки). Но что касается словоделения и пунктуации, то здесь мы принимаем собственные решения, которые могут не совпадать с изданием. В частности, в пунктуации мы стремимся избежать того подспудного синтаксического переосмысления древних фраз в пользу привычного нынешнего восприятия, которое часто происходит при расстановке знаков препинания по современным формальным правилам.

Кавычки для обозначения прямой речи используются только в некоторых особых случаях, когда необходимо помочь читателю отличить прямую речь от авторской.

Сложный вопрос составляет слитное или раздельное написание *сѧ*, стоящего непосредственно после глагола. Лингвистически оправданным здесь является раздельное написание *сѧ* в древнейших памятниках и слитное в более поздних (в т.ч. в поздних списках с древних оригиналов). Практически мы сохраняем раздельное написание *сѧ* только для старославянских памятников, евангелий XI–XII вв. и текстов из Успенского сборника (если специально не оговорено иное).

Сопровождать все цитаты переводами было бы ненужным педантизмом, растягивающим изложение. Перевод (всей цитаты или какой-то ее части) дается там, где, с нашей точки зрения, это поможет понять суть обсуждаемого лингвистического вопроса.

Словоформы или фразы, приводимые как таковые (т.е. не в составе цитат), даются в нормализованной записи (раннедревнерусской или позднедревнерус-

ской — в зависимости от того, о каком периоде идет речь). Отметим, что в составе такой записи ради простоты вместо *ѥ* используется *е*.

Списки примеров не являются исчерпывающими, если прямо не указано иное.

Адреса цитат указываются, как обычно, с помощью сокращенного наименования источника (см. список сокращений) и номера листа рукописи; сокращение «л.» (лист) при этом как правило опускается.

Для двух источников, которые цитируются в настоящей книге чаще всех прочих, — берестяных грамот и прямой речи из Киевской летописи (сокращенно: Киев-Д; подробнее об этом источнике см. § 1.1) — приняты самые краткие обозначения, а именно:

Цифра после цитаты (кроме случая, когда перед цитатой или серией цитат прямо указан источник) — это номер новгородской берестяной грамоты (при грамотах из других городов дается еще символ города; см. список литературы и источников).

Буква «п» при номере показывает, что берестяная грамота относится к категории поздних (см. § 1.1). Эта помета ставится систематически; таким образом, всегда сразу же видно, к какой из двух хронологических групп относится любая берестяная грамота.

При цитировании летописей год летописной записи, если он вообще указывается, дается в квадратных скобках, например, [1185]. При этом при цитировании Киев-Д, в отличие от других летописных источников, указание «Киев-Д» опускается (за исключением некоторых особых случаев).

Таким образом, если указан только год и лист рукописи, а название летописи не указано, то это значит, что цитируется Киев-Д.

§ 0.10. Требует некоторых пояснений способ приведения примеров.

Отметим прежде всего, что само слово *пример*, которое приходится использовать постоянно, к сожалению, в русской лингвистической практике двусмысленно, а именно, оно всегда означает один экземпляр из некоторой категории единиц, но этот экземпляр может рассматриваться двояко: 1) как представитель всей категории (один из многих возможных), взятый для иллюстрации того или иного общего положения; 2) как конкретная единица, представляющая ровно саму себя; в математике этому соответствует понятие вхождения. Ср.: *В своем рассуждении автор использует два примера пятисложных слов* (*пример* в первом значении) — *В данном памятнике встретилось всего два примера пятисложных слов* (*пример* во втором значении). В значительной части случаев эта двусмысленность снимается контекстом, но все же далеко не всегда. Скажем, формулировка «*В памятнике X изредка встречается явление Y, приводим соответствующие примеры*» вполне допускает как первое, так и второе значение слова *пример*; при первом значении приводимый далее список случаев явления Y должен пониматься как выборочный, при втором — как исчерпывающий.

Способов полностью избежать этой досадной двусмысленности, не прибегая к малоупотребительным или новоизобретенным терминам, мы, увы, не

видим. Но для уменьшения этой двусмысленности условимся все же в дальнейшем изложении соблюдать следующее: слова *например* и *иллюстрация*, а также формула «*примеры*» (или «*приводим примеры*») после некоторого правила реализуют первое значение слова *пример* (и соответственно, автоматически предполагают, что приведен не весь имеющийся материал); с другой стороны, при употреблении с числительным реализуется второе значение слова *пример.*

При приведении примеров в настоящей работе используется ряд условных знаков. Поясняем их здесь кратко; полное объяснение см. в параграфах, на которые даны отсылки.

∇ — начало той клаузы, ради которой приводится пример;

° — проклитическое употребление полупроклитики (см. § 0.2 и 1.38);

// — так наз. ритмико-синтаксический барьер (см. § 1.18);

/ — либо ритмико-синтаксический барьер, либо проклитическое употребление предшествующей словоформы (неизвестно, что именно из этих двух) (см. § 1.38).

Запись типа (+ 307) указывает на то, что аналогичный (не обязательно идентичный) пример имеется также и по указанному дополнительному адресу.

При цитировании словоформ, записанных в оригинале с отклонениями от обычной графики, может быть использована нормализованная запись; ее элементы заключаются в угловые скобки, например, *двор⟨ъ⟩*, *кон⟨ь⟩*, *буд⟨е⟩ть* вместо стоящих в оригинале *дворо*, *коне*, *будьть*.

Как уже указано, сокращенные записи (преимущественно надстрочные), могут быть раскрыты. Восстановленные при этом буквы помещаются в круглые скобки, например: *что с(ѧ) дѣеть* вместо *что* ᶜ *дѣеть.* В круглые скобки заключаются также буквы, пропущенные в оригинале, и конъектуры.

Лишние буквы, написанные в оригинале (при переходе с одной строки на другую или просто по ошибке), заключаются в фигурные скобки, например: *хароти{ти}ю.*

Необходимо также сделать следующее важное предупреждение относительно приводимых в книге (в тексте или в таблицах) данных о количестве тех или иных примеров (во втором смысле) и о различных процентных соотношениях. Чтобы не загромождать изложение деталями, не имеющими большого значения с точки зрения задач настоящей работы, данные этого рода приводятся ниже в виде точных цифр, без знака ≈ и без обсуждения того, как оценены при подсчете те или иные недостаточно ясные примеры. Но в действительности, несмотря на эту видимость полной точности, все эти данные должны рассматриваться не как идеально точные, а как приблизительные (правда, обладающие достаточно хорошей степенью приближения).

Дело в том, что идеальная точность при подсчете примеров в текстах по нескольким причинам недостижима. Эти причины таковы.

1) Практически в любом древнем тексте есть трудные места, допускающие более одной интерпретации (в том числе даже на синтаксическом уровне). Отсюда неполная надежность любой из интерпретаций такого места.

2) В древних источниках, в особенности в берестяных грамотах, имеются обрывы и иные виды утраты или порчи, из-за которых некоторые фразы из-

вестны нам лишь с лакунами. Вопрос о том, какие из этих фраз все же можно и какие нельзя включать в общие подсчеты, не имеет строгого решения.

3) Сходную проблему составляют фразы, синтаксически неправильные (из-за случайной ошибки или из-за того, что писавший не справился со сложным синтаксисом). При синтаксической классификации их можно отнести к какому-то классу лишь после того или иного исправления, а эта операция неизбежно носит предположительный характер.

4) Интересующий нас при изучении того или иного вопроса тип примеров не всегда удается определить с полной строгостью. Отсюда возможность колебаний в оценке примера переходного или недостаточно ясного типа.

5) Наконец, при обсчете больших массивов практически невозможно полностью избежать единичных пропусков или ошибок.

Не значит ли все это, что наши подсчеты вообще бессмысленны? Нет, не значит. Дело в том, что погрешности, возникающие даже по сумме всех указанных выше причин, не превышают нескольких процентов, а для нашего исследования нигде не требуется идеальной количественной точности. Все проводимые нами подсчеты служат лишь для того, чтобы выявить некие общие тенденции или общее направление эволюции. При такой постановке задачи малые погрешности не могут изменить получаемых выводов.

Глава первая

ОСНОВНЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЭНКЛИТИК

§ 1.1. В ходе истории языка в состав энклитик постепенно переходят некоторые слова, которые первоначально были акцентно самостоятельными. Этот переход, естественно, занимает довольно длительный период времени. На протяжении этого периода соответствующее слово во все более высоком проценте фраз подчиняется правилам для энклитик, но все же хотя бы изредка оно еще может выступать и в своем акцентно самостоятельном качестве.

Соответственно среди энклитик можно различить древнейшие (например, *же*, *ли*, *бо*, *ми*, *ти*), несколько менее старые (например, *мѧ*, *тѧ*, *сѧ*) и относительно молодые (связки, *бы*). Первые совершенно устойчивы в своих энклитических свойствах, вторые — несколько менее; третьи же еще неустойчивы, у них встречается и акцентно самостоятельный вариант.

В этом пункте имеется некоторое различие между народной и книжной речью: в живой народной речи единицы всех этих категорий функционируют именно как энклитики, в книжной же молодые энклитики еще могут частично сохранять свои прежние просодические свойства.

Максимально близкое отражение живой речи представлено в берестяных грамотах. Среди них необходимо различать р а н н и е (XI – 1-я треть XIII в.) и п о з д н и е (2-я треть XIII – XV в.). В том, что касается энклитик, первые отражают древнейшее состояние, вторые — уже несколько продвинутое в сторону современного языка.

Другим ценнейшим источником является Киевская летопись за XII в. по Ипат. (иначе Киевский свод), хотя здесь все же в какой-то мере сказывается искажающий эффект переписки в XV в.

Кардинальное обстоятельство состоит здесь, однако, в том, что этот памятник не однороден. Он отчетливо делится в данном отношении (как и в ряде других) на два компонента, вклиненных один в другой:

а) прямая речь светских лиц (кроме случаев, указанных в следующем пункте);

б) авторская речь летописца и прямая речь церковных лиц; сюда же входят покаянные и молитвенные речи, вложенные летописцем в уста светским персонажам.

Без указанного разграничения данные Киевской летописи оказались бы смазанными и малопоказательными. (Точные количественные данные, показывающие, сколь резко различаются между собой два компонента Киевской летописи с точки зрения изучаемых нами явлений, приведены в § 4.16.)

П р и м е ч а н и е. Эта особенность отличает Киевскую летопись почти от всех других летописей (в том числе от Галицко-Волынской летописи, тоже входящей в Ипат.).

Послания князей друг к другу по языку и стилю выглядят здесь очень похоже на берестяные грамоты (последние, правда, обычно короче). Это, конечно, не буквально вписанные в летопись реальные княжеские грамоты, но в данном случае летописцы вторгались в стиль посланий в гораздо меньшей степени, чем в других летописях.

Ниже мы будем называть первый из указанных компонентов просто прямой речью (или диалогической речью); как уже указано выше, он сокращенно обозначается «Киев-Д» (т.е. «диалогическая часть Киевской летописи»). Второй компонент будем называть авторской речью.

Ранние берестяные грамоты и Киев-Д обозначаются ниже как источники, «образцовые с точки зрения поведения энклитик» (сокращенно просто: «образцовые»).

ЗАКОН ВАКЕРНАГЕЛЯ

§ 1.2. В древнерусском языке, как и в других древних индоевропейских языках, расположение энклитик, относящихся к сказуемому (или, что то же, ко всей клаузе в целом)[13], подчиняется так наз. закону Вакернагеля, состоящему в том, что **все такие энклитики входят в состав первой тактовой группы клаузы** (образуя конечную часть этой тактовой группы).

Применительно к славянскому материалу см. об этом в первую очередь Якобсон 1935.

Примеры (энклитики подчеркнуты):

постерези *<u>же</u>* *землѣ своєю*;
а такого *<u>ти</u>* ('тебе') *веремени иногда не боудеть*;
Новъ *<u>ти</u>* ('тебе') *городъ держати по старинѣ, без обиды*;
тура *<u>мѧ</u>* *два метала на розѣхъ и с конемь*;
олень *<u>мѧ</u>* *одинъ болъ*;
моложьшему *<u>сѧ</u>* *не поклоню*;
а сѣмо *<u>сѧ</u>* *за нами Днѣпръ рosполиваеть*;
а доумоу *<u>есми</u>* *с ними доумалъ*;
и того *<u>еси</u>* *всего не оуправилъ*.

Если энклитик, относящихся к сказуемому, несколько, они в нормальном случае стоят непосредственно друг за другом, образуя то, что мы будем далее называть блоком энклитик.

Примеры:

была *<u>бо ми</u>* *мысль на пострижение*;
зѧть *<u>ти сѧ</u>* *король кланѧеть*;
ю *<u>же есмь</u>* *Гюргѧ ис Киева выгналъ*;
како *<u>же ми еси</u>* *самъ реклъ*.

Энклитики, относящиеся по смыслу к отдельному слову (но не к сказуемому), не подчиняются закону Вакернагеля, а располагаются просто непосред-

[13] Мы временно отвлекаемся здесь от трудностей, возникающих при определении того, что́ относится и что́ не относится к сказуемому. Этот вопрос обсуждается отдельно в § 1.36.

ственно после того слова, к которому относятся. Соответственно, древнерусские энклитики делятся на два класса: фразовые (или, иначе, «вакернагелевские») и локальные («невакернагелевские»).

В настоящей работе мы далее почти везде рассматриваем только фразовые энклитики и поэтому уточнение «фразовые» в большинстве случаев опускаем (а при локальных уточнение сохраняем).

В силу закона Вакернагеля блок энклитик, относящихся к сказуемому, реально следует за сказуемым лишь в том случае, когда оно стоит в начале клаузы, например: *отступилъ ти сѧ ѥсмь того села* 'я отступился в твою пользу от того села (= уступил тебе его)'. В прочих случаях такой блок оказывается чисто механически привязан к какому-то слову, к которому он непосредственно не относится, например: *того ти сѧ ѥсмь села отступилъ*.

Специально отметим, что, как видно на последнем примере, блок энклитик может даже вклиниваться внутрь словосочетаний. В таких случаях нарушается так называемый принцип проективности, состоящий в том, чтобы никакая непосредственная составляющая предложения не была разорвана словом или словами, ей не принадлежащими. В данном примере проективность нарушена тем, что непосредственная составляющая *того села* разорвана не относящимися к ней с синтаксической точки зрения словами *ти сѧ ѥсмь*.

Из закона Вакернагеля вытекает, в частности, следующее простое следствие: между сказуемым и относящейся к нему энклитикой, расположенной правее его, не может быть вставлена никакая акцентно самостоятельная словоформа. Например, невозможны фразы: **далъ хлѣбъ ми*, **далъ тобѣ есмь*, **далъ мънѣ бы* (где *ми*, *есмь*, *бы* — энклитики, а *хлѣбъ*, *тобѣ*, *мънѣ* — акцентно самостоятельные словоформы); возможно только: *далъ ми хлѣбъ*, *далъ есмь тобѣ*, *далъ бы мънѣ*.

Примечание 1. В действительности единичные примеры подобных неправильных фраз в текстах все же встречаются. Обычно это просто ошибки переписчика. Например, во фразе *а мы ѥще били ѥго играюце ѥсме* (ЖАЮ, 8в) энклитика *ѥсме* отделена от *били* сразу двумя акцентно самостоятельными словоформами. Но сравнение с другими списками ясно показывает, что текст здесь искажен: в большинстве других списков стоит правильное *а мы аще били ѥсми играюче* (см. Молдован 2000: 179).

Из случаев, где тоже возможна прямая ошибка писавшего, но не исключены и другие объяснения, отметим две фразы из берестяных грамот: *а женоу ти били, ∇ не измучили чего же* 156; *и окрадони ѿ ного ѥсми* 370п. В первой из них, возможно, мы имеем дело с переходом *же* в подчинение слову *чего* (иначе говоря, с ранним примером использования *же* в роли локальной энклитики). Если это так, то *чего же* уподобляется здесь таким единствам, как *чего-то* или *чего-нибудь*; ср. современные фразы типа *ведь ты это знал, не сказал почему же?*, возможные в разговорной речи (при более обычном *почему же не сказал?*). Во второй фразе словоформа *ѥсми*, возможно, должна интерпретироваться как близкая по смыслу к полнозначному *ѥсми* (*ѥсмы*) 'пребываем'; другое мыслимое объяснение состоит в том, что здесь приобретает энклитический характер сочетание *ѿ ного* (ср. примеры с *ѥму ѥси*, *ѥго ѥси* в § 3.16).

Место конкретной энклитики во фразе характеризуется прежде всего тем, каково оно по отношению к сказуемому: различаются препозиция (положение слева) и постпозиция (положение справа). В дальнейшем при терминах

«препозиция» и «постпозиция» везде подразумевается: «по отношению к сказуемому».

Примечание 2. Здесь необходимы дополнительные уточнения для случая, когда сказуемое состоит из двух или более словоформ. При составном сказуемом, включающем *л*-причастие, препозиция/постпозиция энклитики определяется по отношению к *л*-причастию (в плюсквамперфекте со вспомогательным *былъ*, типа *ходилъ былъ*, — по отношению к полнозначному *л*-причастию). Например, во фразе *клѧлъ сѧ былъ* энклитика *сѧ* расценивается как стоящая в постпозиции, а в *былъ сѧ клѧлъ* — в препозиции. При составном сказуемом любой другой структуры она определяется по отношению к вспомогательному глаголу. Например, во фразе *бѣ бо старъ* энклитика *бо* расценивается как стоящая в постпозиции, а в *старъ бо бѣ* — в препозиции.

Особый случай составляют энклитики, которые сами являются частью составного сказуемого, а именно, связки *есмь*, *еси* и т.д. [14] Их препозиция/постпозиция определяется по отношению к другому члену составного сказуемого (в конструкции типа *ходилъ есмь былъ* — по отношению к *былъ*). Например, во фразах *тебе есмь не зъвалъ*, *ты ми еси другъ* энклитики *есмь*, *еси* находятся в препозиции, а в *не зъвалъ есмь тебе*, *другъ ми еси* — в постпозиции. Особо отметим в этой связи фразы, где у именной части сказуемого имеется подчиненное слово, например: *гости есме твои* (связка в постпозиции), *твои есме гости*, *людемъ еси благодѣтель* (связка в препозиции).

Для точного описания действия закона Вакернагеля в конкретном языке определенной эпохи необходимо зафиксировать следующее:

1) какие именно отрезки речевой цепи являются с точки зрения закона Вакернагеля теми единицами, внутри которых отыскивается первая тактовая группа;

2) какие именно словоформы являются фразовыми энклитиками (их список всегда строго ограничен и сравнительно невелик);

3) в каком порядке располагаются фразовые энклитики в блоке из нескольких энклитик (этот порядок почти всегда бывает жестким).

Особого замечания требует поведение энклитик во фразах с однородными сказуемыми. Если некоторая энклитика относится по смыслу только к одному из однородных сказуемых, она, естественно, помещается в соответствующей клаузе и никаких проблем не возникает.

Если же она относится по смыслу сразу к двум или более сказуемым, то она может либо повторяться при каждом из сказуемых, либо выступать только при одном из них. Таким образом, здесь в принципе возможны три синтаксических решения:

1) повторение энклитики, например: *кънѧзь знаеть тѧ и любить тѧ*; *пришелъ еси и реклъ еси*; *старъ есмь и боленъ есмь*;

2) энклитика только при первом из сказуемых, т.е. в составе первой из соответствующих клауз (см. § 0.5, п. 3), например: *кънѧзь знаеть тѧ и любить*; *пришелъ еси и реклъ*; *старъ есмь и боленъ*;

3) энклитика только при втором из сказуемых, например: *кънѧзь знаеть и любить тѧ*; *пришелъ и реклъ еси*; *старъ и боленъ есмь.*

---

[14] Полезно напомнить, что отрицательные формы тех же связок (*нѣсмь*, *нѣси* и т.д.) не являются энклитиками; тем самым сказанное к ним не относится.

Примеры из текстов.

Вариант 1 — *а целовало ѥси ко мнѣ, а не прислало ѥси* 445п;

колико ми зла безȣмнѣи створи, колики бѣды ми показа (ЖАЮ, С26об.);

Г҃и, съгрѣшилъ ти ѥсмь, да прости мѧ и помилуи мѧ (ЖАЮ, 56г).

Вариант 2 — *виделе ѥсмь и цюле* 154;

се брате, на мѧ еси приходилъ и землю повоевалъ [1149], 138об.;

ꙗко на семъ пути вамъ любо мѧ ꙗти, любо оубити въ Игорѧ мѣсто [1147], 127;

Вариант 3 — *книгами бо кажеми и оучими ѥсмы* (ПВЛ, 51об.);

ꙗко мѧкокъ и младъ єси (ЖАЮ, С31);

Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси (СПИ, 182).

Реально в текстах преобладает вариант 2, варианты 1 и 3 встречаются существенно реже.

Иную картину дает только энклитика *сѧ*: для нее в данном пункте нормой является вариант 1, и лишь в качестве крайне редкого исключения встречается вариант 2 (см. § 4.14). Понятно, что эта особенность есть прямое следствие того, что энклитика *сѧ* с весьма раннего времени проявляет тенденцию к семантическому и синтаксическому объединению с глагольной словоформой.

При изучении действия закона Вакернагеля в древних памятниках важно учитывать, что соблюдение этого закона было свойством живой древнерусской речи. На письме же соответствующие эффекты отражались лишь в той степени, в которой памятник приближался к живой речи. Так, в берестяных грамотах они отражаются почти безупречно, тогда как искусственная церковнославянская норма допускала многочисленные отступления от них, поскольку по этой норме многие энклитики (например, связки) могли трактоваться как полноударные словоформы и тем самым не подчиняться законам поведения энклитик. (Подробнее об этом см. § 4.2.)

РАНГИ ЭНКЛИТИК

§ 1.3. Фундаментальный принцип, определяющий взаимное расположение фразовых энклитик в рамках одной тактовой группы, состоит в том, что для любых двух энклитик жестко зафиксировано, какая из них должна стоять левее и какая правее (кроме случаев, когда данные две энклитики вообще несовместимы друг с другом в рамках одной тактовой группы). Это так называемый «ранговый» принцип: каждая фразовая энклитика принадлежит к определенному р а н г у; в блоке любая единица меньшего ранга стоит левее любой единицы большего ранга.

Если в языке порядок единиц некоторого типа (например, слов или морфем определенной категории) действительно подчиняется указанному фундаментальному принципу, то его практически удобнее всего описывать именно в терминах рангов. В этом случае при описании весь инвентарь рассматриваемых единиц разбивается на ранги в соответствии с реально наблюдаемым порядком этих единиц в блоках.

Основные фразовые энклитики

Как показывает изучение материала, основные древнерусские энклитики, относящиеся к сказуемому, действительно могут быть описаны в терминах рангов. Их распределение по рангам оказывается таково (пояснения при энклитиках даны упрощенно, подробнее см. ниже):

1) *же* (противительное и усилительное);

2) *ли* (частица);

3) *бо* (частица);

4) *ти* (частица);

5) *бы*;

6) местоимения в дательном падеже — *ми*, *ти*, *си*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*;

7) местоимения в винительном падеже — *мѧ*, *тѧ*, *сѧ*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*, *и*, *ю*, *е*, *ѣ*, *ꙗ*;

8) связки — основную группу здесь составляют связки 1-го и 2-го лица: *есмь* (*есми*), *еси*, *есмъ* (*есме*, *есмо*, *есмы*), *есте*, *есвѣ*, *еста* [2 дв.]; дополнительную группу составляют связки 3-го лица: *есть*, *суть*, *еста* [3 дв.].

В приведенном описании не содержится информации о том, как располагаются относительно друг друга единицы одного и того же ранга. Как показывает анализ материала, в системе древнерусских энклитик положение таково: две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы. Фраза, где возникла бы такая ситуация, должна быть так или иначе перестроена; например, вместо невозможного **дати ми ти рубль* может быть сказано *дати ми тобѣ рубль*, где энклитика *ти* заменена полноударным *тобѣ*.

Жесткость рангового принципа — почти такая же, как у морфем внутри словоформы; ср., например, *ид-е-м-те*, при невозможности **ид-е-те-м* и т. п. К сожалению, традиционные описания древнерусского языка совершенно упускают этот чрезвычайно четкий грамматический механизм из поля зрения.

Рассмотрим последовательно основные фразовые энклитики всех рангов, демонстрируя на конкретных примерах взаимное расположение энклитик разных рангов. Особое внимание уделено фразам, где соединяются энклитики смежных рангов: из них наиболее наглядно видна последовательность рангов.

У многих энклитик имеются варианты с утратой конечной гласной: *жь* при *же*; *ль* при *ли*; *бъ* при *бы*; *ть* при *ти*; *мь* при *ми*; *сь* при *сѧ* и т. п. Но эта фонетическая сторона дела с точки зрения основной задачи настоящей работы несущественна, и мы это варьирование никак более не оговариваем.

При приведении иллюстраций цитирование начинается либо с начала клаузы, либо раньше такого начала, если это необходимо для ясности; в последнем случае точка начала интересующей нас клаузы может быть помечена специальным знаком — ∇.

Энклитика ранга 1 — *же*

§ 1.4. К этому рангу принадлежит *же* (частица и союз) в своих основных значениях — противительном, причинном, усилительном, а также в роли «скре-

пы» двух клауз (в конструкциях типа *продавъше дворъ, идите же сѣмо*; см. ДНД$_2$, § 4.34).

В прочих значениях энклитика *же* является не фразовой, а локальной. Таковы: а) *же* с отождествительным значением, как в *тотъ же, тамо же, а то даль Иванъ же* ‘а это дал тоже Иван’ и т. п.; б) *же* с присоединительным значением в случае соединения имен, например, *съ Гюрьгемь же съ Лукою* ‘с Гюргием и с Лукой’; в) *же* при отрицательных местоимениях и наречиях, например, *никъто же*, *никогда же.*

Пункты «б» и «в» не вызывают трудностей. Сложнее обстоит дело с пунктом «а», поскольку в древних текстах в позиции начала клаузы нередко трудно отличить *тотъ же* ‘тот же самый’, *тако же* ‘тем же способом’ и т. п. от *тотъ*, *тако* и т. д. в сочетании с *же* в роли «скрепы». Например, фраза *прислали к немоу, тако же рекоуче* допускает две интерпретации: а) ‘прислали к нему, говоря так же’; б) ‘прислали к нему, говоря так’. В таких случаях приходится производить дополнительный семантический анализ с учетом более широкого контекста, а если и он не дает определенного результата, то рассматривать обе возможности.

В *иже* ‘который’ (во всех формах), *оже*, *аже*, *уже*, *неже*, *нежели* морфема *же* уже как отдельное слово не вычленяется и, соответственно, под рассматриваемые здесь правила не подпадает.

Примеры, иллюстрирующие позицию фразового *же* в составе комплекса энклитик.

Ранги 1, 2 — *пакы <u>жь ли</u>, посли*(*та*) ... ‘если же нет, то пошлите...’ 510п;
ѥгда <u>же ли</u> пакы кого слышааше бесѣдоующа (Феод., 38г);
ри́млѧнъ <u>же ли</u> ждѣте на ѡчищенїе ст҃аго мѣ́ста? (Флав., 424г).

Ранги 1, 2, 7 — *ѥгда <u>же ли сѧ</u> ѥму не хотѧше ходити в нощи* (ЖАЮ, 8г).

> П р и м е ч а н и е. Сложный союз *аще ли* (старославянский и церковнославянский) в большинстве случаев ведет себя как единое слово (подобно *али*, *или*, *нежели*, *уже ли* и др.); соответственно, *же* ставится после него, например: *аште ли <u>же</u> ни мъзды не имате* (Мар., Мт. 6.1); *аще ли <u>же</u> кто ѿ кнѧзь* ⟨...⟩ *преступить се* (ПВЛ [945], 14); *аще ли <u>же</u>, то да съваривъше пьшеницу*... (Феод., 50б). Однако в некоторых древнерусских памятниках встречаются также примеры трактовки *ли* в составе *аще ли* как отдельного слова; в этом случае по общему правилу получается *аще же ли*, например: *аще <u>же ли бы</u> хотѣлъ повиноутисѧ ѥмоу, вѣдѣлъ бы* ... (Усп. сб., 124 г); *аще <u>же ли</u> аки Х҃а приимаеши, то не стыдисѧ ногоу оумыти емоу* (Пчела, 78).

Ранги 1, 3 — *тъгда <u>же бо</u> слышавъ о бл҃женѣмь Антонии* ... (Феод., 31б);
ꙗко <u>же бо</u> ѡ҃ць мои, дома сѣдѧ, изумѣꙗше 5 ꙗзыкъ (Мономах, 80 об.);
н(*е*)*бо <u>же бо̀</u> бѧ́ше помраченно и крова́во* (Александрия, 65).

Ранги 1, 4 — *не поѣдешь ли вонъ, ꙗ <u>же ти</u> боудоу помочникъ бра*^{т} *своемоу на тѧ* (Гал.-Волын. [1289], 305 об.; *ти* — частица).

Ранги 1, 4, 6 — *да <u>же ти ми</u> боудете дъбр*[*о*] ... ‘если же у меня все будет хорошо’ Смол. 12.

Ранги 1, 5 — *мы пошли до Киева, да <u>же бы</u> была рать, билисѧ быхо*^{м} ‘мы дошли до Киева с тем, чтобы, если бы была битва, то сражаться’ [1185], 225 об.

Ранги 1, 5, 6 — *было же бы ми чимъ заплатити* (Завещ. Клим.).
Ранги 1, 6 — *мѣни же ми кълътъкѣ цетыри* 'выменяй же мне четыре колтка' 335;
симо же ти соулити много 'эти [люди] будут тебе сулить многое' 600п.
Ранги 1, 6, 7 — *кленоу́ же ти сѧ бо́гомъ вели́кымъ* (Александрия, 48).
Ранги 1, 6, 8 — *написалъ же ми єси бг҃а себе суща* (Александрия, 81).
Ранги 1, 6, 7, 8 — *ныⁿ же, брате, ако же ми сѧ еси самъ върeклъ, полѣзи же на конѣ* [1150], 147 (*сѧ* взято из Хлебн., в Ипат. оно пропущено).
Ранги 1, 7 — *избивъ роукы, поустилъ же мѧ, а иноую поѧлъ* 'ударив по рукам (в знак новой помолвки), он меня прогнал, а другую взял в жены' 9.
Ранги 1, 7, 8 — *а про кого же тѧ есмь и на конь всадилъ ...* [1196], 241.
Ранги 1, 8 — *оже же еси продала, то въдаи семоу дѣтьскамоу* Ст. Р. 8;
како жьеста торговала ... 510п.

Энклитика ранга 2 — *ли*

§ 1.5. К рангу 2 принадлежит частица *ли* 'ли', 'или', 'если'.

Следует учитывать, однако, что наряду с этим существовал и полноударный союз *ли* 'или'. Это особенно хорошо видно из Чудовского Нового Завета, где значение 'или' обычно передается именно этим союзом и он почти всегда имеет знак ударения: *лѝ.* Примеры (с сохранением разделительных точек подлинника): *ѹ васᶜ же ключихъ . да пребоудоу . лѝ . и озимѣю* 115в (отметим разделительную точку после союза *лѝ*, которая подчеркивает его самостоятельность); *лѝ іюдѣ́юмъ Бг҃ то́кмо, а не лѝ и ꙗзы́комъ* 100г; *о немже браᵀ твои претыка́ютсѧ . лѝ сблажнѧ́ютсѧ . лѝ изнемага́юᵀ* 106в; *аще кто браᵀ именоуюмъ лѝ блоудникъ . лѝ лихоимець . лѝ идолослоужи́тель . лѝ клеветниᴷ . лѝ пьꙗница . лѝ хи́щниᴷ . с таковымь жѐ не ꙗсти* 110а. Соответственно, тот же просодический статус следует предполагать для *ли* и в такой фразе, как: *никыи же бо рабъ можеть дъвѣма господинома работати, ли бо юдиного възненавидить, а дрѹгааго възлюбить, ли юдиного дрьжитъ сѧ, а о дроузѣмь не радити начьнеть* (Остромир. ев., 62а, Мт. 6.24). Такое *ли* характерно для старославянского, а на древнерусской почве представлено только в книжной письменности. В живом древнерусском языке полноударное *ли*, по-видимому, уже почти не употреблялось, будучи вытеснено составным словом *или.* Даже в самом Остромировом ев. в другом месте (111г, Лк. 16.13) в этой же самой фразе оба *ли* заменены на *или.* В образцовых памятниках такое *ли* не встретилось ни разу.

Сочетания *а+ли* и *и+ли* уже в древнерусский период фактически превратились в единые слова *али*, *или* (см. § 1.39); см. также выше примечание относительно *аще ли.*

Особый случай составляют группы вида «*X ли, Y ли*», например: *идите же сѣмо, Смольньскоу ли, Кыевоу ли* 424; *Амбале вороже, сверзи коверъ ли, что ли, что постьлати или чимъ прекрыти гᶜна нашего* [1175], 208 об. В их составе *ли* ведет себя как локальная энклитика.

Здесь и далее даются только примеры соединения рассматриваемой энклитики с энклитиками более высоких рангов, поскольку сочетания с энклитиками более низких рангов уже проиллюстрированы выше.

Ранги 2, 3 — *ово ли бо г҃лешии покои, Г҃и, ово ли пакы самъ охоулꙗѥши* 'ибо неужели ты, Господи, то называешь это покоем, то, напротив, сам хулишь' (Усп. сб., 273в);

ре^{ч} *к нему напрасно старець: «видите ли бо бестудаго сего ...?»* (ЖАЮ, 27в).

Ранги 2, 5: *но са*^{м} *разумѣи — мнѣ ли бы послати к тебѣ достоино, ци ли тобѣ ко мнѣ* (Мономах, 84);

да рците ми, добрѣи гражене, что хощю створити, гдѣ ли бы обрѣсти єго 'так скажите мне, добрые граждане, что мне делать или где бы мне найти его' (ЖАЮ, С27 об.)

Ранги 2, 6 — *годно ли ти миръ* 'если тебе угоден мир' [1148], 133 об.;

и ре^{ч} *к нему ц*^{с}*рь: «хощеши ли ми работати всею д҃шею, и створю тѧ, да будеши ты ѥдинъ ѿ славныхъ в полатѣ моѥи»* (ЖАЮ, 6в).

Ранги 2, 7 — *инде ли сѧ пригодить* 'или в другом месте окажется' 565п;

оже ли и додьржать свѣта 'если же его (вора) додержат до рассвета' (ПР, ст. 40).

Ранги 2, 7, 8 — *не ротилъ ли сѧ ѥсѝ на́ма* (Александрия, 72).

Ранги 2, 8 — *а присъ(ли)те ми грамотичу, сторови ли есте* 'пришлите мне грамотку, как вы живы-здоровы' 424;

исправилъ ли еси десять гривенъ на Русилѣ, съ Микулою посли семо 615п.

Энклитика ранга 3 — *бо*

§ 1.6. К рангу 3 принадлежит частица *бо.* В книжной письменности она встречается в древнерусских памятниках любого происхождения. Но в живой речи она существовала, по-видимому, только в диалектах Юго-Западной Руси (причем здесь имелся также и союз *бо*, который был проклитикой). В новгородских берестяных грамотах *бо* полностью отсутствует.

Примеры.

Ранги 3, 4 — *сице бо ти бѣ тъщаниѥ къ Богоу блаженааго и доуховьнааго о҃ца нашего Ѳеодосиꙗ* (Феод., 42в). Сюда же относится пример: *рѣчь молвѧче, и лихо и добро, не кленитесѧ Б҃мъ, ни хр*^{с}*титесѧ: нѣту бо ти нужа никоѥꙗ же* (Мономах, 80), если *ти* здесь частица, а не местоимение.

Ранги 3, 5 — *аще бо бы, рече, сьде былъ, не бы оумьрлъ братъ мои* (Усп. сб., 227в; цитата из Ио.11.21).

Ранги 3, 5, 7 — *аще бо бы сѧ искоренилъ, то великъ бы пло*^{д} *правдѣ погыблъ* (Пчела, 443).

Ранги 3, 6 — *жаль бо ны есть: бра*^{т} *нашего держиши Игорѧ* [1147], 127;

тѧжю имѣю съ дьꙗволомъ и съ идолы ѥго, насильѥ бо ми дѣѥть (ЖАЮ, 58а).

Ранги 3, 6, 7 — *се бо ны сѧ по дань ꙗли* (ПВЛ [971], 22).

Ранги 3, 7 — *оусрѣтоша бо мѧ слы ѿ бра*^{т}*ꙗ моѥꙗ на Волзѣ* (Мономах, 78^{а});

см҃рти бо сѧ, дѣти, не боꙗчи, ни рати, ни звѣри, но мужьское дѣло творите (Мономах, 83);

наоучиша бо и ('его') *паропци* (Мономах, 83 об.);

велми бо сѧ пеку тобою (ЖАЮ, 6а).

Ранги 3, 8 — *хр*^{с}*тъ бо есме цѣловали* [1147], 127.

Энклитика ранга 4 — *ти*

§ 1.7. К рангу 4 принадлежит частица *ти*; не смешивать с союзом *ти* 'и', 'то' (проклитикой) и с местоимениями *ти* 'тебе' (энклитикой другого ранга) и *ти* 'те' (энклиноменом).

Эта частица была известна всем древнерусским диалектам, но особенно широко она была распространена в древненовгородском диалекте. В свободном употреблении она выступает прежде всего как своего рода «усилитель индикативности», а именно, подчеркивает, что факт имеет место, и указывает на его значимость для адресата речи. Но она может иметь также контекстно обусловленные дополнительные оттенки противопоставления, причины, следствия. Подробнее об этой частице см. Зализняк 1993, § 76–78 и ДНД$_2$, § 4.37.

Отметим, что *ати* (*ать*), *оти* (*оть*), *дати* (*дать*) 'чтобы', *тоти* (*тоть*) 'то, итак' (частица) функционируют уже как единые слова, т. е. частица *ти* здесь более не выделяется.

Примеры.

Ранги 4, 6 — *а Давыдъ ти ми не въдалъ, велить възѧти ꙋ вежьникъ* 'Давыд ведь мне не отдал [гривну], велит взять у вежников' 664; см. также пример на энклитики рангов 1, 4, 6 выше, в § 1.4.

Ранги 4, 7 — *нъ помнї, что ти сѧ ѥму хощеть створити въскорѣ* 'но помни же, что́ с ним должно случиться вскоре' (ЖАЮ, 38а);
зрите на бестудную сию лисицю, како ти сѧ ломить 'смотрите на бесстыжую эту лису, как вот она кривляется' (там же, 36б).

Ранги 4, 8 — *ꙋцелелъ ти есмь ѿ пожѧрꙋ* 'я вот уцелел от пожара' 710;
селе ти есемо Коломене на лодию 'я сел в Коломне на ладью' Ст. Р. 31;
(*ст*)[*орови*] *ти есме вохе* 'мы все живы-здоровы' 670.

Что же касается соотношения рангов 4 и 5, то здесь, к сожалению, мы не располагаем безупречными примерами. Встретились только сочетания, где *бы* стоит после *дати* (*дать*), т. е. после слова, где частица *ти* уже срослась с предшествующим *да* (и, следовательно, в принципе могла и потерять свои первоначальные комбинационные свойства): *цто Олекса Колбиниць даль пороукоу в коунахъ, дати бы дати коуны на Пьтровъ дн҃ь ...* 'что касается того, что Олекса Колбинец поручился за деньги, [а именно, за то], чтобы деньги были отданы на Петров день...' 389п; *цо бы еси моего москотьѧ* {*моего*} *пересмотреле, дад бы хорь не попортиль* 'пересмотрел бы ты мое добро, чтобы моль не попортила' 413п (*дад бы* из *дать бы*). Таким образом, порядок рангов 4 и 5, пока не найдено соответствующих чистых примеров, строго говоря, должен быть признан условным.

Энклитика ранга 5 — *бы*

§ 1.8. К рангу 5 принадлежит *бы* — развившаяся из словоформы аориста частица, которая служит показателем сослагательного наклонения.

Это «молодая» энклитика; процесс превращения полноударной словоформы в энклитику в данном случае в древнерусский период еще не завершился.

Прежде всего здесь необходимо отличать *бы* как показатель сослагательного наклонения от аориста *бы* (который встречается в книжных текстах в каче-

стве варианта к *бысть*). Аорист *бы* — не энклитика, а полноударная словоформа. Это видно из его позиции, например, в таких фразах из Ипат. (из авторской речи):

бы же Ст҃ославоу, ѡже пришелъ на н(ь) Изѧславъ Дв҃двичь 123 об.;
и бы вечеръ 'и настал вечер' 109;
и бы сѣча зла межи ими 139;
том же лѣтѣ бы знамение въ сл҃нци 185 (здесь *бы* стоит после двучленного словосочетания, тогда как энклитика должна была бы стоять после первого члена такого словосочетания).

Отметим еще, что *абы* (из *а бы*) ведет себя уже как единое слово. Соответственно, например, во фразе *абы бо сьде былъ* (Усп. сб., 227в) *бо* стоит правее *абы.*

Но даже и как показатель сослагательного наклонения *бы* не всегда ведет себя как энклитика. Следует полагать, что процесс превращения этого *бы* в энклитику полностью осуществился в древнерусском языке только в народной речи.

В самом деле, в образцовых памятниках надежных примеров неэнклитического употребления такого *бы* нет.[15]

В древнерусских книжных памятниках просодический статус *бы* неустойчив. Хотя в большинстве случаев и в этих памятниках *бы* стоит в позиции, нормальной для энклитики, обычно в большем или меньшем количестве (в зависимости от памятника) встречаются и такие фразы, где позиция *бы* соответствует полноударности, например:

Усп. сб. — *добро бы оубо было, аще сѧ бы Июда покаꙗлъ* 248а (*бы* правее энклитики 7-го ранга *сѧ*);
ты бы просила оу него, и далъ ти бы водоу живоу 257а (цитата из Ио. 4.10) (*бы* правее энклитики 6-го ранга *ти*);
и въ толикоу глоубиноу бы въшьлъ 170б (*бы* после актантной группы из двух полноударных слов);

ЖАЮ — *да достоꙗло ми бы славити ѥго и хвалити* 11б (*бы* правее *ми*);
то ти бы было досити, ѥже ѥси преже взѧлъ 30а (*бы* правее *ти*);
да не могы, како ю бы поверглъ 44г (*бы* правее *ю*);
оучаше ѥго, како сѧ бы ѥму противити ѥфиопу 3 об. (*бы* правее *сѧ*).

Ср. аналогичные фразы в старославянских памятниках, например:

Супр. — *колико сѧ бы троудилъ* 49;
вины искааше, како сѧ бы съ братиѩ позналъ III–50.

[15] Лишь в одном примере в принципе могло бы стоять неэнклитическое *бы*: ... *нарадилъ* (*ра* вм. *рѧ*) *еси би его* 618п. Но грамота № 618 — это обрывок, и интерпретировать *би* как замену для *бы* можно лишь предположительно; так что пример ненадежен. Что касается фразы в Киев-Д: *брате, кому ищеши волости, брату ли или с҃нви? а добро ти бы ради не починавши переди* [1159], 178 об., то здесь отрезок *ти бы ради* представляет собой просто ошибку переписчика. Он исказил здесь подлинный текст, сохраненный в Хлебниковском и Погодинском списках: *а добро бы ти рати не починавши переди* (где энклитики стоят совершенно правильно).

Примечание. Книжные тексты отличаются от народных еще и тем, что здесь свободно употребляются сочетания *да бы* и *не бы* (с *бы* как показателем сослагательного наклонения), которые в народных текстах не встречаются; например: *да бы сѧ ѥму ꙗвила* (ЖАЮ, 4 об.); *аще бо не бы съмьрти было* (Усп. сб., 272б); ср. также в старославянском: *аште бо не бы было хытрости чл҃овѣчьскы, то не бы имѣлъ богъ* (Супр., 82) и т. п. Эти сочетания представляют собой либо проклитико-энклитические комплексы, либо сочетания проклитики с полноударным *бы* (таким же, как в *аще сѧ бы Июда покаꙗлъ* и т. п.); различить эти две возможности нельзя.

Приводим примеры для *бы*, иллюстрирующие механизм рангов, из образцовых памятников (которые, как можно предполагать, отражают в данном пункте узус живой речи).

Ранги 5, 6 — *да цо бъ ти година ѿт*[ъ]*правитъ отьцу, ино бъ добро* 'да чтоб тебе справить годовое поминание по отцу, то было бы хорошо' 19п;
аже бы лиха хотѣлъ, то что бы ми годно, то же бы створилъ [1140], 113 об.;
то аче бы ми и далече того блюсти ѿслати, а моглъ бы[х] *Игорѧ съблюсти* [1147], 130.

Ранги 5, 7 — *то* [*из*] *оцью бы сѧ вытьрьго притькль* 752;
како, осподи, попечалуѥшь о м(*оѥи*) *голови, чо бы сѧ на менѧ не родила грамота бесуднаѧ* 302п.

Ранги 5, 7, 8 — *что бы мѧ ѥсте жаловалѣ про своѥ коунѣ* 949п.

Ранги 5, 8 — *купилъ ѥсмь соль немецкую, то бъ ѥси сѣмъ припровадилъ* 'я закупил немецкую соль; доставил бы ты ее сюда' 282п;
что бы ѥси, г҃не, дале мѣсце мнѣ на дорѣ, и ѧзъ быхъ, г҃не, собѣ избу поставиле 610п;
чо би ⟨*бы*⟩ *есте поихали во городо ко радости моеи* 'поехали бы вы в город мне на радость' 497п;
вы бы есте мнѣ повѣдалѣ [1187], 228.

Особый вопрос составляют прочие показатели сослагательного наклонения: *быхъ*, *быхомъ*, *быховѣ*, *быстe*, *быста*, *бышѧ*. Они очевидным образом имеют тенденцию превратиться в энклитики подобно *бы*, но продвинулись по этому пути заметно меньше. К сожалению, для точного определения их просодического статуса в живом языке материала недостаточно.

В берестяных грамотах пока что встретилось только 4 примера *быхъ* и один пример *быш*⟨*ь*⟩ (из *бышѧ*). Вот они (кроме обрывка № 847): *а ныне быхо посолале* 705; *то же нынеца // радъ быхъ послале* [*грам*]*о*[*тꙋ*] 724; *и ѧзъ быхъ, г҃не, собѣ избу поставиле* 610п; *окънъ быше стрѣ*[*лькы*] 809. Как можно видеть, все они допускают интерпретацию словоформ *быхъ*, *быш*⟨*ь*⟩ как энклитик; но для вывода о том, что они действительно уже стали регулярными энклитиками, этого, разумеется, недостаточно.

В Киев-Д статус этих словоформ неустойчив. В большинстве случаев они стоят в позиции, нормальной для энклитик, например: *аще быхъ вѣдалъ* ⟨...⟩, *а моглъ бы*[х] *Игорѧ съблюсти* [1147], 130; *но за ѡдинемь быхомъ щитомъ былѣ с тобою, и мьстили быхомъ ѡбиды твоꙗ* [1195], 237. (Что касается *абыхъ* [и т. д.], то здесь следует предполагать такое же слияние в единое слово, как в случае *абы*, см. выше.) Но наряду с этим встречаются и фразы, где эти словофор-

мы стоят в позиции, свидетельствующей о полноударности, например: *река, ꙗко «мьстилъсѧ быхъ Всеволодоу, но не лзѣ Ростиславичи»* [1180], 215 (после *сѧ*); *да же бы была рать, билисѧ быхо*^{м} [1183], 225 об. (после *сѧ*); *и сн҃вцѧ своего быхомъ выстоꙗли* [1196], 239 (после двучленной актантной группы).

Энклитики ранга 6 — местоименные словоформы дательного падежа

§ 1.9. К рангу 6 принадлежат местоименные словоформы дательного падежа *ми*, *ти*, *си*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*.

Что касается возвратного *си* 'себе', то в живом древнерусском языке оно в свободном употреблении практически отсутствует. При нескольких глаголах (в частности, *жалити си*, *пожалити си*, *тъщати си*) оно в течение какого-то времени сохранялось в качестве показателя возвратности. В древний период существовала также развившаяся из него частица *си*; ср., например: *то си хотѧ мълъви* 'хоть и такое говори' 605; *а Вълъчиноу си посъли моужь инъ* 902 'а в Волчино же пошли другого мужа'. Эта частица — тоже фразовая энклитика и, вероятно, того же ранга 6, что и исходное *си* 'себе' (но проверить ранг здесь невозможно из-за отсутствия нужного числа примеров).

Примеры.

Ранги 6, 7 — *и покланѧю ти сѧ, братьче мои* 605;
не останеть ти сѧ ни моуже 'не останется у тебя ни одного человека' 150;
а коупѧть ти и 'а купят у тебя его' 655;
аче ти мѧ оубити, с҃ноу, на семъ мѣстѣ, а оубии, а ꙗ не ѣдоу [1150], 144 об.;
и то ми сѧ вынѧ 'и вот что мне выпало' (Мономах, 78^{а});
али вы сѧ начнеть не мочи, а трижды (там же).

Ранги 6, 7, 8 — *Бъ҃ вы помози, ѡже ми сѧ есте ꙗли помогати* [1149], 140;
а что ти сѧ есмъ бы^{л} *ѿступи*^{л} *дани* ... (ДДГ, № 11, 1389 г.).

Ранги 6, 8 — *а водале ми еси хамече* 'ты дал мне полотнишко' 644;
чего еста хотѣла волости, то ва есмь изискалъ [1146], 124;
Бъ҃ ти помози, брате, ѡже на еси тако помоглъ [1151], 152 об.

Имеется, однако, один частный случай, когда энклитики этой группы функционируют уже не как фразовые, а как локальные. Таковы *ми*, *ти*, *си* в значении 'мой', 'твой', 'свой'. Правда, такое употребление *ми*, *ти*, *си* для живой древнерусской речи было нехарактерно. Конструкция типа *отьць ти* 'твой отец' нормальна для старославянского, а на древнерусской почве представлена в основном лишь в книжных памятниках; в берестяных грамотах ее нет. Вот некоторые примеры, показывающие, что такие *ми*, *ти*, *си* уже не подчиняются закону Вакернагеля:

Супр. — *а не сьмѣжаите очию си противѫ истинѣ* III–29;
како не погоуби оума си? III–72;
почто своѥмоу си завидиши съпасению? III–34 об.;

Феод. — *да дѣлаѥши въ домоу си по воли своѥи* 32г;
нъ въ ѥдинои свитѣ си пребываааше 34г;
донде же пакы боудꙗше чьрньць искоусьнъ житиѥмь чистъмь си 37г;
идыи же поутьмь и оуже въ странахъ своихъ си въпаде въ недоугъ лютъ 41б.

Ипат. (из речей церковного стиля) — *с҃тыма стр(астотер)пцема въслѣдовалъ еси, кровью оумы вьсꙗ страданиꙗ* <u>*ти*</u> [1175], 206 об.;
мы же смирении что воздамъ ти противоу б҃годѣꙗнию <u>*ти*</u>*?* [1199], 244.

Заметим, что в древнерусских текстах иногда бывает трудно отличить такие *ми*, *ти* от подчиненных глаголу (со значением 'у меня', 'у тебя'), например: *брата* <u>*ти*</u> *Романа Б҃ъ поꙗлъ* [1180], 217 — 'твоего брата взял' или 'брата у тебя взял'.

Энклитики ранга 7 — местоименные словоформы винительного падежа

§ 1.10. К рангу 7 принадлежат местоименные словоформы винительного падежа *мꙗ*, *тꙗ*, *сꙗ*, *ны*, *вы*, *на*, *ва*, *и*, *ю*, *ѥ*, *ѣ*, *ꙗ*.

Примеры. Ранги 7, 8 — *цему* <u>*мꙗ еси*</u> *погубиль* 272п;
оже <u>*ны ѥси*</u> *холопы нарекла* 'что ты нас назвала холопами' 400;
тѣмъ <u>*тꙗ есмъ*</u> *пожалова*[л] (ДДГ, № 11, 1389 г.).

Особое место в этом списке занимает энклитика *сꙗ*, обладающая рядом индивидуальных свойств — прежде всего тем, что она имеет самую сильную тенденцию переходить в постпозицию к глаголу. В связи с этим ее в дальнейшем часто приходится обсуждать отдельно от остальных энклитик; ниже ей посвящена целая глава 4.

Энклитики ранга 7 обладали той особенностью (с типологической точки зрения нехарактерной для энклитик), что они могли выступать после предлогов, например: *на мꙗ*, *про тꙗ*, *за сꙗ*, *на ны*, *по нь* и т. д. В связи с этим Вайян (§ 97 и 262) называет их «полуэнклитиками».

Сочетания с предлогом типа *на мꙗ* в просодическом отношении эквивалентны акцентно самостоятельным словоформам и, следовательно, уже не входят в сферу действия закона Вакернагеля (даже если они синтаксически относятся к сказуемому). Ничто не препятствует им, в частности, стоять как в начале, так и в конце предложения (как, например, *за тꙗ головы свои съкладываѥмь* [1177], 213 об.; *рад(и) сꙗ бьемъ за тꙗ* [1989], 177). Они могут стоять после энклитик (как, например, *ѡже есте на мꙗ пришли* [1154], 170 об.), а также служить базисом для присоединения энклитик, например: *а на мꙗ сꙗ ѡборочиваꙗ* [1150], 151 об. Понятно, что в последнем примере представлен не блок энклитик *мꙗ сꙗ* (который невозможен, поскольку в блоке энклитик не могут участвовать две энклитики одного ранга), а полноударная единица *на мꙗ* + энклитика *сꙗ*.

Способность сочетаться с предлогом — след прежнего полноударного статуса этих местоименных словоформ. В самом деле, они стали энклитиками относительно поздно. В старославянском имеется довольно много случаев, где они еще сохраняют полноударный статус, например:

прильпе д҃ша моѣ по тебѣ, <u>*мꙗ же*</u> *приꙗтъ десні(ца) твоѣ* (Син. псалт., псалом 62);

рабъ бо не вѣстъ, что творитъ Г҃ъ его, <u>*вы же*</u> *рѣхъ дроугы* ('вас же я назвал друзьями'; Мар., Ио. 15.15);

іже вы приемлетъ, <u>*мꙗ*</u> *приемлетъ* (Мар., Мт. 10.40);

іже аште едино таковыхъ отрочѧтъ приимет ъ въ імѧ мое, мѧ приемлетъ (Мар., Мр. 9.37);

не боите вы сѧ (Супр., III–89; *сѧ* здесь отделено от глагола акцентно самостоятельной словоформой *вы* [И. падеж]);

приподобихомъ же и мы сѧ матери оубозѣи, не имѫшти гладомь млѣка (Супр., III–58 об.; *сѧ* отделено от глагола словосочетанием *и мы*);

и прѣдашѧ ѥмоу ѭ (Супр., II–5 об.; *ѭ* отделено от глагола акцентно самостоятельной словоформой *ѥмоу*).

То же относится к сочетаниям с союзами, которые в более позднее время уже невозможны:

ѣко же и мѧ възлюбилъ еси (Мар., Ио. 17.23);

и тѧ ли можетъ понести оужасъна дѣвица (Супр., II–7 об.);

аште ты еси Хъ҃, спс҃ѧ (= *съпаси сѧ*) *самъ и ны* ('спаси сам себя и нас'; Мар., Лк. 23.39);

а и ны сънъ ихъ оустраши (Супр., III–61);

і вы бес печали сътворимъ (Мар., Мт. 28.14);

іны естъ съпс҃лъ, да спс҃тъ и сѧ (Мар., Лк. 23.35);

не стыдиши и сѧ, прѣисподьн҃ии темьныи диꙗволе (Супр., 37 об.).

Ср. еще: *вънимаи, дш҃е оканьнаꙗ, да не прельщена боудеши, не ѡслаблꙗи,* ∇ *ни сꙗ възноси* (Нифонт, 10), где *ни сꙗ* — возможно, старославянский элемент.

Единичные реликты такого рода сохраняются и в древнерусских памятниках (но здесь это чрезвычайная редкость):

а сѧ его заприть (ГВНП, № 28, 1190-е гг.);

да же ны Бъ҃ поможеть, ∇ *а сѧ ихъ ѿтобьемъ* [1151], 155;

брате мои, на то и тѧ рци есмь призвалъ (Гал.-Волын. [1287], 298 об.).

Энклитики ранга 8 — связки

§ 1.11. Основную группу энклитик ранга 8 составляют связки 1-го и 2-го лица: *есмь* (*есми*), *еси*, *есмъ* (*есме*, *есмо*, *есмы*), *есте*, *есвѣ*, *еста* [2 дв.]. Дополнительная группа — связки 3-го лица: *есть* (*е*), *суть* (*су*), *еста* [3 дв.]; их свойства (рассматриваемые ниже в главе 5) несколько отличаются от свойств основной группы.

Примеры, иллюстрирующие положение энклитик ранга 8 в блоке энклитик, см. в предшествующих параграфах.

С энклитиками ранга 8 связан ряд специфических проблем, которые подробно обсуждаются в главе 5. Здесь достаточно указать лишь самое важное, а именно: 1) этот ряд словоформ имеет статус энклитик только в функции связок, тогда как в неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пребывать, находиться') они являются акцентно самостоятельными; 2) словоформы 3-го лица (*есть*, *суть*, *еста*) использовались в качестве связок в основном лишь в книжном языке; в живом древнерусском языке они в такой функции выступали только в некоторых особых, сравнительно редких случаях.

Об энклитическом характере связок в древних славянских языках четко говорит Якобсон (1935: 20): «Формы презенса глагола *быть* употреблялись в ка-

честве вспомогательного глагола[16] только в энклитической форме, в качестве связки то в энклитической, то в ортотонической форме, а в качестве самостоятельного глагола исключительно в ортотонической форме».

Утверждения Якобсона очевидным образом распространяются в том числе и на древнерусский. Мы находим даже прямую констатацию этого (1935: 18): «Самые древние русские и болгарские тексты доказывают нам, что первоначально эти два языка обладали энклитическими местоименными формами, равно как энклитическими формами вспомогательного глагола, и что положение этих слов во фразе определялось законом Вакернагеля». Но конкретного древнерусского материала он не рассматривает. Возможно, в этом одна из причин того, что и после этой работы энклитический характер древнерусских связок продолжал оставаться по существу незамеченным. В приложении к реальному древнерусскому материалу данная проблема, по-видимому, впервые была расссмотрена лишь в работе НГБ-VIII (1986 г.), где ей посвящен раздел «Место связки в предложении» (с. 154–158).

Констатация энклитического характера древнерусской связки хорошо согласуется с показаниями современных южнославянских и западнославянских языков, а также закарпатских и прикарпатских говоров украинского языка. Связка (или по крайней мере ее краткий вариант — там, где она имеет морфологические варианты) как правило функционирует здесь именно как энклитика.

Выявив ранговую организацию древнерусских энклитик, мы можем теперь сравнить ее, в частности, с той, которая представлена в таком богатом энклитиками славянском языке, как сербский. В сербском основные ранги фразовых энклитик таковы:

1) *ли* (частица);

2) связки, кроме *је* (*сам*, *си* и т. д.), и другие вспомогательные глаголы (*ћу*, *ћеш* и т. д., *бих*, *би* и т. д.);

3) местоимения в родительном падеже – *ме*, *те*, *нас*, *вас*, *га*, *је*, *их*;

4) местоимения в дательном падеже – *ми*, *ти*, *нам*, *вам*, *му*, *јој*, *им*;

5) местоимения в винительном падеже – *ме*, *те*, *нас*, *вас*, *га*, *је* (*ју*), *их*;

6) возвратное *се*;

7) связка *је* (которая при наличии возвратного *се* как правило опускается).

Сравнение со списком из § 1.3 показывает, что, хотя важнейшие группы энклитик в древнерусском и современном сербском сходны, их упорядочение по рангам существенно различается. Самое важное отличие состоит в том, что связки, кроме *је*, составляют в сербском один из начальных рангов, а в древнерусском — последний ранг.

Из этого сравнения ясно, что система рангов складывалась в каждом из этих языков по крайней мере в части своих элементов самостоятельно. Отметим, что самостоятельность развития могла проявляться и в том, что в ходе истории

[16] Имеется в виду: при перфекте.

происходили какие-то изменения в порядке рангов. Так, из истории сербского языка известно, что здесь система рангов энклитик претерпела частичную перестройку в XIII–XIV веках (древнесербская система была ближе к древнерусской, чем нынешняя; см. об этом, в частности, Толстая 1991).

Другие фразовые энклитики

§ 1.12. Рассмотренный выше список древнерусских энклитик, относящихся к сказуемому, — не исчерпывающий. В роли энклитик могли выступать и некоторые другие слова, которые по разным причинам приходится рассматривать отдельно от основного списка: для одних из них эта роль была возможна лишь в особых случаях; для других у нас слишком мало материала, чтобы надежно выявить их свойства (в частности, установить их ранг); третьи появляются в письменных памятниках в основном лишь в позднее время.

Словоформы *былъ*, *были* в составе плюсквамперфекта

По-видимому, уже в древнерусский период стали энклитиками словоформы *былъ*, *были* в том случае, когда они выступали в составе плюсквамперфекта (в самостоятельном употреблении они были энклиноменами). Следует полагать, что это верно также для словоформы среднего рода *было*; но соответствующего материала из памятников у нас нет.

Вот примеры, где *былъ* стоит в классической позиции фразовых энклитик, вклиниваясь внутрь начальной актантной группы:

фофоудьи былъ твоихъ 9 рьклъ ѧ собѣ 'из твоих фофудий (отрезов дорогой ткани) девять я перед тем выговорил себе' 675;

ꙗзъ Витебьска стоупилъ тобѣ, ∇ *и посолъ былъ свои* // *послалъ есмь ко братоу Дв҃дви* [1195], 238 об. (в последнем случае энклитики *былъ* и *есмь* разделены; см. о такой возможности § 1.21).

Напротив, в начальной позиции (в которой энклитики невозможны), плюсквамперфектные *былъ*, *были* не отмечены ни в одном памятнике ни разу.

В подавляющем большинстве фраз, содержащих плюсквамперфект с *былъ*, *были* (представленный в основном лишь в некнижных текстах), словоформы *былъ*, *были* расположены так, как было бы естественно именно для энклитик.

Примеры (энклитики подчеркнуты).

При начальном положении глагола:

оставили мѧ были людье 724;

реклъ ѥси былъ 195п;

не мыслилъ ѥсмь до пльсковичь гроуба ничего же, ∇ *нъ везлъ ѥсмь былъ въ коробьѧхъ дары паволокы и овощь* (НПЛ, 104);

и он мурзу прислал, ∇ *да велел был мне холопу твоему писати* (Грязной);

велел деи был царь тебе о Дивее писати (там же);

яз деи к тебе Кудеяра не хотел послать, ∇ *послал де был чеуша Крылова* (там же) (о представленной в этих примерах энклитике ⟨*дѣи*⟩ см. ниже).

При неначальном положении глагола:

азъ быле лони наделиле 705;

по бьсудьнои грамотѣ, ∇ цто быль возѧль Гюрьгѣ грамоту в ызьѣжьнои пьшьнѣцѣ 366п;

ать ти видьло, ∇ како ти было ⟨-лъ⟩ *ѧ Ивана ѧлъ* 'видел ли он, как я Ивана арестовал' 502;

а то ми былъ Бъ҃ далъ, ѡже сѧ есте сами зажгли [1140], 113 об.;

ѡже мѧ былъ ѡстоупилъ въ городѣ [1147], 132;

како ми сѧ былъ ѡбѣчалъ [1196], 240;

а ꙗ есмь былъ цѣловалъ хрcтъ къ брату своему Дюргеви [1150], 144 об.;

како еси былъ оумолвилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною [1196], 240;

а оуже, брате, // где есме были доумали поити на стрыꙗ своего ... [1147], 127 об.;

а хрcтъ есте были цѣловали ко мнѣ [1160], 182;

и не лѣнива мѧ былъ створилъ худаго (Мономах, 83);

тоі ж(е) зимы ïзбиша новгородцевъ, ∇ котории были пошли на Юргоу, оустьюжьскыи кн҃зи (НПЛ, 166);

*что сѧ есмь бы*л *ѿтъступи*л *брату своему* (ДДГ, № 16, 1401–02 гг.);

*а что ти сѧ есмъ бы*л *ѿступи*л *дани* (ДДГ, № 11, 1389 г.);

царь деи был и хотел отпустити Ивана (Грязной);

а мы были пожаловали брата твоего Ирика (Ив. Грозн.).

Ср. также фразы с барьером перед глаголом:

а се нама // далъ тѧ былъ Бъ҃ и волость твою по твоеи винѣ [1152], 163;

се оуже // прелстил мѧ ѥси былъ, дьꙗволе (ПВЛ, 65 об.);

а то бы мы известить велѣли, ∇ с чѣмъ мы к Ирику // послали были своего гонца Третьяка (Ив. Грозн.).

Фраза с разделением энклитик (см. § 1.21): *ты же еси, бра*т*, // оудоумалъ былъ тако* [1149], 135 об. Особо отметим единичную фразу с *была* (3 дв.): *брате, се Володимеръ Изѧславъ Дв҃двича хрcтъ // к нама была цѣловала* [1147], 127 об.

Для фразы *како ѿказало* ⟨-лъ⟩ *было* ⟨-лъ⟩ *на Местѧтке 7 гривено* 213 следует предполагать, что слово *како* подверглось здесь вторичной проклизе (§ 0.2), т. е. это *како*°.

Представленные в этом материале сочетания энклитик показывают, что энклитические *былъ*, *были* должны были бы получить ранг 9. В самом деле, они стоят правее всех прочих энклитик, включая связки, то есть энклитики ранга 8.

Отмечена, правда, также одна фраза, где порядок энклитик не соответствует основной массе примеров: *што сѧ бы*л *есми отъступи*л (ДДГ, № 34, 1434 г.). Другое нарушение представлено во фразе: *а ты в станице у Пенинского был мало что не в охотникех с собаками, ∇ и прежние твои были у ростовских владык служили* (Ив. Грозн.); здесь *были* стоит после двучленной актантной группы. Оба примера могут, в частности, объясняться тем, что в них словоформы *былъ*, *были* использованы не как энклитики, а как полноударные (при этом если в первом примере *былъ* действительно полноударно, то здесь имеет место так наз. разделение энклитик [см. § 1.21]: *што сѧ бы*л *есми*).

Таким образом, энклитический статус плюсквамперфектных *былъ*, *были*, возможно, все же установился не вполне прочно.

Частица *нъ* (*но*)[17]

§ 1.13. В отличие от союза *нъ* (*но*), эта частица встречается довольно редко и часто ускользает от внимания лексикографов. Она подробно рассмотрена нами в книге Зализняк 2007 (с. 198–206). Не повторяя этого разбора, укажем лишь, что данная частица ведет себя как нормальная фразовая энклитика, и приведем характерные примеры.

В тактовых группах с акцентно самостоятельным базисом:

нъ обаче нъ аще и вельми разгнѣвалъ сѧ бѣ на блаженааго, нъ не дьрьзноу ни единого же зъла и скърьбьна сътворити томꙋ (Феод., 58г/59а);

мало же сицѣхъ гл҃ъ обрѣтаеться, обаче нъ соуть (Иоанн Дамаскин, XII в. — Срезн. II: 499);

ту но аще ся прилучится ему и князя видѣти ('но если тут ...') (Шестоднев Иоанна экзарха по списку XV в.— Срезн. III: 1037);

дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо; далече залетѣло; не было нъ обидѣ порождено ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, чръный воронъ, поганый Половчине (СПИ, 40–41);

аще ли нò съгрѣшать, тоу̀ оужасаютсѧ и ѿчáють ('но если согрешат') (Флав., 421г);

хлѣба не ядяше, ни сочива, развѣ от овоща яблоко и зелие ⟨...⟩, и то же но в суботу ти в недѣлю ('но и то лишь в субботу и в воскресенье') (Житие Федора Сикевота — Слов. XI–XVII, 11: 392).

Также с *нъ* в роли релятивизатора —

по погостомъ и по свободамъ, гдѣ нъ соуть хр(и)стияне (Устав Владимира о десятинах, судах и людях церковных);

а причященье давайте въ ту 8 днии, коли нъ служаче (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Слов. XI–XVII, 11: 392);

а что сѧ остане^{т} *золото или серебро или иное что но есть, то все моей кнѧгинѣ* (духовная [вторая] Дмитрия Донского, 1389 г. — ДДГ, № 12).

В ряде случаев *нъ* (*но*) постепенно сращивается с предшествующим словом. Так, во фразе: *аже холостымъ, то не даите отиноудь, иже блоудъ творять; оли нъ при смерти, тъ же даите* ('но если при смерти, то дайте') (Поучение Ильи, епископа новгородского, XII в. — Срезн., II: 659) слова *оли* 'если, когда' и *нъ* еще сохраняют свои исходные значения. Но в дальнейшем из этого сочетания развивается слитное *ольно* с собственными значениями ('когда', 'до тех пор пока', 'вплоть до того что', 'даже'). Другие примеры сращений: *аконо* ('как будто') *пыша ꙗвлꙗсѧ ѿ трꙋда* (ЖФСтуд, 124 об.); *и оконо тако молвѧше* 'и он как будто так говорил' (Вопрош. Кирик., К 10; подробнее см. Зализняк 2007: 206–212); *абьно же* ('если же') *промышлаѧ въ домоу, рано въстани, а поздо л[ѧги]* 893.

Но особенно характерно для этой энклитики участие в проклитико-энклитических комплексах, причем здесь тоже часто происходит сращение. Примеры:

---

17 В праславянском существовало не только **nъ*, но и **no* (по-видимому, с тем же значением), ср. польск. и чешск. *ano* и т. п. На восточнославянской почве в ряде случаев невозможно отличить *но*, вторично развившееся из *нъ*, от исконного *но*. Но для нашего разбора, к счастью, от этой детали ничего не зависит, и мы можем ею не заниматься.

а нъ, а но (= *анъ, ано*) — *бѧше же новгородьцевъ мало, ано тамо измано вѧчьшiѥ моуж, а мьньшеѥ они розидошасѧ* (НПЛ, 83);

а не нъ — *а аште и ѥдинъ би былъ чоудимыи, довьлѣаше нашеи силѣ одолѣти, а не нъ толико множьство* (Супр., 82); *не вѣроуѭ бо мрьтвыихъ ни простыѩ дш҃а изводѧшть, а не нъ пророчьскы* ('даже и простые души..., а не то что пророческие') (Изборник 1073, 118);

а же нъ, а же но — *ты чаял, что в об'езд приехал с собаками за заицы — ажно крымцы самого тебя в торок ввязали* (Ив. Грозн.);

а ли (= *али*) *нъ* — *заложи стѣноу каменоу подъ цр҃квью ст҃го Михаила оу Днѣпра иже на Выдобычи, ѡ н‹е›и же мнозѣ не деръзьноуша помыслити ‹ѿ› древнихъ, али нъ дѣлоу ѩтисѧ* ('о которой многие из древних не дерзнули даже помыслить, не то что взяться за дело') (Киев. лет. [1199], 243);

а ти (= *ати, ать*) *нъ, а ти но* — *мълъви отрокоу своемоу, ати но [ходи]ть ...* Ст. Р. 7; *атно се замѣшете* ('если же произойдет помеха')*, Михалу брату ѥг(о) дасте серебро двоѥ* 318п;

а бы (= *абы*) *нъ, а бы но* — *и ре(че) к нимъ Ст҃ославъ: абы но шелъ кто к в(а)мъ* ('но пусть идет кто угодно к вам') (ПВЛ [970], 21);

и нъ, и но (= *инъ, ино*) — *а иметь русинъ нѣмчица оу своеи жены, ино за соромъ 10 серебра* (Смол. гр. 1229 F, 123–126);

не бо нъ (= *небонъ*) — *не чюже сѣи нъ своѥ, небонъ* ('потому что') *чюже сѣмѧ половела горчѣѥ* (Изборник 1076, 76об.).

На основании этого материала можно установить, что энклитика *нъ* (*но*) располагалась в блоке энклитик правее *же*, *ли*, *бо*, *ти* (частицы) и *бы*, т.е. имела ранг не менее 6-го. Что касается *абьно же*, то здесь *абьно* представляет собой сращенную единицу и тем самым *но* и *же* не образуют блока (см. подробнее о таких случаях § 1.39).

Но за рамками устойчивых сочетаний энклитика *нъ* (*но*) все же была в древнерусском языке редкостью; очевидно, основной период ее активного свободного употребления приходится на еще более древнюю эпоху.

Весьма показательно в этом отношении, что редакторы Ипатьевского списка летописи, равно как писцы Хлебниковского списка, уже не понимали, в частности, слов *аконо* и *оконо.* Так, *аконо видѣние* 'как бы видение (привидение)' (Киев. лет. [1194], 235) редактор переправил на *ако ино видѣние*, вставив *и*; а писец Хлебниковского списка написал в этом месте *ако сновидѣние.* В статье 1175 г. (Киев. лет., 207об.), по-видимому, в протографе стояло *видихъ оконо кнѧзѧ* ('я как будто видел князя') *идуща съ сѣнии доловъ*; писец Ипатьевского списка написал *ѩконо* вместо *оконо*, а потом еще зачеркнул *но*, т.е. переделал слово в *ѩко*; писец Хлебниковского списка переделал *оконо* в *окнѡм* (подробнее см. Зализняк 2007: 209–210).

Да (союз и частица)

§ 1.14. Как уже указано в § 0.2, это слово выступает в роли энклитики только в позиции после проклитики; ср. в Чудовском Новом Завете *и дá побѣдит* 151б, *не дá створю* 44в, *ни дà речши* 20в, *но дá послꙋжит* 11в, *ѩко дà испол-*

ніть[с] 6а и др. (Дыбо 1975: 20), где ударение на *да* указывает на то, что здесь представлены проклитико-энклитические комплексы.

Однако непосредственно включить такое *да* в описанную выше систему рангов не удается. Вот примеры, из которых видно, что *да*, стоящее после проклитики, располагается левее энклитик ранга 5 (и более высоких рангов):

Феод. — *и да сѧ останеть* 29г.

ЖАЮ — *нъ да бы сѧ оставилъ ѿ лихаго дѣꙗньꙗ мужь мои, и да бы мене ѥдиноꙗ и хотѣлъ, и любилъ* 41в;

створилъ ѥсть Бъ҇ и палицю, не да быхом сѧ били ѥю самѣ, нъ да сѧ ѥю подъпираѥмъ, и да сѧ остану и огнѧ и иного всего 36в/г;

пролѣи на нихъ гнѣвъ свои, и да и постигнеть 26в/г;

и да мѧ начнеши поминати всегда С170;

но да бы ны имѣлъ оутѣху собѣ 15г.

Но было бы неосторожно пытаться на этом основании приписать энклитическому *да* определенный ранг. Дело в том, что, к сожалению, в Чуд. тройных сочетаний типа *и да сѧ* не встретилось, и мы не знаем, как ведет себя в этом случае слово *да*, — так же, как в *и да́* (т. е. как энклитика, что должно дать ударение *и да́ сѧ*), или как в *да сѧ́* (т. е. как проклитика, что должно дать ударение *и да сѧ́*).

Частица *дѣи* (*дѣ*)

§ 1.15. Частица *дѣи* (*дѣ*, *деи*, *де*) восходит к глагольной словоформе *дѣѥ* 'говорит'. Ранний пример имеется в летописи: *ре*[ч] *бо дѣи Игорь: помѧноухъ азъ грѣхы своꙗ пре*[д] *Г*[с]*дмь Бм҇ъ моимъ* [1185], 224 об. Другие ранние примеры см. в Срезн., I: 802–803. Но значительное количество примеров появляется лишь начиная с XVI века. В XVII–XVIII вв. в документах деловой и официальной письменности, особенно в протоколах допросов и т. п., употребление частицы *дѣи* (*дѣ*) становится чрезвычайно частым; она фактически уже приближается к статусу грамматического показателя (а именно, показателя чужой речи).

Из относительно ранних источников ценный материал содержат письма Василия Грязного (1576 г.); приводим характерные примеры.

Фразы с комплексами энклитик:

да яз же деи чаялъ, что въ об'езде с собаками гоняти за зайцы;

да яз же деи говорил, кое деи пора моя;

и ты деи тово для скажи, на поминках ли деи, или деи на Казани и на Асторохани;

а говорил деи: «Яз деи тебя, Кудеяр, не хотел послать, и ты де ся сам назвал ...»;

велел деи был царь тебе о Дивее писати;

яз деи к тебе Кудеяра не хотел послать — послал де был чеуша Крылова.

Из прочих:

только деи не станешь писать, и тебе деи уж же быти кажнену;

то деи уж ты меж нас ссору чинишь;

а толко деи напишешь, а брат деи нашь, а вашь государь так учинит, Дивея нам даст, а тебя к себе возмет — ино деи меж нас и доброе дело сстанетца.

Очень часто энклитика *дѣ* (*де*) встречается у Аввакума (1670-е гг.). Примеры фраз с комплексами энклитик:

а сам из него говорит: «Ты <u>же-де</u> меня ослабил!» 89 об.;

говорено было: «Здорово <u>ли-де</u>, протопоп, живешь? Еще-де велѣлъ Б(о)гъ видатца» 56 об.;

опослѣ на меня, бѣдная, пеняет: «Долго <u>ль-де</u>, протопопъ, сего мучения будет?» 45/об.;

«В рубашке <u>л(ь)-де</u> ходит(ь) али плат(ь)е вздѣть? ...» 67;

туды <u>л(ь)-де</u> паки мучитца итти или-дѣ здѣс(ь) таитца от них? 68;

уже <u>бо-де</u> не надѣяхомся и живи быти 53;

как <u>бы-де</u> Б(о)га не прогневит(ь)? 68;

я-<u>де-таки</u> подле стороны дороги бреду 67 об.

Также с *или*, *аль*:

«Или-де мнѣ велиш(ь) покинуть все и в пустыню поити?» 66 об.;

«Аль-де и ты по толикихъ бедах и напастех соединяесся с ними? ...» 57 об.

Из прочих фраз с *дѣ* (*де*):

«Еретик-де ты; для-де тебя дощеник худо идетъ! Поди-де по горам, а с казаками не ходи!» 32 об.;

«Здѣс(ь)-де земля не взяла, на дороге-дѣ вода у меня приберет» 52 об.;

сказывал мнѣ: «Ногами-теми, что кочением мерзлым, по камен(ь)ю-тому-де бью, а какъ-де в тепло войду, зѣло-де рветъ и болитъ, какъ-де сперва учал странствовати, а се-де лехче да лехче, да не стало и болѣть» 68 об.;

и не вѣмъ-де кто силен выпехнул меня из воды на полубы; с тѣхъ-де мѣстъ стал странствоват(ь) 69;

послѣднее слово со мною говорили: «Что-де ты упрям, Аввакумъ? Вся-де наша палестина — и серби, и алъбанасы, и волохи, и римляня, и ляхи, — всѣ-де трема персты кр(е)стятся, одинъ-де ты стоиш(ь) во своем упоръствѣ и кр(е)стисся пятью перьсты! Такъ-де не подобаетъ» 71.

Для демонстрации редкого сочетания *д⟨ѣ⟩ ся* приведем еще пример из Пам. Влад. (№ 289, XVII в.): *и сошед <u>де ся</u> с тобою, ѡн ⟨...⟩ и тѣ речи ⟨...⟩ сказывал.*

Из приведенного материала видно, что энклитика *дѣ(и)* располагается правее энклитик рангов 1–5 и левее энклитики ранга 7 *сѧ* и энклитик *былъ*, *были*, которые, по-видимому, относились к рангу 9 (см. выше), а также новой энклитики *таки*. Таким образом, она относится либо к рангу 6, либо к некоему промежуточному рангу, расположенному между рангами 5 и 6 или 6 и 7; уточнить это не удается, поскольку в нашем распоряжении нет примеров контакта *дѣ(и)* с энклитиками ранга 6.

Энклитические *реку*, *рече*, *рьци*

§ 1.16. Подобно *дѣ(и)*, возникшему из *дѣѥ* 'говорит', могли превращаться в энклитики и другие словоформы со значением 'сказал', 'говорит', 'говорю'. Таковы словоформы *реку*, *рече*, *рьци*, *молвить*, *молвилъ*, *молви*.

Как у Василия Грязного, так и у Аввакума представлено безупречное функциональное распределение: *дѣи* есть показатель чужой речи, *реку* — показа-

тель своей собственной речи в каком-то прошлом разговоре (причем эти показатели присутствуют почти обязательно).

Чрезвычайно ранний пример, который, возможно, относится сюда, представлен в Житии Феодосия: *блажени бо рече ѥсте, ѥгда оукорꙗть вы* 43а. Но этот случай все же может объясняться и иначе: *ѥсте* здесь могло быть, в силу книжного характера текста, полноударным, и тогда этот пример ничего не говорит о просодическом статусе словоформы *рече.* Во всяком случае, нельзя предполагать, что уже в эту эпоху за *рече* закрепилось место левее связки, ср. фразу *како сѧ ѥси реч(е) оужеглъ* (ЖАЮ, 43б), где *рече* стоит после связки.

Но практически надежные примеры энклитического *реку* имеются в письмах Грязного:

слыхал реку есми от людей: государь хачивал на поминках помиритца;

а то реку есми слышел же, что государь царь православный меня холопа своего велел окупати денгами.

Столь же показателен пример из Аввакума:

а сам говорю: «Челом реку бью на ево жалованье; какая онъ надежа мнѣ! Надежа моя Х(ристо)с!» 63; здесь *реку* вклинено внутрь словосочетания *челом бью*.

Имеется также один пример энклитического *рьци*, причем ранний:

брате мои, на то и тѧ рци есмь призвалъ (Гал.-Волын. [1287], 298 об.).

Другие примеры не столь определенны, но, вероятно, построены так же:

ѡвѣщавши Ѡльга и реч къ сломъ: аще ты рьци такоже постоиши оу мене в Почаинѣ, ꙗкоже азъ в Сюду, то тогда ти дамь (ПВЛ, 18);

ты реку ц(а)рь мой, а имъ какое дѣло до тебя? Потеряли реку своево ц(а)ря латыши безвѣриемъ своим (Аввакум, 75);

так мнѣ стало гор(ь)ко зѣло, — бѣсъ реку надо мною волю взялъ (Аввакум, 91).

Заметим, что в подобных случаях современные издатели обычно обильно снабжают такие тексты запятыми, например: *слыхал, реку, есми от людей*. Этим они действительно несколько помогают современному читателю понять фразу. Но это достигается ценой ее осовременивания, а именно, резкого отклонения от ее истинного членения — как фонетического, так и синтаксического. В действительности на фонетическом уровне здесь никакой остановки ни перед энклитикой *реку*, ни перед энклитикой *есми* никоим образом быть не могло, а на синтаксическом уровне *реку* уже было отнюдь не вклиненным главным предложением и даже не вводным словом, а просто показателем передачи прежней речи автора, носившим почти грамматический характер.

Для поздней энклитики *мол* (из *молви*, *-ть*, *-лъ*) в нашем материале примеров нет.

---

§ 1.17. Для анализа прочих энклитик (или словоформ, которые, возможно, допускали энклитический статус) имеющийся в нашем распоряжении материал недостаточен.

Так, в частности, всего три раза встретилась в нашем материале характерная для живой древнерусской речи энклитика *ка* (к которой восходит современное *-ка* в *дай-ка*, *ну-ка* и т. п.) — все в берестяных грамотах:

а ныне ка посъли къ томоу моужеви грамотоу 109;

из ъръмице ка въсп(и)ши ми грамътицю о свъемъ стъ[р](ъ)вье и о дѣтьхъ 854;

да молю ти сѧ, госъпоже ка моѧ, да посълъ во борожь и рыбиць выдаль ти 682.

Из этих примеров не удается даже надежно вывести статус данной энклитики: в первых двух примерах она ведет себя как фразовая, но в третьем выступает в составе обращения, что для фразовых энклитик ненормально, т. е. здесь она ведет себя как локальная.

В ходе истории превратилась в энклитическую частицу (*ведь*) словоформа *вѣдѣ* 'знаю'. В этой трансформации следует различать два аспекта: 1) превращение глагольной словоформы со значением 'знаю' в частицу со значением 'ведь'; 2) превращение полноударной словоформы в энклитику.

Самый ранний пример, где уже проявились первые элементы данной эволюции, —фраза *а тобѣ вѣдѣ ѧко есть не годьнъ* из берестяной грамоты № 752 рубежа XI–XII вв. Дословно это 'а тебе я знаю, что не любо', но реальный смысл близок к 'а тебе ведь, вижу, не любо'. Иначе говоря, значение слова *вѣдѣ* уже несколько сдвинуто в направлении его будущего семантического развития; а его позиция во фразе уже такая же, как у вакернагелевских энклитик. Но от современного узуса эту фразу отличает наличие союза *ѧко*, который показывает, что в грамоте № 752 перед нами все-таки еще глагол *вѣдѣ*, а не частица.

Другой ранний пример — *нача впрашати юго* (пленного половецкого князя) *Володимеръ: «То вѣдѣ ѥла вы рота* ('это ведь настигла [букв.: схватила] вас клятва'). *Многажды бо ходивши ротѣ, воєвасте Русскую землю. То чему ты не казаше с҃нвъ своихъ и роду своѥго не преступати роты?»* (ПВЛ [1103], 94). Здесь *вѣдѣ* выступает уже практически в той же роли, что современное *ведь* (тогда как собственно глагольная интерпретация этой словоформы уже плохо подходит к контексту), и опять-таки стоит в позиции вакернагелевских энклитик. См. также еще три примера в Срезн. (I, 481 и III, Дополнения, 70).

Вот некоторые более поздние примеры:

Иван Грозный — *а о Ирике ведь мы к тебѣ ни с кѣмъ не приказывали*;

ино ведь тому не возможно статися, что у мужа жена взяти;

и тебя вед(ь) на Дивея выменити не для крестьянства — на крестьянство.

Грязной — *яз вед(ь) холоп твои телом ныне в Крыму у крымского царя сижю, а душею у Бога да у тебя государя.*

Аввакум — *я веть за вдовы твои сталъ!* 34;

не умывалъся веть, да и кланятися не смогъ 36 об.;

есть-тово послѣ побой-тѣхъ хочется, ∇ да вет(ь) су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ 36 об.;

ну, старецъ, моево вякаⁿня // много веть ты слышалъ! 115.

Во всех этих примерах *вѣдь* имеет современное значение и стоит в позиции вакернагелевских энклитик. Но, как и в современном языке, встречаются также и фразы, где *вѣдь* стоит в позиции, недопустимой для энклитик, например:

и станетъ говорить: «Какъ тебѣ сорома нѣт? Веть ты протопопь!» (Аввакум, 68 об.; здесь *веть* либо полноударно, либо даже уже является проклитикой).

Неясно, существовали ли в древнерусском энклитические варианты словоформ *ему*, *его* (см. об этом § 3.16).

В позднюю эпоху появляются новые фразовые энклитики. В частности, у Аввакума находим *таки* и *су* (из *осударь*, *сударь*), например:
я таки что собака, так и емъ 36 об.;
да и всегда таки я, окаянной, сердитъ, дратца лихой 90 об.;
а во иную су пору и боялис(ь), *ч*(е)*л*(о)*вѣцы бо есмы* 52 об.;
он же, разсмѣявся, говорит: «Знаю су я пустосвятовъ тѣхъ!» 27.

Примечание. В берестяном фрагменте 15п: ... [*м*]*ѧ г҃не ѥси пожа*[*л*]*овал...* (XV в.) — обращение *г҃не* аномальным образом вклинено внутрь блока энклитик. Правда, это лишь крошечный фрагмент, и мы не знаем, как выглядела фраза целиком. Но допустимо предположение, что *г҃не* (которое могло читаться каким-то сокращенным образом) здесь подобно сокращенному *су* (из прежнего *осударь*) у Аввакума, то есть, как и оно, выступает в роли новой энклитики. В этом случае его место уже не аномально.

В заключение раздела о рангах фразовых энклитик полезно обратить внимание на «возраст» древнерусских энклитик разных рангов. Обнаруживается следующая общая закономерность: самые древние энклитики (*же*, *ли*, *бо*) относятся к начальным рангам, самые молодые (*мѧ* и т. д., *есмь* и т. д., *былъ*) — к конечным. При этом энклитики начальных рангов реализуют свой просодический статус совершенно последовательно, а по мере продвижения к конечным рангам мы сталкиваемся со все большим числом отклонений от этого статуса.

Отсюда можно заключить, что полноударные слова, переходящие в ходе истории в категорию энклитик, попадают, по крайней мере в большинстве случаев, в конец уже имеющихся блоков энклитик. Они как бы «становятся в конец очереди». Тем самым система рангов оказывается своего рода «окаменевшей историей» формирования энклитик.

Но указанный общий принцип все же не носит абсолютного характера. В частности, относительно молодая энклитика *бы* внедрилась в цепочку энклитик левее энклитик ранга 6 (*ми* и т. д.), имеющих древнее происхождение. Другой подобный пример, по-видимому, составляет поздняя энклитика *дѣи*, которая тоже оказалась не в самом конце цепочки (а возможно, еще и *реку*, которое может стоять левее связки). Существенно также, что в ходе истории ранги энклитик в принципе могут и измениться, как это случилось, в частности, в сербском языке (ср. Толстая 1991).

РИТМИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ БАРЬЕРЫ

§ 1.18. Закон Вакернагеля в сочетании с правилом рангов составляет основное правило расположения фразовых энклитик. Оно действует всегда. Но существуют также более частные правила, действующие лишь в определенных ситуациях, которые добавляются к основному правилу и образуют тем самым некоторые его модификации.

Важнейшее из таких правил состоит в следующем. Начальная часть клаузы может быть как бы отчленена (в произношении этому может соответствовать короткая остановка или пауза, но может и ничего не соответствовать); правила о расположении энклитик действуют после этого так, как если бы отчлененной части в клаузе вообще не было. Иначе говоря, действительное начало клаузы заменяется (с точки зрения действия этих правил) точкой «условного начала», находящейся непосредственно после отчлененной части.

Точку «условного начала» можно образно представить в виде некоего «р и т м и к о - с и н т а к с и ч е с к о г о   б а р ь е р а», который не позволяет энклитикам продвинуться влево, к действительному началу клаузы.

Ниже в качестве сокращения громоздкого термина «ритмико-синтаксический барьер» мы будем часто использовать просто слово «барьер».

Символ ритмико-синтаксического барьера — //.

Понятие ритмико-синтаксического барьера — важное дополнение к закону Вакернагеля: без данного понятия этот закон выглядит гораздо менее точным механизмом, чем он на самом деле является.

Чтобы яснее понять, что такое ритмико-синтаксический барьер, полезно обратиться к современному русскому языку, поскольку остатки древней системы в нем все еще существуют. Лучше всего сохранило древние «вакернагелевские» свойства противительное, причинное и усилительное *же*: оно до сих пор с высокой последовательностью ставится после первого полноударного слова фразы. Например: *Ты же сам знаешь*; *Второго же числа он уже уедет*; *Вчера же Петя этого еще не знал*; *Иван же Петрович отказался*; и т. п. Также во фразах, где первому полноударному слову предшествует проклитика: *Но я же вам говорил*; *Так Иван же Петрович отказался*; и т. п.

Правда, современный язык, в отличие от древнего, уже допускает постановку *же* не после одного, а после двух полноударных слов, если они образуют смысловое единство, например: *Иван Петрович же отказался*; *Железную дорогу же ему не оплатят*; и т. п.

Но *же* все-таки может оказаться не после первого, а после одного из последующих полноударных слов и в других случаях, например: *Вчера Петя же этого еще не знал.* Чем же отличается фраза с *Вчера Петя же ...* от фразы с *Вчера же Петя ...*? Нетрудно убедиться, что *Вчера Петя же ...* произносится с маленькой остановкой после *вчера* или по крайней мере с некоторым протяжением конечного *а* в этом слове; а на уровне смысла ощущается некоторый нажим на это *вчера* — подчеркивается, что фактор времени тут играл решающую роль. Всё это значит, что данную фразу можно представить так: *Вчера // Петя же этого еще не знал*; то есть что здесь имеется ритмико-синтаксический барьер. Это и есть современный аналог того, что мы предполагаем для древнерусского.

И мысленный эксперимент показывает, что во фразах с «ушедшим вправо» противительным *же* (сочетания типа *железная дорога* не в счет) перед той тактовой группой, в которую оно входит, как правило есть подобный же барьер, например: *Без записки от родителей // его же не отпустят*; *На первый рейс // он же никак не мог успеть*; *Такую работу // они же в любом городе найдут*.

Имеется большое число древнерусских фраз, структуру которых до введения понятия ритмико-синтаксического барьера было чрезвычайно трудно объяснить. Вот некоторые примеры:

тои же осени много *<u>ся</u>* *зла сътвори* (Комисс. НПЛ, [1215]);

и пакы дѣлѣ *<u>ся</u>* *своѥмь къждо имѧшеть* (Феод., 36а/б);

да вы почто *<u>ся</u>* *томѹ дивите* (ЖАЮ, С10 об.).

В этих фразах *ся* стоит не в конце первой тактовой группы, а правее. Как объяснить такое его положение? Например, Г. Гуннарссон (1935), у которого в числе инструментов анализа нет понятия ритмико-синтаксического барьера, вынужден трактовать такие *ся* как полноударные (в его терминологии «ортотонические»). Действительно, полноударная словоформа в принципе может стоять во фразе в любой позиции. Однако невозможно объяснить, почему здесь *ся*, если оно уже не энклитика, а полноударная словоформа, вклинилось (нарушая проективность) внутрь словосочетаний *много зла*, *дѣлѣ своѥмь*, т. е. ведет себя совершенно так же, как, например, во фразах *и много* *<u>ся</u>* *зла створи* (Синод. НПЛ, [1136]), *съ гроубою* *<u>ся</u>* *чадью пьрѣхъ* (Мефод., 107а), где *ся* есть бесспорно энклитика и где такое вклинивание определяется законом Вакернагеля.

Предполагая в подобных случаях для энклитики *ся* полноударный статус, можно, правда, пытаться связать это с тем, что она изредка действительно обнаруживает следы прежней полноударности (см. § 1.10). Но легко убедиться, что имеется немало совершенно аналогичных фраз с энклитиками, у которых нет никаких следов полноударности (*ми*, *ти*, *ны* и др.), например:

а съ сими како *<u>ми</u>* *Б(ог)ъ дасть* ([1146], 119 об.);

а тогда како *<u>ны</u>* *с ними Б(ог)ъ дасть* ([1150], 147 об.);

ѡнъ же нынѣ ворогъ *<u>ми ся</u>* *оучинилъ* ([1196], 241).

Пытаться и в этих случаях трактовать местоименные словоформы (*ми*, *ны* и т. д.) как полноударные и именно этим объяснить их позицию во фразе невозможно: у этих словоформ есть особые полноударные варианты (*мънѣ*, *намъ* и т. д.), которые и были бы здесь употреблены, если бы действительно имелась потребность в просодическом усилении.

Все указанные трудности снимаются, если мы призна́ем, что во всех таких фразах представлены именно энклитики, причем подчиняющиеся закону Вакернагеля, но только начальная часть этих фраз как бы отброшена, т. е. выведена из сферы действия этого закона. Иначе говоря, все объясняется, если признать в этих фразах наличие ритмико-синтаксического барьера (а именно: *тои же осени* //; *и абиѥ* //; *да вы* //; *а съ сими* //; *а тогда* //; *ѡнъ же нынѣ* //).

Имеется жесткое правило, ограничивающее число мест во фразе, где в принципе может стоять ритмико-синтаксический барьер, а именно:

ритмико-синтаксический барьер возможен только после целой актантной или инородной группы.

Соответственно, внутри актантной или инородной группы ритмико-синтаксический барьер стоять не может. Это ограничение весьма существенно для ряда элементов последующего анализа.

Формальное исключение здесь составляет только разорванная актантная группа с охватом сказуемого (§ 0.6), например: *другую // далъ ѥсмь Дмитру че-*

реньцю польтину (где разорванная актантная группа *другую польтину* охватывает сказуемое *далъ ѥсмь*). Но фактически это простое следствие данного в § 0.6 правила о том, что при охвате сказуемого существенна только левая часть разорванной группы, которая принимает на себя роль целой актантной группы.

Примечание. Запрет на постановку барьера внутри актантной группы дополняется следующим правилом: барьер не может стоять также внутри именной группы, вершиной которой является именное сказуемое, например, внутри группы *жестокъ человѣкъ* во фразе *жестокъ человѣкъ, цѣсарю, ты еси.* (Это дополнительное правило с формальной точки зрения необходимо, потому что по строгому смыслу определения из § 0.6 словоформа *жестокъ*, подчиненная сказуемому *человѣкъ*, должна быть признана актантной группой.)

Мы будем разделять барьеры на обязательные, полуобязательные и факультативные.

Всякий обязательный барьер действительно реализуется, т.е. он с обязательностью исключает соответствующий начальный отрезок клаузы из участия в определении места для энклитик. Факультативный барьер может быть или не быть реализован — это зависит от интенции говорящего. Полуобязательный барьер обладает более сложными свойствами, о которых см. § 1.25.

§ 1.19. В клаузе всяким барьером, возможным для данной клаузы, определяется некоторое потенциальное место для блока энклитик. Это место в конце той тактовой группы, которая непосредственно следует за данным барьером. Иначе говоря, оно находится просто по закону Вакернагеля, применяемому в данном случае к отрезку клаузы, стоящему правее этого барьера.

Пусть имеется, например, клауза, означающая 'брат, ныне ты отступился в мою пользу от того села'. Если временно удалить из нее блок энклитик *ми сѧ еси* и обозначить все возможные барьеры, она будет иметь вид: *брате, // нынѣ // того села // отъступилъ.*

Первому барьеру (перед *нынѣ*) соответствует потенциальное место для блока энклитик после *нынѣ* (т.е. вариант *брате, // нынѣ ми сѧ еси того села отъступилъ*). Барьеру перед *того* соответствует место после *того* (т.е. вариант *брате, нынѣ // того ми сѧ еси села отъступилъ*). Барьеру перед *отъступилъ* соответствует место после *отъступилъ* (т.е. вариант *брате, нынѣ того села // отъступилъ ми сѧ еси*).

Таким образом, всякий барьер как бы просто уменьшает длину клаузы, отсекая от нее слева некоторый начальный отрезок, но остающаяся послебарьерная часть клаузы продолжает обладать тем свойством, что к ней применим закон Вакернагеля, т.е. с интересующей нас точки зрения она однотипна с целыми клаузами.

Далее нам потребуется понятие главного места для блока энклитик внутри клаузы; оно может быть названо также главным вакернагелевским местом для энклитик (или главной вакернагелевской позицией). Если в клаузе нет обязательных барьеров, то это просто конец начальной тактовой группы клаузы (т.е. место, определяемое началом клаузы). Если они есть, то это место, определяемое последним (самым правым) из обязательных барьеров.

И мы будем называть дополнительным местом (для цепочки энклитик внутри клаузы) всякое место, определяемое одним из возможных для данной клаузы полуобязательных и факультативных барьеров.

Так, в приведенном примере главное место для цепочки энклитик — после *нынѣ* (поскольку барьер после обращения — обязательный). Прочие места — дополнительные.

Сильные и слабые энклитики

§ 1.20. Фразовые энклитики с разной силой тяготеют к своему главному месту. С этой точки зрения их можно подразделить на две категории:

1) сильные — энклитики первых пяти рангов;

2) слабые — энклитики трех последних рангов (6–8).

Сильные энклитики лишь весьма редко смещаются вправо от главного места для блока энклитик, слабые — сравнительно часто.

В действительности градация энклитик по степени тяготения к их главному месту тоньше, т. е. внутри каждой из двух групп можно указать более сильные и более слабые единицы. Тонкая градация в общем соответствует порядку рангов: энклитики более высоких рангов слабее, чем энклитики более низких.

Так, сильные энклитик можно подразделить на основные (ранги 1–4) и дополнительную, несколько менее сильную, энклитику ранга 5 *бы.* Слабые энклитики образуют простую градацию: «пограничный» ранг 6 (*ми*, *ти*, *си* и т. д.) — переходный по силе; ранг 7 (*мѧ*, *тѧ*, *сѧ* и т. д.) — просто слабый; ранг 8 (связки) — слабейший.

Но для практических целей почти во всех случаях достаточно деления на две основные категории.

С исторической точки зрения, сильные энклитики — более древние, слабые — как правило более молодые (ср. § 1.17). С синхронической точки зрения сильные энклитики — это слова, наиболее последовательно подчиняющиеся всем механизмам поведения энклитик, тогда как слабые энклитики в части случаев неполностью подчиняются этим механизмам или обнаруживают колебания.

С грамматической точки зрения, сильные энклитики — это частицы, а также *бы*, которое первоначально представляло собой словоформу глагола *быти*, а со временем тоже превращается в простую частицу; слабые энклитики — это формы словоизменения местоимений и вспомогательного глагола *быти.*

Таким образом, деление энклитик на сильные и слабые de facto почти совпадает с грамматическим разделением, которое кладет в основу описания энклитик Р. Якобсон (1935), а именно: particules (частицы) — mots enclitiques fléchis (т. е. склоняемые и спрягаемые энклитические слова, иначе говоря, энклитические формы словоизменения). Расхождение касается только ранга 5: в схеме Якобсона *бы* в соответствии со своим древним статусом входит в число mots enclitiques fléchis.

Разделение энклитик во фразе

§ 1.21. Как уже указано, в нормальном случае все фразовые энклитики стоят во фразе вместе, образуя единый блок; соответственно, действие ритмико-син-

таксического барьера, если таковой имеется, распространяется сразу на все имеющиеся фразовые энклитики. Но существует все же и особый случай, когда это не так, а именно, когда барьер воздействует лишь на часть имеющихся энклитик. В этом случае происходит так наз. разделение энклитик: часть их оказывается в соответствии с общим принципом правее барьера, а другая часть остается левее его (в силу чего достигается своего рода «разгрузка» скопления энклитик). Например, во фразе *ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оучинилъ* энклитики *ми* и *сѧ* стоят правее барьера, но на энклитику *же* действие этого барьера не распространяется и она остается левее его.

Внутри каждой из частей, на которые клаузу делят ритмико-синтаксические барьеры, соответствующая энклитика ставится на требуемое законом Вакернагеля место — как если бы эта часть составляла целую клаузу (порядок энклитик внутри части определяется обычным правилом рангов).

Случаев разделения блока энклитик более чем на две части нами не отмечено. В безусловном большинстве случаев разрыв блока происходит между сильными и слабыми энклитиками: сильные оказываются в предбарьерной части клаузы, слабые — в послебарьерной. Ср. приведенную выше фразу, а также, например: *се же, брата, // хрестъ еста перестоупила* [1147], 127об.; *азъ бо // молилсѧ ѥсмь своѥму вл*^{д}*цѣ* (ЖАЮ, 60г) и т. п.

Но данное правило все же не имеет абсолютного характера, т. е. в принципе возможны также фразы (хотя реально они весьма редки), где разделение проходит и иначе, в том числе и так, что в левой части оказываются энклитики большего ранга, чем в правой. Вот некоторые примеры с ушедшим вправо *ли*: *а оу королева еси мужа // слышалъ ли о томъ честномъ крестѣ?* [1152], 166об.; *тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомъ мы бра*^{т} *твоего держали?* [1147], 127.

Энклитику, оставшуюся в предбарьерной части клаузы и тем самым отделившуюся от остальных энклитик, мы будем называть отчлененной.

Важный частный случай разделения энклитик, представленный относительно широко, состоит в том, что левее барьера остаются сочетания с сильными энклитиками, находящиеся на полпути к сращению, — *нынѣ же*, *ꙗко же*, *пакы ли*, *уже ли*, *что бы* и т. п., например: *пакы ли // что еси оумыслилъ*.

Сочетания этого рода можно обозначить как «сочетания с устойчивым отчленением». Барьер после них присутствует много чаще, чем отсутствует, т. е. до некоторой степени приближается к обязательному.

В таких случаях для отчленения одной энклитики от остального блока обычно имеются довольно ясные содержательные основания. Они состоят в том, что предбарьерный отрезок здесь может приближаться к самостоятельной клаузе, т. е. приобретать некоторые элементы предикативности. Например, отчлененное *уже* может приобретать смысл 'уже произошло вот что', отчлененное *нынѣ* — смысл 'а теперь будет (*или*: стало) вот что' и т. п. И эти «квазипредикативные» *уже*, *нынѣ* и т. п. могут получить собственные энклитики, например, *нынѣ же* (в противопоставлении с тем, что произошло раньше), *уже ли* 'разве уже произошло'. Если возникает барьер, то такая энклитика остается слева от него.

Степень самостоятельности начальных отрезков такого рода столь велика, что они в некоторых случаях могут составлять просто отдельные клаузы, —

это явствует из того, что следующая клауза вводится своим собственным союзом. Примеры: *пакы ли, да въсадимо вы въ погрьбо* 952; *пакы ли, али* [*ѧ сл*]*ю* [*дѣ*](*тьскыи*) 295; *пакы ли, а како сѧ с ни*ᴹ *оулажю* [1148], 134 об.; *пакы ли, а рать зачнеши с ни*ᴹ [1154], 170 об. Ср. также весьма выразительный пример, где принадлежность энклитики *же* выражению *нынѣ же* ясно видна из того, что в той же фразе в ее послебарьерной части имеются также другие *же*: *ны*ᴴ *же, брате, // ако же ми еси самъ върекль, полѣзи же на конѣ* [1150], 147.

Следует отметить также, что среди случаев разделения значительную часть составляют такие, где барьер воздействует только на слабую энклитику *сѧ*, которая в результате этого попадает в постпозицию к глаголу, тогда как остальные энклитики остаются в предбарьерной части, например: *Свѧтославъ ти // послалъсѧ къ Гюргеви*. Со временем именно этот частный случай становится главной моделью разделения энклитик.

Дублирование энклитик

§ 1.22. Существует также еще один особый синтаксический эффект, отчасти сходный с разделением блока энклитик. Он состоит в дублировании одной и той же энклитики: энклитика помещается один раз в предбарьерной части клаузы, а потом еще раз в основной ее части.

Подавляющее большинство относящихся сюда примеров отражают дублирование энклитики *сѧ* (так называемый эффект двойного *сѧ*); например: *мнѣ сѧ // не можетсѧ* 124п; *како сѧ, осподине, // нами своими хрестьꙗны // попечалишисѧ?* 310п; *и про се сѧ и Мьстиславъ // разъгнѣвасѧ на нѣ* (Киев. лет. [1140], 112 об.); *обы сѧ просто // не уцинилосѧ* (ГВНП, № 44, 1373 г.); подробнее см. § 4.13.

Проблема двойного *сѧ* хорошо известна в славистике; см. в частности, разбор истории вопроса у Г. Гуннарссона (1935: 16–18). Случаи дублирования *сѧ* в древнерусском языке отмечаются, в частности, в Соболевский 1907: 256.

Дублирование других энклитик встречается редко. Вот некоторые примеры: *а рубежь ти, княже, // межю Суждальскою землею и Новгородьскою // дати ти старый* (ГВНП, № 9, 1307–08 гг.; двойное *ти* 'тебе'); *оже мѧ // ведете мѧ льстью* [1147], 127 (двойное *мѧ*); *се, брате, // ты еси ко мнѣ ѿ оца // пришелъ еси* [1149], 135 об. (двойное *еси*).

Дублирование энклитик часто бывает похоже на простую ошибку писца. И не приходится сомневаться, что в каких-то случаях причина здесь действительно такова.

Так, может быть, это вообще чисто письменный эффект, чуждый устной речи? Ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Во-первых, двойные энклитики встречаются в берестяных грамотах, которые, как известно, стоят ближе, чем любые другие документы, к устной речи. Во-вторых, в памятниках двойные энклитики встречаются в сколько-нибудь заметном количестве лишь начиная с XIV века; а если бы это была простая ошибка писца, она должна была бы встречаться одинаково часто в памятниках любого века. В-третьих, совершенно такое же явление можно наблюдать в современной разговорной ре-

чи; например, здесь возможны фразы: *Передай ему, чтобы не раздумывая вместе с детьми приезжал бы* (двойное *бы*); *Я ведь совершенно ни о чем об этом не знал ведь* (двойное *ведь*) и т. п.

В действительности, как будет видно из дальнейшего (см. § 1.37), основная причина появления двойных энклитик — это взаимодействие более старого и более нового правила расстановки энклитик во фразе.

Типы ритмико-синтаксических барьеров

§ 1.23. В древнерусском языке существуют достаточно определенные правила постановки ритмико-синтаксических барьеров.

Обязательные и полуобязательные барьеры определяются просто синтаксисом, факультативные — частью синтаксисом, частью смыслом.

Потенциальное место для блока энклитик, определяемое некоторым барьером, становится реальным лишь в том случае, если данный барьер, во-первых, реализован, во-вторых, оказался самым правым из реализованных барьеров.

Ниже приводятся правила постановки барьеров, действовавшие в древнерусском языке. При этом дается лишь минимум иллюстраций — основной массив примеров читатель найдет в главе 2. В иллюстрациях энклитики, место которых определяется наличием рассматриваемого барьера, подчеркнуты.

Обязательные барьеры

§ 1.24. Ритмико-синтаксический барьер о б я з а т е л ь н о ставится:

1) После начинающей клаузу инородной актантной группы (обращения, междометия, вводного слова). Пример: *кнѧже, // ты сѧ на насъ не гнѣваи.*

2) Перед непервым инфинитивом в серии однородных подчиненных инфинитивов (если есть сочинительный союз, то перед ним); такой барьер задает место энклитик, относящихся к соответствующему инфинитиву.[18] Пример: *начнеши просити // и кланѧтисѧ.*

Полуобязательные барьеры

§ 1.25. Полуобязательный барьер обладает тем свойством, что он всегда (или почти всегда) действителен для слабых энклитик, но необязательно действует на сильные энклитики. Соответственно, если фраза содержит как сильные, так и слабые энклитики, то происходит разделение энклитик: сильные ставятся левее полуобязательного барьера, слабые — правее. Таковы барьеры:

1) После вынесенного в начало общего члена двух или более клауз. Пример: *доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо сѧ оуладимъ, любо сѧ не оуладимъ* [1195], 237 об.; с разделением энклитик — *нынѣ же // како еси со мною оумолвилъ, на чемь еси ко мнѣ кр^{с}тъ цѣловалъ, того еси всего не исправилъ* [1196], 241.

---

[18] Иначе говоря, серия однородных подчиненных инфинитивов ведет себя в отношении энклитик фактически так же, как серия однородных сказуемых.

2) После любой вклиненной клаузы (т.е. находящейся внутри более крупной клаузы, которая ее объемлет); это может быть деепричастная клауза, вклиненное придаточное, вводное слово и др. (см. § 0.5). Примеры (проставляем не все барьеры, а только те, которые здесь для нас существенны): *зане ѡнъ, мнии боуда, // не покорить ми сѧ* [1157], 175; *и все доброѥ дѣꙗниѥ, ѥже человѣкы въводить в раи, // путь сѧ нарѣчеть* (ЖАЮ, 57б); с разделением энклитик — *ты же, того не дождавъ, // послалъ еси сн҃вцѧ своꙗ ко Витебьскоу* [1195], 238 об.; *Всеволодъ же, пришедъ в Киевъ, // разболисѧ* (Киев. лет. [1148], 118 об.).

3) После внутренней инородной актантной группы, если перед этой группой по какой-либо причине возник барьер. Примеры: *охъ, // брате, // помози ми* (здесь имеется обязательный барьер после начального междометия, поэтому возникает еще один барьер после обращения); с разделением энклитик — *нынѣ же, // брате, // помози ми* (факультативный барьер перед *брате* порождает барьер после *брате*).

4) Перед стоящим не в начале клаузы местоименным словом «группы *кто*»[19] или подчинительным союзом. Примеры: *а в Роускои землѣ // кто ны сѧ ѡстанеть?* [1193], 234; *а съ сими // како ми Б҃ъ дасть* [1146], 119 об.; *а отрок(ѣ) // оже ти Шишакъ гонить, посади же въ Радъко[в](ѣ) [в]ежькѣ* 'а отроков если Шишак начнет гнать, то посади (Шишака) в Радкову башенку' 805. Но изредка все же встречаются фразы, где такого барьера нет (т.е. даже слабая энклитика стоит левее, чем *кто*, *что* и т.п.), например: *ѡже сѧ тобѣ што оучинить, то што намъ дѣꙗти?* [1153], 168.

Примечание. Если в предложении представлено сразу два слова «группы *кто*» (*кого чимь*, *кто куда* и т. п.), то барьер ставится перед первым из них, например: *и поклажаи // гдѣ есмѧ что взѧли, и намъ то все ѿдати* (ДДГ, № 46, 1447 г., с. 141).

Факультативные барьеры

§ 1.26. В факультативном порядке ритмико-синтаксический барьер может быть поставлен после любой целой актантной или инородной группы (но не внутри такой группы). Иначе говоря, он может быть поставлен в любой точке, которую допускает общее правило, данное в § 1.18.

Факультативных барьеров, как и обязательных, во фразе может быть несколько.

В отличие от обязательных барьеров, факультативный барьер возникает не автоматически. Он представляет собой просодическое выражение некоторого выделения того или иного звена фразы (или хотя бы его ритмического отделения от последующего текста). Такое выделение всегда предполагает соответствующую интенцию говорящего, а ее, разумеется, может и не быть. Соответственно, одна и та же (если не считать размещения энклитик) фраза может быть реализована как с барьером, так и без него.

Общий принцип состоит в том, что фразы без барьера предполагают сообщение без каких-либо специальных выделений или подчеркиваний, тогда как

[19] Т. е. местоимением (или местоименным словом) с относительным, вопросительным или неопределенным значением: *кто*, *что*, *како*, *кде* (*кдѣ*), *куда*, *когда*, *коли* и т. д.

наличие барьера говорит о том, что начальное слово (или словосочетание) в какой-то степени выделено. Например, фраза *оуже есмь пошелъ* (без барьера после *оуже*) означает 'я уже выступил в поход' (в ситуации, когда адресат этого ожидал); а фраза *оуже* // *пошелъ есмь* означает приблизительно: 'уже произошло вот что: я выступил в поход' (в ситуации, когда адресат не знал, как будут развиваться события).

Замечание. Этот пример может служить хорошей иллюстрацией того, что место энклитик в древнерусской фразе, которому интерпретаторы обычно не придают никакого значения, могло в действительности заметно видоизменять смысл фразы и передавать семантические детали, которых носитель современного языка уже не чувствует. Можно привести аналогии и из современного языка: например, во фразе *Вчера Петя же этого еще не знал*, даже если после *вчера* никакой реальной паузы или замедления ритма нет, место энклитики *же* заставляет слушателя воспринимать слово *вчера* как несколько выделенное по смыслу. Иначе говоря, и сейчас может оказаться так, что выделение некоторого слова выражено только тем, куда попадает энклитика.

Из сказанного понятно, что никаких формальных правил, которые позволили бы гарантированно предсказать реализацию некоторого факультативного барьера, построить невозможно. Мы можем говорить лишь о факторах, которые повышают вероятность реализации факультативных барьеров.

Эти факторы могут быть семантическими или синтаксическими. При этом большинство факультативных барьеров имеют одновременно и семантическую и синтаксическую мотивацию (возможно, разной силы).

§ 1.27. С семантической точки зрения, общим для всех фраз с факультативными барьерами является то, что в них имеется начальное слово или словосочетание, относящееся по смыслу ко всей остальной части фразы в целом, например: «а ныне...», «а тогда...», «а я...»; и именно после такого слова или словосочетания и возникает барьер.

Далее, общим почти для всех таких фраз является то, что это начальное слово или словосочетание соотнесено по смыслу с предшествующей фразой (например, по схеме: «он сделал то-то, а я — то-то», или «возможно, произойдет то-то, тогда сделай то-то», или «меня извести, а сам сделай то-то», и т. п.). Неслучайно безусловное большинство таких фраз начинается с союза *а* или содержит противительное *же*.

Можно указать несколько разновидностей тех мотивов, по которым выделяется начальное слово (но эти рубрики разграничены не вполне четко и не исключают одна другую). См. разбор этих мотивов с многочисленными примерами в § 2.7–10. Здесь мы их только перечислим.

1. Противопоставление или эмфаза, например: *Гюрги вышелъ ис Киева,* ∇ *а Вѧчьславъ* // *сѣдить ти в Киевѣ* [1150], 144.

2. Соотнесенность в более широком смысле, например: *и ѡже сѧ оуже поворотить ѿ насъ,* ∇ *а тогда* // *како ны Б҃ъ дасть с ни*^{м} [1151], 155.

3. Прочие случаи выделения темы, например: *а дроужина моꙗ* // *изнемоглася* [1187], 227 об.

4. Выделение обстоятельства, например: *а в Руськои земли // не велю ти быти* [1172], 203.

Напомним, однако, что во всех названных случаях речь идет лишь о тенденции, а не об обязательном правиле — для каждого из этих пунктов можно привести также и примеры без выделения начального слова.

§ 1.28. Помимо семантических факторов, реализации факультативных барьеров могут способствовать также определенные синтаксические факторы.

Имеется ряд синтаксических характеристик фразы, которые могут хотя бы в некоторых случаях влиять на вероятность появления факультативных барьеров. Таковы прежде всего: порядок полноударных слов во фразе, величина и число актантных групп, грамматические характеристики определенных членов предложения.

Кроме того, существенно то, к какому типу относятся сами энклитики, которые предстоит вставить, именно: если речь идет о нахождении места для сильной энклитики, то вероятность реализации факультативных барьеров минимальна; если для слабой — эта вероятность существенно больше.

Разумеется, в блоке могут быть представлены энклитики обеих категорий. В этом случае возможны следующие синтаксические решения:

1) факультативные барьеры не используются, и весь блок ставится на главное место для энклитик;

2) какой-то из возможных факультативных барьеров используется, и весь блок ставится на соответствующее дополнительное место;

3) какой-то барьер используется, но лишь для части энклитик, т. е. происходит разделение энклитик.

Решение 2 встречается крайне редко; основная конкуренция происходит между решениями 1 и 3.

КЛАССИФИКАЦИЯ КЛАУЗ

§ 1.29. Для адекватного описания энклитик необходима некоторая классификация клауз по синтаксическим признакам, способным хотя бы в некоторых случаях влиять на размещение энклитик. Объектами такой классификации естественно считать только клаузы с неначальным положением сказуемого (проклитики не в счет), поскольку при начальном его положении позиция энклитик определяется автоматически.

Идеальной для наших целей была бы классификация клауз, полностью независимая от того, есть ли в клаузе энклитики и как они размещены. В предлагаемой ниже классификации этот идеал удалось соблюсти везде, кроме одного частного пункта: мы отделяем от всех прочих клаузы с проклитико-энклитическим комплексом (и, следовательно, в этом пункте используем знание о том, в какой точке клаузы расположены энклитики). Эта группа клауз составляет лишь очень маленькую часть их общего массива, так что картина в целом меняется совсем незначительно. Избежать этого отклонения можно было бы только ценой чрезвычайного усложнения всей схемы классификации, с практической точки зрения неоправданного.

Используемая ниже классификация клауз такова.

Предварительная операция: если в клаузе есть обязательные или полуобязательные барьеры, то отбрасывается все, что стоит левее их (т. е. левее самого правого из них).

По степени сложности клаузы делятся на простые и осложненные; последние подразделяются на многоактантные и тяжелые (§ 0.7).

По грамматическим характеристикам клаузы подразделяются так.

Вначале от общего массива отделяются две особые небольшие группы:

а) клаузы с начальным проклитико-энклитическим комплексом (см. об особом характере этого пункта выше);

б) клаузы с начальным вспомогательным глаголом (не энклитическим: *бѣ*, *бѧше*, *будеть*, *нѣсть* и т. п.).

Остальные клаузы подразделяются по грамматическим характеристикам предикативной словоформы. Здесь противопоставляются прежде всего личные и неличные формы.

В сфере личных форм в некоторых случаях оказывается существенным время глагольной словоформы, а именно, противопоставляются, с одной стороны, формы с книжной окраской — аорист и имперфект[20], с другой — живые формы, т. е. остальные.

Неличные формы распадаются на инфинитивы, супины, деепричастия и собственно причастия; с интересующей нас точки зрения эти группы ведут себя по-разному. Инфинитивы подлежат подразделению на независимые и подчиненные.

Если сказуемое именное, то класс клаузы определяется грамматической формой вспомогательного глагола. Отсутствие связки приравнивается к наличию во фразе связки в презенсе.

Еще один признак, который в части случаев оказывается существенным, — грамматическая характеристика начального слова клаузы. Здесь различаются: а) местоименное слово, т. е. местоимение или местоименное наречие; б) союз; в) знаменательное слово (имя, наречие).

Теоретически все названные параметры могут сочетаться друг с другом, т. е. на их основе можно построить некоторую универсальную классификацию. Но практической необходимости в ней нет — достаточно древовидной классификации, где только часть ветвей подвергается более дробному членению. В частности, многоактантные и тяжелые клаузы можно было бы подразделить на такие же более мелкие группы, что и простые клаузы. Но с практической точки зрения это излишне, поскольку в любом из обследованных нами памятников полученные при этом группочки оказались бы слишком малочисленными для каких-либо статистических выводов.

Приводим схему используемой в настоящей работе классификации. Большинство классов для краткости обозначено в ней просто характерным элементом соответствующих клауз.

[20] Нелишне отметить, что в эту группу не входит плюсквамперфект (который свободно употребляется и в таких памятниках, где аориста и имперфекта нет).

Схема классификации клауз

<table>
<tr><td colspan="5">Проклитико-энклитический комплекс</td></tr>
<tr><td colspan="5">Вспомогательный глагол</td></tr>
<tr><td rowspan="10">Основной массив</td><td rowspan="8">Простые</td><td rowspan="4">Личные формы</td><td rowspan="3">Живые личные формы</td><td>Начальное местоимение</td></tr>
<tr><td>Начальный союз</td></tr>
<tr><td>Начальное знаменат. слово</td></tr>
<tr><td colspan="2">Аорист / имперфект</td></tr>
<tr><td colspan="3">Подчиненный инфинитив</td></tr>
<tr><td colspan="3">Деепричастие</td></tr>
<tr><td colspan="3">Причастие</td></tr>
<tr><td colspan="3">Супин</td></tr>
<tr><td rowspan="2">Осложненные</td><td colspan="3">Многоактантные</td></tr>
<tr><td colspan="3">Тяжелые</td></tr>
</table>

Из названных выше подразделений в этой схеме не получили отдельной клетки только клаузы с независимым инфинитивом. Условимся присоединять их к клаузам с начальным знаменательным словом (и рассматривать вместе с ними при разборе конкретных памятников).[21]

Как видно из этой схемы, дробность членения в разных частях общей совокупности клауз весьма различна. Например, клаузы с проклитико-энклитическим комплексом никакому дальнейшему членению уже не подвергаются, а класс простых клауз с личной формой (но не аористом или имперфектом) и начальным местоимением — это результат пяти последовательных разделений.

§ 1.30. Чтобы можно было практически пользоваться этой классификацией, необходимо уточнить ряд технических деталей.

Наличие или отсутствие обращения и других инородных групп на свойства клаузы не влияет и при классификации клауз (и подсчете актантных групп) во внимание не принимается.

При подсчете числа членов актантной группы учитываются только полноударные словоформы, сопутствующие клитики в подсчет не входят.

Особую проблему составляют полупроклитики (см. § 0.2 и 1.38), которые ведут себя в одних случаях как акцентно самостоятельные, в других — как проклитики. К сожалению, разграничение случаев первого и второго рода формальным правилам не поддается. Между тем классификация клауз, чтобы быть единообразной для всех памятников, должна опираться на четкие критерии и быть свободной от субъективности. Поэтому в данном пункте в настоящей работе принято упрощенное решение, состоящее в том, что при классификации клауз полупроклитики приравниваются к обычным полноударным словам.[22] Иначе говоря, мы идем здесь на некоторое огрубление, чтобы получить возможность вести подсчеты строго и единообразно.

[21] Кроме того, в эту же рубрику мы относим непервые инфинитивы в серии однородных подчиненных инфинитивов.

[22] Кроме *или*, которое, напротив, приравнивается к проклитикам (поскольку оно выступает в проклитическом качестве гораздо чаще, чем в полноударном).

Как обычные полноударные слова рассматриваются также сращения (см. § 1.39).

Напомним, что не являются актантами союзы и что при подсчете числа имеющихся в клаузе актантных групп не учитываются актанты, выраженные энклитикой (*ми*, *мѧ* и т.п.; см. § 0.6).

При фразах с охватом сказуемого (например, *братъ ти оумерлъ Вѧчеславъ*) мы даем об этом помету[23]. Как указано в § 0.6, в этих случаях подлежит учету только левая часть разорванной актантной группы.

Необходимы также некоторые пояснения относительно инфинитивов и деепричастий.

В отношении клауз с подчиненным инфинитивом в настоящей работе принято следующее условное соглашение: если в такой клаузе в отрезке, стоящем левее подчиняющего инфинитив слова, нет энклитик, относящихся к инфинитиву, то этот отрезок при классификации вообще не учитывается. Например, в клаузе *Изѧславъ вчера со мною хотѣлъ сѧ бити* ([1150], 151 об.) учитывается только часть *хотѣлъ сѧ бити*.

Если же в этом отрезке такие энклитики есть, то он учитывается, причем при классификации клауз приравнивается к предглагольной части. Таким образом, например, в клаузе *се съ симъ ны сѧ полко*ᴹ *нѣ лзѣ бити сею рѣкою* ([1148], 132 об.) отрезок перед *нѣ лзѣ* (включающий *сѧ* от *битисѧ*) учитывается, а вся клауза квалифицируется как тяжелая (поскольку предглагольная часть после вычета клитик сводится к тяжелой актантной группе *съ симъ полко*ᴹ).

Клаузы с подчиненным инфинитивом, где между подчиняющим словом и инфинитивом имеется хотя бы одно полноударное слово (но не местоимение или иное слово из списка в § 0.7), квалифицируются как многоактантные. Пример: *не могоу с половиною ихъ миритисѧ* ([1193], 234).

Клаузы, где подчиненный инфинитив стоит левее подчиняющего слова (например, *аже битисѧ хочеши*), в классификацию вообще не включаются (в таких клаузах *сѧ* практически всегда стоит в постпозиции, т.е. инфинитив ведет себя так, как если бы он начинал клаузу).

В древнейших текстах в том, что касается поведения энклитик, сходно с сочетаниями «подчиняющий глагол + подчиненный инфинитив» могли себя вести также сочетания «основной глагол + деепричастие». Например, в *из оцью бы сѧ вытьрьго притькль* 'вырвавшись из-под [людских] глаз, прибежал бы' 752 энклитика *сѧ* относится к *вытьрьго*, а энклитика *бы* — к *притькль*. Во фразе *того ва есмь боронѧ и не правилъ себе ѡже мѧ переѡбидила* 'запрещая это вам двоим, я и сам не расквитывался за то, чем [вы] меня изобидели' ([1151], 155 об.) *ва* относится к *боронѧ*, а *есмь* к *не правилъ*. Но такие примеры предельно редки, обычно же деепричастия образуют самостоятельные клаузы, изолированные от остальной части фразы.

§ 1.31. Разные классы приведенной классификации характеризуются разной вероятностью возникновения барьера после начальной актантной группы. Реальная картина тут в значительной степени варьирует от одного памятника к другому (конкретный материал и количественные оценки приводятся в после-

---

[23] При этом, однако, мы не отмечаем те случаи охвата сказуемого, когда разорванная группа имеет структуру «A и B» и правая часть — это «и B», например: *дѣти ихъ // поимали есмы, и стада и скотъ*; *Бъ҃ ми будеть и ст҃аꙗ Бц҃а*. Такая правая часть обладает значительной степенью самостоятельности, это как бы отдельная эллиптическая клауза, добавленная к уже законченной клаузе.

дующих главах). Но основные соотношения между классами достаточно устойчивы.

В особых рубриках — с начальным проклитико-энклитическим комплексом и с начальным вспомогательным глаголом — вероятность возникновения барьера мала.

В прочих случаях эта вероятность минимальна в простых клаузах (кроме некоторых их категорий), существенно больше — в многоактантных, максимальна — в тяжелых.

В рамках простых клауз эта вероятность мала для клауз с личными формами глагола, кроме аориста и имперфекта, и с подчиненным инфинитивом, существенно выше для клауз с аористом и имперфектом и с деепричастием, и весьма высока — в клаузах с причастием и супином.

В рамках клауз с личными формами глагола, кроме аориста и имперфекта, рассматриваемая вероятность минимальна при начальном местоименном слове, несколько выше при начальном союзе и еще несколько выше при начальном знаменательном слове.

Таким образом, самой благоприятной зоной для беспрепятственного действия закона Вакернагеля являются простые клаузы со сказуемым в личной форме, но не в аористе или имперфекте, и с начальным местоименным словом. В этом случае для действия данного закона нет вообще никаких синтаксических тормозов; барьер, если он все-таки появится, может возникнуть только по семантическим причинам.

Иногда на возникновение барьеров могут влиять и некоторые другие синтаксические факторы, не включенные в приведенную классификацию.

В частности, если клауза содержит неначальное обращение, то повышается вероятность появления барьера после такого обращения (напомним, что начальное обращение дает просто обязательный барьер). Пример: *а нынѣ, ѡ҃че, // сьꙗкого ны веремени не боудеть пакы* [1195], 238 об.

Если клауза с неначальным сказуемым содержит одновременно энклитику *же*, *ли* или *бо* и энклитику *сѧ*, то резко повышается вероятность разделения энклитик (см. § 1.21 и 2.5), а именно, появления такого барьера, левее которого останется *же*, *ли* или *бо*, а правее — *сѧ*. Такой барьер может стоять как непосредственно после *же* (*ли*, *бо*), так и правее этой точки. Примеры, где барьер стоит непосредственно перед сказуемым и, соответственно, *сѧ* оказывается в постпозиции к глаголу: *тако ли // подобишисѧ Гсу?* (ЖАЮ, 33б); *ты же ми еси ее // ѿстоупилсѧ по волѣ* [1195], 236 об. Примеры, где барьер стоит не перед глаголом и тем самым *сѧ* не попадает в постпозицию: *ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оучинилъ* [1196], 241; *се бо о семь // вельми сѧ радꙋю, братиѥ* (Феод. 58г).

Заметим, что тенденция к разделению наблюдается в сочетаниях *же*, *ли*, *бо* не только с энклитикой *сѧ*, но и с другими слабыми энклитиками, например: *азъ бо // люблю тѧ* (ЖАЮ, С11); *азъ бо // молилсѧ ѥсмь своѥму влдцѣ* (ЖАЮ, 60г). Но здесь эта тенденция проявляется менее ярко, чем в случае с *сѧ*: ср. в этом отношении пример *ты же ми еси ее // ѿстоупилсѧ по волѣ*, где оттеснена в постпозицию только энклитика *сѧ*, а энклитики *ми* и *еси* остались слева от барьера.

Бывают также случаи, когда появление барьера вызывается индивидуальными особенностями отдельных лексем. В частности, если в клаузе по общим правилам должна возникнуть последовательность *самъ сѧ* (*сами сѧ* и т.д.), где *сѧ* не является частью устойчивого сочетания *самъ сѧ* 'сам себя', то после *самъ* обычно ставится барьер, позволяющий избежать двусмысленности. Пример: *а почнуть сѧ с тобою бити, ты же к намъ вѣсть посли,* ∇ *а самъ // биисѧ заоутра и до ѡбѣда* [1150], 150об. Если бы в этой фразе не было барьера, получилось бы *самъ сѧ бии ...*, которое хотя в принципе и допускает в древнерусском языке такой же смысл, как у *самъ биисѧ*, все же естественнее всего понимается как 'бей сам себя'.

С другой стороны, словосочетание *самъ сѧ* в значении 'сам себя' обнаруживает (в особенности в поздних памятниках) сильную тенденцию к превращению в целостную единицу, не подчиняющуюся более правилам об энклитиках. Ср., например: *срамлѧи самъ сѧ, да ѿ иного не посрамленъ боудеши* (Пчела, 430) — *сѧ* здесь стоит в позиции, недопустимой для энклитик.

Квази-клаузы

§ 1.32. Всякий барьер как бы просто уменьшает длину клаузы, отсекая от нее слева некоторый начальный отрезок. При этом остающаяся послебарьерная часть клаузы продолжает обладать тем свойством, что к ней применим закон Вакернагеля, т.е. с интересующей нас точки зрения она однотипна с целыми клаузами.

В ряде случаев нам придется рассматривать именно послебарьерные части клауз. Поэтому полезно иметь для них более короткое наименование. В качестве такого параллельного наименования для послебарьерной части клаузы мы будем использовать термин «квази-клауза».

Понятно, что каждому барьеру соответствует своя квази-клауза. Возьмем уже разбиравшуюся выше фразу, означающую 'брат, ныне ты отступился в мою пользу от того села' и имеющую без энклитик *ми сѧ еси* (но со всеми возможными барьерами) вид: *брате, // нынѣ // того села // отъступилъ*. В зависимости от того, какой из барьеров реализован, здесь могут появиться квази-клаузы: *нынѣ ми сѧ еси того села отъступилъ*; *того ми сѧ еси села отъступилъ*; *отъступилъ ми сѧ еси*.

Во фразах с разделением энклитик квази-клауза содержит уже не все имевшиеся во фразе энклитики, а только часть. Например, во фразе *се бо о семь // вельми сѧ радȣю, братиѥ* квази-клауза *вельми сѧ радȣю, братиѥ* уже не включает энклитики *бо*.

Поскольку по своей структуре квази-клаузы не отличаются от клауз, их можно классифицировать по тем же признакам. Например, квази-клауза *чему сѧ еси не подивилъ* из клаузы *сему чюду // чему сѧ еси не подивилъ* — простая, с начальным местоимением (тогда как клауза в целом — многоактантная).

Существенно то, что на поведение энклитик свойства включающей их квази-клаузы влияют в большей степени, чем свойства клаузы в целом. И это неудивительно, поскольку вполне естественно, чтобы ближние соседи некоторой

единицы оказывали на нее большее влияние, чем дальние. Так, в примере *сему чюду // чему сѧ еси не подивилъ* препозиция энклитик *сѧ еси* хорошо согласуется со свойствами клауз с начальным местоимением, но плохо согласуется со свойствами многоактантных клауз (которые обычно обнаруживают тенденцию к постпозиции энклитик).

В связи с этим возникает привлекательная идея классифицировать клаузы с внутренними барьерами, отбрасывая в них предбарьерную часть, т. е. фактически заменяя клаузу в целом соответствующей квази-клаузой.

К сожалению, у такого подхода при всех его положительных сторонах имеется и весьма серьезный недостаток. Он состоит в том, что при классификации мы должны про каждую клаузу знать, есть в ней барьер или нет. А этот вопрос, как мы уже знаем, не имеет простого и легко доступного для исследователя ответа. Тем самым наша классификация потеряла бы такое бесценное для строгого исследователя качество, как свободу от субъективности.

Поэтому в настоящей работе мы используем все же классификацию целых клауз, а не квази-клауз (что, разумеется, не мешает нам в случае необходимости обсуждать и свойства тех или иных квази-клауз).

З а м е ч а н и е. Правда, в принципе можно было бы принять для классификации клауз иную логическую схему, чем в § 1.29, а именно, исходить из того, что объектами классификации являются клаузы, где уже известно, как стоят энклитики. А зная место энклитик, можно было бы реконструировать и барьеры. Но при такой схеме мы лишили бы себя возможности, во-первых, предсказывать расстановку энклитик в произвольной фразе, во-вторых, выявлять случаи, когда позиция энклитики уже более не определяется наличием барьера, и тем самым изучать исторический процесс постепенного расшатывания механизма барьеров.

Нормальная и смещенная препозиция

§ 1.33. В случае препозиции некоторой энклитики по отношению к сказуемому нам потребуется различать два случая: нормальную и смещенную препозицию.

Н о р м а л ь н а я п р е п о з и ц и я энклитики (во фразе с неначальным сказуемым) — это ее положение в конце первой тактовой группы фразы, т. е. в соответствии с законом Вакернагеля в его наиболее чистом виде (не осложненном никакими барьерами).

С м е щ е н н а я п р е п о з и ц и я — это положение энклитики в конце некоторой неначальной тактовой группы, куда она попала в силу наличия во фразе ритмико-синтаксического барьера. Например, во фразе *вы сѧ тому дивите* энклитика *сѧ* находится в нормальной препозиции, а во фразе *да вы // право сѧ тому дивите* — в смещенной препозиции.

В случае смещенной препозиции всё, что имеет какое-то значение для размещения энклитик, ограничено уже рамками соответствующей квази-клаузы. Например, во фразе со смещенной препозицией *да ци Б(ог)ъ нашь // велмї сѧ печеть о томъ* (ЖАЮ, 37в) энклитика *сѧ* расположена внутри фразы так, как если бы предбарьерной части *да ци Б(ог)ъ нашь* во фразе не было.

Общая схема выбора позиции для энклитик

§ 1.34. Понятие ранга и понятие ритмико-синтаксического барьера — два главных инструмента для описания древнерусских энклитик.

Механизм рангов у энклитик прост и работает в древнерусском языке практически безукоризненно: отклонений почти нет. Механизм барьеров сложнее; здесь участвуют многочисленные факторы, часть из которых не поддается строгому формальному учету. Но все же и он в целом достаточно точен.

Задачу описания позиции энклитик в древнерусской фразе мы можем теперь представить следующим образом.

В каждой фразе в принципе могут быть вычленены: 1) представленные в ней фразовые энклитики; 2) все остальное, т. е. та же фраза без фразовых энклитик. Локальные энклитики нас здесь интересовать не будут, поэтому мы можем уточнение «фразовые» опускать и называть второй из этих компонентов просто «фразой без энклитик».

Вообразим такой процесс порождения фраз, при котором сперва составляется фраза без энклитик, а затем — набор энклитик, которые предстоит в нее вставить. Наша задача получает в этом случае вполне четкую формулировку: дать правила расстановки произвольного набора энклитик в произвольной фразе без энклитик.

Разумеется, на самом деле фразы порождаются не так, однако в том, чтобы описывать размещение энклитик с помощью такого воображаемого процесса, нет ничего недопустимого.

Пусть имеется некоторая фраза без энклитик и блок энклитик (расставленных в порядке рангов), который предстоит в нее вставить.

Сперва во фразе без энклитик находится главное место для блока энклитик. Напомним, что если нет обязательных барьеров, то это конец начальной тактовой группы клаузы; если они есть, то это место, определяемое последним (самым правым) из обязательных барьеров. Затем находятся все дополнительные места — соответственно полуобязательным и факультативным барьерам.

Далее предполагается, что говорящий в соответствии со своей интенцией какие-то из факультативных барьеров реализует, а какие-то — нет. Эту операцию мы формализовать не можем и рассматриваем здесь выбор говорящего как свободный. Нас будет интересовать лишь то, какие следствия проистекают из уже сделанного выбора.

Если какие-то из факультативных барьеров реализованы, из них берется самый правый, и блок энклитик помещается на определяемое этим барьером место. Если реализованных факультативных барьеров нет, блок энклитик помещается на свое главное место.

Таким образом, в узком смысле наша задача состоит лишь в том, чтобы указать возможные места для блока энклитик. Но, разумеется, полезны также указания о том, какие из альтернативных решений встречаются в конкретных текстах чаще и какие реже.

Пример. Пусть дана древнерусская фраза без энклитик *како, осподине, нами своими хрестьꙗны попечалиши* и блок энклитик из одного члена: *сѧ*. В сумме

они должны дать значение ‘как, господин, ты о нас, своих крестьянах, позаботишься?’. Требуется найти возможные места для данной энклитики.

Условий для обязательных барьеров в данном случае нет; то же верно для полуобязательных. Факультативные барьеры в принципе возможны после актантных групп *како* и *нами своими хрестьꙗны* и после обращения *осподине.* Но при наличии барьера после *како* должен появиться (в силу § 1.25, п. 3) барьер также и после обращения *осподине*; тем самым актуальными для постановки энклитики оказываются только факультативные барьеры после *осподине* и после *хрестьꙗны.*

Таким образом, в данной фразе из шести слов для энклитики *сѧ* допустимы три позиции, выбор между которыми зависит от интенции говорящего в отношении факультативных барьеров. Им соответствуют варианты: 1) *како сѧ, осподине, нами своими хрестьꙗны попечалиши*; 2) *како, осподине, нами сѧ своими хрестьꙗны попечалиши*; 3) *како, осподине, нами своими хрестьꙗны попечалишисѧ*. (Как мы видели в § 1.22, в реальной берестяной грамоте, откуда взята эта фраза, представлено так наз. двойное *сѧ*, а именно, использованы одновременно варианты 1 и 3.)

КОЭФФИЦИЕНТ ПРЕПОЗИЦИИ И НЕАВТОМАТИЧЕСКОЙ ПОСТПОЗИЦИИ

§ 1.35. Постпозицию энклитики по отношению к сказуемому мы будем подразделять на автоматическую и неавтоматическую.

А в т о м а т и ч е с к о й является: а) постпозиция любой энклитики по отношению к сказуемому, которое стоит в начале клаузы (проклитики не в счет) или после обязательного барьера; б) постпозиция слабой энклитики по отношению к сказуемому, которое стоит после полуобязательного барьера. В прочих случаях постпозиция является н е а в т о м а т и ч е с к о й.

Неавтоматическая постпозиция сильных энклитик — очень редкое явление и поэтому представляет для нас лишь ограниченный интерес. Напротив, у слабых энклитик это явление представлено очень широко, и именно они будут основным предметом дальнейшего исследования.

Неавтоматическая постпозиция слабых энклитик в большинстве случаев определяется тем, что перед сказуемым имеется факультативный барьер; другая возможность состоит в том, что перед сказуемым стоит слово, подвергшееся вторичной проклизе (§ 0.2).

Факультативные барьеры зависят от интенции говорящего. Она свободна и нам достоверно не известна. Мы не знаем также заранее, подвергнется ли некоторое слово вторичной проклизе. Но у нас есть возможность точно измерить совокупный эффект этих факторов для некоторого интересующего нас памятника, а именно, соотношение числа случаев, когда энклитика находится в неавтоматической постпозиции и когда она находится в препозиции.

Что касается случаев автоматической постпозиции (т. е., грубо говоря, фраз с начальным сказуемым), то включать их в эти подсчеты нецелесообразно, по-

скольку результат таких подсчетов будет не вполне показательным — он будет зависеть от такого не имеющего отношения к нашей основной проблеме параметра, как количество фраз с начальным сказуемым.

Назовем коэффициентом препозиции (некоторой энклитики в некотором тексте) отношение числа случаев ее препозиции к общему числу случаев, где нет условий для ее автоматической постпозиции, и коэффициентом неавтоматической постпозиции отношение числа случаев ее неавтоматической постпозиции к тому же общему числу.

Эти меры объективны, они не зависят от наших возможных ошибок в оценке намерений говорящих или пишущих.

Понятно, что эти два коэффициента связаны между собой простейшей связью: их сумма равна единице. Поэтому в принципе достаточно какого-то одного из них. Реально ниже мы почти везде пользуемся коэффициентом препозиции.

Разумеется, эти коэффициенты можно вычислять для некоторого текста не только суммарно, но и раздельно по тем или иным категориям. В одном и том же памятнике такой коэффициент может существенно различаться для разных энклитик и для разных типов фраз.

В частности, здесь имеется отчетливое различие между сильными и слабыми энклитиками: у сильных энклитик коэффициент препозиции обычно близок к 100%, у слабых он всегда заметно меньше и очень сильно варьирует в зависимости от памятника (опускаясь в некоторых из них до величин, близких к нулю).

Коэффициент препозиции одной и той же энклитики может быть весьма различным в памятниках разных эпох и разных жанров.

Приводим в качестве примера данные Киев-Д; это памятник достаточно большого объема, отличающийся тем, что здесь во всех группах коэффициент препозиции весьма высок. Помимо коэффициентов, указано также общее количество случаев, где нет условий для автоматической постпозиции. Сильные энклитики показаны вместе, поскольку незначительные расхождения в их индивидуальных показателях не имеют статистической ценности.

Как $ти_1$ здесь и далее обозначается частица *ти*, как $ти_2$ — *ти* 'тебе'.

Коэффициент препозиции (Q-pre)
и неавтоматической постпозиции (Q-post) в Киев-Д

Энклитики	Общее количество	Q-pre	Q-post
Сильные: *же*, *ли*, *бо*, $ти_1$, *бы*	≈270	96,3%	3,7%
Ранг 6: *ми*, $ти_2$ и прочие	269	91%	9%
Ранг 7: *мѧ*, *тѧ* и прочие, кроме *сѧ*	74	79%	21%
Ранг 7: *сѧ*	196	64%	36%
Ранг 8: связки (1-го и 2-го лица)	269	84%	16%

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О КЛИТИКАХ

Смысловые связи энклитик с другими словами

§ 1.36. Энклитики можно подразделять по двум разным признакам:

1) Синтаксический признак — противопоставление фразовых и локальных энклитик (§ 1.2).

2) Семантический признак — смысловая связь со сказуемым или с одним из остальных членов предложения.

Казалось бы, эти два признака должны давать одинаковое разбиение энклитик: фразовые энклитики связаны по смыслу со сказуемым, локальные — с другими членами предложения. В действительности, однако, это не всегда верно: часть фразовых энклитик (а именно, сильные энклитики) в смысловом отношении тяготеет не к сказуемому, а к тому члену предложения, который поставлен в начало фразы (как правило, это тема).

Тяготение сильных энклитик к начальному слову фразы находит свое выражение, в частности, в том, что они чаще прочих оказываются отчлененными, т. е. остаются при начальном слове левее барьера, отрываясь от основного блока энклитик. Более продвинутая ступень этого тяготения состоит в том, что эти энклитики образуют устойчивые сочетания с рядом слов, часто выступающих в начальной позиции во фразе, например, *нынѣ же*, *пакы ли*. Наконец, последняя ступень на этом пути — превращение подобных устойчивых сочетаний в единые цельные слова, например, *уже* (из *у* 'уже' + *же*), *неужели* (из *не* + *у* + *же* + *ли*), *чтобы* и т. п.

Наиболее характерными в этом отношении являются энклитики *же* (противительное, причинное, усилительное) и *ли*. С точки зрения современного русского языка, они должны рассматриваться просто как подчиненные предшествующему слову; ср., например: *сам уехал, жену же оставил в Киеве*; *князя ли хотите убить?* Следует полагать, однако, что в древности такие фразы осмыслялись несколько иначе — приблизительно так: 'он сам уехал; однако верно то, что он оставил жену в Киеве'; 'верно ли, что вы хотите убить именно князя (самого князя)?' При такой смысловой структуре *же* и *ли* в соответствующих древнерусских фразах относятся к фразе в целом и потому с полным основанием подчиняются закону Вакернагеля. Вот пример древнерусской фразы, где подобная смысловая структура выявляется с большей очевидностью: *къто ли не имѣеть конѧ, а въ лодьи* 'если же у кого-то нет коня, то в ладье [пусть идет в поход]'. Здесь *ли* явно относится по смыслу к сказуемому *не имѣеть*, а не к *къто*. В отличие от древнерусского, в современном языке, если во фразе с таким значением употреблено все же древнее *ли*, а не более обычное по́зднее *если*, допустима только постановка *ли* непосредственно при *не имеет* (например, *не имеет ли кто-то коня*), но никак не при *кто* или *кто-то*.

Самым наглядным примером такой эволюции может служить индоевропейское **ne* (с той лишь разницей, что оно дало в русском языке не энклитику, а проклитику). Так, санскритское *na* еще отчетливым образом относится к фразе в целом, а не к следующему слову, и по смыслу эквивалентно выражению 'неверно, что', например: *na tatra*

gacchasi (букв. 'не + туда + идешь') означает 'ты туда не идешь'; *na bhartr̥hīnā vyavasāmi jīvitum* (букв. 'не + лишенная супруга + хочу + жить') означает 'лишенная супруга, я не хочу жить'. Остатки такого общефразового значения *не* отчетливо видны в древнерусском (например, *блюдыи, да не гладъмь и зимою оумреть* 'следя за тем, чтобы тот не умер от голода и холода' [Феод., 34г]) и сохраняются доныне в фольклорных фразах типа *Не сырой дуб к земле клонится*. Ныне же частица *не* отрицает уже не все высказывание, а только непосредственно следующее слово.

Следует предполагать, таким образом, что в ходе истории в подобных случаях происходило смысловое переподчинение энклитики. К сожалению, в общем случае у нас нет возможности установить, какую часть пути между древним осмыслением типа *хочете ли* и новым типа *князя ли* прошел автор конкретной фразы в конкретном памятнике. Ясно лишь, что этот переход не мог осуществиться скачком и, следовательно, существовала какая-то промежуточная фаза неопределенности или неустойчивости.

При этом, однако, прежний порядок слов обычно сохраняется даже и после изменения смысловых отношений. Например, *же* (противительное и т. п.) даже и в современном языке все еще в основном подчиняется закону Вакернагеля. Отсюда необходимость признать — в уточнение того, что сказано в § 1.2, — что закону Вакернагеля в некоторый период истории языка подчиняются не только те энклитики, которые с синхронической точки зрения относятся к сказуемому, но также и некоторые из тех, которые характеризовались этим свойством прежде, а к текущему моменту уже его утратили.

Появление нового правила расположения энклитик

§ 1.37. Уже в древнерусский период мы наблюдаем отдельные случаи, когда слабая энклитика вместо того, чтобы занять требуемую законом Вакернагеля позицию в начальной части фразы, располагается непосредственно после подчиняющей ее глагольной словоформы. Иначе говоря, слабые энклитики проявляют тенденцию к переходу от статуса фразовой энклитики к статусу локальной. Со временем эта тенденция постепенно приобретает характер нового (позднего) правила о месте энклитик, состоящего просто в том, что энклитика должна стоять непосредственно после подчиняющей ее словоформы. Это правило вступает в конкуренцию с прежним (древним) правилом, т. е. с законом Вакернагеля.

Что касается сильных энклитик, то их эта тенденция затрагивает лишь в незначительной степени; часть из них, прежде всего *же*, доживает до нашего времени, почти не изменив своего древнего способа размещения во фразе.

Новое правило расположения слабых энклитик заменяет собою древнее без какого-либо скачка или взрыва. Оно рождается в недрах древнего правила в виде все усиливающейся тенденции использовать все допускаемые этим древним правилом факультативные возможности для перемещения энклитики вправо и приближения к сказуемому. С формальной точки зрения, для получения того эффекта, который дает новое правило, достаточно в любой фразе с неначальным сказуемым ставить перед этим сказуемым барьер; а это, строго го-

воря, допускается древним правилом (образуя его предельный случай). Разница лишь в том, что согласно древнему правилу такой барьер предполагает некоторое выделение стоящей перед сказуемым актантной группы, тогда как новое правило никакого выделения каких-либо групп уже не требует.

Поскольку вопрос о том, имел ли древний автор интенцию выделить тот или иной отрезок текста, в большинстве случаев неразрешим, мы многократно сталкиваемся при разборе конкретных фраз из древних памятников с такой ситуацией, когда постпозиция энклитики (прежде всего *сѧ*) по отношению к глаголу может объясняться двояко: как эффект барьера, возникшего в силу выделения определенной группы, или просто как результат действия нового правила.

Дублирование энклитик, описанное в § 1.22, есть не что иное, как особое проявление взаимодействия двух правил, их конкуренции. Оно состоит в том, что применены одновременно и старое, и новое правило, в результате чего одна и та же энклитика выступает во фразе дважды. Например, во фразе *како сѧ, ѡсподине, // нами своими хрестьѧны // попечалишисѧ?* 310п первое *сѧ* (после *како*) соответствует древнему правилу, а второе (в *попечалишисѧ*) — новому.

Новое правило распространяется с неодинаковой скоростью при разных грамматических формах сказуемого и в отношении разных энклитик. В частности, оно гораздо шире применяется при неличных формах, чем при личных, а из энклитик основной сферой его действия является энклитика *сѧ*.

Так, при причастиях в членной форме и/или в косвенных падежах новое правило практически победило уже в древнерусский период. За исключением всего нескольких примеров то же верно для супина.

В сфере деепричастий новое правило безусловно преобладает над старым, но в древнерусский период его полная победа еще не достигнута.

Гораздо прочнее сохраняются позиции древнего правила в сфере инфинитивов. Здесь в части памятников древнее правило еще практически столь же актуально, как при личных формах.

Из всех энклитик быстрее всего переходит в сферу действия нового правила энклитика *сѧ*. Это прозрачным образом связано с тем, что в смысловом отношении она объединяется с глаголом гораздо теснее, чем прочие энклитики. Понятно, что это то самое движение, которое в конечном счете привело к современному русскому состоянию.

Проклитики и вторичная проклиза

§ 1.38. Для понимания эффектов закона Вакернагеля необходимо прежде всего уметь правильно определять число и состав представленных во фразе тактовых групп. Для этого, в частности, необходимо знать, какие словоформы, предшествующие акцентно самостоятельному слову, могут объединяться с ним в единую тактовую группу.

Как мы уже знаем, в составе тактовой группы акцентно самостоятельному слову может предшествовать одна или несколько проклитик. Здесь следует различать:

а) собственно проклитики, которые всегда объединяются в акцентном отношении со следующим словом;

б) полупроклитики (§ 0.2) — слова, способные к вторичной проклизе, т. е. в нормальном случае полноударные, но в некоторых случаях все же объединяющиеся в акцентном отношении со следующим словом.

С исторической точки зрения, различие таково: собственно проклитики были проклитиками издревле, тогда как полупроклитики стали приобретать свойства проклитик относительно поздно и при этом не утратили своей способности функционировать также в качестве акцентно самостоятельных единиц.

Важнейшие полупроклитики таковы:

1) Местоименные энклиномены *ꙗзъ* (*ꙗ*, *азъ*), *ты*, *мы*, *вы* (И. падеж), *вѣ*, *ва* (И. падеж), *то* (местоимение), *чьто* (во всех синтаксических ролях), *къто*, *како*, *тако*; также *се* в функциях, в которых оно не является просто проклитикой.

2) Союзы *аже*, *ако*, *акы*, *али*, *аче*, *аще*, *ати* (*ать*), *зане*, *занеже*, *или*, *любо*, *оже*, *оти*, *поне*, *тоти*, *ци ли*; также *ꙗко* в функциях, в которых оно не является просто проклитикой. В этой группе энклиноменами являются *ако*, *акы*, *аче*, *любо*, *оже*, *ꙗко*; остальные представляют собой сросшиеся проклитико-энклитические группы, т. е. ортотонические единицы.

Напомним, что вторичная проклиза обозначается в настоящей книге знаком °.

В случае вторичной проклизы слово, обычно само по себе образующее тактовую группу, превращается, так сказать, в «просодический нуль» — оно включается в тактовую группу следующего полноударного слова и не играет более никакой самостоятельной просодической роли. Соответственно, энклитики ставятся уже не после него, а после этой объединенной тактовой группы, например: *а что° оумыслилъ* <u>*еси*</u>*, а тое дѣи* [1172], 203 об.; *ты° мнѣ* <u>*еси*</u> *ꙗко ѡ҃ць* [1151], 156; *ать° мы* <u>*сѧ*</u> *бьемъ сами съ Изѧславомъ* [1153], 168; *или° возворoти*<u>*сѧ*</u> *домовь* [1185], 223 об.

Есть ли какая-нибудь разница по смыслу между фразой с вторичной проклизой начального слова, скажем, *а что° оумыслилъ еси, а тое дѣи*, и такой же фразой без вторичной проклизы: *а что еси оумыслилъ, а тое дѣи*? Установить это с полной достоверностью мы не можем. Но, судя по крайней мере по некоторым из подобных фраз, можно предполагать, что ослабление начального слова путем его вторичной проклизы ведет к переносу внимания на следующее за ним слово (в нашем примере *оумыслилъ*); иначе говоря, в таких фразах оказывается выделенным по смыслу полноударное слово, стоящее после полупроклитики.

Вот некоторые примеры, про которые естественно предполагать, что в них имелся данный эффект, а именно, подчеркнутые слова воспринимались как выделенные по смыслу:

азъ° <u>*Изѧславъ*</u> *есмь, кн҃зь вашь* [1151], 158 об. (слова Изяслава, лежащего раненым на поле битвы, киевским пехотинцам, не знавшим его в лицо и собиравшимся его убить);

ꙗ° <u>*не оуби(и)ца*</u> *есмь бра*ᵀ*и своеи* [1150], 144 об.;

мы° <u>*гости*</u> *есме твои* [1150], 150 об. (слова венгров Изяславу);

реклъ бо еси: «ѡже ꙗ сꙗду вь Киеву, то ꙗ тебе надѣлю; пакы ли ты сꙗдеши вь Кыевѣ, то ты ме(не) надѣли»; ∇ нынѣ же // ты° сѣлъ еси ('и вот теперь ты сел'), *право ли криво ли, надѣли же мене* [1174], 204 об.;

ѡже° ѡц҃ь тꙗ приѡбидилъ и волости ти не далъ, ꙗзъ же тꙗ приꙗхъ въ правду [1149], 135 об./136;

зане° боленъ есми велми [1152], 162;

зане° ты еси старѣи на[с] *Володимирихъ вноуцѣхъ* ('ибо старший среди нас — ты') [1148], 134.

При отсутствии вторичной проклизы те же фразы, очевидно, воспринимались бы как лишенные специального выделения. Заметим, что в последнем примере было бы естественно в этом случае слово *ты* вообще опустить: *зане еси старѣи ...* (и фраза означала бы: 'ибо ты старший среди нас ...').

Здесь необходимо отметить одно важное обстоятельство, осложняющее анализ фраз рассматриваемого типа. Как легко заметить, на положение энклитик вторичная проклиза начального слова действует так же, как если бы после этого слова стоял барьер. Например, фраза *а ꙗзъ не радуюсꙗ ѡ погыбели его* ([1155], 175 об.) может быть интерпретирована двояко:

1) как *а ꙗзъ° не радуюсꙗ ѡ погыбели его* (с проклизированным *ꙗзъ*), что означает приблизительно: 'а я не радуюсь погибели его (а наоборот, огорчаюсь)';

2) как *а ꙗзъ // не радуюсꙗ ѡ погыбели его* (с выделенным, подчеркнутым *ꙗзъ*), что означает приблизительно: 'а что касается меня (в отличие от кого-то еще), то я не радуюсь погибели его'.

Иначе говоря, ослабление начального *ꙗзъ*, выражающееся в его вторичной проклизе, и, напротив, его усиление (подчеркивание), как это ни парадоксально, на положение энклитики влияют одинаково — и то и другое противопоставлено нейтральному полноударному *ꙗзъ*, которое дало бы *а ꙗзъ сꙗ не радую*.

К сожалению, для многих конкретных фраз невозможно с надежностью установить, какой из двух вариантов (° или //) реально имеет место. Примером может служить хотя бы сама расмотренная фраза: мы не можем точно знать, мыслил ли ее автор слово *ꙗзъ* как чему-то противопоставленное.

Поскольку, однако, для нашего анализа существенно только размещение энклитик, мы имеем счастливую возможность не пытаться разрешить в каждом подобном случае эту трудную неформальную дилемму, а просто констатировать тот факт, что место энклитик указывает здесь либо на вторичную проклизу начального слова, либо на наличие барьера после него. Условимся отмечать такие случаи знаком / после начального слова, например: *а ꙗзъ / не радуюсꙗ ѡ погыбели его.*

Таким образом, ниже символ / означает: вторичная проклиза предшествующего слова или барьер после него (неизвестно, что именно). А его влияние на расположение энклитик — такое же, как у обычного барьера.

Этот же символ мы будем ставить там, где полупроклитика оказывается перед точкой, где по какой-либо причине должен быть поставлен барьер. Пример: во фразе *али чимо есемо виновата, а восоли отроко* 644 перед *чимо* в силу § 1.25, п. 4 должен стоять барьер; однако если слово *али* подверглось вторичной проклизе, то оно просто соединяется с *чимо* в единую тактовую группу. Поскольку мы не знаем, какой именно вариант здесь осуществился (*али //*

чимо ... или *али*° *чимо* ...), мы записываем это как *али* / *чимо* ... Аналогично: *аче* / *кдѣ на будеть мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдевѣ* [1151], 152; *или* / *како сѧ еси не домыслилъ побѣдити ихъ ...?* [1175], 208об.; *или* / *хто сѧ будеть оу тыхъ людии женилъ* (ДДГ, № 3) и т. п.

Проклитико-энклитические комплексы и сращения

§ 1.39. С энклитики клауза начинаться не может; но если ей предшествует проклитика, то такое сочетание из энклитики и проклитики уже может стоять в начале клаузы. Например, начальное *же* или *бо* невозможно, но *да же* или *не бо* — вполне возможно.

Если клауза начинается с проклитики, положение имеющихся в клаузе энклитик может быть двояким:

1) эта проклитика соединяется в одну тактовую группу с последующим полноударным словом и, соответственно, блок энклитик следует за этим словом, например: *а даси ли*, *а далъ ли еси*, *не даси бо*, *не далъ бо еси*;

2) проклитика принимает на себя роль базиса, к которому непосредственно присоединяются энклитики, т. е. возникает проклитико-энклитический комплекс, например: *а ли* (= *али*) *даси*, *а ли еси далъ*, *не бо даси*, *не бо еси далъ.*

Нормальным является первый вариант. Второй вариант возможен лишь в некоторых специальных случаях, о которых будет сказано ниже.

Значительным сходством с проклитиками обладают полупроклитики. У них имеются в точности те же две возможности, только здесь соотношение нормы и исключения обратное, а именно, в нормальном случае они выступают в роли базиса (к которому непосредственно присоединяются энклитики), например: *ты ми еси реклъ.*

И лишь в относительно редких случаях реализуется их способность к вторичной проклизе (т. е. способность соединяться в одну тактовую группу с последующим полноударным словом), например: *ты*° *реклъ ми еси* (где *ты реклъ* — это единая тактовая группа).

Таким образом, в позиции начала фразы различие между проклитиками и полупроклитиками есть в сущности лишь вопрос количественных соотношений между двумя типами просодической реализации. (Качественное различие между этими двумя группами слов проявляется лишь в других позициях — в частности, собственно проклитики, в отличие от полупроклитик, не могут стоять в конце фразы.)

Можно предполагать, что первоначально фразы типа *не далъ бо еси* и типа *не бо еси далъ* (с проклитико-энклитическим комплексом) представляли собой два равно допустимых варианта, передающих один и тот же смысл. Но в древнерусском языке ситуация уже не такова. Здесь стала нормой модель *не далъ бо еси*, а модель *не бо еси далъ* сохранилась только для весьма ограниченного числа сочетаний конкретной проклитики с конкретной энклитикой, причем значение фразы в этом случае уже не совпадает с тем, что в основной модели.

Проклитико-энклитические комплексы развивают собственные значения, уже не равные сумме исходных значений, и постепенно превращаются в само-

стоятельные цельные слова. Разные единицы этой категории в разной степени продвинулись по этому пути.

В предельных случаях (например, *ать*, *тоть*, *или*, *ибо*) эта эволюция уже в древнерусский период завершилась и мы имеем дело со сращенными единицами, представляющими собой новые цельные слова. В ряде других случаях сращение произошло позднее; таковы, например, современные литературные или диалектные слова *даже*, *дабы*, *якобы*, *ажно*, *нольно* и многие другие.

Сращенные единицы могут быть также названы просто с р а щ е н и я м и.

Разница между обычными и сращенными проклитико-энклитическими комплексами отчетливее всего проявляется при соединении их с другими энклитиками. Обычный проклитико-энклитический комплекс при наличии других энклитик просто расширяется за их счет; все энклитики стоят при этом в обычном порядке рангов. Ср., например, комплекс *да ми* и расширенные комплексы *да же ми*, *да же ми еси* и т. п.

Что же касается сращенного комплекса, то он выступает просто как базис для блока энклитик, сам в этом блок уже не входя. Тем самым правило рангов на него уже не распространяется. Например, во фразе *кн҃же, // ать же поидемъ* ([1148], 135) сочетание *ать же* — это уже не единый проклитико-энклитический комплекс, а целое слово *ать* + энклитика. В самом деле, свободное сочетание *а* + *ти* (*ть*) (ранг 4) + *же* (ранг 1) было бы невозможно. Аналогично: *тъть* ⟨*тоть*⟩ *ли еметь хытрити* (Неизв. кн., 45) — целое слово *тоть* + *ли* (тогда как *ть* — это ранг 4, а *ли* — ранг 2); *нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ* (Мономах, 84) — целое слово *нѣсмъ* + *ти* (*есмь* — ранг 8, а *ти* — ранг 6).

Целостность сращенной единицы может проявиться также в ее способности к вторичной проклизе. Например, во фразе *да или поѣдете борзо,* ∇ *или*° *возворотися домовь* ([1185], 223 об.) слово *или* (сращение *и* и *ли*) ведет себя как единая проклитика (что видно из позиции *ся*).

Следует учитывать, однако, что в ряде случаев (например, *не бо*, *да же*, *то же*, *да бы*) трудно провести границу между полным сращением и просто значительным продвижением в этом направлении; для проверки по указанным выше формальным различительным признакам далеко не всегда удается найти необходимый контрольный материал. Но для нужд описания приходится все же провести здесь некоторую условную границу.

Ниже как случаи полного сращения, достигнутого уже в древнерусский период, трактуются: *аже*, *али*, *ати* (*ать*), *абы* (= *а бы*; так же *абыхъ* и т. д.), *анъ* (*ано*), *или*, *ибо*, *инъ* (*ино*), *тоти* (*тоть*), *неже*, *нежели*, *небонъ*, *дати* (*дать*), *зане*, *поне*, помимо еще более старого сращения *нѣсмь* (*нѣси* и т. д.).

Аналогичная проблема существует и для сочетаний акцентно самостоятельных слов с энклитиками. Здесь тоже имеется ряд сращений, например, *уже*, *ужели*, *неужели* (на базе древнего *у* 'уже'), *абьно* 'если, коль скоро' (на базе не засвидетельствованного в самостоятельном виде **абь*) и различные переходные случаи. Примером такого переходного случая может служить рассмотренный нами выше (§ 1.4, примеч.) сложный союз *аще ли*, который в одних случаях ведет себя как сращение (и тогда в сочетании с *же* дает *аще ли же*), а в других — как два отдельных слова (и тогда в сочетании с *же* дает *аще же ли*).

П р и м е ч а н и е. Филологическая традиция записи древнерусских слов до некоторой степени отражает описанную здесь эволюцию, принимая слитное написание для одних единиц (например, *аже*, *али*, *ать*, *или*, *нежели*), но раздельное для других (например, *не бо*, *да быхъ*). Но единства в этом вопросе нет, и для целого ряда таких единиц в разных работах или изданиях приняты разные написания (например, *даже* и *да же*, *ниже* и *ни же*, *тоже* и *то же*, *тоть* и *то ть* и др.). Иногда один и тот же по происхождению комплекс записывают по-разному в зависимости от значения, например, *да же* 'если, если же', но *даже* 'даже', *то ти* 'это ведь' и *тоти* 'итак, итого'; и в некоторых случаях это действительно облегчает понимание. В настоящей книге мы применяем слитное или раздельное написание в основном по принципу «слитное для сращений, раздельное для прочих». Но мы не ставили перед собой трудноразрешимой задачи добиться в этом вопросе некоего идеального решения — для основной задачи настоящей книги в этом, к счастью, нет нужды; из прагматических соображений допущены единичные отклонения от указанного принципа. Соответственно, условимся просто не придавать орфографической стороне этого вопроса самостоятельного лингвистического значения.

Такая же проблема возникает при записи многих сочетаний полноударных слов с энклитическими частицами, например, *ꙗкоже* или *ꙗко же*, *донѣлеже* или *донѣле же*, *ужели* или *уже ли* и т. п. Мы в меру возможного применяем к этим случаям тот же принцип.

§ 1.40. В приводимой ниже таблице показано, какие двучленные проклитико-энклитические комплексы реально встречаются в древнерусских памятниках. Обозначения:

\+ — комплекс реально встречается;

+* — комплекс реально встречается, причем он уже сросся в единое слово;

– — комплекс в обследованных нами памятниках не встретился;

( ) — комплекс встретился (почти) исключительно в старославянских памятниках;

1×, 2× — комплекс встретился всего один раз (два раза).

Проклитико-энклитические комплексы

Проклитики	Энклитики							
	Сильные					Слабые		
	же	*ли*	*бо*	*ти*$_1$	*бы*	*ми* и т. д.	*мѧ* и т. д.	*еси* и т. д.
а	+*	+*	1×	+*	+*	–	(+)	–
и	–	+*	+*	–	–	–	(+)	–
нъ	+	+	–	–	+	–	–	–
то (союз)	+	–	1×	+*	+	–	–	–
ци	1×	+	–	+	–	–	–	–
не	+*	+	+	–	+	–	–	+*: *нѣси*
ни	+	+	+	1×	1×	–	1×	–
да	+	(2×)	–	+*	+	+	+	–
ꙗко (союз)	+	–	+	–	+	+	–	–
се (част.)	+	2×	+	1×	–	+	1×	+

В таблицу не включены (ввиду того, что встречаются слишком редко) проклитики *ти* и *та* (союзы) и энклитика *нъ*. Последняя дает проклитико-энклитические комплексы (сращенные) *анъ* (*ано*), *инъ* (*ино*), *небонъ*.

За рамками таблицы оставлены также предлоги. Их сочетаемость с энклитиками совершенно особая: они соединяются только с энклитиками ранга 7 (*за мѧ*, *про тѧ*, *на ны*, *за сѧ* и т. д.), и все эти соединения в просодическом отношении эквивалентны акцентно самостоятельным словоформам (см. § 1.10).

Не учитываются сочетания *а есть*, *и есть*, поскольку словоформа *есть* часто бывает полноударной. (О нескольких фразах с сочетаниями *а еси*, *а есте*, *и еста*, *да еси*, *не бо еси*, которые по разным причинам не могут трактоваться как проклитико-энклитические комплексы, см. § 5.4.)

Из таблицы видно, что проклитико-энклитические комплексы строятся, за немногими исключениями, на основе сильных энклитик. Причина здесь, очевидно, в том, что сильные энклитики — древние, а слабые стали энклитиками относительно поздно, когда просодический механизм, позволявший любой проклитике соединиться в комплекс с любой энклитикой, уже не действовал.

Немногочисленные комплексы со слабой энклитикой возникли по различным индивидуальным причинам. Так, *нѣсмь*, *нѣси*, *нѣсть* — это сращения глубочайшей древности, когда еще действовало правило $e + e \rightarrow \bar{e}$ (и когда *есмь*, *еси* и т. д., вероятно, еще не были энклитиками); к интересующему нас просодическому механизму они фактически не имеют отношения. Что касается *ꙗко* и *се*, то это словоформы, которые могут функционировать и как проклитики, и как энклиномены; следует полагать, что именно параллельный энклиноменный статус позволил им соединяться со слабыми энклитиками. Наконец, *да* — это клитика с совершенно особыми свойствами (см. об этом § 0.2, 1.14), так что мы имеем здесь дело с еще одной особенностью, отличающей ее от обычных проклитик.

§ 1.41. Сращенные комплексы (см. список в § 1.39) в большинстве своем широко представлены в текстах. Выше уже были приведены примеры *кн҃же, // <u>ать</u> же поидемъ*; *<u>т⟨о⟩ть</u> ли еметь хытрити* и др., где сам порядок энклитик показывает, что *ать*, *тоть* и т. п. — это целостные единицы.

Вот еще некоторые примеры фраз со сращенными комплексами:

<u>али</u> ти [*не д*]*ьлаета, а наеми въ нѧ наимито* ʻесли же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника’ 893 (*ти* — частица);

поидите со мною, ∇ *<u>ать</u> ми сѧ добро с ними* ω$^{(\text{т})}$ *силы мирити* [1149], 137 об./ 138;

а Кꙋзеке соци, <u>абы</u> (= *а бы*) *не истьрѧле кꙋно* 163;

<u>абыхомъ</u> сѧ оуладили [1148], 133;

<u>тоти</u> оуже еси съступилъ кр^{с}*тьного цѣлованиꙗ* [1152], 166;

луче бо ми было с тобою жити, ∇ *<u>неже</u> въ свѣтѣ семь прелестнѣмь* (ПВЛ, 46 об.);

а намъ лучьше въ чюжю голову, ∇ *<u>нежели</u> въ свою* [1169], 191 об.;

куды грамота поведе, ∇ *<u>дать</u> ми розумно* ʻчтобы мне было понятно, куда поведет [купчая] грамота’ 53п.

Пример книжного сращенного комплекса: *і͡бо рѣ͡ч твоꙗ ꙗвлена тѧ твори͡т* (Чуд., 15б).

Свободные (т. е. не сращенные) проклитико-энклитические комплексы полезно проиллюстрировать полнее (примеры сгруппированы по двучленным «ядерным частям» таких комплексов; особое внимание уделено примерам, где комплекс не ограничен своей «ядерной частью»):

а мѧ, ***а сѧ***, ***и мѧ*** — реликты, о которых см. § 1.10;

нъ же (***но же***) — *ѡ҆͡че, д(об)ро бѧшеть тишина,* ∇ *но же сѧ оуже не годило* [1180], 216 об.; *не избраша сего людьє землѣ нашѣѣ,* ∇ *но же єси поставилъ* [1183], 220 об.; *брате и с͡ноу, много ти єсмь добра творилъ* 〈...〉, ∇ *но же еси оумыслилъ на мѧ зло* [1180], 217 об.

нъ ли (***но ли***) — *но ли къ старости, то же сѧ постригоу, но ли боудоу лоучии тъгда; но хоудъ ꙗ҆смь и боленъ* (Вопрош. Кирик., ст. 6);

нъ бы (***но бы***) и т. д. (редко) — *но быхъ хотѣлъ, да быша были такы слезы нѣкому хрестьꙗну* (ЖАЮ, 29а);

то же 'то, в таком случае' (не смешивать с *то же* 'то же самое') — *а до*[*вѣ*-*д*]*ок*[*а*] *бꙋд*[*е*], ∇ *то же нынеца радъ быхъ послале* [*грам*]*о*[*тꙋ*] 724; *ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ,* ∇ *то же ны его блюсти подъ тобою* [1195], 237 об.; *а се другаꙗ рать перед нами Гюрги,* ∇ *то же того съждемъ* [1150], 150; *а как мѣсѧць изоидеть,* ∇ *то же сѧ воевати* (ГВНП, № 70, 1440–47 гг.);

то бо (редко) — *но Б͡а рад*(*и*) *въсхощеть мира,* ∇ *то бо съблюдаеть землю Роусьскоую* [1139], 112 (*то* — союз);

ци же (редко) — с предшествующим *а*: *а ци же и сами бысте сквѣрни* (Ипат. [1074], 72 об.);

ци ли — *оурѧдил*[*о*] *ли сѧ со тобою,* ∇ *ци ли не оурѧдил*[*о*]*сѧ* 344п; *сде ли хочемъ стоꙗти,* ∇ *ци ли быхомъ и еще своего труда не правѧче себѣ ночи поѣхали* [1150], 150.

ци ти (где *ти* — частица) — *ци ти пъцьне кнѧзь кꙋпьцѣ надѣливати* 794; также с предшествующим *а*: *а ци ти присъле къ тъбѣ* 794;

не ли — *твоꙗ ли соу твари,* ∇ *а не ли старица паче оноꙗ?* (Изб. 1073, 203а); *лѝ іюдѣ́ємъ Б͡ъ то́кмо,* ∇ *а не лѝ и ꙗзы́комъ* (Чуд., 100г);

не бо — *не бо рачить видѣти кого* (Феод., 32б); *в безумиє впаде,* ∇ *не бо смыслѧше Х͡ста суща двѣгубь и Б͡а и ч͡лвка, но єдиногубь суща мнѣвъ* (ЖАЮ, 57г); *не бо̀ добрò взѧті хлѣба оу ча͡д и поврещѝ псо͡м* (Чуд., 20а);

не бы — *аще бо бы перевозникъ Кии,* ∇ *то не бы ходилъ Ц͡рюгороду* (ПВЛ, 4);

ни же — *дер҆заи же, не боиса,* ∇ *ни же да страшитсѧ ср͡дце твоє* (ЖАЮ, С31 об./32); *і слы́шаще не слыша͡т,* ∇ *ни жѐ разꙋмѣю͡т* (Чуд., 8б);

ни ли — *г͡ла томоу блаженыи:* ∇ *ни ли мало имаши?* (Феод., 53г); *ни лѝ боіши͡с ты Б͡а* (Чуд., 40б);

ни бо — *приѣхавъ и съсѣде съ коны,* ∇ *ни бо николи же ѣха на дворъ манастырьскыи* (Феод., 40б); *ни бó обрѣзании сами зако͡н храня͡т* (Чуд., 124б);

ни ти (где *ти* — частица; редко) — *Петрови же не вѣдущю к͡нжѣ см͡рти,* ∇ *ни ть ему дѣтьскии не повѣдѣ* (Киев. лет. [1152], 166 об.; *ть* < *ти*);

ни бы (редко) — *да аще бы не сътворилосѧ се, како бы жена изъбыласѧ ѿ бѣды своєꙗ, како быша враны и гады измерьли,* ∇ *ни бы єфиопъ онъ приклѣщенъ* (ЖАЮ, 44б);

да же — *да же ти ми боудете дъбр*[*о*] Смол. 12; *да же еси тими коунами не исполнила* 711п; *да же ти въдаль* 682; *да же мѧ постигнеть Володимеръ съ сѣми* [1150], 149; *да же ны Бъ҃ поможеть* [1151], 155; *да же бы была рать, билисѧ быхо*ᴹ [1185], 225об.; *да жь еси рекль* [1151], 155об.;

да ли (старослав., редко) — *еда приходитъ свѣтильникъ, да подъ спѫдомъ положенъ бѫдетъ, ли подъ одромъ,* ∇ *не да ли на свѣштьникъ възл*{*л*}*ожѧты и* (Мар., Мр. 4.21); *да бы тъчьѭ кыимъ избыти ѥмоу зъла,* ∇ *да ли о пльтьнѣѣмь оучинение, а о доуховьнѣѣмь безаконие* (Супр., III-47);

да бы — *съ сльзами молꙗ сꙗ ѥмоу,* ∇ *да бы оу него былъ* (Феод., 31б); *боꙗсѧ,* ∇ *да бы сѧ не осквернила оуность ѥго* (ЖАЮ, 45г); *иного не хощю ничего же, г*ᶜ*не мои,* ∇ *нъ да бы сѧ оставилъ ѿ лихаго дѣꙗньꙗ мужь мои* (ЖАЮ, 41в);

да ми и т.д. — *да послалъ єси доброго своєго агг҃ла,* ∇ *да ми слꙋжить* (ЖАЮ, С34); *да ми повѣси поꙋчениє ст҃го ѡ дш҃ахъ* (ЖАЮ, С109); *но поими ѥгоже хощеши,* ∇ *да ти поможеть* (ПВЛ, 70); *изведи ми, старьче, сна моѥго,* ∇ *да си ѥго вижю* (Феод., 32в);

да мѧ и т.д. — *Ѥпифанъ повелѣлъ ѥсть бѣдници сеи,* ∇ *да мѧ оужежеть велми* (ЖАЮ, 43в); *что ти бы,* ∇ *да сѧ ѥси тако възмутилъ?* (ЖАЮ, 47в); *ѡна же и тамо иде,* ∇ *да и тамо обрꙗщеть* (Феод., 32а);

ꙗко же — *цѣлую к вама кр*ᶜ*тъ и къ кнѧгини вашеи,* ∇ *ꙗко же ми на ва*ᶜ *не позрѣти лихомъ* [1171], 195/об.;

ꙗко бо — *и оуклони́шасѧ,* ∇ *ꙗко бо сѧ смѧто́ша пръвïи плъци* (Флав., 410г);

ꙗко бы — *а которыи* // *ꙗко бы́ сѧ приложилъ къ ва́мъ* (Флав., 460г);

ꙗко ми и т.д. — *но на то*ᴹ *цѣлуи хр*ᶜ҃*тъ,* ∇ *ꙗко ти в томъ въ всемъ оустоꙗти* [1151], 160;

се же — *ты ес*(*и*) *намъ хр*ᶜ*тъ цѣловалъ, ако ти поити с нами* (*на*) *Изѧслава,* ∇ *се же еси не пошелъ* [1148], 132об.;

се ли (редко) — *се* [*ли не*] *ꙋдасте, да со изросты водасте* 483п; *се ли не уцините исправѣ в тѣи срокъ, по хрестьному целованью, вамъ ти на себе жялоба* (ГВНП, № 44, 1373 г.);

се бо — *ли с моремъ кто свѣтенъ,* ∇ *се бо не по земли ходимъ, но по глубинѣ морьстѣи* (ПВЛ, 11); *се бо ны сѧ по дань ꙗли* (ПВЛ, 22); *се бо* // *сиꙗ ти приведохъ* (Феод., 27в);

се ти (где *ти* — частица; редко) — *а се ти хочоу, коне коупивъ и кънѧжъ моужъ въсадивъ, та на съводы* 109; *а се ти сѧ Романъ бродить, а ѿсуда Двдъ҃* [1167], 188;

се ми и т.д. — *се ми здѣ близъ мене сн҃ъ мои Шварно* (Гал.-Волын. [1268], 288); *се ти пущаю полкы своꙗ* [1149], 140; *се ва ѡставливаю Къстѧжка моужа своего* [1146], 121;

се сѧ (редко) — *се сѧ оуже тако створило, кнѧзь нашь оубьенъ* [1175], 209об.;

се есмь и т.д. — *се еси въдале землю н*[*а*](*мъ*) 850; *се есме слы*[*шѧли*] 870; *се есмъ съ бра*ᵀ*ею своею сгадалъ* [1147], 126об.; *се есмы поуть замыслили великъ* [1147], 127; *се есвѣ оугадала тако* [1149], 137об.

См., кроме того, примеры проклитико-энклитических комплексов с участием энклитики *нъ* (*но*) в § 1.13.

Следует отметить, что значительная часть приведенных комплексов (в частности, *не ли*, *не бо*, *ни же*, *ни ли*, *ни бо*, *ни бы*, *да ли*, *да бы*, *да ми*, *да сѧ*) употребительна только в книжных текстах, а в народных не встречается. Те комплексы, которые встретились в нашем материале в народных текстах, проиллюстрированы выше примерами именно из таких текстов.

Энклитика после неодночленной актантной группы

§ 1.42. По точному смыслу закона Вакернагеля энклитика не может стоять непосредственно после начальной неодночленной актантной группы. То же верно и для неначальной неодночленной актантной группы, поскольку энклитика могла бы оказаться непосредственно после такой группы только в случае, если бы на одно слово левее ее (следовательно, внутри этой актантной группы) проходил ритмико-синтаксический барьер; но, как указано в § 1.26, такой барьер внутри актантной группы стоять не может.

Данное ограничение теряет силу только в том случае, если члены актантной группы подвергаются просодическому объединению (см. § 0.3). Частным случаем просодического объединения является вторичная проклиза (§ 0.2).

К сожалению, мы не располагаем средствами, чтобы надежно выявить каждый случай просодического объединения. Иногда нам помогает в этом современный язык — если в нем сохранилось соответствующее сочетание и оно имеет единое ударение. Таковы, например: *спаси́бо*, *сего́дня*, *Но́вгород*, *Бе́лгород*, *не́ на чем*, *не́ на кого*, *не́ту*, *пока́мест* и т. п. — во всех этих случаях исходным было сочетание акцентно самостоятельных словоформ (*съпаси Богъ*, *сего дьне* и т. д., см. § 0.3); особенно активно этот эффект проявляется в сфере составных числительных, например: *полтора́*, *оди́ннадцать*, *двена́дцать*, *два́дцать*, *пятьдеся́т*, *се́мьдесят*, *две́сти*, *три́ста*, *пятьсо́т* и т. п. В ряде случаев просодическое объединение засвидетельствовано в говорах или в старорусских акцентуированных рукописях, например, *два́ года*, *три́ года*, *в тѣ́ поры*, *в ту́ пору*, *ономе́дни* (*номе́дни*, *наме́дни*), *оного́дни*, *оба́полы* (*оба́пол*) и т. п.

Когда мы имеем дело с неакцентуированной рукописью, просодическое объединение может проявиться только в том, что рассматриваемое словосочетание оказывает такое же влияние на расположение энклитик, как единое слово (как это можно видеть на примерах, приводимых ниже).

Понятно, однако, что в конкретной фразе то или иное расположение энклитик часто допускает не одно, а два или более различных объяснения. Поэтому вопрос о том, произошло ли в интересующей нас фразе просодическое объединение, обычно решается лишь с той или иной степенью предположительности.

Так, практически надежным (ввиду показаний современного языка) представляется признание просодических объединений, например, во фразах (для наглядности здесь и ниже подчеркиваем неодночленную актантную группу, при которой оказывается энклитика):

берестяные грамоты — *<u>н⟨ѣ⟩ на цеме</u> сѧ кормити* 765п;

а жеребеꙗ // *<u>н⟨ѣ⟩ тоу</u> ть ни коунамъ ни верші* 322п;

Супр. — *то како без моѥго повелѣниꙗ* // *<u>три на десѧте</u> ѥси позъвалъ* 62.

Вполне можно предполагать просодическое объединение также в ряде случаев, где в составе тяжелой группы имеется энклиномен (скажем, *чьто*, *дъва*, *три*, *пѧть*, *день*, *сынъ*, *друзи*, *дѣлѧ*), например:

Киев-Д — *брате, // что дѣлѧ еси приѣхалъ?* [1169], 191.

ЖАЮ — *да сего дѣлѧ єсмь се повѣдалъ* С161 (в редакции В);
и рекꙋть тогда жидове, ∇ ꙗко «того дѣлѧ сѧ єсмь съблазнили» С165;
ꙗко въ нже дн҃ь мѧ ѥси видилъ и злаᵀ раздаꙗлъ єси 34б/в.

Мар. — *Г҃и, // пѧть таланътъ ми еси прѣдалъ* (Мт. 25.20);
Г҃и, // (дъва) таланъта ми еси прѣдалъ (Мт. 25.22);
рече бо, ∇ ѣко Бж҃ии сн҃ъ есмъ (Мт. 27.43);
аште сн҃ъ Бж҃ии еси, ∇ сълѣзи съ кр҃та (Мт. 27.40);
вы дроуѕи мои есте, ∇ аште творите елико азъ заповѣдаѭ вамъ (Ио. 15.14).

Добавим сюда часто встречающуюся цитату из Псалтири (пс. 2.7), которая, например, в ПВЛ, 34 выглядит так: *сн҃ъ мои єси ты, азъ дн(е)сь родихъ тѧ* (ср. ту же фразу в Чуд., см. § 5.2, пункт «а»).

Далее, допустимо предполагать такое же объединение в отдельных сочетаниях с участием ортотонических местоимений или числительных, в частности:

ЖАЮ — *осмь чатъ ѥси принеслъ из дому* 10г;
кымъ образомь ѥси стѧжалъ и собѣ ѥси створилъ пагубу 33а;
ꙗко хлапъ // симь образомь сѧ ѥсть прѣмѣнилъ 17а;
прᶜтлъ єго єси испроверьглъ С25.

НПЛ — *брат(а) моꙗ ѥсте 2 кнѧзѧ повесили вы въ Галици ꙗко злодѣꙗ* 78 об.

Феод. — *тѣмь же съмѣрꙗше сꙗ, ∇ мьнии всѣхъ сꙗ творꙗ и всѣмъ слоужа* 36г.

Усп. сб. — *ѥго же нашь оумъ сѧ не можеть домыслити* 281б.

В случаях, когда просодического объединения не было, запрет на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантной группы соблюдается в памятниках некнижного характера весьма жестко. В частности, в образцовых памятниках нет ни одного надежного примера его нарушения; два-три случая, где можно было бы подозревать такое нарушение, допускают другие объяснения.

Это ограничение остается в полной силе, в частности, и для такой народной энклитики более позднего времени, как *дѣи* (*дѣ*). В памятниках XVI–XVIII вв. примеров с этой энклитикой чрезвычайно много, и при соединении с неодночленной актантной группой она всегда вклинивается внутрь этой группы, а не ставится после нее (примеры см. в § 1.15).

Между тем в памятниках книжного характера изредка встречаются примеры прямого нарушения данного правила, т. е. фразы с энклитикой непосредственно после неодночленной актантной группы, причем такой, где нет оснований предполагать просодическое объединение. Энклитика в этих случаях может быть только слабой.

Такие нарушения мы находим прежде всего в старославянских памятниках. Примеры:

Мар. — *боѣахъ бо сѧ тебе, ∇ ѣко чл҃вкъ ѣръ еси* (Лк. 19.21);
г҃лите, ∇ ѣко раби недостоини есмъ (Лк. 17.10);

о семь разоумѣѭтъ вьси, ∇ *ѣко мои оученици есте* (Ио. 13.35).
ізиди отъ мене, ∇ *ѣко мѫжь грѣшенъ есмъ, Г҃и* (Лк. 5.8);
отъвѣщаша емоу июдеи: ∇ *сѣмѧ Аврамле есмъ* (Ио. 8.33);
вѣмь, ∇ *ѣко сѣмѧ Аврамле есте* (Ио. 8.37).
Супр. — *не въ ѥд҆номъ мѣстѣ сѧ затворьше* 48 об.;
застѫп҆никъ мои ѥси ты 35 об.;
прилоучаꙗ же не имамъ, ∇ *нъ раби Г҃ни ѥсмъ* 51 об.;
рѣхъ ти оубо, ∇ *ꙗко Х҃совъ робъ ѥсмъ* 54 об.;
великааго Х҃са, ∇ *ѥгоже воини ѥсмъ мы* II–16.

То же с тяжелой группой в неначальной позиции:
Мар. — *вѣдѣаше,* ∇ *ѣко азъ ч҃лвкъ ѣръ есмъ* (Лк. 19.22).
Супр. — *вь н҃ихъже велитъ намъ // томоу ѥдномоу сѧ кланꙗти* 64;
азъ Пионова сестра ѥсмъ 71;
Г҃и, ты моѥ прибѣжиште ѥси 117 об.;
и азъ бо робъ того ѥсмъ II–2.

В древнерусской зоне такие нарушения встречаются в памятниках, обладающих большей или меньшей степени книжными чертами. Больше всего их обнаружено в Житии Андрея Юродивого, которое хотя и сближается в ряде отношений с некнижными источниками, в данном пункте ведет себя подобно старославянским текстам.

Примеры из этого памятника (почти полный список)[24]:
с энклитикой *сѧ* —
и в болшю печаль сѧ єси вложилъ С172;
сѣде на земли, обнажено имѣꙗ тѣло, ∇ *платомь лихомь сѧ закрывъ* 26б;
ꙗко тебе дѣлѧ // велика печаль ми сѧ ѥсть створила 32г;
да тѣмь путемь // великъ скрежетъ сѧ творить 53б;
также с разделением энклитик:
сему ли вкушению сѧ ѥси оудивилъ? 7б (см. подробнее о структуре этой и подобных ей фраз в § 5.4);
тѣмь бо образомь сѧ ꙗвилъ, ꙗкоже старыи синець 5а;

с прочими энклитиками —
колико бѣды ми показа ѿреч(е)ныи С26 об.;
многы бл҃годѣти ми ѥси долженъ, гⷭнъ великыи 34б;
и гроза велика мѧ обиде доселѣ С31;
си же, о чадо, // наказаньꙗ дѣлѧ твоѥго ѥсмь реклъ 49б;
и т⟨ы⟩ бо самъ // видимъ лороподъ ѥси и змии, и ищадиѥ ѥхидново 30в.

В других древнерусских памятниках такие примеры крайне редки. Вот некоторые из них:

---

[24] Во фразе *и многа добра // причастника тѧ сътворю* ‘и к большому благу сделаю тебя причастным’ (ЖАЮ, 4) несомненно присутствует барьер после *добра*, которым и определяется место энклитики *тѧ*. Составляющая *многа добра*, подчиненная не сказуемому, а слову *причастника*, здесь дает такой же эффект, как актантная группа. Этот случай в сущности не содержит никакой аномалии; но он весьма редок, поэтому мы предпочли не осложнять из-за него предложенную в § 0.6 общую схему.

того бо дѣльма бѣахоу мирьскыихъ красотъ сѧ ѿвьрьгли (Усп. сб., 193а);

иже и присно теплъ на вѣроу сѧ обрѣте (Усп. сб., 205в);

вѣдите, ∇ ꙗко близь владыкы нбс҃ьнаа го ми соущю (Феод., 63г);

противословьѥ самодержьца и непокорива кажеть чл҃вка, ∇ аще° и въ образѣ съмѣренѣ сѧ творитъ (Пчела, 428);

более сложный пример: *съвръшениѥ же гл҃ъ ми оукажеть сꙗ* (Феод., 33б; та же структура, что во фразе из ЖАЮ *сему ли вкушению сѧ ѥси оудивилъ*, о которой см. выше).

В памятниках некнижного характера нарушений данного типа почти нет. Можно указать лишь один относительно поздний пример: *ино° 70 городовъ ся розвалило* (Афан. Ник., Троицк. 371 об.). О фразе *ꙗ не Оугринъ ни Лѧхъ, ∇ но ѡдиного дѣда есмы внуци* ([1172], 205) см. § 5.4.

Каковы источники нарушений данного рода?

Прежде всего, следует учитывать возможность простой перестановки слов при переписке. Например, в Синод. НПЛ есть фразы с нарушениями рассматриваемого типа: *а зла до васъ ѥсмь не мыслилъ никотораго же* [1228], 105; *а брат(ь)ю свою ѥсме казнили* [1228], 107 об.; *тои ж(е) осени // мног(о) зла сѧ створи* [1215], 81. Однако в младшем изводе этих нарушений нет — энклитики стоят на своем законном месте (цитируем по Академическому списку): *а зла есмь до васъ не мыслилъ никоего же*; *а братию есмя свою казнили*; *тои же осени // много ся зла сътвори.* Тем самым есть все основания полагать, что в Синод. НПЛ мы имеем дело с простой ошибкой переписчика. Вполне вероятна такая же ошибка во фразе *и то все ся дѣяло в дому Иоанна Богословца* (Дан.): ср. в том же тексте правильное *все ся то дѣяло в дому Иосифовѣ обручения Мариина*. Понятно, однако, что объяснить таким образом можно лишь некоторую часть примеров.

В отдельных случаях причина может быть связана со значением самой энклитики; в частности, *есмь*, *еси* и т. д., даже выступая в роли связки, могут иногда трактоваться как приближающиеся по значению к 'пребывать, находиться' и тогда вести себя как полноударные словоформы (см. § 5.4).

Но все же самым существенным для объяснения рассматриваемого эффекта (т. е. постановки энклитики после неодночленной группы), более важным, чем все эти частные факторы, следует признать то обстоятельство, что данный эффект представлен практически только в книжных памятниках. Тем самым его естественно истолковывать как одно из следствий пословного чтения, при котором либо энклитика просто становится полноударной, либо стоящее перед ней слово отрывается при чтении от предшествующего (несмотря на синтаксическую связь между ними), после чего энклитика оказывается уже в «законной» роли добавления к одному слову, а не к группе.

Отметим, что в современных западно- и южнославянских языках нет запрета на постановку энклитики непосредственно после неодночленной актантной группы. Вот несколько иллюстраций:

польск. *mój biedny brat się męczy* 'мой бедный брат мучается';

чешск. *dobrý voják Švejk se však nebál* 'однако хороший солдат Швейк не боялся';

словацк. *mravenec lesní se živi hmyzem* 'лесной муравей питается насекомыми';

болгарск. *в долния край на тази страница се е намирала някаква приписка* 'на нижнем краю этой страницы находилась некая приписка'.

словенск. *iz velikih vrat se je usulo vse polno študentov* 'из больших дверей высыпало множество студентов';

сербск. *српски народ се у то могао уверити и без стихова из Курана* 'сербский народ мог в этом убедиться и без стихов из Корана' (но следует отметить, что в сербском фразы этого рода все же представляют собой лишь сравнительно редкие исключения из общего правила, требующего постановки энклитики после одной, а не двух полноударных словоформ).

Предполагать наличие ритмико-синтаксического барьера на одно слово левее такого *se* (*się*) нет никаких оснований. Не происходит здесь и просодического объединения членов начальной актантной группы. Следует просто констатировать в таких случаях прекращение действия закона Вакернагеля в его чистой форме: *se* здесь стоит в новой позиции, в древности для него запрещенной.

Таким образом, в данном пункте древнерусский более полно сохранил черты древнейшей системы, чем современные живые языки.

Замечания о локальных энклитиках

§ 1.43. Настоящая книга посвящена прежде всего изучению древнерусских фразовых энклитик, для которых характерен сложный механизм функционирования и размещения во фразе. По сравнению с ними локальные энклитики, которые ставятся просто непосредственно после подчиняющего слова, представляют собой гораздо более простой синтаксический объект. Поэтому мы можем здесь ограничиться лишь некоторыми замечаниями по их поводу.

Основные локальные энклитики древнерусского языка — это, во-первых, отождествительное *же* (и *же*, входящее в состав отрицательных местоимений), во-вторых, энклитики *же*, *то*, *се*, *нъ* в роли релятивизаторов (т. е. превращающие вопросительные местоименные слова в относительные или отсекающие все значения, кроме относительного, у слов, уже имеющих в числе прочего относительное значение; см. об этом Зализняк 1981). В качестве локальных энклитик функционируют также *ми*, *ти*, *си* в притяжательном значении ('мой', 'твой', 'свой'; см. об этом § 1.9).

Понятно, что локальные энклитики не подчиняются закону Вакернагеля. Например, во фразе *и не посла къ городоу никого же* (Киев. лет. [1140], 113 об.) локальное *же* стоит в позиции, полностью запрещенной для фразовых энклитик (а именно, в дистантной постпозиции к сказуемому, будучи отделено от него полноударными словоформами).

Реально, однако, мы нередко находим локальные энклитики в той же позиции, которая ожидалась бы по этому закону, — просто потому, что подчиняющее их слово часто стоит в начале клаузы. Это в особенности касается релятивизаторов: они стоят при относительных местоимениях, а для таковых нормально именно начальное положение в клаузе. Ср., например:

зане принуди мѧ сн҃ъ твои, ѥгоже ѥси хрстилъ, ∇ иже то сѣдить близь тобе (Мономах, 83 об.; *иже то* — 'который', с релятивизатором *то*);

тако право есть, ∇ ако то и молвиши [1151], 156 (*ако то* — 'как', с релятивизатором *то*);

и сбиша Оугры акы в мѧчь, ∇ ѩко се соколъ сбиваѥть галицѣ (ПВЛ, 91 об.; *ѩко се* — 'как', с релятивизатором *се*).

Тем самым вполне возможным оказывается непосредственное соприкосновение локальных и фразовых энклитик. В таких случаях блок фразовых энклитик стоит после локальной энклитики (т. е. локальная энклитика сохраняет свое место непосредственно после подчиняющего слова). Примеры:

ако то сѧ суть воротили, поѣдемы по нихъ [1151], 156 об.;

и се слышавъ Всеволодъ, не поусти сн҃а своего Ст҃ослава, ни моужии новгородьскыхъ, ∇ иже то бы привелъ к собѣ (Киев. лет. [1140], 114).

Редкий пример контакта двух разных *же* — локального и фразового:

имуть же тогда анг҃ли велику печаль, чающе бл҃женаго ѿвѣта, тако же же и бѣси, чающе погыбѣльнаго ѿвѣта (Нифонт, 17; подчеркнуто локальное *же* — отождествительное).

Глава вторая

НАРОДНОЕ И КНИЖНОЕ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ

§ 2.1. Наблюдение над поведением энклитик в древнерусских памятниках показывает, что в этом отношении памятники далеко не одинаковы: одни хорошо соблюдают закон Вакернагеля для всех фразовых энклитик, другие же хорошо соблюдают его в отношении сильных энклитик, но довольно плохо в отношении слабых.

Это различие определяется в первую очередь не хронологией, а принадлежностью (точнее, степенью близости) к народному (иначе некнижному) или к книжному типу.

В раннедревнерусский период в отношении энклитик максимальную близость к народному типу обнаруживают памятники, названные выше образцовыми, — ранние берестяные грамоты и прямая речь в Киевской летописи по Ипат. (Киев-Д). Для книжного типа в качестве характерного примера можно взять Житие Феодосия.

Тем самым в вопросе о поведении энклитик выделяются как бы два полюса. Прочие памятники располагаются на этой шкале на том или ином удалении от этих полюсов.

Следует учитывать, однако, что противопоставление «народное – книжное» имеет точный смысл лишь когда речь идет о вполне определенном аспекте языка памятника, например, о способе выражения прошедшего времени или о поведении энклитик. Лишь в предельных случаях все аспекты языка получат одну и ту же оценку на шкале «народное – книжное»; например, берестяные грамоты, по-видимому, во всех отношениях будут оценены как народный источник. Во многих памятниках одни элементы системы носят книжный характер, другие — близкий к некнижному. Поэтому один и тот же памятник может по одним параметрам попасть в книжную категорию, по другим — в некнижную.

Ярким примером может служить Житие Андрея Юродивого. В этом памятнике полностью реализованы такие важнейшие книжные черты, как последовательное употребление аориста и имперфекта, неповторение предлога в сочетаниях с приложением или определением, оборот dativus absolutus и другие. Но в то же время в большинстве пунктов, относящихся к поведению энклитик (хотя все же не во всех), этот памятник фактически следует народному, а не книжному узусу.

По-видимому, причина здесь в том, что многие авторы и переводчики осознавали и соблюдали лишь некоторые элементы книжности (не обязательно одни и те же у разных авторов); другие же элементы они не считали для себя

обязательными или просто их не чувствовали, и в этих точках системы вместо книжных форм и конструкций в их сочинениях или переводах выступали такие, которые свойственны живому языку.

Сказанное относится к памятникам русского происхождения. Однако аналогичная картина представлена также и в памятниках старославянского происхождения; и ниже в нашем анализе мы в ряде случаев обращаемся и к ним. Но все же основной интерес для нас представляют именно памятники, созданные или переведенные на Руси.

В части памятников могут быть выделены как бы два слоя — более книжный и более народный. Для нашего анализа полезно рассматривать в таких случаях эти два компонента текста раздельно — по крайней мере там, где разделение текста на компоненты оказывается не слишком дробным и может быть указано относительно точно.

Общее правило состоит здесь в том, что из основного текста памятника при анализе должны быть исключены цитаты из Псалтири и Евангелия. Все они принадлежат книжному компоненту, и в них поведение энклитик может резко отличаться от того, которое представлено в основном тексте памятника. Например, в «Поучении» Мономаха необходимо исключить из рассмотрения целый большой раздел, который почти целиком состоит из цитат из Псалтири.

Укажем то разделение на два компонента (слегка огрубленное во избежание чрезмерной дробности), на которое мы опираемся в настоящей книге, для нескольких важных для нашего исследования памятников.

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина.

Книжный компонент (условное обозначение: Афан. Ник. II) состоит из следующих отрезков:

1) От начала (*Се написах свое грѣшное хожение за три моря*) до *И оттуду поидох, с Углеча* (442 об.).

2) От *Приидох же в Бедерь о заговейнѣ о Филиповѣ ис Кулонгѣря* до *Там же поидох съ индѣяны да будутханы мѣсяць* (текст читается только в Троицком списке, л. 377–377 об.).

3) От *О благовѣрнии русстии кристьяне!* (452) до *Господи Боже мой, на тя уповах, спаси мя, Господи Боже мой* (452 об.).

4) Одна фраза: *Господи боже мой! На тя уповах, спасти мя, Господи!* (454).

5) Маленький отрезок (456): от *В пятый же Велик день възмыслихся на Русь* до *и розговѣхся с ними.*

6) От *А отъ Кельбергу поидох до Кулури* (456 об.) до конца текста (458 об.). Но внутри этого пассажа имеются маленькие вкрапления основного компонента: а) от *А на турскаго послал рати двора своего 40 тысяч* до *а из Орцыцана пошол есми в Трепизон*; б) от *Хлам мой весь к себе вънесли в город на гору* до *что есми пришол из орды Асанбега.*

Остальная часть текста «Хожения» (за исключением вводной статьи, принадлежащей не Афанасию Никитину, а переписчику, которая вообще не учитывается) составляет его некнижный компонент (обозначение: Афан. Ник. I).

Послания Ивана Грозного.

Некнижный компонент (обозначение: Ив. Грозн. I) — послания королеве Елизавете, королю Юхану III, Василию Грязному (1568–1574 гг.).

Книжный компонент (обозначение: Ив. Грозн. II)— письмо в Белозерский монастырь (1573 г.).

«Житие» Аввакума (по Пустозерскому сборнику).

Книжный компонент (обозначение: Аввакум II) состоит из следующих отрезков:

1) Л. 4 – 12 об. (богословское вступление).

2) Л. 108 об. – 111 (первые две строки, кончая *веселящеся, торжествуем*) («О сложении перст»).

3) Цитаты из церковных текстов, а также молитвы, обращения к Богу, речи ангела, грамота к царю; кроме того, формулы «Бог простит, -ил», «Прости, -ите», «О имени Господни повелеваю», «Именем Господним запрещаю».

Остальная часть текста «Жития» составляет его некнижный компонент (обозначение: Аввакум I).

Сходный характер носит и указанное в § 1.1 разделение Киевской летописи за XII век по Ипат. на прямую речь («Киев-Д») и авторскую речь.

В настоящей главе относительно подробно представлена общая картина поведения энклитик в образцовых памятниках, т. е. тех, которые наиболее близки к живой речи древнерусского периода. Эта глава должна служить главным фондом примеров для иллюстрации общих положений, изложенных в главе 1. При этом в ряде случаев при разборе материала производится также некоторая детализация этих положений.

После этого демонстрируется (уже несколько менее подробно) поведение энклитик в памятнике противоположного типа — Житии Феодосия.

О способе цитирования и условных знаках, используемых в цитатах, см. § 0.9–10. Напомним, что цифра после цитаты означает номер берестяной грамоты (а буква «п» при цифре указывает, что грамота поздняя), указание года и листа (без указания летописи) есть ссылка на Киев-Д.

При цитировании из Киев-Д иногда для ясности контекста оказывается необходимо привести также некоторый отрезок авторской речи, предшествующий интересующей нас клаузе.

Энклитики, ради которых дается пример, подчеркиваются.

Специально отметим, что символ ритмико-синтаксического барьера (//) проставляется в приводимых цитатах без обязательности, т. е. далеко не везде, где реально имелся такой барьер, а только там, где мы считаем нужным обратить внимание на этот факт.

ОБРАЗЦОВЫЕ ПАМЯТНИКИ

§ 2.2. Картина функционирования энклитик, отразившаяся в образцовых памятниках — ранних берестяных грамотах и Киев-Д, — это наибольшее приближение (из всего, что нам доступно) к ситуации в живом древнерусском языке.

Из этих двух памятников вернее всего отражают древнейшую систему функционирования энклитик ранние берестяные грамоты. Памятник Киев-Д, оригинал которого относится практически к тому же времени, несколько уступает им в этом отношении, но весьма незначительно. Имеющиеся небольшие

отличия определяются здесь двумя различными факторами: во-первых, в некоторых случаях (к счастью, немногочисленных) встречаются искажения, привнесенные переписчиком XV века; во-вторых, в летописи даже в ее диалогической части изредка встречаются некоторые книжные элементы, которых в берестяных грамотах нет.

При разборе берестяных грамот мы иногда используем также материал поздних берестяных грамот, которые хотя и не могут уже быть признаны образцовым источником, но в отдельных случаях успешно восполняют те или иные пробелы в материале ранних грамот.

Ниже мы рассматриваем материал этих памятников по темам, следуя в целом тому же порядку, что в первой главе.

Ранги энклитик

В приводимых ниже таблицах показаны встретившиеся в берестяных грамотах и в Киев-Д блоки фразовых энклитик (с указанием рангов). Эти таблицы непосредственно демонстрируют ранговую организацию системы энклитик.

Берестяные грамоты здесь взяты в полном объеме (т. е. и ранние, и поздние), поскольку в данном отношении эти две группы практически одинаковы.

Для большей наглядности в левом столбце таблицы приведено слово, предшествующее в соответствующей фразе данному блоку энклитик. В правом столбце может быть приведено слово, следующее за этим блоком; кроме того, указывается, из какой грамоты (или из какого места летописи) взята цитата и в каких еще грамотах (или местах) встречается тот же блок энклитик.

Блоки энклитик в берестяных грамотах

	1 *же*	2 *ли*	3 *бо*	4 *ти*$_1$	5 *бы*	6 Д.	7 В.	8 связка	
пакы	*жь*	*ли*							*посли*(*та*) 510п
о св(*ѧ*)*то*	*же*			*ти*					*еѣ хоцць* 731 (+682 *ти*$_1$?)
да	*же*			*ти*		*ми*			*боудете дъбро* Смол.12
мѣни	*же*					*ми*			335 (+227, 455, 752, 829)
симо	*же*					*ти*			*соулити* 600п (+682)
мънога	*же*					*вы*			*лѣта* 503
поустилъ	*же*						*мѧ*		9 (+531)
оже	*же*							*еси*	*продала* Ст. Р. 8 (+711п)
како	*жь*							*еста*	*торговала* 510п
аче		*ли*		*ти*					⟨...⟩ *не ищють* 724
сде		*ли*				*ти*			*буть* 68п (+ *ти*$_2$?: 112, Ст. Р. 15, Смол. 12)
инде		*ли*					*сѧ*		*пригодить* 565п (+344п)
исправилъ		*ли*						*еси*	615п (+118, 615п, 736а)
сторови		*ли*						*есте*	424
да				*ти*	*бы*				*дати* 389п (+413п) [см. § 1.7]

а Давыдъ				*ти*		*ми*			*не вѣдалъ* 664 (+ 53п, 829)
а нънѣ				*ти*			*сѧ*		*съмълъвивъ* 907 (+793, 800)
ѧле				*ти*			*сѧ*	*есьмь*	*за погосто* 800
криль				*ти*				*есмь*	779 (+226, 384, 483, 710, 723, 893, Ст. Р. 31, Торж. 18)
правъ				*ти*				*есть*	819 (+8, 683)
(*ст*)*орови*				*ти*				*есме*	*вохе* 670
аже					*бы*	*ти*			*годьнъ* 752 (+19п)
что					*бы*		*мѧ*	*ѥсте*	*жаловалѣ* 949п
то из оцью					*бы*		*сѧ*		*вытьрьго притькль* 752 (+302п)
что					*бы*			*ѥси*	*дале* 610п (+9 грамот [поздних])
что					*бы*			*ѥсте*	*поблюлѣ* 693п (+497п)
а въ томь						*ми*	*сѧ*		*не исправилъ* 724 (+463п, 752)
а цето						*ти*	*сѧ*		*остало* Ст. Р. 30 (+11 грамот)
и молю						*ва*	*сѧ*		725
а коупѧть						*ти*	*и*		655
а продале						*ти*	*е*	*есьмь*	679 (*ти*$_2$?)
чето						*ти*		*есемо*	*водала* 644 (+752, 934)
а водале						*ми*		*еси*	644 (+877, 909)
лега						*ми*		*е*	815
аже						*ти*		*е*	*по сьпехо* 709п
цему							*мѧ*	*єси*	*погубиль* 272п (+583п)
оже							*ны*	*еси*	*холопы нарекла* 400

Во всем массиве берестяных грамот встретилось только два примера с отклонениями от данной системы рангов. Один из них (в грамоте № 618п) ненадежен; см. о нем § 1.8, сноска 15.

Представляет значительный интерес второй из них: *и ѧла есмо сѧ ему по рукоу* 731; здесь связка *есмо* стоит левее *сѧ*. Других подобных примеров в древненовгородских памятниках не отмечено. Но тут важно то, что грамота № 731, судя по целому ряду признаков, отражает особый говор в рамках древненовгородского диалекта (см. ДНД$_2$, с. 393–394). Некоторое число аналогичных примеров имеется в староукраинских грамотах XV в., в частности: *записали есмы сѧ*, *стереглисмы сѧ*, *штож есмо сѧ дѣлили*, *иже есмо сѧ обовѧзали* и др. (см. ССУМ, соответствующие статьи) — как отклонения от господствующей модели **sę jestь*. Между тем именно модель **jestь sę* со временем победила практически во всех западно- и южнославянских языках, ср. польск. *wziąłem się*, чеш. *vzal jsem se*, словацк. *vzal som sa*, серб. *узео сам се* и т. д. При этом по крайней мере для сербского известно, что модель **jestь sę* здесь развилась вторично, вытеснив более древнюю модель **sę jestь*. Конструкция *ѧла есмо сѧ* в грамоте № 731, вероятно, свидетельствует о том, что в каких-то говорах древ-

неновгородской зоны намечался такой же сдвиг в системе рангов, что в западно- и южнославянской зоне.

Блоки энклитик в Киев-Д

	1 *же*	2 *ли*	3 *бо*	4 *ти*₁	5 *бы*	6 Д.	7 В.	8 связка	
да	*же*				*бы*				*была рать* 225 об. (+171)
ако	*же*					*ми*	*сѧ*	*еси*	*самъ върeклъ* 147 (*сѧ* из Хлебн.)
ты	*же*					*ми*		*еси*	*ее ѿступилсѧ* 236 об. (+148 об.)
Ст҃ославъ	*же*					*ти*			*Ѡлговичь не надоби* 160 (+163)
да	*же*						*мѧ*		*постигнеть* 149
ѿтолѣ	*же*						*сѧ*		*хочю с тобою рѧдити* 144 об. (+еще 4×)
ꙗзъ	*же*						*тѧ*		*приꙗхъ* 135 об.
а про кого	*же*						*тѧ*	*есмь*	*и на конь всадилъ* 241
ꙗко	*же*						*ны*	*есть*	*любилъ* 179 об.
намъ	*же*						*и*		*даи* 157 (+220 об.)
ꙗ	*же*							*есмь*	*Гюргѧ ис Киева выгналъ* 147 (+236 об., 241)
се	*же*							*еси*	*не пошелъ* 132 об. (+ еще 8×)
годно		*ли*				*ти*			*миръ* 133 об. (+183 об.)
можете		*ли*					*сѧ*		*за наю бити* 139 об. (+125 об., 152 об.)
пакы		*ли*					*мѧ*		*оусрѧщеть* 149
а мало		*ли*					*ны*		150
въ здоровьи		*ли*						*еси*	132 об.
жаль			*бо*			*ны*		*есть*	127 (+133)
реклъ			*бо*					*еси*	204 об.
хрⷭтъ			*бо*					*есме*	*цѣловали* 127
ти			*бо*					*соуть*	⟨...⟩ *хотѣли* 128
ꙗзъ				*ти*				*есмь*	*сде Любець пожеглъ* 130 об. (+147 об.)
оуже				*ти*				*есть*	*вѣрно* 139 (+183 об.)
то аче					*бы*	*ми*			*и далече того блюсти* 130
како					*бы*	*ны*			*взѧти* 154 (+216 об.)
а					*бы*		*ѣ*		*оукротилъ* 146 об.
вы					*бы*			*есте*	*мнѣ повѣдалѣ* 228
ворогъ						*ми*	*сѧ*		*оучинилъ* 241 (+ еще 9×)
како						*ми*	*сѧ*	*еси*	*ѡбѣчалъ* 241
ѡже						*ми*	*сѧ*	*есте*	*ꙗли помогати* 140 (+128)
свои						*ми*		*еси*	*сестричичь* 121 (+еще 9×)
аче						*ти*	*мѧ*		*оубити* 144 об.

а ꙗзъ						*ти*	*сѧ*		*кланѧю* 143 об. (+еще 27×)
ѡже						*ти*	*ꙗ*		*имѣти въ правдоу* 119
но лиха						*ти*		*есмь*	*не хотѣлъ* 178 об. (+еще 6×)
ци боудеть						*ны*	*сѧ*		*соудити пре*^{д} *Бм҃ъ* 155 (+ еще 5×)
а такъ						*ны*		*еси*	*и надобѣ* 158 об. (+еще 4×)
и н(ы)н(ѣ)						*вы*		*есмь*	*створилъ* 170 об.
даи						*на*	*и*		*Б(ог)ъ* 162 об.
ѡже						*на*		*еси*	*тако помоглъ* 152 об.
и волость						*ва*		*есмь*	*изискалъ* 127 об. (+127 об., 155 об.)
ты							*м(ѧ)*	*еси*	⟨...⟩ *понуживалъ* 153
нарекли							*мѧ*	*есте*	*собѣ отцемь* 201 об.
и с Лѧхы							*сѧ*	*есмь*	*за нь билъ* 162 об. (+171 об.)
а ты							*сѧ*	*еси*	*родилъ* 155 об. (+ еще 7×)
оуже							*сѧ*	*єсмы*	*изнемоглѣ* 226
ѡже							*сѧ*	*есте*	*сами зажгли* 113 об.

Достоверных случаев нарушения правила о рангах, которые не были бы ошибкой переписчика, в Ипат. не обнаружено вообще.

Замечание. Один пример такой ошибки (с *ти бы*) был отмечен в § 1.8. Еще один такой пример: *а надо мною лесть оучини(ли), хотѣли мѧ бо ꙗти любо оубити про Игорѧ* [1147], 128. Здесь *мѧ бо*, которое выглядит как нарушение системы рангов, — это просто описка вместо *мѧ любо*; редактор Ипат. исправил ее, приписав *лю*.

Ритмико-синтаксические барьеры

§ 2.3. Рассмотрим функционирование механизма барьеров в образцовых памятниках.

Следует иметь в виду, что перечисляемые ниже пункты не исключают друг друга. Каждый пункт посвящен некоторому фактору, способствующему появлению барьера, и понятно, что есть фразы, где соединяется два или более таких фактора, — например, какой-то из семантических и какой-то из синтаксических. Соответственно, один и тот же пример может фигурировать в нескольких разделах.

Наличие во фразе барьера означает, что вопрос о положении энклитик решается уже в рамках послебарьерного отрезка. Например, во фразе *а нынѣ // присълалъсѧ еси къ мнѣ* энклитики находятся в постпозиции к сказуемому, а во фразе *а нынѣ // къ мнѣ сѧ еси присълалъ* — в смещенной препозиции (§ 1.33). Это различие определяется просто порядком полноударных слов в послебарьерной части.

При этом, однако, реально среди фраз с барьером заметно преобладают фразы с постпозицией. Эта модель ниже трактуется как обычная, а существенно более редкие случаи со смещенной препозицией отмечаются особо.

Обязательные барьеры

После начальной инородной актантной группы

Примеры барьера после начального обращения:
[*б*]*ра*[*ть*, // *сот*]*вори жь ми добро* 829;
кнѧже, // *хотѧть тѧ ꙗти* [1140], 113 об.;
кн҃же, // ради сѧ имемь [1146], 118 об.;
ѿц҃е, // поусти мѧ Черниговоу напередъ [1147], 126;
брате и с҃ноу, // много ти єсмь добра творилъ [1180], 217 об.;
брате Володимире, // ци давно еси хр^{с}*тъ цѣловалъ ко мнѣ?* [1170], 194 (*ци*— проклитика);
бра^{т}*, // се боленъ есми велми* [1146], 124 (*се* — проклитика).

Примечание. Такой же эффект в нормальном случае дает и обращение с предшествующей проклитикой *се* 'вот', например: *се Илько, // пок*[*л*](*епали т*)*и мѧ* 834; *се брате, // мира еси не оулюбилъ* [1193], 234; *се брате*, // *на мѧ еси приходилъ* [1149], 138 об.; *се бра*^{т}*е, // половцемъ есме много зла створили* [1170], 193. Но изредка здесь все же реализуется другая возможность — образование проклитико-энклитического комплекса, например: *се есмы, бра*^{т}*ꙗ, оуже доспѣли* [1151], 155; *се на, брате, Б҃ъ искоупилъ оу мѣсто* [1147], 131; то же с разделением энклитик: *се же, бра*^{т}*, // хр*^{с}*тъ еста перестоупила* [1147], 127 об.

Пример барьера после начального междометия:
ѡле тѣ, // *нѣкто мѧ оудари за плече* [1152], 166 об.
Пример барьера после вводного слова (словосочетания):
а Б҃а дѣлѧ, // *отъгъци*(*сѧ*) 839.

Перед непервым инфинитивом
в серии однородных подчиненных инфинитивов

Примеры:
а самъ хочю поступити подъ горы Галичьскаго кн҃зѧ, // не дати же сѧ ему двигнути [1149], 140;
ка(*ко*) *еси былъ оумолвилъ* 〈...〉 *восѣсти на конѣ с Рж*^{с}*тва Х*^{с}*ва // и снѧтисѧ всѣмъ в Черниговѣ* [1196], 239.

Полуобязательные барьеры

После общего члена двух или более клауз

§ 2.4. Примеры:
а ты, // атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничъто же оу него 109;
а ты // ни к на^{м} *еси пошелъ, ни на Ростислава еси настоупилъ* [1148], 133 (второе *ни* взято из Хлебн., в Ипат. оно пропущено);
ꙗко на семъ пути вамъ // любо мѧ ꙗти, любо оубити въ Игорѧ мѣсто [1147], 127;
доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо сѧ оуладимъ, любо сѧ не оуладимъ [1195], 237 об.;
но ѡбаче, // ѡже ны сѧ велите мирити, то не стоите на нашеи земли [1149], 141;

ꙗко же и первое // имѣлъ есмь его и добра емоу хотѣлъ [1195], 237;

не могу ег(о) оубити, ∇ ωже ωнъ // молить ми с(ѧ), и кланѧеть ми с(ѧ), и своеꙗ вины каетьсѧ [1152], 162 об.;

с разделением энклитик — *нынѣ же // како еси со мною оумолвилъ, на чемь еси ко мнѣ кр^{с}тъ цѣловалъ, того еси всего не исправилъ* [1196], 241 (с дополнительным эффектом слова *како*, § 1.25, п. 4).

После вклиненной клаузы

Примеры:

а ты, Спепане, пърьпесаво на хароти{ти}ю, // посъли жь 831 (с сильной энклитикой *ж⟨е⟩*);

пакы ли, а заоутра, како сѧ нагадавше, // поидемы же по ни^{х} [1151], 156 об. (тоже с *же*);

не можемъ стоꙗти сдѣ, ∇ зане ωнъ, мнии боуда, // не покорить ми сѧ [1157], 175;

с разделением энклитик — *ты же, того не дождавъ, // послалъ еси сн҃вцѧ своꙗ ко Витебьскоу* [1195], 238 об.

После внутренней инородной группы, имеющей перед собой барьер

Примеры:

ωхъ, // брате, // камо мѧ ведоу^{т}*?* [1147], 129;

право, // сн҃у, // съ Изѧславомъ есмь не моглъ быти [1154], 171;

с разделением энклитик — *се же, // бра*^{т}, *// хр^{с}тъ еста перестоупила* [1147], 127 об.

Перед неначальным местоименным словом или союзом

Примеры:

а отрок(ѣ) // оже ти Шишакъ гонить, посади же въ Радько[в](ѣ) [в]ежькѣ 805 (с сильной энклитикой *ти*$_{1}$);

а в Роускои землѣ // кто ны сѧ ωстанеть? [1193], 234;

а съ сими // како ми Б҃ъ дасть [1146], 119 об.;

а тогда // како ны с ними Б҃ъ дасть [1150], 147 об.;

с разделением энклитик — *пакы ли // что еси оумыслилъ, а того не бѣгаемь же* [1196], 240.

Понятно, что если перед местоимением или союзом стоит проклитика, то барьера не возникает, поскольку проклитика просто включается в начальную тактовую группу, например:

хр^{с}тъ цѣловалъ на томъ, ∇ ꙗко кто сѧ наю ωстанетъ, то тыи буде^{т} *ωбоимъ дѣтемъ ѿц҃ь* [1155], 175 об. (*ꙗко* — проклитика);

а ци цето ти товара надобе 624 (*а ци* — две проклитики).

Такое же размещение энклитик часто представлено там, где фраза начинается с полупроклитики, — в силу либо ее проклизы, либо барьера перед местоимением или союзом (см. о такой ситуации § 1.38). Примеры:

али / чимо есемо виновата, а восоли отроко 644;

аче / кдѣ на будеть мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдевѣ [1151], 152;
или / како сѧ еси не домыслилъ побѣдити ихъ ...? [1175], 208 об.

Но степень обязательности данного барьера несколько ниже, чем у трех предшествующих: в некоторой части фраз энклитики размещены просто по закону Вакернагеля, что равносильно отсутствию данного барьера. Примеры:
аже ва цьто надобь, а солита ко монь 422;
а Киев ти сѧ кое ѡтворилъ? [1151], 156 об.;
а пакы ми кто повѣсть [1170], 193 об.;
ѡже сѧ тобѣ што оучинить, то што намъ дѣꙗти? [1153], 168;
ѡже сѧ кто прииметь по нь, тотъ нашь есть ворожьбитъ [1175], 208 об.

Факультативные барьеры

Особенность сильных энклитик

§ 2.5. Вероятность появления факультативного барьера зависит прежде всего от того, о какой энклитике идет речь — сильной или слабой. В случае сильной энклитики эта вероятность чрезвычайно мала, в случае слабой — сравнительно велика.

Начнем анализ барьеров в образцовых памятниках с того, что укажем те немногочисленные случаи, когда факультативный барьер смещает вправо сильную энклитику (т. е. когда такая энклитика оказывается правее барьера).

Энклитика *же.*
В берестяных грамотах всего один полноценный пример:
добрѣ же створѧ, ∇ нни в Ошевъ // прави же лоньскоую гривьноу 788.[25]
В Киев-Д можно указать:
Роускы дѣлѧ землѧ и хрстьꙗнъ дѣлѧ // поѣди же оу свои Переꙗславль и в Коурескъ [1151], 156 (надежный пример);
да то ты, а то Киевъ и Роускаꙗ ѡбласть, а комоу еси в неи часть далъ, с тем же еи и блюди и стережи, да како ю с нимъ оудержишь, ∇ а то // оузрю же [1195], 236 (несколько менее надежный пример).
Сюда не относятся, однако, фразы с отождествительным *же*, как, например:
а ѧз ти зде доспѣваю, ∇ а ты поспѣваи же [1152], 161;
ажь любишь 〈...〉 в любви с нами быти, то мы любви не бѣгаемь 〈...〉; пакы ли что еси оумыслилъ, ∇ а того не бѣгаемь же [1196], 240.
В нескольких случаях (которые нет нужды здесь разбирать) точный смысл частицы *же* неясен (она может быть либо противительной, либо отождествительной).

Энклитика *ли.*
Отмечены только:
а с(вѧ)тье Варъварь тьлицѧ // сторова ли? 657;
тобѣ бы, брате, // любо ли, абыхомъ мы брат твоего держали? [1147], 127;

---

[25] Относительно необычной (и толкуемой без полной уверенности) фразы *а женоу ти били, ∇ не измоучили чего же* 156 см. § 1.2, примеч. 1.

а оу королева еси мужа // слышалъ ли ѡ томъ чⷭтномъ крⷭтѣ? [1152], 166 об. (последние две фразы с разделением энклитик).

Энклитика *бо* — примеров смещения правее барьера нет.

Энклитика *ти*$_1$.
Отмечены: *Гюрги вышелъ ис Киева,* ∇ *а Вѧчьславъ // сѣдить ти в Киевѣ* [1150], 144;
да посълъ во борожь и рыбиць // выдаль ти 682.

Энклитика *бы* (*быхъ* и т. д.) — примеров смещения правее барьера нет.

Факультативные барьеры, зависящие от семантических факторов

§ 2.6. Как указано в § 1.26, в клаузах с факультативным барьером начальное слово или словосочетание, отделенное барьером, во-первых, по смыслу относится ко всей остальной части клаузы в целом, во-вторых, как правило соотнесено по смыслу с предшествующей клаузой.

Выделение или невыделение начального слова (или словосочетания) клаузы с помощью факультативного барьера зависит от интенции говорящего (пишущего). Соответственно, во всех типах рассматриваемых ниже фраз в принципе возможна как просодическая реализация с барьером, так и реализация без барьера. Но в разных группах статистические соотношения этих двух реализаций могут быть весьма различными.

Понятно, что при анализе древнего памятника мы почти никогда не имеем прямых данных относительно того, что именно хотел выразить или выделить автор, и можем лишь строить об этом предположения. Поэтому ниже, чтобы не смешивать надежное с гипотетическим, мы действуем следующим образом.

В каждом пункте вначале даются примеры, которые показывают действие правила в наиболее ясных случаях. После этого приводятся менее очевидные примеры, допускающие, однако, хотя бы в качестве одной из возможностей, интерпретацию, согласующуюся с тем же правилом. Поскольку в ясных случаях правило уже установлено, мы считаем законным предполагать действие того же правила и в этих менее ясных. Иначе говоря, в менее ясных случаях мы уже идем не от текста к правилу, а в обратном направлении — от правила к интерпретации текста, т. е. используем правило как инструмент интерпретации.

В приводимых ниже примерах, вообще говоря, в большинстве случаев было бы полезно цитировать и предшествующий контекст (иногда даже довольно пространный). Но это заняло бы слишком много места, поэтому мы позволяем себе это лишь в немногих случаях.

Как уже указывалось, барьер может быть обусловлен одновременно несколькими факторами. Например, некоторый семантический фактор, способствующий появлению барьера, часто бывает поддержан тем, что начальная актантная группа клаузы тяжелая. Но мы не считаем необходимым каждый раз это отмечать при конкретных примерах.

Противопоставление или эмфаза

§ 2.7. Начальное слово (словосочетание) может быть прямо противопоставлено по смыслу некоторому элементу предшествующей клаузы (или более крупного отрезка текста) и/или нести на себе эмфазу (подчеркивание). Примеры:

Гюрги вышелъ ис Киева, ∇ *а Вѧчьславъ* // *сѣдить ти в Киевѣ* [1150], 144 (противопоставление «Гюргий — Вячеслав»);

кнѧже, // *мы не на тѧ* // *восталѣ есмы, но не хочемь кланѧтисѧ попадьи* [1187], 229 об. (противопоставление «не против тебя, а из-за неприятия попадьи»);

с тобою могу быти, ∇ *а с братомъ твоимъ Гюргемъ* // *не оуправити ми есть* [1150], 145 (противопоставление «с тобою — с Гюргием»);

бра^{т}е, Всеволода есми имѣлъ въ правду брата старишаго 〈...〉, ∇ *а съ сими* // *како ми Бъ҃ дасть* [1146], 119 об. (противопоставление «со Всеволодом — с этими»);

и диду молисѧ, что бы ихалъ в Июрьєвъ монастиръ пшенки попрошалъ, ∇ *а сдисе* // *не надиисѧ* 354п (противопоставление «в Юрьеве монастыре — здесь»);

не распрашавъ, розгнѣвасѧ: мене игоумене не поустиле, ∇ *а ѧ* // *прашалъсѧ* 605 (противопоставление «игумен — я» и, по-видимому, эмфаза на слове *ѧ*);

идѧху слово рекоуче Олговичи, ∇ *ꙗко «вы* ('именно вы') // *начали есте перво насъ гоубити»* [1135], 110 об.;

ѧзъ / *про тебе же* ('я ведь именно из-за тебя') // *с ни^{м} е^{с}мь не добръ, и воевалъсѧ с ними, и волость свою зажеглъ* [1196], 241 (с отчлененным *же*).

Опираясь на эти ясные случаи, мы вправе истолковывать в том же ключе также ряд менее прозрачных по смыслу фраз, где позиция энклитики указывает на наличие барьера. Примеры:

і ѻ мо(ѥ)[м]о животе о Ѧколи // *вамо* // *наболи[т]исѧ моімо приказомо болшимо* 622п (из наличия барьера после слова *вамо* мы видим, что его нужно понимать как 'именно вам', 'не кому иному, как вам');

ѡже мѧ переѡбидила и первое и другое, ∇ *и бещестье* // *на мене еста положила* [1151], 155 об. (из наличия барьера после слова *бещестье* мы понимаем, что оно употреблено здесь эмфатически: 'и тем самым бесчестье мне принесли');

а како сѧ нагадавше вси, ∇ *тако же* // *с тобою* // *оуладимсѧ* [1196], 239 об. (очевидно, *с тобою* здесь противопоставлено предшествующему *вси*: 'как договорились все, так же и с тобой придем к соглашению').

Но следует помнить, конечно, что рассматриваемый эффект факультативен, т. е. вполне возможны также фразы, где автор не выделяет начальное слово, несмотря на противопоставление, например: *ꙗ есмь позывалъ тебе Киевоу сѣдѣть,* ∇ *а ты еси не восхотѣлъ* [1150], 144.

Соотнесенность в более широком смысле

§ 2.8. Сюда относятся, в частности, главные предложения с начальным указательным местоимением или наречием, стоящие после соответствующего

относительного предложения (или его смыслового эквивалента). В этих случаях слова *а тотъ*, *а то*, *а тогда* и т. п. приближаются по смыслу к целой клаузе с примерным значением 'а тот [делает, сделал] вот что', 'а тогда вот что'. Отсюда возможность их ритмического выделения (и, следовательно, постановки барьера после них). Примеры:

а про кого ми была и рать про зѧтѧ своего, ∇ *а того // далъ еси Ѧрославоу рѧдити* [1196], 241;

се ти даю Туровъ и Пинескъ — про то, ѡже еси приѣхалъ къ ѿц҃ю моему Вѧчеславу, и волости ми еси сблюлъ; ∇ *то про то* ('так что именно за это') // *надѣлѧю тѧ волостию* [1154], 169 об.;

тоу ти ему прити, ∇ *да негли тоу // покоритьсѧ* [1149], 137 об.;

и ѡже сѧ оуже поворотить ѿ насъ, ∇ *а тогда // како ны Б҃ъ дасть с ни*^{м} [1151], 155.

и приимоу єдинъ власть Роускоую и с братьєю, ∇ *и тогда // мьщюсѧ Всеволодоу ѡбиды своѣ* [1180], 216 об.

На этом фоне мы и в ряде менее очевидных случаев вправе заключить из положения энклитики, что *то*, *того* и т. д. было автором выделено. Примеры:

а како ты вгадаеши, ∇ *а ꙗзъ° в томъ // готовъ есмь* [1148], 133 об.;

но ѡба ать ('если') *ворождоу про Игорѧ ѿложать, и пакы того не створѧть, что же хотѣли оучинити,* ∇ *а тог(о) // лишатсѧ* ('а что хотели сделать, от того откажутся')*, то мирисѧ* [1148], 133 об.;

«... а тобѣ, брате, и ны^{н} *потрудити*^{с} *ѡпѧть моеꙗ дѣлѧ ч*^{с}*ти и своеꙗ ⟨...⟩», Володимеръ же ре*^{ч} *брату своему Изѧславу:* ∇ *«ꙗ, брате, // тѣмь // не труденъ есмь* ('я, брат, этим [что ты от меня желаешь] не затрудняюсь') — *твоеꙗ дѣлѧ ч*^{с}*ти и брата своего Ростислава радъ ѣду»* [1150], 148 об.;

также с сильной энклитикой: *да како ю с нимъ оудержишь,* ∇ *а то // оузрю же* [1195], 235 об. (ср. § 2.5).

Как и в других подобных случаях, здесь встречаются и фразы без барьера и, следовательно, без выделения, например:

а въ [т]омь ми сѧ не исправилъ въ борзѣ 724;

на чемь еси ко мнѣ кр^{с}*тъ цѣловалъ,* ∇ *того еси всего не исправилъ* [1196], 241;

а кто на^{с} *будеть живъ, а прибѣгнеть к тобѣ,* ∇ *а тогда сѧ затворимъ в городѣ с тобою* [1153], 168;

какь ми вѣсть будеть ѿ нихъ, ∇ *тогда ти дамъ ѿвѣтъ* [1172], 205 об.

Возможна также смысловая соотнесенность по модели «X хотел того-то — Y в соответствии с этим сделал то-то», например: *и в Роускои землѣ части просилъ еси оу мене,* ∇ *ꙗзъ же // тобѣ есмь далъ волость лѣпьшюю* [1196], 240 об. (с отчлененным *же*).

Особый частный случай составляет выделенное начало *а самъ* (где действия самого адресата или самого автора соотнесены с тем, о чем сказано раньше). Примеры:

а почнуть сѧ с тобою бити, ты же к намъ вѣсть посли, ∇ *а самъ // биисѧ заоутра и до ѡбѣда* [1150], 150 об. (см. об этой фразе также § 1.31);

хомела же не прода(и), ∇ *а саме* // *потоснис<u>ѧ</u> семо* 706п;

а ты, брате, ѿтолѣ со с҃новцемь моимъ воюита волость его, ∇ *а ꙗзъ* / *самъ* // *хотѣлъ <u>есмь</u> ити к Володимероу* [1196], 239 об.;

но лоучьшии коньници перебероутьс(ѧ), ∇ *а самѣми* ('с самими') // *какъ <u>ны</u> Б҃ъ дасть* [1185], 224.

Еще один характерный частный случай — непервые звенья в перечислениях (где соотнесенность с предыдущим определяется самой структурой текста). Примеры:

на молодогъ // *далъ <u>ѥсемь</u> рубель* 689п (в составе перечисления расходов);

другую // *далъ <u>ѥсемь</u> Дмитру церенецю полотину* 689п (в составе того же перечисления; отметим охват сказуемого).

Особенно легко в этом случае отчленяются неодночленные начальные группы, например:

оу Сменка оу Савина // *взѧлъ <u>ѥсемь</u> поло коробии ѻвса* 689п (в составе перечисления собранных податей);

а рожь Петровоу // *повелело <u>ѥсемо</u> измолотиво Кривꙋ дати* 196п (в отчете о произведенных хозяйственных распоряжениях);

а троке тво[*е* // *ч*]*истило <u>есмь</u>* ('я чтил') *и даѧлъ дары* 831 (в перечислении произведенных действий, угодных адресату);

вежѣ ихъ // *поимали <u>есмы</u>, дѣти ихъ* // *поимали <u>есмы</u>, и стада и скотъ* [1170], 193 (перечисление военных достижений);

и много есмь имъ зла оучинилъ, ∇ *землю и*ˣ // *повоевалъ <u>есмь</u>* [1148], 132 об. (то же);

брата моꙗ, се еста землю мою повоевали, и стада моꙗ и брата моего заꙗли, жита пожьгли, ∇ *и всю жизнь* // *погоубила <u>еста</u>* [1146], 122 (перечисление понесенного ущерба).

Ряд фраз построен в сущности так же, только элемент перечисления в них не столь очевиден, например:

*а кр*ᶜ*тъ со мною целоуи,* ∇ *а со Дв҃д*{*в*}*омъ* // *введи <u>мѧ</u> в любовъ* [1196], 239 (перечисляются действия, которые необходимо предпринять, чтобы восстановить нарушенный мир);

ꙗзъ же ⟨...⟩ *роспоустилъ есмь братью свою и дикии половци,* ∇ *а со Ꙗрославомъ с Черниговьскымъ* // *целовалъ <u>есмь</u> кр*ᶜ*тъ на томъ, како же не воеватисѧ* [1196], 239 (автор отказался от намеченного похода и перечисляет следствия этого: он, во-первых, отпустил братьев, во-вторых, заключил перемирие со своим противником).

Прочие случаи выделения темы

§ 2.9. В предшествующих пунктах выделяемое слово (словосочетание) всегда представляло собой тему высказывания. Выделение темы обнаруживается и в ряде других случаев, не подпадающих столь же прямо под эти пункты.

В образцовых памятниках сюда относятся в основном фразы с выделенным подлежащим. Примеры:

а въжники // *творѧтес<u>ѧ</u> въдавоше Собыславоу цетыри гривне* 550;

*се бра*ᵀ*ꙗ* // *прислалис<u>ѧ</u> ко мнѣ* ... [1148], 133 об.;

се Володимеръ // прислалъсѧ ко мнѣ [1152], 162 об.;
а дроужина моꙗ // изнемогласѧ [1187], 227 об.;
но лоучьшии коньници // перебероутьс(ѧ) [1185], 224;
кн҃же, // велико зло // дѣетсѧ в городѣ: хотѧть тѧ людие ꙗти [1161], 182 об.

Сверх этого только: *и своеꙗ вины // каетьсѧ* [1152], 162 об.; *и своеꙗ вины // каешис(ѧ)* [1152], 163 об. (3 раза); также редкий пример с иной энклитикой, чем *сѧ*: [*а*]*же то* / [*на*]*мъ // възѧле еси Павьловъ* 736а (NB охват сказуемого).

Выделение обстоятельства

§ 2.10. Чаще, чем другие члены предложения, вынесенным в начало и выделенным оказывается обстоятельство.

Как и в других подобных случаях, особенно склонны к выделению неодночленные начальные группы. Примеры:

то по Всеволожи животѣ // помогоу ти про Киевъ [1142], 117;
а в Руськои земли // не велю ти быти [1172], 203;
ꙗзъ / переже всихъ // далъ есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об.

Примеры более редких фраз без такого выделения:

одиномо ти мь|(*сте ... со Давы*)*жею сед*[*ет*](*и*) 227;
и сеѣ ми зимы и весны нѣ лзѣ на конь к тобѣ всѣсти [1150], 148.

Но и одночленные обстоятельства, которые обычно выражены наречиями, часто оказываются выделенными и, соответственно, порождают барьер. Ниже для ряда часто встречающихся наречий приведены характерные примеры фраз обоего рода — как без барьера, так и с барьером после начального слова.

Примеры клауз с начальным одночленным обстоятельством

Без барьера	С барьером
Нынѣ (с вариантами *нынѣча*, *нынѣче*, *нонѣче* и др.)[26]	
а ныне ми не пакости 638 *а ныне мѧ въ томъ ѧла кънѧгыни* 109 *а ныне сѧ дроужина по мѧ пороучила* 109 *а нънѣ ти сѧ съмълъвивъ съ близокъ* ⟨*-кы*⟩ 907 (с деепричастием) *а нынѣча еси всѣлъ* [1196], 241 *ны*ⁿ *же ти вѣ гнѣва ѿдаевѣ* [1152], 163	*что оу тебе было, а пошло к Онании,* ∇ *а нинеце // проноситсѧ ѿ Кюрьꙗка* 538п *а нынѣ // сѣдѣлъ еси в Кыевѣ, а мнѣ еси части не оучинилъ в Роускои землѣ* [1195], 236 *а нн҃ѣ // кланѧю ти сѧ* [1154], 171 *а се нн҃ѣ // заратиласѧ есте свои*ᵐ *бра*ᵗ*мъ и сн҃мъ Изѧславомъ* [1149], 141 *а ныне // ци сего еси дозрѣлъ* [1150], 144 *а нынѣ, ѡч҃е, // сꙗкого ны веремени не боудеть пакы* [1195], 238 об.

[26] В образцовых памятниках начальное *нынѣ* практически всегда выступает в сочетании с *а* или с *же* (*а нынѣ, нынѣ же*); единственный пример, где это не так: *ны*ⁿ *// кланѧю ти с(ѧ)* [1150], 151 об.

Тогда	
какъ ми вѣсть будеть ѿ нихъ, ∇ тогда ти дамъ ѿвѣтъ [1172], 205 об. *а тогда сѧ затворимъ в городѣ с тобою* [1153], 168	*и приимоу єдинъ власть Роускоую и с братьєю, ∇ и тогда // мьщюсѧ Всеволодоу ѡбиды своѣ* [1180], 216 об. *и ѡже сѧ оуже поворотить ѿ насъ, ∇ а тогда // како ны Бъ҃ дасть с ни*^{м} [1151], 155 *а тогда // како ми с ни*^{м} *Бъ҃ дасть* [1152], 162 об. (последние два в соединении с эффектом слова *како*, § 1.25, п. 4)
Уже	
ци оуже ти есмь задѣла сълюци? 752 *оуже есмь пошелъ* [1159], 179 *тоти*° *оуже еси съступилъ кр*^{с}*тьного цѣлованиꙗ* [1152], 166 *а оуже есмь с ними прошелъ Гору* [1151], 157 *намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь: ∇ оуже сѧ єсмы изнемоглѣ* [1185], 225 об./226 *а оуже еси, кн҃же, и волость свою погубилъ, держасѧ по Ростислава* [1161], 184 *поѣди в борзѣ, ∇ оуже есмь перешли Днѣпръ* [1151], 154 *оуже сѧ имъ всѧко совокꙋпити на ны с Галичаны и с Черными Клобукы* [1172], 204 об. *оуже ли Киеву поѣха, г*^{с}*не?* [1175], 209 *оуже ми толико доехати с гостьми съ Оугры и с Лѧхы* [1150], 146	*оуже // ѡбьꙗвихомсѧ Ростиславичемь* [1180], 216 об. *то оуже // состоупилъсѧ еси рѧдоу и кр*^{с}*тнаго целованиꙗ* [1195], 238 об. *а то оуже // поворотисѧ прочь* [1149], 138 об. *ѡже оуже // рѣкы сѧ оустановѧть* [1150], 147 об. *се оуже // Игорѧ есте оубили* [1147], 129 об.
Пакы[27]	
пакы ли мѧ оусрѧщеть Гюрги [1150], 149 *пакы ли ти не дадѧ мира, а всѧко поѣди за Днѣпръ* [1161], 184 об. *пакы ли сѧ ты ѿ цр҃ѧ оуправиши* [1151], 152 об.	*а паки ли // не годно вы, а волни есте* [1193], 233 об. *пакы ли // что еси оумыслилъ, а того не бѣгаемь же* [1196], 240 (в соединении с эффектом слова *что*, § 1.25, п. 4)

[27] В образцовых памятниках начальное *пакы* практически всегда выступает в сочетании с *ли* (см. об этом сочетании § 1.21); единственный пример, где это не так: *а пакы ми кто повѣсть* [1170], 193 об..

Толико	
толико бы Б҃ъ ѿц҃ю его помоглъ [1149], 135 об. *аже ми боудеть нынѣ поѣхати, то толико ми боудеть на дорозѣ ѡстати* [1185], 224	*толико // възѧлъ есмь ж҃ Прокопьѣ* 736б *но толико // ꙗвлꙗю ти* [1152], 163 об. *ни волости хочю, ни иного чего,* ∇ *развѣ толико // поустите ми брата* [1146], 121 об.

Сходную картину дают и другие начальные наречия.

Примеры фраз без барьера:

топьрьво есмо пришль 222;

зде ти нѣ ѡ чемъ быти [1146], 123;

ажь хоцьши, ∇ *во брозѣ жь седь бѹди* 731;

а и горъзно ми [*бе*]*шь тоу*[*ж*](*ьно*) *тъгда* 831;

издалеча есми поѣхали [1149], 138;

а ѡпѧть вы взовоу [1149], 136 об.;

право ти, ѿц҃е, молвлю [1152], 163;

а и еще ти ни оуста не ѡсхла [1169], 191/об.;

и еще есмь и Роускои земли приказалъ стеречи тобѣ [1149], 135 об.;

брате Володимире, // ци давно еси хрⷭтъ цѣловалъ ко мнѣ? [1170], 194.

Примеры фраз с барьером:

на перед[*ъ*] *// на мене се не на*[*дѣ*]*и* 'впредь же на меня не рассчитывай' 25п;

а ѧ / ноугене // пецалоусѧ цереницами 'а я сильно беспокоюсь о черницах' 717;

братьꙗ моꙗ, возмите оу мене с любовию, что вы даю, ⟨...⟩, ∇ *боле // не вою*⟨*и*⟩*тесѧ* (исправлено по Хлебн.) *съ Мьстиславичи* [1142], 115 об. («больше» противопоставлено уже полученным дарам);

ѡбиды ти до него нѣтоуть, но же идеши на нь, ∇ *топервоє // поити ть на мѧ* ('но ты идешь походом на него — теперь тебе придется пойти на меня') [1178], 214 об.;

ѡже / добрѣ // надѣешисѧ на Киꙗны, то ты самъ вѣдаеши люди своꙗ [1150], 150 об.;

и ѣще // ваю есмь оустѧгывалъ [1151], 155 об.;

доспѣваите вси, ∇ *доколѣ // рѣкы сѧ оустановѧть* [1147], 131 об.

Современный читатель не видит разницы в смысле между примерами из левого и из правого столбца приведенных выше таблиц. Между тем для древних авторов некоторая разница здесь все же была, хотя теперь мы уже далеко не всегда в состоянии ее с определенностью выявить.

Во фразе с барьером выделенная начальная часть приближается по смыслу к отдельному утверждению (≈ 'имеет место вот что'), тогда как во фразе без барьера начальная часть не сообщает ничего нового и в смысле целого составляет очень скромную часть. Так, в § 1.26 была отмечена разница между фразами *оуже есмь пошелъ* 'я уже выступил в поход' (в ситуации, когда адресат этого ожидал) и *оуже // пошелъ есмь* 'уже произошло вот что: я выступил в поход' (в ситуации, когда адресат не знал, как будут развиваться события).

Соотношение этого рода усматривается и во многих примерах, приведенных выше.

Особенно отчетливо различие между *пакы ли* без барьера и *пакы ли* //. Первое означает 'если же', второе — 'если же нет', 'если же не так', 'если же вопреки ожиданию'. Так, *пакы ли мѧ оусрѧщеть Гюрги* означает 'если же меня встретит Юрий', *а паки ли // не годно вы, а волни есте* — 'если же вопреки ожиданию (вопреки нашему предложению) вам не угодно, то как хотите'. Еще ярче это проявляется в таких фразах, как *пакы ли, да въсадимо вы въ погрьбо* 'если же нет, то засадим вас в темницу' 952, где *пакы ли* отчленяется еще сильнее, образуя самостоятельную клаузу (см. § 1.21).

Во фразе *а ныне ми не пакости* слова *а нынѣ* означают фактически не более чем 'так что', 'так вот', во фразе *а ныне сѧ дроужина по мѧ пороучила* — не более чем 'потом', 'тогда'. С другой стороны, во фразе *а се нн҃ѣ // заратиласѧ есте свои*ᴹ *бра*ᵀ*мъ и сн҃мъ Изѧславомъ* слова *а се нынѣ* означают 'а вот теперь случилось то, что ...'. Сходную смысловую структуру имеют также многочисленные фразы, где представлен отрезок с устойчивым отчленением (см. § 1.21) *нынѣ же*, например: *нынѣ же // ты*° *сѣлъ еси, право ли криво ли, надѣли же мене* [1174], 204 об.; *ны*ᴴ *же // даи на и Б҃ъ, самого же имивѣ, а волость его възмивѣ* [1152], 162 об. (при этом реально *же* может оказаться и левее *нынѣ*, например: *ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оучинилъ* [1196], 241).

Фразы с *уже* без барьера выражают (по крайней мере в ясных случаях) события, вполне ожидаемые, естественные в данной ситуации. Примеры: *намъ ли иноѣ рати искати, то не можемь:* ∇ *оуже сѧ єсмы изнемоглѣ* (долго воевавшим естественно устать); *а оуже есмь с ними прошелъ Гору* (если войско уже в походе, то оно непременно в какой-то момент должно пройти определенный участок своего маршрута); *а оуже еси, кн҃же, и волость свою погубилъ, держасѧ по Ростислава* (с точки зрения автора, держаться Ростислава вообще губительно). С другой стороны, выделенное *уже* // вводит события неожиданные, не вытекающие из уже известной ситуации. Примеры: *се оуже // Игорѧ есте оубили* (убийство князя противоречит всем нормам жизни); *а то оуже // поворотисѧ прочь* (требование прямо противоречит намерениям адресата).

Рассмотренные примеры относятся к числу достаточно ясных. В ряде других случаев ситуация менее ясна, но мы можем судить о ней, опираясь на аналогию с ясными случаями, т. е. фактически строить свои заключения уже именно на основании положения энклитик.

Например, мы имеем основания заключить, что во фразе *ѡже / добрѣ // надѣешисѧ на Киѩны* ... наречие *добрѣ* несет на себе некоторую эмфазу: 'если ты прочно (сильно, полностью) надеешься на киевлян...'; что во фразе *а ѧ / ноугене // пецалоусѧ цереницами* такую же эмфазу несет наречие *ноуг⟨ьнѣ⟩* 'сильно'.

Вот еще один пример такого рода: *«... не велить ти братъ починати рати,* ∇ *а всѧко // велить ти сѧ воротити». Изѧславъ же съ ѩростью ѿвѣща ему: «вѣдомо ти буди, брате,* ∇ *всѧко // не ворочюсѧ — оуже есмь пошелъ»* [1159], 179. За наречием *всѧко* 'в любом случае, непременно' здесь оба раза явно имеется барьер. Это позволяет нам предполагать, что в первой фразе *всѧко* несет на себе эмфазу, т. е. было произнесено с нажимом, а во второй Изяслав с не меньшей эмфазой повторяет это рассердившее его в приказе брата слово.

Можно ли предполагать, что использованная здесь схема объяснения применима ко всем без исключения фразам, где энклитика стоит правее главного вакернагелевского места? Ответ на этот вопрос, по-видимому, все же должен быть отрицательным — по крайней мере если речь идет о месте энклитики *сѧ*. Дело в том, что действие нового правила, требующего постпозиции *сѧ* независимо от типа клаузы (§ 1.37), начинается довольно рано.

В частности, среди фраз с начальным наречием имеются и такие, где *сѧ* стоит в постпозиции, хотя для постановки барьера не видно ясных семантических оснований, например (символ // не ставим):

мало перепочивше, ∇ ѡпѧть възвратимъсѧ [1172], 196 об.;

ѡн же не въсхотѣ того, ∇ но паче радуетсѧ ѡ пролитьи крови [1155], 175 об.;

не крѣпко бьютсѧ дружина и половци [1152], 164 об.;

донелѣ же ouладишисѧ съ братьею, дотолѣ же не пущаи полковъ моихъ ѡ(т) *себе* [1172], 196 (с отчлененным *же*).

В этих случаях, возможно, мы уже имеем дело с ранними проявлениями нового правила о месте *сѧ*.

Факультативные барьеры, зависящие от синтаксических факторов

§ 2.11. При разборе материала мы здесь непосредственно следуем классификации клауз, описанной в § 1.29.

Тривиальный случай — фразы с начальным сказуемым — можно не рассматривать. Полезно лишь обратить внимание на тот частный случай, когда перед сказуемым стоит одна или несколько проклитик. С просодической точки зрения это ничего не меняет; ср., например:

и кланѧю ти сѧ 809;

а не створи ми пакости [1155], 172 и т. п.;

то же с такими проклитиками, у которых есть полноударные омонимы:

се прислалъсѧ еси к нама [1152], 163;

се изгналъ мѧ Изѧславъ ис Киева [1150], 145;

хрⷭтъ цѣловавше на томъ, ∇ ѩко имѣти мѧ кн҃земъ собѣ [1161], 182 об.

Специфика таких фраз состоит, однако, в том, что проклитика в принципе может также — по крайней мере, в некоторых случаях — послужить для формирования проклитико-энклитического комплекса, и тогда организация фразы уже меняется (и фраза переходит в другой класс). Примеры:

но на тоⷨ цѣлуи хрⷭтъ, ∇ ѩко ти в томъ въ всемъ оустоѩти [1151], 160;

а ци ти присъле къ тъбѣ 794 (две проклитики и энклитика);

се же еси не пошелъ [1148], 132 об. (проклитика и две энклитики).

Другие примеры проклитико-энклитических комплексов, отмеченных в образцовых памятниках, см. в § 1.41.

Начнем разбор с простых клауз.[28]

---

[28] При этом, однако, в числе примеров из Киев-Д могут быть и многоактантные клаузы, поскольку в этом памятнике они ведут себя в отношении энклитик так же, как простые (см. § 2.17).

Из подразделений общей классификации ниже не представлены клаузы с вспомогательным глаголом и клаузы с аористом и имперфектом, поскольку в образцовых памятниках вообще нет соответствующего материала.

Рассмотрим клаузы с личными формами глагола (но не аористом или имперфектом, которых в данном случае нет).

Начальное местоименное слово

§ 2.12. Это самый обширный класс клауз с энклитиками (около 300 в Киев-Д, около 130 в берестяных грамотах) и одновременно самый благоприятный для сохранения древнего состояния, то есть для действия закона Вакернагеля в его наиболее чистом виде. Приводим характерные примеры.

С энклиноменной местоименной словоформой:
да ѧзъ ти тоу сѣжоу 902;
а ѧ сѧ имо потешоу 705;
ты же мѧ и потени, не зерѧ на Ѳедора 531;
то си хотѧ мълви 605;
се есме слы[*шѧли*] 870;
а цето ти сѧ остало суща, то остави ести Ст. Р. 30;
а ци цето ти товара надобе, а то восолю 624 (*а ци* — две проклитики);
а ѩзъ ти сѧ кланѧю [1150], 143 об.;
ѩ же есмь Гюргѧ ис Киева выгналъ [1150], 147;
азъ оуже бородатъ, ∇ *а ты сѧ еси родилъ* [1151], 155 об.;
а вы сѧ не внимаите ни во что же [1150], 149;
а вѣ сѧ сама оурѧдивѣ [1151], 156;
кто ли не имѣеть конѧ, а в лодьи [1147], 128;
что сѧ оудѣеть, то вы виновати [1135], 110 об.;
то ва есмь изискалъ [1146], 124;
се ми есть ближе, к тому поиду переже [1150], 145 об.;
како же ми еси самъ реклъ [1150], 148 об.;
тако ти молвѧть вси [1175], 208 об.

С акцентно самостоятельной местоименной словоформой:
а мнѣ ти стати о(*у кнѧ*)*зѧ и ꙋ вл҃дкѣ* 155;
а чемоу сѧ гнѣваеши? 605;
а въ томь ми сѧ не исправилъ въ борзѣ 724;
тобѣ сѧ оуже не ворочати, ни мнѣ [1152], 163 об.;
а ѿ мене сѧ ему поклони [1152], 167;
чимъ ти сѧ есмь ѡбѣщалъ, то ти исполню [1189], 230;
но сего мѧ довелъ братъ мои [1151], 158.

Отклонения от идеальной вакернагелевской ситуации здесь возможны по двум причинам (не исключающим одна другую): из-за использования некоторого факультативного барьера или из-за вторичной проклизы начального слова (второе здесь возможно только для словоформ-энклиноменов). Оба эти явления ведут к смещению энклитик вправо, в предельном случае — к их постпозиции при сказуемом.

Присутствие в клаузе начального местоимения является идеальным условием для реализации закона Вакернагеля и само по себе не дает вообще никакого стимула для появления барьера. Барьеры встречаются в этом классе довольно редко; они как правило легко объясняются рассмотренными выше семантическими факторами.

Сравнительно редко применяется и вторичная проклиза энклиноменов. В результате здесь коэффициент препозиции оказывается выше, чем в любом другом классе: в ранних берестяных грамотах 96,3%, в Киев-Д 88%.

В ранних берестяных грамотах с постпозицией энклитики в данном классе представлены только:

мене игоумене не поустиле, ∇ *а ѧ* // *прашалъсѧ* 605 (см. об этой фразе § 2.7);
а ѧ / *ноугене* // *пецалоусѧ цереницами* 717 (см. об этой фразе § 2.10).

В Киев-Д фраз с постпозицией энклитики существенно больше.

Пример без дополнительных усложнений:

идѧху слово рекоуче Олговичи, ∇ *ꙗко «вы* ('именно вы') // *начали есте перво насъ гоубити»* [1135], 110 об. (см. об этой фразе § 2.7).

Отдельную маленькую группу составляют фразы с *то*, *того* и т. п., рассмотренные в § 2.8, например:

а про кого ми была и рать про зѧтѧ своего, ∇ *а того* // *далъ еси Ѧрославоу рѧдити* [1196], 241.

О фразе *а почнуть сѧ с тобою бити, ты же к намъ вѣсть посли,* ∇ *а самъ* // *бiисѧ заоутра и до ѡбѣда* [1150], 150 об. (с барьером после слова *самъ*) см. § 1.31.

Примеры с барьером после неначального обращения (ср. § 1.31):

право, брате, // *гнѣвалсѧ есмь на тѧ* [1159], 178 об.;
а нынѣ, ѡч҃е, // *сꙗкого ны веремени не боудеть пакы* [1195], 238 об.

Примеры с разделением энклитик:

про што ми // *ѡбреклъ еси Киевъ?* [1142], 117;
тобѣ бы, брате, // *любо ли, абыхомъ мы бра*^{т} *твоего держали?* [1147], 127;
ты же ми еси ее // *ѿстоупилсѧ по волѣ* [1195], 236 об.

При соответствующем составе фразы наличие барьера приводит не к постпозиции энклитик, а к их смещенной препозиции, например:

а съ сими // *како ми Б҃ъ дасть* [1146], 119 об. (барьер перед *како*, § 1.25, п. 4);
то же с разделением энклитик:
ѡнъ же нынѣ // *ворогъ ми сѧ оучинилъ* [1196], 241;
ꙗзъ же // *тобѣ есмь далъ волость лѣпьшюю* [1196], 240 об.;
ты же // *како ми сѧ еси ѡбѣчалъ всѣсти на конѧ и помочи ми* ... [1196], 241.

Позиция энклитик может быть правее обычной также из-за вторичной проклизы начального слова. Примеры:

а что° оумыслилъ еси, а тое дѣи [1172], 203 об. (если бы *что* не проклизировалось, было бы *а что еси оумыслилъ*);
мы° гости есме твои [1150], 150 об.;
и вы° мнѣ есте рекли [1147].

В ряде случаев позиция энклитик может объясняться как наличием барьера, так и вторичной проклизой начального союза (что отмечается знаком /, см. § 1.38). Примеры:

а ѧзъ / не радуюсѧ ѡ погыбели его [1155], 175 об. (см. об этой фразе § 2.22);

а ꙗ / старъ есмь [1151], 155;

а ꙗ / готовъ есмь самъ полкы своими [1149], 140;

то же со смещенной препозицией энклитики: *ты / нама еси тако оучинилъ* [1151], 152 об.

При таком же начале возможен также барьер после какой-то из следующих групп, например:

а ꙗзъ / самъ // хотѣлъ есмь ити к Володимероу [1196], 239 об.;

кнѧже, // мы / не на тѧ // восталѣ есмы, но не хочемь кланѧтисѧ попадьи [1187], 229 об. (см. об этой фразе также § 2.7);

то же со смещенной препозицией энклитики: *вы / того // до сыти есте молвили* [1152], 166 об.

Более сложный случай: *се вои ѿ насъ рощлисѧ* [1172], 196 об. В принципе можно усматривать здесь просодическую структуру *се вои // ѿ насъ // рощлисѧ*; но по смыслу барьер после *ѿ насъ* трудно оправдать, поэтому допустимо предполагать здесь уже просто действие нового правила постановки *сѧ* (§ 1.37).

Начальный союз

§ 2.13. Напомним прежде всего, что в данный класс входят только фразы с непервообразным союзом; это *абьно*, *абы*, *аже*, *ако*, *акы*, *али*, *ано* (*анъ*), *ати* (*ать*), *аче*, *аще*, *дати* (*дать*), *ели*, *зане*, *зандо* (*занда*), *ибо*, *или*, *ино* (*инъ*), *любо*, *неже*, *нежели*, *оже*, *око*, *оли*, *ольна*, *оти* (*оть*), *поне*, *тоти* (*тоть*), *ꙗко* (в значениях 'как', 'потому что') и некоторые другие. (Большинство из них — это бывшие проклитико-энклитические комплексы, подвергшиеся сращению.)

Первообразные союзы (т. е. как раз самые частые: *и*, *а*, *нъ*, *ци*, *да* и т. д., см. § 0.2) сюда не относятся. Как и любые другие проклитики, они представляют собой «просодический нуль» и при классификации клауз не учитываются — за исключением того случая, когда за такой проклитикой непосредственно следует энклитика и тем самым возникает проклитико-энклитический комплекс (см. § 1.41). То же верно и для сочетания из двух или более проклитик, например, *да и*, *и да*, *а ци* (= *аци*).

Коэффициент препозиции в этом классе обычно лишь ненамного ниже, чем при начальном местоименном слове. Как и там, здесь возможна вторичная проклиза.

Характерные примеры соблюдения закона Вакернагеля в его чистом виде:

аже ми сѧ поцьньши насмихати 752;

ать ти видьло, како ти было ѧ Ивана ѧлъ 502;

а[ч]е ли ти, брат[ь]е, вины л[ю]дье на мѧ не ищꙋ[ть] 724;

или ти тѧжа, а поеди во городо 112;

оже еси забыле моего добродеѧниѧ 627;

аже сѧ оуже тако оучинило [1147], 130;

ажь ны еси вмѣнилъ Кыевъ [1195], 237 об.;
кн҃же, // ать же поидемъ [1148], 135;
и королѧ понудь, ∇ ать мѧ приме^{т} [1152], 162 об.;
аче ти мѧ оубити, сн҃оу, на семъ мѣстѣ, а оубии, а ꙗ не ѣдоу [1150], 144 об.;
зане есте людие милии ѡ҃цю моему [1155], 174 об.;
доколѣ со Всеволодомъ и с Давыдомъ // любо сѧ оуладимъ, любо сѧ не оуладимъ [1195], 237 об. (с обязательным барьером после общего члена двух клауз);
Бъ҃ вы помози, ∇ ѡже ми сѧ есте ꙗли помогати [1149], 140;
но ѡже бы оуправилъ бра^{т} *на*^{ш} *Ст҃ославъ* [1149], 136 об.;
ꙗко ти есмь кр^{с}*тъ цѣловалъ* [1189], 230;
ꙗко же еси цѣловалъ, буди со мною [1149], 137.

Как и начальное местоимение, начальный союз сам по себе не дает никаких стимулов к появлению барьера. Барьеры здесь могут возникать только по каким-то иным причинам — прежде всего семантическим. Но союзы в большей степени, чем местоимения, склонны к вторичной проклизе.

Типы отклонений от идеальной вакернагелевской ситуации в данном классе — те же, что в предыдущем. Случаи постановки энклитик не непосредственно после союза, а после следующего за ним слова возникают здесь в основном за счет того, что союз может подвергаться вторичной проклизе. Примеры:
брате, // аже° зовоуть тѧ съ честью, иди [1178], 214;
аже° пакы ны сила [1150], 150 об.;
но повели, кнѧже, ∇ ать° посѣкуть и ('их') [1172], 200 об.;
ту же и ты стани, ∇ ать° добро на ѡ всѣмъ гадати [1152], 161 об.;
зане° боленъ есми велми [1152], 162;
не буде^{т} *Костѧнтинъ въ митропольи, ∇ зане° клѧл ми ѡ҃ца* [1159], 180;
доколѣ // любо° оуладимсѧ вси, или° не оуладимсѧ вси [1196], 239 (с обязательным барьером после общего члена двух клауз).

Также с неначальным обращением: *ажь, / брате, // жаловалсѧ на мене про волость* [1195], 236 об.

Примеры фраз с разделением энклитик:
с постпозицией *сѧ—али ти // не пригодитьсѧ* [*с*]*е*[*ле*]*ма добра, а поло* Торж. 8;
аже есте // ко мнѣ прислалисѧ мира дѣлѧ [1148], 133 об.;
и повѣдаꙗ емоу, ∇ ажь есмь // состоупилъсѧ Витебьска тобѣ [1195], 238 об.;
ожь ли право // запираютьс(*ѧ*) 222;
с постпозицией другой энклитики — *ꙗко вы // имѣти мѧ ѡц҃мь собѣ въ правду* [1159], 180.

Как и в классе местоимений, возможна также смещенная препозиция энклитики, например:
то же нынеца // радъ быхъ послале [*грам*]*о*[*тꙋ*] 724;
а поѣди, кн҃же, к городу, ∇ ать° мы сѧ бьемъ сами съ Изѧславомъ [1153], 168;
а што Ѡлгово, а то нама даи, ∇ ать° вѣ сѧ тѣмь подиливѣ [1151], 160 об.;
сн҃у, Бъ҃ ти помози, ∇ ѡже° на мене еси ч^{с}*ть възложилъ* [1150], 151 об.;
да аче стрыи придеть на тѧ Дюрги, ∇ понѣ° ты сѧ с людми оутвердилъ будеши [1154], 170 об.
ѡже° ѡц҃ь тѧ приѡбидилъ [1149], 135 об./136.

Как и в случае с местоимениями, иногда позиция энклитик может объясняться как наличием барьера, так и вторичной проклизой начального союза, например: *али* / *чимо есемо виновата, а восоли отроко* 644 (см. об этой фразе § 1.38); *а Б҃ъ за мѣздою,* ∇ *или* / *ладивьсѧ* 549.

Во фразе [*а*]*же то* / [*на*]*мъ* // *възѧле есu Павьловъ* 736а предбарьерная часть [*а*]*же то* / [*на*]*мъ* либо образует единое фонетическое слово, либо имеет внутри себя дополнительный барьер после *аже то.* Для фразы *зане азъ* // *виноватъ есмь* [1152], 162 об. не исключен также (хотя и менее вероятен) вариант с *зане*° *азъ*°.

Начальное знаменательное слово

§ 2.14. В этом классе следует различать клаузы с начальным именем (существительным, прилагательным, числительным, а также независимым инфинитивом) и клаузы с начальным наречием.

Начнем с подкласса с начальным именем.

Характерные примеры соблюдения закона Вакернагеля в его чистом виде:

а Поутилоу ти оубили 952;
а Давыдъ ти ми не въдалъ 664;
о св(*ѧ*)*то жь ти еѣ хо*{*ц*}*ць* 731;
Матьеви еси молвиль 550;
товарьць есьмо посълаль Смольньскоу 952;
а Мѣстѧта сѧ вама поклонѧ 422;
[*а*] *поп*[*ъ*] *ти* [*сѧ м*]*о*[*л*]*илъ* 950;
се оу Насила есмь възѧлъ 525 (*се* — проклитика);
поѣди, кн҃же, Киеву: ∇ *Гюрги ти оумерлъ* [1158], 175 об.;
а Кыевъ вы не надобѣ [1195], 237 об.;
и по городу ны даси по лепшему [1159], 179 об.;
но лиха ти есмь не хотѣлъ [1159], 178 об.;
ѡц҃а ти есмы ꙗли и приꙗтели его [1172], 201;
крⷭтъ еси к нама с королемъ цѣловалъ [1152], 166;
и королѧ еси на мѧ възвелъ [1152], 166;
рѣкы сѧ смерзываютъ, а поидемъ домови [1150], 147 об.;
а къ Гюргеви сѧ послали [1147], 128;
моложьшему сѧ не поклоню [1151], 155 об.;
сн҃ъ ти сѧ кланѧеть [1151], 157;
и Изѧслава ти сѧ не ѿлучати до живота своеⷢ [1152], 163 об.;
и с Лѧхы сѧ есмь за нь билъ [1152], 162 об.

Вторичной проклизы в данном классе, в отличие от двух предыдущих, не бывает.

Как и во фразах с союзом, в ранних берестяных грамотах и Киев-Д коэффициент препозиции в этом классе лишь ненамного ниже, чем при начальном местоимении. В этих памятниках начальное имя само по себе, по-видимому, еще не дает стимулов к появлению барьера и постпозиции энклитик.

Случаев постпозиции энклитики из-за наличия барьера в данном классе немного.

В ранних берестяных грамотах отмечены только:

а вьжники // творѧтесѧ въдавоше Собыславоу цетыри гривне 550;

из ърьмице ка // всп(и)ши ми грамътицю о свъемъ стъ[р](ъ)вье и о дѣтьхъ 854;

кроме того, *то° гривьною // кри(лъ есмь)* 831 (где энклитика лишь реконструируется).

В Киев-Д из фраз такой структуры отмечены:

а кр^стъ со мною целоуи, ∇ *а со Двд{в}омъ // введи мѧ в любовъ* [1196], 239 (см. об этой фразе § 2.8);

брате Володимире, ци давно еси хр^стъ цѣловалъ ко мнѣ, ∇ *и волость // взѧлъ еси оу мене?* [1170], 194;

ѡже мѧ переѡбидила и первое и другое, ∇ *и бещестье // на мене еста положила* [1151], 155 об. (см. об этой фразе § 2.7).

Также с сильной энклитикой: *Гюрги вышелъ ис Киева,* ∇ *а Вѧчьславъ // сѣдить ти в Киевѣ* [1150], 144.

С разделением энклитик:

брате, // вь правду тѧ // нарекли есмы ѡц҃мь собѣ [1172], 202 об.;

и до сыти ми пересердиꙗ // оучинила еста [1148], 133 об.;

Стославъ ти // посlалъсѧ къ Гюргеви [1149], 136 об.

Такую же структуру можно предполагать и для фразы *со Ꙗрославомъ есми оумирилсѧ* [1196], 240 об.; но здесь уже не исключено и действие нового правила постановки *сѧ*.

Особого замечания требует слово *Богъ*. В Киев-Д оно ведет себя необычно: если за ним следует глагол (не в императиве), то энклитика может стоять после этого глагола, а не после *Богъ*: *Б҃ъ посадилъ тѧ и кнѧзь Андрѣи на ѡч҃нѣ своеи и на дѣдинѣ вь Киевѣ* [1172], 198; *аще Б҃ъ приведеть мѧ сдорового (въ) д҃ни сиꙗ* [1178], 214; *аще восхощь,* ∇ *Б҃ъ избавить тѧ* [1185], 226 об.; *се, брате, // Б҃ъ скупилъ на по мѣсту с твоимъ братомъ* [1151], 153; *се же ны^н // Б҃ъ привелъ мѧ в Рускую землю* [1151], 153; *и тако Б҃ъ поꙗ и* [1152], 167. Причина этого эффекта не вполне ясна. В некоторых из приведенных фраз (в частности, *Б҃ъ посадилъ тѧ и кнѧзь Андрѣи*) допустимо предполагать барьер после слова *Богъ*. Но в ряде других для этого, по-видимому, нет семантических оснований. Возможно, данный порядок слов отражает влияние церковных формул, в которых, как известно, закон Вакернагеля может и не соблюдаться; ср., например, в Усп. сб.: *и Б҃ъ покры тꙗ* 4б; *како присно Б҃ъ печеть сѧ ими* 52в; *ꙗко Б҃ъ покаꙗ сꙗ о Ахавѣ* 181в; ср. также в речи игуменов в Киевской летописи ([1195], 238): *и рекоша игоумени бл҃жнии:* ∇ *се Бг҃ъ проꙗвилъ есть*.

Но встретилось все же и несколько фраз, где данного эффекта нет, например: *но Б҃ъ мѧ застоупилъ и х^стъ ч^стныи* [1147], 128; *а Б҃ъ ти помоглъ* [1151], 155 об.

Подкласс с начальным наречием невелик по объему. От подкласса с начальным именем он отличается существенно более низким коэффициентом препозиции. Причины этого довольно прозрачны: наречие есть самая естественная форма выражения обстоятельства, а обстоятельство очень часто относится ко всему высказыванию в целом и, соответственно, ставится в начальную позицию и отделяется от остального барьером. Примеры клауз с начальным наречием и соответствующие комментарии см. в § 2.10.

Подчиненный инфинитив

§ 2.15. Для неличных форм древнее правило расстановки энклитик состоит в том, что относящиеся к неличной форме энклитики располагаются во фразе так же, как если бы они относились к сказуемому.

Этот принцип актуален в первую очередь для подчиненных инфинитивов, выступающих в роли дополнения при сказуемом (например, при *хочеши*, *можеши*, *почьнеши*, *велиши*, *надобѣ*, *годьно*, *не льзѣ* и т. п.). Например, во фразе *аже ми сѧ поцьньши насмихати* 'если ты начнешь надо мной насмехаться' 752 энклитики *ми сѧ*, относящиеся к инфинитиву *насмихати*, располагаются во фразе так же, как если бы они относились к сказуемому *поцьньши*; иначе говоря, они стоят просто в соответствии с законом Вакернагеля. Во фразах типа *оже ны сѧ велите мирити* 'если вы нам велите мириться' [1149], 141 (где *ны* относится к *велите*, а *сѧ* к *мирити*) энклитики, относящиеся к сказуемому и к подчиненному инфинитиву, образуют единый блок.

Однако энклитики, относящиеся к неличным формам, имеют заметную общую тенденцию подчиняться не древнему, а новому правилу расположения энклитик, т. е. располагаться в постпозиции к этим формам. Эта тенденция проявляется с разной силой в зависимости от неличной формы и от синтаксического контекста, а также и от конкретной энклитики. В наибольшей степени новое правило актуально для энклитики *сѧ*.

Инфинитив в функции сказуемого ведет себя в отношении энклитик совершеннно так же, как личные формы. Примеры:

тобѣ сѧ оуже не ворочати, ни мнѣ [1152], 163 об.;

то ти все възворотити, и Изѧслава ти сѧ не ѿлучати до живота свое^{г} [1152], 163 об.;

аче ны сѧ и (*с*) *дѣтьми бити зѧ тѧ, а рад*(*и*) *сѧ бьемъ за тѧ* [1159], 177.

Во всех этих случаях размещение энклитик — такое же, каким бы оно было во фразах со сказуемыми в личной форме (например, *ворочаеши*, *възворотиши*, *ѿлучаеши*, *бьемъ*).

Иное положение с подчиненным инфинитивом (выступающим в роли дополнения при сказуемом). Здесь конкурируют указанные выше древнее и новое правила.

В образцовых памятниках безусловно превалирует древнее правило. В соответствии с этим правилом если одни энклитики по смыслу относятся к сказуемому (скажем, *ѩлисѧ есте*), а другие — к подчиненному инфинитиву (скажем, *помогати ми*), то во фразе они оказываются членами единого блока, например, *ѡже ми сѧ есте ѩли помогати.*

Продемонстрируем вначале действие древнего правила.

1. Если ни сказуемое, ни подчиненный инфинитив не стоит в начале клаузы (или после барьера), блок энклитик оказывается левее как того, так и другого. Иллюстрации:

како тѧ могу, ѩтры, пустити? [1171], 195 об.;

ѡже ва Мьстиславъ почнеть звати на ѡбѣдъ, то ту ваю ѩтье будеть [1170], 193 об.;

а что есми имъ зло створилъ, ∇ ѡже <u>мѧ</u> хотѧть ѩти? [1161], 182 об.;

то же с *сѧ*:

поидите со мною, ∇ ать <u>ми сѧ</u> добро с ними ѡ(т) *силы мирити* [1149], 137 об./138;

Б҃ъ вы помози, ∇ ѡже <u>ми сѧ есте</u> ѩли помогати [1149], 140;

но ѡбаче // ѡже <u>ны сѧ</u> велите мирити, то не стоите на нашеи земли [1149], 141;

ѿтолѣ <u>же сѧ</u> хочю с тобою рѧдити [1150], 144 об.;

ѡже <u>сѧ</u> с нима начнемь бити, то се намъ будуть первии ворозї [1172], 199.

2. Если либо сказуемое, либо подчиненный инфинитив стоит в начале клаузы (или после барьера), блок энклитик оказывается между этими двумя единицами (а именно, непосредственно после первой из них). Иллюстрации для случая с начальным (или стоящим после барьера) сказуемым[29]:

не моги <u>же ми</u>, матоко, согре(*шити*) 227;

а хотѧть <u>ны</u> ѧти въ Ѳомоу съ Вѧцьшькою 952;

хотѧть <u>тѧ</u> людие ѩти [1161], 182 об.;

того на мнѣ не проси, ∇ хотѧ <u>мѧ</u> заворожити [1149], 136;

а хочемь <u>ю</u> оубити [1187], 229 об.;

а сѣмо мѧ повела лестью, ∇ оубити <u>мѧ</u> хотѧче [1147], 127 об.;

то же с *сѧ*:

могоу <u>сѧ</u> съ тобою ѧти на водоу 238;

не моги <u>сѧ</u> ослоушати 779;

не на цеме <u>сѧ</u> кормити 765п (*не на цеме* — единая тактовая группа);

а почнуть <u>сѧ</u> с тобою бити [1150], 150 об.;

можете <u>ли сѧ</u> за наю бити? [1149], 139 об.;

нѣ лзѣ <u>ми сѧ</u> с тобою рѧдити [1150], 144 об.;

ци боудеть <u>ны сѧ</u> соудити пре(д) *Б҃мъ* [1151], 155;

а самъ хочю поступити подъ горы Галичьскаго к҃нзѧ, // не дати <u>же сѧ</u> ему двигнути [1149], 140.

То же с факультативными барьерами:

Изѧславъ вчера со мною // хотѣлъ <u>сѧ</u> бити [1150], 151 об.;

противоу моложьшему // не могу <u>сѧ</u> поклонити [1151], 155 об.;

а всѧко // велить <u>ти сѧ</u> воротити [1159], 179.

Примечание. Особо стоит фраза: *не даи Б҃ъ // на поганыѣ // ѣздѧ <u>сѧ</u> ѿрещи* 'не дай Бог отказаться от наездов на язычников' [1185], 223. В этой фразе конструкция *ѿрещисѧ ѣздѧ* — такая же, как в *творѧтесѧ въдавоше* 'утверждают, что отдали' 550, *сказатисѧ нездравуѩ* 'сказаться нездоровым' и т. п. Нарушение общих правил в этой фразе состоит в том, что барьер поставлен внутри актантной группы *на поганыѣ ѣздѧ*. Причина, вероятно, в переосмыслении *ѿрещисѧ ѣздѧ* как цельного речения (≈ 'отъездиться'), которому как целому подчинено *на поганыѣ*. В этом случае между дополнением *на поганыѣ* и целостным *ѣздѧ сѧ ѿрещи* уже в принципе становится возможным барьер.

[29] Случай с начальным (или стоящим после барьера) подчиненным инфинитивом не представляет для нас интереса, поскольку при таком инфинитиве энклитики практически всегда стоят в постпозиции.

Для обычных энклитик проблема этим исчерпывается. Но энклитика *сѧ* в некотором числе фраз подчиняется не древнему, а новому правилу, то есть стоит в постпозиции к инфинитиву независимо от прочих условий:

но не хочемь кланѧтисѧ попадьи [1187], 229 об.;

не могоу с половиною ихъ миритисѧ [1193], 234;

то како можемъ молитисѧ къ създавшему на[с] [1149], 142 об.;

а лѣпо вы бы потроудитисѧ [1189], 230 (с разделением энклитик).

В ряде таких фраз можно с уверенностью или с высокой вероятностью предполагать наличие барьера — однако же не перед инфинитивом, а перед сказуемым (союз не в счет):

а Всеволодъ // ажь восхочь[т] *с нами ouладитисѧ, а оуладитьсѧ* [1196], 239 (обязательный барьер);

а тобѣ // не достоить трудитисѧ [1152], 165 об.;

а нынѣ // безъ его доумы // хочемь миритисѧ [1196], 240 об.;

да ни мы // начнемь боѩтисѧ васъ, ни вы насъ [1172], 198.

Понятно, что показанные здесь барьеры не объясняют постпозиции *сѧ*. Нельзя ли предположить, что в этих случаях имелся также барьер непосредственно перед инфинитивом? В самом деле, для части фраз (например, *а тобѣ не достоить трудитисѧ*) такое предположение в принципе допустимо, хотя и не очень естественно с точки зрения смысла. Но в большинстве случаев такой барьер решительно противоречил бы смысловому членению текста. Таким образом, причиной данного порядка единиц здесь уже можно признать только действие нового правила расположения энклитики *сѧ*.

Прочие неличные формы

§ 2.16. Деепричастие.

В образцовых памятниках показательного материала в этом классе очень немного. Древняя модель расположения энклитик отмечена во фразах:

то [*из*] *оцью бы сѧ вытьрьго притькль* 'то, вырвавшись из-под [людских] глаз, прибежал бы' 752 (*сѧ* относится к *вытьрьго*, *бы* — к *притькль*);

а нънѣ ти сѧ съмълъвивъ съ близокъ ⟨-*кы*⟩ ... 907;

Бга сѧ боѧць 548 (+881);

добрѣ же створѧ ... 849 (+788);

того ва есмь боронѧ и не правилъ себе, ѡже мѧ переѡбидила 'запрещая это вам двоим, я и сам не расквитывался за то, чем [вы] меня изобидели' [1151], 155 об. (*ва* относится к *боронѧ*, а *есмь* — к *не правилъ*);

а како сѧ нагадавше вси, тако же с тобою оуладимсѧ [1196], 239 об.;

пакы ли, а заоутра, ∇ *како сѧ нагадавше, поидемы же по ни*[х] [1151], 156 об.;

на вашего ѿца ида, ∇ *а на мѧ сѧ ѡборочиваю, ловѧ сѧ бити со мною* [1150], 151 об.

Пример с неавтоматической постпозицией *сѧ*: *како еси посլалъ сна свое*[г] *ко королеви,* ∇ *а со мною не спрошавсѧ, состоупилсѧ еси рѧдоу* [1189], 230 (прочие примеры не вполне надежны).

Причастие (не в деепричастной функции).

В образцовых памятниках примеров нет. В памятниках, где такие примеры есть, почти всегда действует новое правило, т. е. постпозиция энклитик; см. § 4.4.

Супин.

В берестяных грамотах примеров нет. В Киев-Д всегда действует новое правило, например: *ѡже Изѧславъ, ѣда битсѧ съ Игоремъ ...* [1151], 155 об.; *а ты пакы, брате, поѣда Перењславлю съ Изѧславомъ битьсѧ ...* [1151], 155 об.; *и тоу ко мнѣ не възмогоша выти битьсѧ полкомъ* [1148], 132 об. (не говоря о таких тривиальных примерах, как *а то ти молвить, битсѧ ѣда* [1151], 155 об.). Практически такова же ситуация в других памятниках, см. § 4.5.

Многоактантные клаузы

§ 2.17. В том, что касается многоактантных клауз, образцовые памятники малопоказательны. В берестяных грамотах таких клауз совсем мало. А в Киев-Д представлена редкая особенность, состоящая в том, что в многоактантных клаузах энклитики ведут себя практически так же, как в простых (см. об этом § 4.9). Вот характерные примеры с энклитиками в главной вакернагелевской позиции:

а ныне сѧ дроужина по мѧ пороучила 109;

юже ми отьць даѧлъ 9;

на мнѣ ти Домаславе възѧле 12 грвнѣ 155;

азъ ти есмь съ бра(то)мъ твоимъ с Володимеромъ ѿселѣ оуже пошелъ [1150], 147 об.;

мы тѧ до сихъ мѣстъ акы ѡца имѣли по любви [1172], 203;

а ты еси оуже хрстьное человане переступилъ [1149], 137;

чему ми еси во ѡномъ дни не далъ? [1150], 145;

того вы брат мои не велѣлъ [1147], 128;

аже еси сь сѧкыми рѣчьми прислалъ [1172], 203 об.;

но на том цѣлуи хрстъ, ∇ *њко ти в томъ въ всемъ оустоњти* [1151], 160.

Возможна и смещенная препозиция, например:

ѡже оуже // рѣкы сѧ оустановѧть [1150], 147 об.;

также с разделением энклитик:

ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оучинилъ [1196], 241.

С другой стороны, в клаузах данного класса вполне возможна также постпозиция энклитик (при этом, естественно, используются барьеры). Примеры:

њзъ / пережe всихъ // далъ есмь тобѣ волость сю [1195], 236 об.;

се половцѣ // сеѣ зимы // воюють ны часто [1190], 232;

кде оузримъ стѧгъ твои, ∇ *тоу // и мы с тобою // готови есмь* [1146], 119 об.;

а се нынѣ // брата нашего Романа // вывелъ еси ись Кыева [1172], 202 об.;

а нынѣ // њ / вамъ // во ѡцѧ мѣсто // ѡсталсѧ [1180], 217/об.;

также с разделением энклитик:

ны(нѣ) же // оу ноужи сеи // боленъ есмь велми [1146], 124;

нын же, ѿце, // того всего // каюсѧ пред Бмъ и пред тобою [1150], 151 об.;

нын же, брате, // сеѣ весны // помози на ('нам двоим') [1151], 152 об.

Особо отметим изредка встречающиеся в многоактантном классе клаузы с неодночленной начальной группой.

С препозицией в образцовых памятниках представлены:

без барьера (и, следовательно, с нормальной препозицией и с непроективностью) — *а такого ти веремени иногда не боудеть* [1193], 234;

сего ти мира зде не оулюбить братъ мои Рюрикъ [1196], 240 об.;

лѣпьши ми того смрть и съ дроужиною на своеи ѿцинѣ и на дѣдинѣ взѧти [1140], 113;

одиномо ти мь|(сте ... со Давы)жею сед[*ет*](*и*) 227;

с барьером (и со смещенной препозицией) — *а в Роускои землѣ // кто ны сѧ ѡстанеть?* [1193], 234 (с эффектом слова *кто*, § 1.25, п. 4).

С постпозицией встретилось: *зане° в землѣ нашеи // жито // не родилосѧ нынѣ* [1193], 234. Также при многочленной начальной группе: *сновець ваю Стославъ, // акы ѿ ваю роженъ, // передъ вами // не творитсѧ правъ* [1149], 142 об.

Тяжелые клаузы

§ 2.18. В тяжелых клаузах преобладает уже постпозиция энклитик.

При отсутствии барьера тяжелая клауза обязательно оказывается непроективной (см. § 1.2). В раннем древнерусском это обстоятельство лишь весьма незначительно затрудняет построение фразы — непроективные фразы возникают достаточно свободно. Но в ходе истории тенденция избегать непроективности усиливается. В Киев-Д и в ранних берестяных грамотах эта тенденция уже существует, хотя и в гораздо более слабой форме, чем позднée.

П р и м е ч а н и е. При анализе клауз важно различать две разных конструкции со словом *самъ*: 1) истинное определение к существительному (*самъ отець* и т. п.) и 2) *самъ*, подчиненное непосредственно сказуемому, эквивалентное по смыслу наречию (≈ 'самостоятельно', 'лично') (*отець самъ пришелъ* и т. п.). В первом случае перед нами двучленная актантная группа, во втором — две отдельные одночленные актантные группы, порознь подчиненные сказуемому.

Без барьера после начальной актантной группы (и, следовательно, с препозицией энклитики и с непроективностью) отмечены следующие фразы.

А. С актантной группой из существительного (или местоимения) и прилагательного-определения (в любом порядке) или из существительного и приложения к нему:

а больши ти протерѧ гоши(*ти*) 155;

Стославъ же ти Ѡлговичь не надоби [1151], 160;

*Изѧславъ ти Мьстислали*ч *пошелъ Киевоу* [1146], 124 об.;

а вѣсть ны праваѩ єсть [1187], 227 об.;

и въ моемь вы послушаньи ходити [1159], 180;

и того еси всего не оуправилъ [1152], 166 (+[1196], 241);

и свои еси рѧдъ взѧлъ [1196], 241;

ѿ котораго есте становища поѣхали? [1149], 138;

брате, // хрстъ еси чстьныи цѣловалъ ко мнѣ [1149], 137.

То же с энклитикой *сѧ*[30]:

зѧть ти сѧ король кланѧеть [1152], 161 об.;

а брата сѧ Игорѧ лиши [1146], 121 об.

[30] Здесь и в ряде других случаев примеры с энклитикой *сѧ*, которая нередко ведет себя не совсем так, как остальные, для наглядности отделяем от прочих.

Примечание. Внешне сходны с приведенными также такие примеры, как: *братъ ти С҃тославъ боленъ* [1160], 181; *браⷮ ти Изѧслава побѣди С҃тославъ и дроужиноу вашю* [1146], 123 об./124. Но в действительности мы здесь уже имеем дело с локальным *ти* 'твой', см. § 1.9. Как уже отмечалось, некоторые из подобных примеров допускают двойную синтаксическую интерпретацию (с *ти* 'твой' и *ти* 'у тебя'): *брата ти Романа Б҃ъ поꙗлъ* [1180], 217; *браⷮ ти Игорѧ оубили* [1147], 130.

Б. Прочие:
а жизнь есмы его взѧли [1147], 127 об.;
а ворожду еси про Игорѧ ѿложилъ [1149], 137;
а много ти лиха замысливають [1150], 144 об.;
брате и с҃ноу, // много ти єсмь добра творилъ [1180], 217 об.;
боле ми того не надобѣ Володимерь [1187], 229 об.;
и много есмь имъ зла оучинилъ [1148], 132 об. (с более сложной структурой).

С барьером после начальной актантной группы (и, следовательно, с постпозицией энклитики) отмечены следующие фразы:

А. *а троке тво[е // ч]истило есмь и даѧлъ дары* 831;
Б(ога) дѣлѧ, // котореи любо // потроудисѧ до владычѣ 725;
и всю жизнь // погоубила еста [1146], 122;
а в Руськои земли // не велю ти быти [1172], 203;
а со Ꙗрославомъ с Черниговьскымъ // целовалъ есмь крⷭтъ [1196], 239.

Также с разделением энклитик: *а оу королева еси мужа // слышалъ ли ѡ томъ чⷭтномъ крⷭтѣ?* [1152], 166 об.

Сходную структуру, по-видимому, имеет фраза: *ꙗзъ Витебьска стоупилъ тобѣ, ∇ и посолъ былъ свои // послалъ есмь ко братоу Д҃вдви* [1195], 238 об. (если верно, что *былъ* здесь является энклитикой, ср. § 1.12).

То же с энклитикой *сѧ*:
а дроужина моꙗ // изнемогласѧ [1187], 227 об.;
но лоучьшии коньници // перебероутьс(ѧ) [1185], 224;
к҃нже, // велико зло // дѣетсѧ в городѣ: хотѧть тѧ людие ꙗти [1161], 182 об.;
и своеꙗ вины // каетьсѧ [1152], 162 об. (+ еще 3 раза);
не могоу ити изъ ѡ҃чны своєѣ, ∇ и со братьєю своєю // розоитисѧ [1178], 214.

Б. *землю иⷯ // повоевалъ есмь* [1148], 132 об.;
вежѣ ихъ // поимали есмы, дѣти ихъ // поимали есмы, и стада и скотъ [1170], 193.
велми радъ, г҃не ѿ҃че, // имѣю тѧ ѿ҃цмь г҃номъ [1154], 169 об. (с внутренним обращением).

С разделением энклитик: *и до сыти ми пересердиꙗ // оучинила еста* [1148], 133 об.

Замечание. После группы подлежащего вероятность барьера несколько выше, чем в среднем, — по-видимому, просто потому, что тему естественнее всего выразить именно в форме подлежащего. Правда, в образцовых памятниках этот эффект проявляется довольно слабо, но он заметен в ряде других памятников.

Во всех приведенных выше примерах представлена двучленная начальная группа. Но возможны также, хотя реально намного более редки, также и многочленные начальные группы. В этом случае препозиция энклитик, формально

не запрещенная, реально уже почти не встречается. В образцовых памятниках отмечен лишь один полноценный пример: *и сеѣ ми зимы и весны нѣ лзѣ на конь к тобѣ всѣсти* [1150], 148.[31]

Во всех остальных случаях представлена постпозиция. Примеры:

а с(вѧ)тье Варъварь тьлицѧ // сторова ли? 657;

зѧть нашь королъ // пустилъ ти 10 тысѧчь [1150], 148 об.;

королъ зѧть твои // пустилъ ти помочь [1151], 157;

с тобою могу быти, ∇ а с братомъ твоимъ Гюргемъ // не оуправити ми есть [1150], 145;

и в Роускои землѣ части // просилъ еси оу мене [1196], 240 об.;

вѣ съ бра^{т}*мъ своимъ // готова есвѣ въ хр*^{с}*тьномъ цѣлованьи* [1149], 136 об.

Также с энклитикой *сѧ*: *[д]а [и]н[е]х[о] д[ев]ѧте гривено // осталосѧ* 436.

Характерный частный случай здесь составляет актантная группа, где имеются однородные члены (обычно они соединены сочинительным союзом). Примеры:

а волости С҃тославли и Игоревѣ // далъ ва есмь [1147], 127 об.;

брате и сватоу, // ѿчиноу нашю и хлѣбъ нашь // взѧлъ еси [1196], 240;

Роускы дѣлѧ землѧ и хр^{с}*тьꙗнъ дѣлѧ // поѣди же оу свои Переꙗславль и в Коурескъ* [1151], 156;

ѡ҃ц҃ю моему и своему брату // поклонишис(ѧ) Изѧславу [1150], 148 (охват сказуемого);

вы есте по мнѣ из Рускы земли вышли, ∇ своихъ селъ и своихъ жизнии // лишивсѧ [1150], 149.

Полезно отметить в этой связи совершенно так же построенные квази-клаузы (а именно, те, что начинаются в точке первого барьера) во фразах:

но ѡбаче, ѡ҃ц҃е, // твои щитъ и мои // не розно еста [1150], 148;

ны^{н} *же, бра*^{т}*, // хр*^{с}*тьꙗнъ дѣлѧ и всеѥ Роускои земли // оумирисѧ* [1148], 133 об.;

но здѣ пакы // моеи сносѣ а твоеи женѣ // оудолжилос(ѧ) [1150], 148.

Заключительные замечания о барьерах

§ 2.19. Как видно из предшествующего разбора, в образцовых памятниках в безусловном большинстве случаев, где позиция энклитики предполагает наличие ритмико-синтаксического барьера, появление этого барьера легко объясняется какими-то из названных выше семантических и/или синтаксических факторов, то есть понятно, почему именно отрезок перед данным барьером выделен. Довольно часто барьер возникает в силу одновременного действия нескольких факторов.

---

[31] Эллиптическая фраза *сии ли кр*^{с}*тцъ малыи?* 'неужели этот маленький крестик?' ([1152], 166 об.) сюда не относится. Энклитика *ли* просто занимает здесь единственно возможное для нее место: ввиду отсутствия сказуемого (которое лишь подразумевается: 'имеет такую силу') позиция при сказуемом для нее исключена; а ни после *кр*^{с}*тцъ*, ни после *малыи* ее поместить нельзя, поскольку это потребовало бы барьеров внутри актантной группы, чтó запрещено.

Правда, как уже отмечалось выше, все же есть случаи, где выделение такого отрезка само по себе неочевидно; но свидетельство остального материала позволяет объяснять почти все такие случаи так же, т. е. позволяет предполагать и здесь имевшуюся у автора интенцию выделения.

Конечно, в образцовых памятниках имеются единичные фразы, нарушающие, по крайней мере на первый взгляд, правила о барьерах и месте энклитик. Однако в большинстве случаев при более детальном рассмотрении нарушение оказывается кажущимся. Здесь невозможно заниматься разбором всех трудных и сомнительных случаев; но в этом и нет нужды. См., например, § 1.42, где показано, почему нет никакого нарушения во фразе *брате, // что дѣлѧ еси приѣхалъ?* Заметим, что нередко видимая неправильность — это просто результат порчи или переделки текста, в частности, ошибки переписчика (случайной или из-за непонимания текста). Например, аномальна фраза: *ты же нынѣ // ни моужа своего еⷭи послалъ ко братоу своемоу Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши емоу, ни моего* [1196], 240. Но слово *еси* переделано в рукописи из *си*, т. е. в тексте стояло *ни моужа своего си*, где никакого нарушения нет (притяжательное *си* постоянно ведет себя как локальная энклитика, см. § 1.9). Аномальна также фраза *продѧва да бы еси Климу* 528п; но в этом месте видны следы правки, и вообще данная грамота принадлежит к числу очень немногих, написанных с большим числом ошибок.

В итоге следует констатировать, что в ранних берестяных грамотах и Киев-Д механизм размещения энклитик, включая механизм барьеров, действует еще почти безупречно.

Вторичная проклиза

§ 2.20. Примеры вторичной проклизы (§ 0.2, 1.38) приводились выше при разборе фраз разных категорий; но при этом они, естественно, были распылены. Целесообразно рассмотреть эту проблему отдельно, учитывая всю совокупность таких примеров.

Перечень единиц, допускающих вторичную проклизу, т. е. полупроклитик, см. в § 1.38.

Частота случаев вторичной проклизы зависит от характера памятника и от хронологии. Ниже показано, каков в образцовых памятниках процент случаев вторичной проклизы у полупроклитик (от общего числа их употреблений в начальной позиции). Эта величина оценена нами по максимуму, т. е. включены в подсчет даже неоднозначные примеры. Слово *се* (в тех функциях, в которых оно является полупроклитикой, см. § 1.38) дает показатели, сходные с союзами, поэтому в данном подсчете оно присоединено к рубрике союзов.

Вторичная проклиза в образцовых памятниках

	Ранние берестяные грамоты	Киев-Д	Поздние берестяные грамоты
Местоименные слова	0%	13%	21%
Союзы и *се*	13%	29%	27%

Как ясно показывают берестяные грамоты, эта частота со временем растет, причем у союзов проклитическое употребление возникает раньше и представлено в целом существенно шире.

Рост частоты вторичной проклизы во времени есть не что иное как один из аспектов общей тенденции к постепенному увеличению числа случаев постпозиции энклитик. В самом деле, например, проклиза слова *ать* во фразе *ать сѧ бьемъ* дает фразу *ать° бьемсѧ*, т. е. порождает лишний пример постпозиции *сѧ*.

В книжных памятниках общая тенденция к постпозиции энклитик проявляется в древнерусский период существенно сильнее, чем в некнижных.

Таким образом, разница показателей ранних и поздних берестяных грамот, демонстрируемая приведенной таблицей, объясняется просто хронологией. А разницу между Киев-Д и ранними берестяными грамотами, очевидно, следует объяснять тем, что в Киев-Д, в отличие от берестяных грамот, все же имеется некоторый (пусть небольшой) элемент книжности. (Какую-то роль здесь мог играть также эффект переписки в XV в., но скорее всего довольно незначительную.)

§ 2.21. Рассмотрим вначале материал ранних берестяных грамот.

Местоименные энклиномены. Все имеющиеся примеры (их более трех десятков) указывают на полноударный статус слов данной категории. Иллюстрации:

а ѧ сѧ имо потешоу 705;
да ѧзъ ти тоу сѣжоу 902;
а ѧзо ти сѧ отоплачȣ 829;
ѧзо ти олово попродале 439;
а ѧзо ти на поути 436;
ты же мѧ и потени 531;
то еси ты повѣдалъ ... 336;
то си хотѧ мълъви 605;
кетъ ти бъръже поидеть въ гърьдъ 891;
кото ли на мѧ тѧжоу дьет[ь] 831;
а цето ти сѧ остало суща, то остави ести Ст. Р. 30;
а ци цето ти товара надобе, а то восолю 624;
тако еси возложило то слово 531;
како еси возложило пороукоу 531;
како жь еста торговала, тако жь ... 510;
како ти было ѧ Ивана ѧлъ 502;
како ти взмоловить 502.

Союзы. Норму составляет полноударное употребление (28 примеров). Иллюстрации:

аже ми сѧ поцьньши насмихати 752;
аже бы ти годьнъ 752;
аже ти возомолови Коснѧтино 531;
ажь ти хътѧ жьдати 723;
ажь бы ты д(*о*)*бромь жила* (*съ*) *братом*... 487;

оже еси забыле моего добродеѧниѧ 627;
оже же еси продала Ст. Р. 8;
оже ли не присълеши 915;
ожь мѧ татьмо [п]оставили 222;
[оже] ны ѥси холопы нарек[л]а 400;
оже ти не возѧло Матее капи 439;
а[ч]е ли ти, брат[ь]е, вины л[ю]дье на мѧ не ищꙋ[ть] 724;
а ты, // атче еси не възалъ коунъ техъ ... 109;
ѧко то есмы выдали Мѣзо... 872;
или ти тѧжа, а поеди во городо 112;
ать ти видьло ... 502.

Проклитическое употребление встречается сравнительно редко, например: *ѧко°* ('как') *ты си мловила емꙋ* 731. В ряде случаев (отмечаемых знаком /, см. § 1.38), например: *а Бъ҃ за мѣздою,* ∇ *или / ладивьсѧ* 549; *али / чимо есемо виновата, а восоли отроко* 644 — представлен либо такой же эффект, либо барьер.

В целом данные ранних берестяных грамот позволяют предполагать, что в древнейшем состоянии языка вторичной проклизы еще просто не было.

§ 2.22. Обратимся к материалу Киев-Д.

Местоименные энклиномены.

Безусловной нормой является полноударное употребление (более 150 примеров).

Примеры фраз с личными местоимениями 1-го и 2-го лица в И. падеже:
ѧ есмь не ратью пришелъ к вамъ [1155], 174 об.;
ꙗ же есмь Гюргѧ ис Киева выгналъ [1150], 147;
а ѧз ти зде доспѣваю [1152], 161;
и ꙗзъ ва, брата, ꙗвлѧю [1147], 127;
ꙗ сѧ тобѣ, брате, кланѧю [1151], 156;
а ꙗзъ ти сѧ кланѧю [1150], 143 об.;
а ты еси нашь кнзь҃ [1159], 177 об.;
ты мѧ еси, сн҃у, самъ позывалъ Киеву [1150], 144 об.;
ты же ми еси ее ѿстоупилсѧ по волѣ [1195], 236 об.;
азъ оуже бородатъ, ∇ *а ты сѧ еси родилъ* [1151], 155 об.;
ты сѧ, ѿце, не труди [1150], 145;
то ты сѧ прочь, а Изѧславъ мою волость пожьжеть [1149], 143 (примечательный пример безглагольной конструкции);
а мы есме к тобѣ хрстъ целовали [1149], 136;
мы сѧ в то не дамы [1190], 232;
вы есте людие дѣда моего и ѿц҃а моег [1150], 149;
вы бы есте мнѣ повѣдалѣ [1187], 228;
а вы ми выдаита, кто ны сваживаеть [1170], 193 об.;
а вы сѧ не внимаите ни во что же [1150], 149;
а вѣ сѧ сама оурѧдивѣ [1151], 156;
вы еста ко мнѣ хрстъ цѣловала [1148], 133 об.

Случаев проклитического употребления тех же слов гораздо меньше, причем для части примеров возможны и другие просодические интерпретации.

По крайней мере в части таких фраз вторичная проклиза начального слова дает эффект выделения следующего за ним слова, например: *азъ° Изѧславъ есмь, кн҃зь вашь* [1151], 158 об. (§ 1.38; см. там же другие примеры этого рода).

В ряде других фраз местоимение тоже почти наверное употреблено проклитически, но выделено ли здесь следующее слово, неясно:

ты° мнѣ еси ꙗко ѡц҃ь [1151], 156;
вы° намъ есте въ ѡ҃ца мѣсто [1149], 141;
и вы° мнѣ есте рекли [1147], 128;
пакы ли, // ꙗ° възму вы на щитъ [1150], 151 об.;
ты° надѣешисѧ бѣжати в половцѣ [1139], 112;
се бра^{т}*е, сн҃ъ мои, // вы° прислалисѧ есте ко мнѣ* [1148], 135.

Есть также фразы, где позиция энклитик может объясняться либо наличием барьера, либо вторичной проклизой начального слова (что́ отмечается знаком /), причем для надежного выбора между этими двумя возможностями нет данных. Примеры:

а ꙗ / готовъ есмь самъ полкы своими [1149], 140;
а Гюрги мнѣ братъ есть, но моложии мене, ∇ а ꙗ / старъ есмь [1151], 155;
а ѧзъ / не радуюсѧ ѡ погыбели его [1155], 175 об. (см. об этой фразе § 2.12);
а како ты вгадаеши, ∇ а ꙗзъ / в томъ // готовъ есмь [1148], 133 об.;
ѧзъ / про тебе же // с ни^{м} *е*^{с}*мь не добръ* [1196], 241;
вы / того // до сыти есте молвили [1152], 166 об.;
и мы / без ни^{х} *// коушаимсѧ на вежа*^{х} *ихъ оударити* [1183], 221 об.

У прочих местоименных энклиноменов: *то*, *что*, *кто*, *како*, *тако* — полноударное употребление господствует еще прочнее. Примеры:

то ны собѣ на сп^{с}*ние* [1147], 127;
и то ми еси молвилъ [1151], 155 об.;
чего еста хотѣла волости, ∇ то ва есмь изискалъ [1146], 124;
и кто тѧ позвалъ? [1154], 169;
но кто ми ворогъ, на того вожю [1150], 149;
кто ли не имѣеть конѧ, а в лодьи [1147], 128;
и что есми взѧли твоего, а то ти възворотимъ [1147], 126;
что си оусунулъ за плече [1152], 167;
ать вси видимъ по мѣсту, ∇ што ны Б҃ъ ꙗвить [1151], 153;
по што еси приѣхалъ? [1154], 168 об./169;
како тѧ могу, ꙗтры, пустити? [1171], 195 об.;
а како сѧ с ни^{м} *оулажю* [1148], 134 об.;
а како ны с ними Б҃ъ росоудить [1147], 131;
како бы ны взѧти бродъ Зароубьскыи [1151], 154;
да како ю с нимъ оудержишь [1195], 236;
како есвѣ рекла, тако же на и даи Б҃ъ быти по мѣсту [1151], 152 об.;
тако ми вошло во оуши [1147], 127;
въ правдоу ли идеши, ∇ а тако же ми ꙗви [1149], 136 об.

Случаев проклитического употребления тут совсем мало:

а что° оумыслилъ еси, а тое дѣи [1172], 203 об.;
ать вси по мѣсту видимъ, ∇ што° ꙗвить ны Б҃ъ [1151], 153 (ср. другой порядок слов в аналогичном примере, приведеном выше);

тако° нарекли мѧ есте собѣ отцемь [1172], 201 об.;
да како° жаль ми бѧшеть на Игорѧ [1185], 225.

Союзы.

Разные союзы ведут себя в Киев-Д неодинаково. Союзы *ать*, *зане*, *занеже*, *или*, *любо*, *поне* в полноударной роли встретились всего несколько раз:
ать ми сѧ добро с ними ѡ(т) силы мирити [1149], 137 об./138;
ать ми будеть ту сѣдѧчи добро слати в Галичь [1172], 201;
зане есте людие милии ѿцю моему [1157], 174 об.;
браᵀе, Всеволода есми имѣлъ въ правду брата старишаго, ∇ *занеже ми братъ и зѧть* [1146], 119 об.

В основном эти союзы употребляются проклитически. По-видимому, это определяется тем, что за союзами с данным кругом значений ('чтобы', 'потому что', 'или') обычно следует слово, выделенное по смыслу (что́ дает эффект, описанный в § 1.38), например:
но повели, кнѧже, ∇ *ать° посѣкуть и* ('их') [1172], 200 об.;
ту же и ты стани, ∇ *ать° добро на ѡ всѣмъ гадати* [1152], 161 об.;
зане° боленъ есми велми [1152], 162;
зане° ты еси старѣи наᶜ Володимирихъ вноуцѣхъ [1148], 134;
не будеᵀ Костѧнтинъ въ митропольи, ∇ *зане° клѧл ми ѿца* [1159], 180;
тобѣ въздати слово ѡ томъ к Бу, ∇ *занеже° възборони ми ѿ постриженьꙗ* [1168], 189;
да или поѣдете борзо, ∇ *или° возворотисѧ домовь* [1185], 223 об.;
доколѣ // любо° оуладимсѧ вси, или° не оуладимсѧ вси [1196], 239.

Но есть и фразы, где трудно установить, есть ли эффект выделения второго слова, например:
ать° мы сѧ бьемъ сами съ Изѧславомъ [1153], 168;
ать° вѣ сѧ тѣмь подиливѣ [1151], 160 об.;
понѣ° ты сѧ с людми оутвердилъ будеши [1154], 170 об.

Только в проклитическом употреблении в Киев-Д встретилось *тоти*, например: *тоти° оуже еси съступилъ крᶜтьного цѣлованьꙗ* [1152], 166;
тоти° Изѧславъ мѧ тѣмь приѡбидилъ [1151], 155 об.

Напротив, у союзов *аже*, *оже, аче*, *ꙗко* (не в изъяснительном значении) господствует полноударное употребление. Примеры:
аже сѧ оуже тако оучинило [1147], 130;
ажь ми сѧ оуже молить [1195], 237;
аже бы лиха хотѣлъ [1140], [113 об.;
аже еси сь сѧкыми рѣчьми прислалъ [1174], 203 об.;
ѡже ми, ѡче, того ѿдаси ты [1150], 151 об.;
но ѡже бы оуправилъ браᵀ нашᵀ Стославъ [1149], 136 об.;
Бъ вы помози, ∇ *ѡже ми сѧ есте ꙗли помогати* [1149], 140;
а то ми былъ Бъ далъ, ∇ *ѡже сѧ есте сами зажгли* [1140], 113 об.;
аче ти мѧ оубити сноу на семь мѣстѣ, а оубии, а ꙗ не ѣдоу [1150], 144 об.;
аче ти сѧ полки иструдѧть [1149], 140;
аче на будеᵀ которыи рѧдъ [1151], 152;

аче <u>*ны сѧ*</u> *и* (*с*) *дѣтьми бити зѧ тѧ* [1159], 177;
аче <u>*есмь*</u> *тогды не былъ надъ бра*ᵀ*мъ своимъ* [1154], 169;
ꙗко ('как') <u>*ти есмь*</u> *кр*ᶜ*тъ цѣловалъ* [1189], 230;
ꙗко ('как') <u>*же ны есть*</u> *любилъ ѡ҃ць твои* [1159], 179 об.

Проклитическое употребление встречается приблизительно в 10 раз реже. Оно представлено прежде всего в нескольких фразах с явным эффектом выделения следующего за союзом слова (§ 1.38), в частности:

ѡже° *ѡ҃ць* <u>*тѧ*</u> *приѡбидилъ и волости ти не далъ, ꙗзъ же тѧ приꙗхъ въ правду* [1149], 135 об./136;

*ны*ᴴ *же, // аче*° *ѡ҃ць* <u>*ти*</u> *волости не далъ, а ꙗзъ ти даю* [1148], 134.

Такой же эффект, возможно, присутствовал во фразе: *с҃ну, Б҃ъ ти помози,* ∇ *ѡже*° *на мене* <u>*еси*</u> *ч*ᶜ*ть възложилъ* [1150], 151 об. (если *на мене* здесь понималось как 'именно на меня').

Пример из числа прочих случаев: *брате, // аже*° *зовоуть* <u>*тѧ*</u> *съ честью, иди* [1178], 214.

Отметим также фразу *нъ*ᴴ *же, ѿче, // ѡсе*° *даю* <u>*ти*</u> *Киевъ* [1150], 151 об., где, по-видимому, подобно союзам *оже*, *аже*, *аче* ведет себя частица *осе* 'вот' (надежно выявить ее акцентные свойства не удается ввиду ее редкости).

ПАМЯТНИК КНИЖНОГО ТИПА — ЖИТИЕ ФЕОДОСИЯ

§ 2.23. Чтобы продемонстрировать контраст (в отношении энклитик) между двумя типами памятников, рассмотрим более подробно памятник, который можно считать образцом древнерусской книжной письменности, — Житие Феодосия (по Успенскому сборнику).

Этот памятник, созданный Нестором, очевидно, в начале XII в. и дошедший до нас в списке не позднее конца XII – начала XIII в., относится тем самым к той же эпохе, что ранние берестяные грамоты. Таким образом, все различия между ним и этими грамотами определяются только типом языка, но не хронологией.

Напомним, что при разборе как этого, так и других книжных памятников цитаты из Евангелия и Псалтири при анализе в расчет не принимаются.

Ссылки даются на листы Успенского сборника.

Повторять разбор семантических факторов возникновения барьеров в данном случае нет нужды, поскольку они везде одинаковы. Рассмотрим только синтаксическую сторону вопроса.

Тривиальный случай — фразы с начальным сказуемым — опускаем.

Набор свободных проклитико-энклитических комплексов, представленный в Житии Феодосия, имеет весьма характерный для книжных памятников вид: *не же*, *не бо*, *ни же*, *ни бо*, *ни ли*, *то же*, *се бо*, *да бы*, *да сѧ*, *да си*, *да и*; примеры соответствующих фраз см. в § 1.41. К этому списку, возможно, следует отнести также *не бы* и *не быхъ*; но не исключено также, что здесь *бы* еще функционировало как полноударная словоформа, ср., например, *ꙗко аще не бы Г҃ь помоглъ ми* 44а, где вполне допустима именно такая трактовка.

В памятнике отмечено несколько фраз с начальным вспомогательным глаголом. Никаких особенностей, которые отличали бы поведение энклитик в этих фразах от основного массива фраз, не наблюдается. Примеры:
не бѣ бо никомꙋ же о томь възвѣстилъ 48б;
и нѣсть бо ти лѣпо, отрокоу соущю, таковааго дѣла дѣлати 29в;
бѣ бо оуже лице ѥго // изменило сѧ 32в.

Дальнейший разбор следует проводить раздельно для сильных и слабых энклитик.

Сильные энклитики ведут себя в Житии Феодосия практически так же, как в образцовых памятниках, т. е. стоят в главной вакернагелевской позиции.

Характерные примеры:
и отъ ꙗрости же и гнѣва ... 28г;
по лѣтѣ же ѥдиномь ... 29г;
то боудеть ли сице на ономь свѣтѣ? 60а;
ѥгда же ли пакы кого слышааше бесѣдоующа 38г;
тъгда же бо слышавъ о бл҃женѣмь Антонии ... 31б;
прикосноу бо сꙗ ѥмь слово Гн҃е 33в;
нъ сице сьтворивѣ, ∇ да азъ ти лꙗгоу на возѣ 43б;
и ѥгда ти оумьроу, ты же погребеши тѣло моѥ 32г;
сице бо ти бѣ тъщаниѥ къ Богоу блаженааго и доуховьнааго оц҃а нашего Ѳеѡдосиꙗ 42в (в трех последних примерах *ти* — частица).

Также с разделением энклитик:
онъ же // съврьже ю долоу 34б;
и о семь же // молю вы и заклинаю 63в;
кто бо // не почюдить сѧ оубо бл҃женоуоумоу семоу? 38а;
чьрноризьче, // се бо ты по вьсѧ дн҃и // пороздьнъ ѥси 43б;
аще бо и тѣлъмь // ѿлоучихъ сѧ ѿ васъ 65б;
къ томоу бо поути // не приближаѥть сꙗ змии лоукавыи 39в;
да бы ни ѥдинъ ѿ стада ѥго // ѿлоучилъ сѧ 50б;
и акы° о камыкъ бо // приразивъше сѧ, ѡскакахоу 61б.

Сильных энклитик в позиции правее факультативного барьера не отмечено вообще.

§ 2.24. Что касается слабых энклитик в Житии Феодосия, то здесь обнаруживается заметное различие между энклитиками ранга 6 (*ми*, *ти* и т. д.) и энклитиками рангов 7 и 8 (*мѧ*, *тѧ*, *сѧ* и т. д. и связками). Первые проявляют свой промежуточный по силе характер (см. § 1.20), а именно, ведут себя до некоторой степени сходно с сильными энклитиками, тогда как вторые отличаются от сильных энклитик очень резко.

Ниже примеры с аористом и имперфектом даются в общем ряду фраз с личными формами. Супин не упоминается, поскольку соответствующего материала в памятнике нет.

В приводимых примерах подчеркиваем только слабые энклитики.

Барьеров не обозначаем (за исключением некоторых особых случаев), поскольку для памятника данного типа проблема барьеров, по-видимому, решалась существенно иначе, чем для живой речи (см. об этом ниже, § 2.25).

Рассмотрим вначале энклитики ранга 6, т. е. местоимения Д. падежа.

В простых клаузах преобладает препозиция энклитики (правда, материал здесь невелик). Примеры:

вѣроу ми ими чадо, ꙗко мощьнъ ѥсть Бъ҃ 54г;
то истиноу ти гл҃ю 32г;
се бо сама сꙗ погоублю предъ двьрьми печеры сеꙗ, ∇ аще ми не покажеши ѥго 32в;
ꙗко аще быша ми възвѣстили оц҃а въставъша ѿ мьртвыихъ ... 60а;
еи, чадо, боудеть ти,∇ ꙗко же ти сꙗ обѣща анг҃лъ 46б;
и сиꙗ ти приведохъ, съблюдъ чисты и непорочьны 27в;
много же си жалю ѥго ради 32б;
не рачить ми ѥго ꙗвити 32б.

Примеры более редких фраз с постпозицией:

нъ се нынѣ гл҃ю ти 48а;
нъ обаче молю ти сѧ, владыко мои 62б;
тъкмо же да вижю си сн҃а своѥго 32б;
ꙗко же ꙗви ми Гъ҃ въ постьноѥ врѣмѧ 62г;
ѧко же хотѣти ми бѣжати отъ мѣста того 44а;
се нынѣ посла мѧ извѣстити ти 46а;
ономоу съповѣдающю ми ... 33б.

В многоактантных клаузах, напротив, редкостью является препозиция, как во фразах:

тѣмь же ѥлико ми велиши сътворити, сътворю 31в;
и ѿселѣ не имоуть ти никоѥꙗ же пакости створити лоукавии бѣси 44в.

В остальных случаях представлена постпозиция, например:

и ѥгда пакы Гъ҃ Бъ҃ повелить ми отъ свѣта сего преставити сꙗ 46а;
и се пакы тъ же чьрньць Иларионъ съповѣда ми 44г;
ꙗко же отъ того часа не боꙗти ми сꙗ ихъ 44б;
ꙗко сице по прошению твоѥмоу боудеть ти 46а;
аще предъ очима моима ꙗвлꙗхоуть ми сѧ 44б.

Тяжелых клауз отмечено всего четыре, и во всех *ми* стоит в препозиции. Две из них построены вполне правильно:

ꙗко многоу ми пакость творꙗхоу въ келии зълии бѣси 44б;
тъгда разоумѣите, ∇ ꙗко далече ми Бг҃а быти 64а.

Но в двух других *ми* в нарушение общего правила стоит после неодночленной актантной группы (см. § 1.42):

съвьршениѥ же гл҃ъ ми оукажеть сꙗ 33б (разделение энклитик того типа, о котором см. в § 5.4 по поводу фразы *сему ли вкушению сѧ ѥси оудивилъ*);
вѣдите, ꙗко близь владыкы нбс҃ьнааго ми соущю 63г.

Перейдем к энклитикам рангов 7 и 8, т. е. к местоимениям В. падежа и связкам. В Житии Феодосия они по своему поведению разительно отличаются не только от сильных энклитик, но даже и от энклитик ранга 6.

Приводимые ниже примеры подразделены на те же классы, что при разборе образцовых памятников. Но это делается лишь для удобства сравнения с этими памятниками. Никаких статистически значимых различий между этими клас-

сами в данном случае нет — везде представлено безусловное господство постпозиции энклитик при наличии лишь единичных случаев препозиции.

Обратимся прежде всего к простым клаузам.

Начальное местоименное слово. Примеры:

и ты съблюди ны 55в;
да азъ поставлю и вамъ въ себе мѣсто игоумена 62г;
и тъ избавить тѧ ѿ печали тоꙗ 61г;
да въ нѥи же ѥсмь одежи нынѣ, ∇ *въ тои да положите мѧ тако въ пещерѣ* 63в;
и тако ѿпоусти ꙗ 63а;
се слышавъ, ∇ *онъ оужасе сѧ ѡ проповѣдании прп҃дбьнааго* 48б;
и того боите сѧ 63б;
томоу роугахоуть сѧ 61б;
сихъ възгноушаимъ сѧ 39б;
и тако оустрьми сꙗ къ Кыѥвоу городоу 31а;
и ѥже обѣщалъ ѥси дати ст҃ѣи Бц҃и ... 48б.

Также с разделением энклитик (со слабыми энклитиками в постпозиции), например:

онъ же съврьже ю долоу 34б;
по сихъ же молꙗшети и стыи Θеодосии 41г;
и о семь же молю вы и заклинаю 63в;
се бо мьнить сѧ намъ привидѣниѥ бысть въ цр҃кви 47а.

Препозиция энклитики представлена только в нескольких фразах со связкой, в частности:

въ свѣтѣ томь, ∇ *ѥже ѥси оуготовалъ правьдьникомъ* 46а;
онъ же отъвѣща, ∇ *ꙗко «азъ ѥсмь кнꙗзь»* 40в.

Что касается фразы *се бо // сама сꙗ погоублю предъ двьрьми печеры сеꙗ* 32в (с оборотом *самъ сѧ* 'сам себя'), см. § 1.31.

Начальный союз. Примеры:

аще надѣемъ сѧ на нь вьсѣмь ср҃дцьмь 50в;
глꙗ, ꙗко «аще възвращю сѧ съдравъ въ домъ свои ...» 47г;
иди и съмотри истѣѥ, ∇ *еда остало сѧ или мало чьто ѿ нѥго боудеть* 53г/54а;
дондеже троудꙗаше сѧ 43б;

также с разделением энклитик, например:

и ꙗко же изволи сѧ ѥмоу о мънѣ, тако да сътворить 62в;
и ѥгда же въздрѣмааше сꙗ 43б.

С препозицией встретились только:

боудеть ти, ∇ *ꙗко же ти сꙗ обѣща анг҃лъ* 46б;
ꙗко же ѥ лѣпо болꙗромъ 34б;
ꙗко же ѥ лѣпо кънѧзю 59б.

Начальное знаменательное слово. Примеры:

и Г҃ь оуслыша ꙗ 34г;
Б҃ъ да бл҃гословить тѧ, брате 48г;

и стадо разидеть сꙗ 28г;
и съ сльзами молѧше сѧ Бо҃у 65в;
да съ мольбою възвратить сꙗ въспꙗть 34а;
и съ пекоущими веселꙗше сꙗ дх҃ъмь 42б;
ни въ одежю облече сѧ 34г;
нъ цр҃кви оустрьмиша сꙗ 46в;
ꙗвлениѥмь ѿкры сѧ 55г;
и любьзно цѣлова ꙗ 28в;
и малы прosльзи си 60а;
гл҃а ѥи, ꙗко «много молихы и ...» 32б;
и тоу остризи сꙗ 32г;
ти тъгда възвратиши сꙗ въ пещероу сию 32г;
аще тако ѥсть, ∇ то оуже не бою сѧ 64б;
и абиѥ оустрьми сꙗ по нь 30а;
николи же не отъчаи сꙗ 45б.
Также с разделением энклитик:
ст҃ыи же молꙗше ꙗ 28в;
Никонъ же възвороти сꙗ въспꙗть 41г;
отъ землꙗ бо възѧтъ сѧ цр҃кы 47б;
зѣло же люблꙗшети и богодъхновеныи Ѳеѡдосии 41г;
ѡбаче же надѣю сѧ на Бa҃ 50б/в;
тъкмо же да не отълоучаи сꙗ мене 32г.

С препозицией энклитики не вызывающих сомнения примеров в этом классе просто нет. Отметим квази-клаузу в составе фразы: *се бо о семь // вельми сѧ радꙋю, братиѥ* 58г.

Подчиненный инфинитив. Примеры:
то аще хощеши видѣти мꙗ по всꙗ дн҃и 32г;
ꙗко же соудии то оувѣдѣвъшю, ∇ большимь начатъ любити и 30б;
и повелѣ великомоу Никоноу острѣщи и 31в;
и отътолѣ нача оставати сѧ ѥго 29г;
и хотꙗща острѣщи сѧ въ ѥдиномь ѿ манастыревъ 32а;
ни въ ѡдежю рачить облѣщи сѧ 34г;
и молѧхоуть и не соупротивити сѧ ѥмоу 58г.
С препозицией встретились только:
на заточениѥ хочеть тѧ посълати 58г;
ꙗко на поточениѥ хощеть тѧ посълати кнѧзь 65б.

Деепричастие. Примеры:
и много пооучивъ ю 33б;
и любьзно цѣлова въ и 35а;
ꙗко птица ис проугла истьргъши сꙗ 35а;
и зѣло дивꙗще сꙗ съмѣрению ѥго и покорению 36в;
и мало прослызивъ сꙗ томоу 46б;
еда како гнѣваꙗ сѧ на мѧ, и не въпоустиши насъ въ манастырь 59б/в;
и акы о камыкъ бо приразивъше сѧ, ѡскакахоу 61б.

Чистых примеров с препозицией нет (см. фразы с участием деепричастия в числе многоактантных и тяжелых).

Собственно причастие. Примеры:
и то же врагоу наоучающю ѩ 29б;
и въписахъ на памѧть всѣмъ почитающимъ ѩ 33б;
и тако многашьды молѩщю сѩ ѥмоу 28в;
ономоу же обѣщавъшю сѩ ѥи не ѡтъити отъ неѩ 29а;
да бы ѿблоудивъшее сѧ овьча ѿ стада ѥго възвратилъ въспѧть 49в;
никако же пекыи сѧ о оутрьнимь дн҃е 55б.

С препозицией встретилась только фраза с усложненной структурой: *аще бо кто и не видѣвъ ѥѩ, ти слышааше ю бесѣдоующю,* ∇ *то начьнѩше мьнѣти моужа ю соуща* ('то начинал думать, что это мужчина') 28б.

Многоактантные клаузы. Примеры:
и отътоуда пакы пресели сѩ на инъ хълмъ Антонии 35г;
донъдеже пакы Гь҃ попечеть сѧ и нами 54г;
нача съ мольбою оувѣщавати и 29а;
также с разделением энклитик, например:
аще бо и тѣлъмь ѿлоучихъ сѧ ѿ васъ 65б;
и мы же вельми радоуѥмъ сѩ о прихожении твоѥмь 40г/41а;
ѩко же и выше рече сѩ 37в;
и ѧко же всѣмъ чюдити сѩ о премоудрости и разоумѣ дѣтища 28а;
ѩко же тѣмъ тоу прѣселити сѧ 55г;
и тако же вьсѧ слоужьба ихъ съ грѣхъмь сътварѧѥть сѧ 49а;
то же аще тако боиши сѧ мене, то да сътвори волю мою 60б.

С препозицией слабой энклитики только:
и имъ же мѩ бѣ пастоуха створилъ 27в;
и пакы дѣлѣ сѩ своѥмь къждо имѩшеть 36а/б;
самъ чистъ сѩ творѩ 39а (заметим, что в последних двух фразах несомненно наличествует барьер после первой тактовой группы: *и пакы // дѣлѣ сѩ своѥмь къждо имѩшеть*; *самъ // чистъ сѩ творѩ*).

Тяжелые клаузы. Примеры:
и своима ногама попирашеть ю въ калѣ 34б;
и ѿ вьсѣхъ печалии ихъ избавить ѩ 34г;
раби и рабынѩ плакахоуть сѩ гн҃а своѥго 35а;
да проскоуры чисты приносѧть сѩ въ цр҃квь Бж҃ию 29б;
много зъла створи сѩ въ земли тои 34а;
вьсѣхъ благыихъ мира сего испълъни сѧ домъ мои 48в;
о сеи одежи хоудѣи мнози несъмысльнии роугахоу сѧ ѥмоу 43а;
также с разделением энклитик, например:
бл҃женыи же Ѳеѡдосии на прьвыи подвигъ възврати сѩ 29а;
къ томоу бо поути не приближаѥть сѩ змии лоукавыи 39в.

С препозицией слабой энклитики только:
съмѣрѩше сѩ, ∇ *послѣдьнии сѩ вьсѣхъ творѩ и слоужьбьникъ* 42г;
съмѣрѩше сѩ, ∇ *мьнии всѣхъ сѩ творѩ и всѣмъ слоужа* 36г (*мьнии всѣхъ*, по-видимому, слилось в единую тактовую группу, см. § 1.42).

§ 2.25. Мы можем теперь непосредственно сопоставить коэффициенты препозиции энклитик двух древнерусских памятников, являющихся наиболее яркими представителями соответственно некнижного и книжного типа.

Сравнение коэффициентов препозиции энклитик в Киев-Д и Феод.

	Киев-Д	Феод.
Сильные энклитики: *же*, *ли*, *бо*, *ти*$_1$, *бы*	96,3%	100%
Энклитики ранга 6: *ми*, *ти*$_2$ и прочие	91%	53%
Энклитики ранга 7: *мѧ*, *тѧ* и прочие, кроме *сѧ*	79%	12%
Энклитика ранга 7 *сѧ*	64%	3%
Энклитики ранга 8: связки (1-го и 2-го лица)	84%	4/9

Как можно видеть, различие в поведении энклитик между некнижными и книжными памятниками проявляется только в сфере слабых энклитик.

Так, энклитики ранга 6 в Киев-Д выступают в препозиции почти столь же часто, как сильные, а в Феод. — вдвое реже.

Но особенно резкое различие проявляется в ранге 7: основная группа энклитик этого ранга в Феод. выступает в препозиции в шесть с половиной раз реже, чем в Киев-Д, а энклитика *сѧ* — даже в 21 раз реже.

В ранге 8 различие тоже велико; правда, для точной оценки в Феод. недостаточно материала — всего 9 примеров (поэтому в таблице не выписана цифра процентов, так как здесь она малопоказательна). Но можно в данном случае использовать в качестве образца другой памятник ярко выраженного книжного характера — старославянскую Синайскую псалтирь. В ней коэффициент препозиции энклитик ранга 8 составляет 9%.

Чем же объяснить все эти массовые отклонения от закона Вакернагеля в Житии Феодосия и других книжных памятниках?

Некоторые из приведенных выше примеров можно было бы попытаться объяснить с помощью вторичной проклизы; например, в принципе возможно просодически интерпретировать фразу *и ты съблюди ны* как *и ты° съблюди ны*; аналогично *и ѥже° обѣщалъ ѥси* и некоторые другие. Но к большинству фраз такое решение неприменимо; так что этим способом можно объяснить лишь очень немногое.

С другой стороны, для объяснения позиции многих слабых энклитик можно было бы предположить наличие соответствующего барьера. В части случаев такой барьер действительно вполне возможен. Но есть и фразы, где он оказался бы крайне неправдоподобным с точки зрения смысла. Например, во фразе *и мы же вельми радоуѥмъ сѩ о прихожении твоѥмь* пришлось бы предположить совершенно не оправданный смыслом барьер после *вельми*; во фразе *и тако же вьсѧ слоужьба ихъ съ грѣхъмь сътварѧѥть сѧ* — столь же неоправданный барьер после *съ грѣхъмь*; во фразе *и любьзно цѣлова ѩ* — после *и любьзно.*

Поэтому естественно предполагать, что в этих случаях перед нами не странные со смысловой точки зрения барьеры и не аномально частые проявления

вторичной проклизы, а просто несколько иная система устного воспроизведения текста, где слабые энклитики трактуются как полноударные слова и, соответственно, могут занимать во фразе любое место. Очевидно, эта система была в значительной мере искусственной; она не только не соответствовала обычной живой речи, но могла даже, напротив, отталкиваться от нее. При таком способе чтения письменного текста в предельном случае каждое слово произносится четко и отдельно от соседних и получает собственное ударение.

Следует полагать, впрочем, что реальная манера чтения все же не достигала этого предела: в противном случае не было бы уже никакой разницы в поведении сильных и слабых энклитик, тогда как в действительности эта разница сохраняется. Не стирается также разница между энклитиками «промежуточного» ранга 6 и «просто слабых» рангов 7 и 8. По-видимому, манера чтения клитик как полноударных единиц распространялась в первую очередь на «молодые» энклитики, т. е. такие, которые стали энклитиками в народном языке относительно поздно. Их народное произношение могло восприниматься книжником как вульгарная скороговорка, которой следовало противопоставить медленное и четкое «правильное» произношение. Подобным образом, например, ныне педант может подчеркнуто произносить [с’еjч’áс] и даже [здрáфствуjт’е], отталкиваясь от привычных бытовых аллегровых форм этих слов.

Что касается индивидуально энклитики *сѧ*, которая обнаруживает самый низкий коэффициент препозиции, то для нее следует предполагать, кроме того, книжную тенденцию к более тесному сцеплению ее с глаголом и постепенному закреплению за ней постоянного места непосредственно после глагола. Подробнее этот вопрос рассматривается в главе 4, посвященной именно этой энклитике.

Глава третья

ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ (КРОМЕ *СѦ*)

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ЭНКЛИТИЧЕСКИХ И ПОЛНОУДАРНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ

§ 3.1. Характерной особенностью древнерусской системы местоимений является наличие у ряда местоименных словоформ двух просодических вариантов: энклитического и акцентно самостоятельного (полноударного).

У личных местоимений в дательном падеже эта парность представлена только в 1-м и 2-м лицах и выглядит так (первым дается энклитический вариант, вторым — акцентно самостоятельный): *ми – мънѣ*; *ти – тобѣ* (*тебѣ*); *ны – намъ*; *вы – вамъ*; *на – нама*; *ва – вама.*

У личных местоимений в винительном падеже данное явление представлено во всех трех лицах: *мѧ – мене* (в более позднюю эпоху *менѧ*)*; тѧ – тебе* (в более позднюю эпоху *тебѧ*); *ны – насъ*; *вы – васъ*; *на – наю*; *ва – ваю*; *и – его*; *ю – еѣ*; *е – его*; *ѣ*, *ѩ* (В. мн.) – *ихъ*; *ѩ*, *и* (В. дв.) – *ею.* Местоимения 3-го лица, входящие в этот список, после предлогов выступают в варианте с *н-*: *нь*, *него*, *ню*, *неѣ* и т. д.

В особом положении находится возвратное местоимение. В дательном падеже в принципе существует пара *си – собѣ* (*себѣ*), внешне сходная с *ти – тобѣ* (*тебѣ*), однако в древнерусском, в отличие от некоторых других славянских языков, энклитика *си* в своем прямом значении ‘себе’ употреблялась крайне редко (сохраняясь в основном лишь в своей вторично развившейся роли усилительной частицы, впрочем, тоже сравнительно редкой). Таким образом, в этой паре реально употребительным было только *собѣ* (*себѣ*).

В винительном падеже парность *сѧ – себе* (в более позднюю эпоху *себѧ*) ограничена практически лишь позицией после предлога; например, *за сѧ* и *за себе* значат одно и то же. Что же касается возвратных глаголов, т. е. основной сферы применения *сѧ*, то здесь *сѧ* не равнозначно *себе. Сѧ* имеет гораздо более широкий круг функций, чем *себе*. В частности, оно может быть средством передачи пассивного значения (скажем, *посѣкати сѧ*), может сочетаться с непереходными глаголами (*бѣлѣти сѧ*, *загорѣти сѧ*, *пáсти сѧ* ‘упасть’ и т. п.) или с глаголами, не употребляемыми в простой форме (*боѩти сѧ*, *смиѩти сѧ*, *сумьнѣти сѧ* и т. п.) и др. Во всех этих случаях соответствующее сочетание с *себе* невозможно. Даже там, где, казалось бы, сочетания с *сѧ* и с *себе* должны означать одно и то же, реально практически всегда имеется большее или меньшее различие в значениях; например, не равны по значению *хвалити себе* и *хвалити сѧ*, *называти себе* и *называти сѧ*, *слушати себе* и *слушати сѧ* и т. д.

В вопросе о соотношении словоформ *сѧ* и *себе* весьма показательна также та точка грамматической системы, где в позиции, требующей Р. падежа, уже в глубокой древности было невозможно заменить *сѧ* на *себе* (в данном случае речь идет о *себе* в функции Р. падежа). Такую точку составляют возвратные супины, например, *битъ сѧ*. Супин управляет Р., а не В. падежом, следовательно, ожидалось бы **битъ себе.* Но реально сохраняется то же *сѧ*, которое выступает при всех прочих формах глагола. Это значит, что пара «глагол + *сѧ*» уже образует тесное единство, где элемент *сѧ* утрачивает свой статус словоформы В. падежа и становится неизменяемым.

Как мы увидим ниже, указанное особое положение энклитики *сѧ* в группе энклитических местоимений привело к тому, что ее эволюция в истории русского языка оказалась резко отличной от прочих местоимений. Поэтому данная энклитика рассматривается в настоящей книге отдельно от остальных — ей посвящена самостоятельная глава 4.

Для чего служит парность энклитического и полноударного вариантов?

Энклитики — это самый простой, обычный способ выразить соответствующее значение. Они употребляются везде, где какая-то особая причина этому не препятствует.

Препятствием здесь служит то, что из-за отсутствия собственного ударения и из-за обязательной постановки на строго определенное место во фразе энклитика в определенных случаях оказывается неудобным или даже просто непригодным средством выражения требуемого значения. Например, с помощью энклитик нельзя выразить смысл 'дал мне и тебе', поскольку сочетание **далъ ми и ти* невозможно — оно нарушает закономерности расположения энклитик (а именно, энклитика [в данном случае *ти*] не может стоять после неначальной проклитики). Нельзя выразить смысл 'дал именно мне', так как слово со значением 'мне' в этом случае должно нести ударение, а энклитики безударны. Напротив, акцентно самостоятельные словоформы свободны от указанных ограничений, поэтому они пригодны для построения сколь угодно сложных синтаксических конструкций. Например, совершенно правильным является сочетание *далъ мнѣ и тобѣ* или *далъ мнѣ* (с фразовым ударением на *мнѣ*).

§ 3.2. Правила распределения энклитических и полноударных вариантов со временем меняются. Даже на протяжении древнерусского периода они не остаются неизменными. Исходя из показаний самых древних и самых консервативных памятников, можно составить картину предполагаемого первоначального состояния энклитических и полноударных местоимений, от которой реальные памятники отклоняются — одни в меньшей, другие в большей степени — в сторону позднейшего состояния.

Ниже излагаются правила для этого реконструируемого первоначального состояния.

В обычном (немаркированном) случае нормой является употребление энклитики. Полноударный вариант употребляется в особых случаях, которые определяются частью синтаксическими, частью семантическими факторами.

А. Синтаксическими причинами употребление полноударных местоимений диктуется в следующих случаях.

1. В начале клаузы или после обращения. Например, невозможно: **ми не надобѣ*; *а нынѣ, кънѧже, мѧ пограбили*. Если не менять порядка слов, то возможно только: *мънѣ не надобѣ*; *а нынѣ, кънѧже, мене пограбили.*

2. После предлога (только для местоимений в дательном падеже), например: *къ тобѣ*, *по мънѣ*, *къ намъ* (невозможно **къ ти*, **по ми*, **къ ны*). Но для местоимений в винительном падеже такого ограничения нет — вполне нормальны сочетания *на мѧ*, *въ тѧ*, *за сѧ*, *за ны*, *на вы*, *про мѧ*, *предъ тѧ*, *за нь*, *по нь*, *на нѣ* и т. п. (хотя возможны также и *на мене*, *въ тебе*, *за него* и т. д.).

3. Когда местоимение соединено сочинительной связью (союзной или бессоюзной) с каким-то другим словом. Например: *далъ мънѣ и Петру*; *далъ мънѣ, тебѣ и имъ* (невозможно: **далъ ми и Петру*; **далъ ми, ти и имъ*).

4. После проклитик *а*, *и*, *но*, *то*, *не*, *ни* (понятно, что этот пункт часто совмещается с предыдущим). Например: *а мънѣ не надобѣ*; *виню не васъ*; *насъ наидеть и намъ съкажеть* (невозможно: **а ми не надобѣ*; **виню не вы*; **насъ наидеть и ны съкажеть*).

5. При наличии у данного местоимения определения или приложения. Например: *прости мънѣ грѣшьному*; *даи намъ вьсѣмъ* (невозможно: **прости ми грѣшьному*; **даи ны вьсѣмъ*).

6. Когда употребление одних лишь энклитик привело бы к появлению в одной тактовой группе двух энклитик одного и того же ранга. Например, смысл ʽя должен дать тебе рубльʼ не может быть выражен в виде **дати ми ти рубль*, поскольку *ми* и *ти* — энклитики одного ранга. По крайней мере одна из этих энклитик должна быть заменена полноударной словоформой, например: *дати ми тобѣ рубль.*

В перечисленных случаях употребление полноударных вариантов практически обязательно. Наблюдаемые отклонения (крайне редкие) почти всегда определяются не малой строгостью правила, а неполным переходом некоторых групп местоимений в статус энклитик. Таковы, например, *мꙑ же приꙗтъ* в Синайской псалтири, *ѣко же и мѧ възлюбилъ еси* в Мариинском ев., *а сѧ его заприть* в ГВНП, № 28 и т. п. (см. § 1.10).

Из прочих случаев мы можем указать только: *а быти ми и мои^{м} дѣте^{м} с твоею кнѧгинею и с твоими дѣтми вездѣ за оди^{н}* (ДДГ, № 16, 1401–02 гг.); *того ми и мои^{м} дѣте^{м} под ними блюсти* (там же).[32]

Имеются также случаи, когда замена энклитики на полноударный вариант предпочтительна, но все же не обязательна (продолжаем счет пунктов):

[32] В этих двух фразах источник нарушения, по-видимому, лежит в том, что основная мысль здесь выражена в словосочетаниях *а быти ми*, *того ми* (построенных совершенно правильно), а затем к этой мысли автор добавляет уточнение ʽа также и моим детямʼ, выраженное просто словами *и моимъ дѣтемъ*. Иначе говоря, смысл этих фраз можно было отразить с помощью следующей пунктуации: *а быти ми, и моимъ дѣтемъ, с твоею кнѧгинею 〈...〉 за одинъ*; *того ми, и моимъ дѣтемъ, под ними блюсти.*

7. Когда местоимение стоит непосредственно перед обращением к тому лицу, которое обозначено данным местоимением, например: *вѣ же пакы тобѣ, брате, молвивѣ* [1151], 152 об. Возможны, правда, отклонения (как, например, во фразах *а в Ладогу ти, княже, слати осетрьника и медовара* [ГВНП, № 7, 1304–05 гг.], *и ꙗзъ ва, брата, ꙗвлѧю* [1147], 127); но они редки.

8. Когда местоимение подчинено не сказуемому (выраженному личной формой глагола, инфинитивом или деепричастием), а некоторому имени, собственно причастию или междометию, например: *тѣмь же приими оуготованыи тебе* ⟨-бѣ⟩ *вѣньць* (Феод., 27в/г); *не предаи же звѣремъ дш҃а моꙗ исповѣдающюсѧ тебе* ⟨-бѣ⟩ (ЖАЮ, 5б/в); *оч҃е Г҃а нашего І҃с Х҃а, прииди на помощь мнѣ* (Феод., 27а); *и биюще подобныꙗ мнѣ лишеникы* (ЖАЮ, 37а). Правило соблюдается не всегда, а лишь в большинстве случаев; но для местоимений, стоящих после слов *охъ*, *увы*, *горе*, оно действует практически всегда, например, *увы мънѣ*, *горе тебѣ*.

9. Когда замена энклитики полноударным вариантом позволяет разгрузить многочленный блок энклитик или избежать вклинивания энклитики внутрь тяжелой актантной группы. Например, во фразе *и что сельць тягнуло къ тымъ слободамъ, того всего тобѣ съступитися* (ГВНП, № 9, 1307–08 гг.) использование полноударного *тобѣ* позволяет сохранить единство актантной группы *того всего*; ср. фразы типа *а и-Суждальскои* (*и-* = 'из') *ти земле Новагорода не рядити* (ГВНП, № 1, 1264 г.), где энклитика *ти* в точном соответствии с законом Вакернагеля разрывает актантную группу *и-Суждальскои земле.* Правило носит отчетливо факультативный характер.

Существуют и некоторые более тонкие случаи, когда для автора оказывается удобной замена энклитики с ее фиксированным местом во фразе на полноударную словоформу, которая может занимать любую позицию, поскольку такая замена оставляет ему больше свободы в выражении его мысли. Но определить их в строгих терминах слишком сложно.

Б. Семантическими причинами употребление полноударных местоимений диктуется в следующих случаях.

1. Когда местоимение участвует в смысловом противопоставлении или сопоставлении, например: *ѧ дала тобѣ, а Нѣжѧтѣ не дала* 'я дала тебе, а не Нежате' 644; *а кодь ти мнѣ хльбь, тѹ и тобѣ* 'а где мне хлеб, там и тебе' 731; *кто тобѣ ворогъ, тоти и намъ* [1174], 203; *то ци мене еси поч*ᶜ*тилъ — Б(ог)а еси поч*ᶜ*тилъ* [1150], 152. В этом случае употребление полноударного местоимения обязательно.

2. Когда местоимение несет эмфазу, т. е. оно выделено, подчеркнуто. Пример: *а казни ихъ любо слѣпи, аль даи намъ* [1177], 213 об.; здесь *намъ* явно подчеркнуто, именно на нем (а не на глаголе *даи*) лежит фразовое ударение. Когда такая эмфаза действительно есть, употребление полноударного местоимения столь же обязательно, как и в пункте 1. Но, к сожалению, во фразе из древнего памятника мы часто не можем установить наличие или отсутствие эмфазы с такой же надежностью, как в случае противопоставления.

Синтаксические и семантические факторы полноударности часто действуют совместно; например, условие А1 легко сочетается с условием Б2.

Следует отметить также еще один фактор, сверх синтаксических и семантических, который в некоторых случаях может приводить к замене энклитики на полноударный вариант, — стремление избежать опасной омонимии. Такова прежде всего омонимия местоимения *ти* 'тебе' и частицы *ти*. Пример: *ѡже сѧ тобѣ што оучинить, то што намъ дѣꙗти?* 'если с тобой что-нибудь случится, то что нам делать?' [1153], 168. Если бы автор сказал *ѡже ти сѧ што оучинить* (с энклитическим *ти*), то фразу было бы возможно (и даже более естественно) понять как 'если же что-нибудь случится, то что нам делать?' (где *ти* — частица), то есть важный для автора смысл 'с тобой' вообще пропал бы. Заменив *ти* на *тобѣ*, автор устраняет эту опасность.

Другие варианты омонимии, которая иногда может оказаться нежелательной, — *ны* (Д.) и *ны* (В.); *вы* (Д.), *вы* (В.) и *вы* (И.).

§ 3.3. Реальные памятники, как уже указано, обычно в той или иной мере отклоняются от первоначальной картины. Но эти отклонения практически всегда направлены в одну сторону, а именно, состоят в том, что в каких-то точках мы находим полноударное местоимение вместо ожидаемой энклитики, но не наоборот. И это вполне логично, потому что таково общее направление эволюции, и памятники просто демонстрируют нам бóльшее или меньшее продвижение по пути от первоначального состояния к современному.

Эта ситуация означает, что в ходе эволюции формируется и постепенно набирает силу н о в о е п р а в и л о употребления полноударных местоимений. Оно состоит в том, что для их употребления более не требуется никакой эмфазы или иных особых условий: они могут теперь выступать в любом контексте.

Обнаруживаемые в памятниках примеры употребления полноударного местоимения за рамками приведенного выше списка случаев объясняются либо тем, что мы не уловили эффекта того или иного пункта основных правил (прежде всего Б2 или А9), либо действием указанного нового правила.

Поскольку у нас нет средств надежно отличить первый случай от второго, мы не будем пытаться разделить их при подсчетах, а будем учитывать непосредственно их сумму.

Для дальнейшего нам потребуется выделить «зону обязательного употребления полноударных вариантов» (сокращенно — «з о н у п о л н о у д а р н о с т и»). Она включает прежде всего те употребления местоимений, которые удовлетворяют условию хотя бы одного из пунктов А1–А6, Б1. Допуская небольшое огрубление, согласимся, кроме того, включать в нее также и те, которые удовлетворяют условию пункта А7 или А8.

Для характеристики поведения некоторой пары вариантов, например, *ми* – *мънѣ*, в конкретном памятнике необходимо указать:

1) общее число (*а*) примеров с *ми*[33];

[33] В это число попадут и те крайне редкие случаи, когда *ми* выступает в зоне полноударности, т.е. вместо ожидаемого *мънѣ*. Это те *ми*, которые в качестве исключения встречаются во фразах, подпадающих под пункты А7, А8 и Б1 из § 3.2. Нет смысла пытаться исключить эти случаи из общего подсчета, поскольку точно учесть их чрезвычайно трудно, а в количественном отношении их влияние на итоговые цифры ничтожно.

2) число (*b*) примеров с *мънѣ*, не входящих в зону полноударности.

Отношение $a/(a+b)$ назовем коэффициентом энклитичности (данной пары вариантов местоимения).

Если позволить себе некоторое огрубление, то можно сказать, что коэффициент энклитичности — это процент примеров с энклитическим вариантом местоимения из общего числа примеров, где нет условий для обязательного употребления полноударного варианта.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

Раннедревнерусские памятники

§ 3.4. Ниже в форме таблиц приведены количественные данные, относящиеся к изучаемой группе местоимений, по обследованным нами памятникам. Указан коэффициент энклитичности для форм разных чисел и падежей; в скобках даны соответствующие абсолютные цифры (косая черта равносильна слову «из»). В рубриках, где примеров менее десяти, проценты не выписываются.

Необходимо учитывать, однако, что для изучения местоимений 1-го и 2-го лица годятся лишь памятники со значительным количеством диалогов. Поэтому часть находящихся в поле нашего зрения памятников содержит показательный материал лишь по местоимениям 3-го лица, а по местоимениям 1-го и 2-го лица почти ничего не дает (и в соответствующие сводки просто не включается). Такова, в частности, НПЛ и авторская часть Киевской летописи.

Для раннедревнерусского периода в данном вопросе еще нет необходимости разделять народные и литературные памятники.

Берестяные грамоты там, где это полезно для наглядности, мы подразделяем не просто на ранние и поздние, а более дробно — по векам (XI–XII вв., XIII в. и XIV – 1-я пол. XV в.).

Особая непростая проблема, с которой сталкивается исследователь, подсчитывающий в тексте число словоформ В. падежа, состоит в том, чтобы правильно установить падеж у словоформ с омонимией В. и Р. падежей, а таковы все интересующие нас полноударные местоимения В. падежа: *мене* (*менѧ*), *тебе* (*тебѧ*), *насъ*, *васъ*, *наю*, *ваю*, *его*, *еѣ*, *ихъ*. Необходимо учитывать, что в древнерусском (и в старославянском) Р., а не В. падеж выступал, в частности, в следующих случаях:

1. При наличии отрицания (обязательно), причем не только при непосредственно подчиняющем слове, но и в любом вышестоящем узле дерева подчинения. Например, во фразе *и не буд⟨е⟩ть ми лѣть к тому въвести <u>тебе</u> сѣмо николиже* (ЖАЮ, 17а) словоформа *тебе* — это не В., а Р. падеж, поскольку в цепочке подчинения *не будеть* → *лѣть* → *въвести* → *тебе* верхний член имеет при себе отрицание. Тем самым *тебе* не является здесь примером употребления полноударного местоимения вместо энклитики.

2. При супине (обязательно). Например, во фразе *оувидѣвъ, ꙗко послани суть губитъ <u>ѥго</u>* (ПВЛ, 46) *ѥго* — это не В., а Р. падеж.

3. Факультативно при целом ряде глаголов, которые в современном языке уже управляют В. падежом, в частности: *слушати*, *послушати*, *слышати*, *видѣти*, *ненавидѣти*, *въпрашати*, *въспросити*, *посѣтити*, *присѣтити*, *помѧнути*, *забыти*, — не говоря уже о тех, которые и ныне управляют Р. падежом, но допускают и В., в частности: *просити*, *трѣбовати*, *искати*, *жьдати*, *чаꙗти*. Ср., например, управление в таких фразах, как: *овьцѧ моꙗ гласа моего слоушаѭтъ, и азъ знаѭ, и по мьнѣ грѧдѫтъ* (Мар., Ио. 10.27); *аще послоушáєши моєго глáса* (Флав., 477в); *незлобивъ нравомъ, криваго ненавидѣ, любѧ правду* (ПВЛ, 68); *страненъ бѣхъ и вьвѣсте мѧ, нагъ и одѣсте мѧ, болѣхъ и посѣтисте мене* (Мар., Мт. 25.36; ср. *мѧ* при первых двух глаголах и *мене* при последнем); *тогда же Антигонъ пръвоє слáвы акы забы́въ ...* (Флав., 360б); *в то же веремѧ Ростиславъ Смоленьскии проси дчери оу Ст҃ослава оу Ѡлговичь за Романа сн҃а своего* (Киев. лет. [1148], 134 об.); *веремѧ бо требоваше слоугы своего* (Киев. лет. [1199], 243).

Правда, в большинстве таких случаев те же глаголы допускают и управление В. падежом. Но понятно, что это недостаточное основание для того, чтобы рассматривать как достоверные примеры новых форм В. падежа местоимений такие фразы, как, например: *жестоко есть слово се, кто можетъ <u>его</u> слоушати* (Мар., Ио. 6.60); *Ростиславъ же послушавъ <u>ихъ</u>, иде Бѣлугороду* (Киев. лет. [1161], 184 об.); *Ѡлекъсѣи* [*<u>ѥг</u>*]*<u>о</u> въспроси* 755п; *и посла искатъ брата своєго,* [*и*] *искавъше <u>єго</u>, не ѡбрѣтоша* (ПВЛ, 23 об.) и т. п. Попытки для каждой конкретной фразы такого рода решить в индивидуальном порядке, какой падеж (Р. или В.) здесь представлен, привели бы только к произволу и разнобою. Поэтому условимся ради сопоставимости результатов разных подсчетов относить все двусмысленные формы местоимений, выступающие при глаголах приведенного списка, к Р. падежу, т. е. интерпретировать их по древней модели.

Практически это означает, что ниже такие фразы в наши подсчеты не включаются. Можно предполагать, что это создает некоторый незначительный сдвиг всех показателей в сторону большей консервативности; но поскольку этот эффект одинаков для всех памятников, то соотношения между ними остаются неискаженными.

Отметим, что, как и в пункте 1, эффект глаголов данного списка может проявляться не только при непосредственном, но и при опосредованном подчинении. Например, во фразе *чьто <u>мене</u> иштете оубити* (Мар., Ио. 7.19 et alibi), с цепочкой подчинения *иштете* → *оубити* → *мене*, Р. падеж словоформы *мене* определяется синтаксическими свойствами глагола *иштете*.

Первое и второе лицо

§ 3.5. Приводим сводную таблицу, демонстрирующую коэффициент энклитичности различных местоимений Д. и В. падежей. Она включает важнейшие древнерусские памятники XI–XIII вв., содержащие (по крайней мере в основных рубриках) удовлетворительное количество материала.

Коэффициент энклитичности местоимений 1-го и 2-го лица
в памятниках XI–XIII вв.

	Д. ед. *ми~мънѣ*	Д. ед. *ти~тебѣ*	В. ед. *мѧ~мене тѧ~тебе*	Д. мн. *ны~намъ вы~вамъ*	В. мн. *ны~насъ вы~васъ*	Д. дв. *на~нама ва~вама*	В. дв. *на~наю ва~ваю*
Бер. гр. XI–XII	98% (40/41)	91% (31/34)	92% (36/39)	0/2	5/6	4/6	0/1
Киев-Д	92% (140/152)	83% (150/181)	91% (174/191)	72% (96/134)	73% (27/37)	72% (23/32)	2/8
Гал.-Волын.	92% (65/71)	89% (48/54)	97% (59/61)	47% (9/19)	64% (14/22)	1/3	0/1
ПВЛ	84% (59/70)	96% (48/50)	98% (140/143)	46% (34/74)	78% (73/93)	0/6	0/4
НПЛ-1	7/7	6/6	7/8	46% (11/24)	25% (3/12)	—	—
Даниил	100% (29/29)	3/3	100% (21/21)	7/8	7/8	—	—
ЖАЮ	95% (176/185)	93% (177/190)	95% (148/155)	39% (13/33)	78% (14/18)	—	—
Феод.	98% (40/41)	100% (30/30)	100% (39/39)	0% (0/23)	(8/9)	—	—
Флавий	88% (57/65)	85% (35/41)	89% (78/88)	1% (1/96)	64% (37/58)	1/2	0/6

Из этих цифр видно, что экспансия полноударных местоимений происходила с разной интенсивностью в разных числах: во множественном и двойственном числах она была гораздо активнее, чем в единственном.

Единственное число

В единственном числе все памятники данной группы обнаруживают очень высокий коэффициент энклитичности — от 83 до 100%. Иначе говоря, нормой здесь везде является употребление энклитических вариантов; незначительная разница между памятниками состоит лишь в том, насколько заметна доля новых форм, т. е. полноударных вариантов. Приведем иллюстрации из памятников.

«Хождение» игумена Даниила.

В единственном числе древнее правило соблюдается здесь без единого отклонения (чтó в особенности примечательно, если учесть, что памятник дошел до нас лишь в списке конца XV в.). Примеры:

и тый ми мужь указа все по истинѣ;

тогда княз-етъ с радостию повелѣ ми поити с собою и приряди мя къ отрокомъ своим;

и призва мя к себѣ с любовию, и рече ми: «что хощеши, игумене русьский?», познал мя бяше добрѣ и люби мя велми;

ни пригоди ми ся видѣти иного зла ничто же;

изми статиръ и вдай за мя и за ся;

молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русских.

Житие Феодосия.

Ситуация почти такая же, как в Дан. Примеры:

повѣжь ми, аще сде ѥсть сн҃ъ мои 32б;

се нынѣ посла мѧ извѣстити ти 46а;

на заточениѥ хочеть тѧ посълати 58г.

Единственная фраза с полноударным местоимением, не входящим в зону полноударности, — *и се пьсъ чьрнъ ста предъ мною, ∇ ꙗко же имь мнѣ не льзѣ ни поклонити сꙗ* 44а. (Напомним, что фразы, где полноударное местоимение подчинено существительному или причастию, не в счет; см. примеры в § 3.2, п. А8.)

Ранние берестяные грамоты.

Примеры фраз, составляющих норму:

а соромъ ми, оже ми лихо мълвлѧше 605;

и покланѧю ти сѧ, братьче мои 605;

оставили мѧ были людье 724;

а ѧ тѧ передамо свѧтее Богородице 705.

Фраз с полноударными *мънѣ*, *тобѣ*, *мене*, *тебе* вместо ожидаемых энклитик совсем мало, причем все они относятся к конечной фазе раннедревнерусского периода. Из них простым результатом действия нового, а не старого правила можно признать только: *боле же за м‹е›не скота не поусти* 550 (посл. треть XII в.); *оуже мне не ехати во Соуждедале* 439 (рубеж XII и XIII вв.). В нескольких других случаях можно предполагать действие дополнительных факторов, способствующих появлению полноударных форм. Таковы, в частности: *толико мнѣ емати скота* 550 (возможно, что слово *мнѣ* здесь следует понимать как подчеркнутое: 'только мнé должно собирать деньги'); *и позовало мене во погосто, и ѧзо прехала* 531 (нач. XIII в.) (здесь имеется такая же возможность); *оце е тобе н[е] годена, а попровади ко моне сестроу* 705 (нач. XIII в.); *ни тоу тобь тощины вькшь одоное* 'нет тут тебе убытка ни единой векши' 222 (нач. XIII в.); в последних двух примерах употребление энклитики *ти* (*оце ти е* ..., *ни тоу ти* ...) дало бы фразы, где *ти* естественнее всего было бы понять как частицу, т. е. значение 'тебе' осталось бы невыраженным (см. об этом выше, § 3.2).

Таким образом, в берестяных грамотах XI–XII вв. древнее правило действует еще почти без нарушений.

Киев-Д.

Памятник чрезвычайно богат относящимся к данному вопросу материалом. Открывающаяся в нем картина в целом сходна с ранними берестяными грамотами, но степень продвижения в сторону нового правила несколько больше. Примеры фраз, составляющих норму:

ты ми еси ѡц҃ь, а се ти Киевъ [1150], 145;

идеть на мѧ Изѧславъ [1147], 132;

кнѧже, хотѧть тѧ ꙗти [1140], 113 об.

Примеры отклонения от этой нормы в сторону нового правила:

ты мнѣ еси ꙗко ѡц҃ь [1151], 156;

*како мнѣ сн҃ъ бра*т *твои Изѧславъ, тако ми ты* [1151], 153 об. (NB употребление *мнѣ* и *ми* в одинаковых контекстах);

да аще мене Бъ҃ поиметь, а сн҃а мое[г] *прими к собѣ* [1152], 162/об.;
а жалоуеться на мене про тебе [1195], 236;
мы есмы тебе того дѣла позвали ... [1152], 167.

Как и выше, имеются фразы, где не исключена некоторая эмфаза, например:

аже рать иде[т] *из Галича, а друга ѿ Чернигова,* ∇ *то ты мнѣ Киевъ даешь* [1150], 145 ('то ты мне Киев отдаешь [вместо того, чтобы самому его защищать]');
и стоимъ вь кр[с]*тьномъ цѣлованьї, хотяче добра тобѣ* [1174], 202 об.;
а оубивъ мене, а тобѣ волость [1140], 113.

Особо отметим наличие заметного числа фраз, где употребление *тобѣ* вместо *ти* можно связывать с желанием избежать двусмысленности (*ти* 'тебе' или *ти* – частица), например:

поѣди, кн҃же, не стряпаи, ∇ *ради есме тобѣ* [1159], 177 (*ради ти есме* было бы понято просто как 'мы ведь рады');

аналогично — *княже, мы тобѣ добра хочемь, за тя головы свои съкладываємь* [1178], 213 об.;
ако ни ѡц҃ь того вдаль, ∇ *что ѭ тобѣ вдалъ* [1149], 136 и ряд других.

Сходно с Киев-Д ведут себя и другие ранние летописи, см. таблицу выше.

Житие Андрея Юродивого.

Материал столь же богат, как в Киев-Д. Полноударных вариантов лишь немногим больше, чем в Феод. Примеры фраз, составляющих норму:

хощеши ли ми работати 6в;
и възя мя трепетъ С21;
имѣю ти нѣчто добро повѣдати С13 об.;
того хощю послати на тя 33г.

Примеры отклонений в сторону нового правила:

и чюдящюся бывшему, ∇ *како се ся ѥсть мнѣ створило* 11б;
не мози прославити моѥго лишеньѭ, // *ни поставити мнѣ цр҃кви ни иконы* С170;
се ти ѥсмь пришелъ к тебѣ, ∇ *повѣдати тобѣ хотя* ... 42в;
да стыдитися бы было тобѣ видити женьскоѥ тѣло обнажено 30а;
насильѥ бо ми дѣѥть, ∇ *муча мене лукавьствомь своимь* 58а;
кым же образомь можеши мене ѿвести ѿ своѥ⟨ѭ⟩ мысли 22а.

Флавий.

В единственном числе коэффициент энклитичности лишь ненамного ниже, чем в ЖАЮ. Примеры фраз, составляющих норму:

да вда́сть ми ѿвѣтъ за́ ся и за ѡнѣхъ 368б;
*Бг҃ъ мя посла к тобѣ, а ты мя посылаѥши къ Нерон*ꙋ 417б;
и са́мъ ти ся вда́мъ 362в;
что̀ ли мя оустреми на́ тя 378г.

Примеры отклонений в сторону нового правила:

и без҅печялноѥ жи́тиѥ мнѣ подава́ше 378в;
и ѡнъ тогда сего̀ житїа ѿхода и призва мене 376г;
да принесꙋть на мене всяко мꙋченоѥ дѣло 379а;

ѡ кесарю, сѐ дне^{с} *предаю́ главоу свою тобѣ бо́дро* 451г;
велми въпиєта на́ тѧ хꙋлѧ́ща, и творѧ́ща тебе нечл҃комъ 377а.

Множественное число

§ 3.6. Во множественном числе картина совсем иная: коэффициент энклитичности здесь практически везде существенно меньше, чем в единственном. При этом в дательном падеже множественного числа он в большинстве памятников намного ниже, чем в винительном.

Дательный падеж

Приводим примеры в виде табличек.

Даниил.

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
и не даша ны ити тамо правовѣрнии человѣци, рекоша ны тако: «ничто же вы тамо видѣти добра ...» *и ту угоди ны ся ночьлѣгъ лежати на мѣстѣ том* *но сказаша ны добрѣ о горѣ той*	*но все добро показа намъ Богъ видѣти очима своима* (единств. пример)

Киев-Д.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
то ны собѣ на сп^{с}*ние* [1147], 127 *жаль бо ны есть, бра*^{т} *нашего держиши Игорѧ* [1147], 127 *а како ны с ними Бъ҃ дасть* [1147], 131 об. *аже ны не даси, а намъ самѣмъ ѡ собѣ поискати* [1142], 115 *возмите оу мене с любовию, ∇ что вы даю* [1142], 115 об. *а се вы братъ мои Игорь* [1146], 118 об. *се же вы ꙗвлѧю* [1147], 128 *того вы бра*^{т} *мои не велѣлъ* [1147], 128	*даи намъ сн҃ъ твои, а Ст҃ослава брата твоего не хочемъ* [1140], 114 *ѡже сѧ с нима начнемь бити, ∇ то се намъ будуть первии ворозї* [1172], 199 *азъ, бра*^{т}*е, молвлю вамъ* [1150], 150 *а ѧзъ вамъ свои кнѧжичь, а ѡтворитесѧ* [1157], 174 об.

Житие Андрея Юродивого.

Старые формы — более редкие	Новые формы — преобладающие
того дѣлѧ въздал ны єсть Бъ҃ 8б *то бо вѣсть,что ны єсть на ползу* 40б *не даи вы Бъ҃ видити ни єдиному васъ свѣта* 23в	*велицаньє наше се намъ єсть створило* 61в *и єже нашего єсть, ∇ пакы вдалъ бы намъ* 65б

Старые формы — более редкие	Новые формы — преобладающие
	ничтоже оуже намъ не остало єсть ѿ твоєго лишениꙗ С51 *нъ аще се вамъ єсть неоугодно* С29 *он же ꙗже вамъ ѥсмь исповѣдалъ, сѣдъ нача ми повѣдати* 7г

Флавий.

Старые формы — исключение	Новые формы — норма
а вели́кыи кеса́рь боу́деть вы̀ проти́въ-никъ 354в (единств. пример[34])	*аще ли прибоу́де на́мъ по́мощи* 419б *ничто́же пꙋщи си́хъ не сътворѧть на́мъ* 425а *недостоино ва́мъ ѡста́вити мене* 358а *Б҃гъ мѧ посла, да покажю ва́мъ поу́ть зако́нныи* 383в

Житие Феодосия.

Энклитики Д. мн. *ны* и *вы* здесь не встретились вообще — при 23 фразах, где вместо них выступают *намъ*, *вамъ*, как, например:

нъ се въ сии днь подасть намъ вина до избытъка 51б/в;

ꙗко не мощи намъ приближити сѧ ѥмь 57в;

ѥго же постави намъ старѣишиноу и пастоуха 53а;

нъ се намъ подобаѥть обличити и г҃лати вамъ ѥже на сп҃сениѥ д҃ши 59в;

и быти вамъ въ ѥдиномь тѣлѣ и ѥдинѣмь д҃хъмь 63в;

и се вамъ игоуменъ, ѥго же сами изволисте 63б.

В ранних берестяных грамотах материала слишком мало для каких-либо заключений общего характера. Здесь представлены только:

а не сестра ѧ вамо, оже тако дѣлаете, не исправить ми ничето же 644;

се еси въдале землю н[а](мъ) 850 (церковная формула *мънога же в*[*ы*] *лѣта* в грамоте № 503, естественно, не в счет).

Винительный падеж

В винительном падеже множественного числа новое правило в целом менее активно, чем в дательном.

Приводим примеры тем же способом, что выше.

Житие Феодосия.

Здесь разница между падежами особенно заметна. В отличие от Д. мн., где выступают уже только новые формы, в В. мн. здесь, напротив, новая форма встретилась только один раз (из 9).

[34] Пример с *ны* в 472б ненадежен (возможно, писец понял это *ны* как В. или просто недописал слово *нынѣ*).

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
и ты съблюди ны и съхрани ѿ вьсꙗкого съвѣта вьселоукаваага врага 55в *и съподоби ны полоучити вѣчьноую жизнь* 55в *молю же вы, о възлюблении* 26г	*Б҃ъ же иже вьсꙗ словъмь и прѣмоудростию сътвори, ∇ тъ вась б҃лгослови и сънабъди ѿ проныриваго без бѣды* 63б/в (единств. пример)

Даниил.

Старые формы — норма	Новые формы — исключение
и почестиша ны добрѣ в селѣ том християне *проводи ны олне до Вифлеема, и та мѣста вся тоже ны проводил*	*и почьстиша нас добрѣ питием и ядениемъ и всѣм* (единств. пример)

Флавий.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
поморилъ ны єси гла́домъ 357г *и хо́щеть преда́ти ны на ѡпоустѣ́ниє и на па́гоубꙋ* 361а *Б҃гъ наведе на́ ны ри́млꙗны* 453в *ѡнъ же ми́ръ ѿ мене не вы́ходить, нѐ въ вы не вмѣститсꙗ* 420а *и азъ оумроу за вы* 446а	*тѐ смѣєши ли оучи́ти на*ᶜ 383г *нѐ приведе на на*ᶜ *покро́въ но́щь* 474г *котораа надежда въздвига́єть ва́съ на ри́млꙗны* 403г *тѣмъ прїидеть на васъ па́гꙋба неизреченнаа* 384а

Киев-Д.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
а како ны с ними Б҃ъ росоудить [1148], 131 *а вы ми выдаита, ∇ кто ны сваживаеть* [1170], 193 об. *на ны будеть тотъ грѣхъ* [1128], 109 *ѡже ны сꙗ не прѣдасте, ∇ дамы вы половцемъ на полонъ* [1147], 130 об. *ѡже вы ѡбидить стрыи мои Гюрги* [1148], 135 *поидите в товары своꙗ, ∇ а ѡпꙗть вы взовоу* [1148], 136 об.	*ты переѥди на сю стороноу, ∇ а сде насъ Б҃ъ росоудить* [1180], 217 об. *ꙗко вы начали есте перво насъ гоубити* [1135], 110 об. *ти что помышлꙗете на насъ* [1175], 207 об. *кнꙗже, мы есмы приставлены в Роускои землѣ ѿ Б҃а востꙗгивати васъ ѿ кровопролитьꙗ* [1195], 236

Житие Андрея Юродивого.

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
не Гⷭь ли осужаѥт ны 35а *да бы ны избавилъ ѿтудѣ Гⷭь Бъ҃* 40в *да сего дѣлѧ посланъ ѥсть на ны змии* 61в *гл҃ще, ꙗко много вы єсмь оучилъ* С165 об.	*ѿлучаѥши насъ послушаниꙗ Би҃ихъ словесъ* 26в *погружаꙗ насъ лѣностивымъ сномь* 26в *и разумъ ст҃аго писаниꙗ пролиꙗ на насъ* 56в

В ранних берестяных грамотах встретились:

а хотѧть ны ѧти въ Ѳомоу съ Вѧцьшькою 952;

[*оже*] *ны ѥси холопы нарек*[*л*]*а* 400;

оправ[*ь*]*и ны Бг҃а дѣлѧ* 850;

пакы ли, да въсадимо вы въ погрьбо 952;

а ѧ за вы Бг҃а молю 503.

Словоформа В. падежа *васъ* отмечена только в ненадежно читаемом фрагменте № 878.

Чем могла быть вызвана та значительная разница между Д. мн. и В. мн. в степени распространения новых форм, которая наблюдается во всех памятниках, фигурирующих в таблице из § 3.4, кроме Киев-Д, НПЛ-1 и Дан.?

Можно предполагать, что главным фактором здесь была уникальность того типа падежного синкретизма, который представлен в словоформах *ны*, *вы* (равно как в словоформах двойств. числа *на*, *ва*), а именно, омонимии Д. и В. падежей (осложненной в словоформах *вы* и *ва* еще и омонимией с И.). Нигде более в древнерусской морфологической системе Д. и В. не совпадают.

По-видимому, в этой ситуации возникала тенденция к устранению этой уникальной омонимии. Понятно, что для этого достаточно было заменить словоформы хотя бы одного из двух падежей (Д. или В.); в частности, можно было заменить *ны*, *вы* в функции Д. на *намъ*, *вамъ* и/или *ны*, *вы* в функции В. на *насъ*, *васъ*. Но положение Д. и В. падежей в этом случае было неодинаковым. Гласная -*ы*, на которую оканчиваются словоформы *ны*, *вы*, совпадает с самым частым окончанием словоформ В. мн., но не имеет решительно никаких аналогий среди словоформ Д. мн. (не говоря уже о том, что словоформы *намъ*, *вамъ*, используемые в качестве замены, однозначны, тогда как словоформы *насъ*, *васъ* омонимичны с Р.). Поэтому тенденция к устранению словоформ *ны*, *вы* в функции Д. должна была быть сильнее, чем тенденция к их устранению в функции В.

Таким образом, на общее историческое движение от энклитических *ны*, *вы* (Д. и В.) к полноударным *намъ*, *вамъ* и *насъ*, *васъ* должна была накладываться еще и тенденция к устранению словоформ *ны*, *вы* в функции Д. (более сильная, чем к их устранению в функции В.). Это обстоятельство, вероятно, и послужило к тому, что в Д. падеже данный процесс шел интенсивнее, чем в В.

Двойственное число

§ 3.7. Для двойственного числа материала немного; но ясно, что новое правило действует здесь не менее, а, возможно, даже более активно, чем во множественном.

Заметное количество примеров имеется только в Киев-Д, причем в основном это фразы с Д. дв.

Примеры с местоимениями Д. дв. из <u>Киев-Д</u>

Старые формы — преобладающие	Новые формы — более редкие
а видивѣ ѡба по мѣстоу, что <u>на</u> Б҃ъ ꙗвить [1147], 130 об.	*ако же ты <u>нама</u> еси створилъ* [1151], 152 об.
вѣ съ бра^{т}мъ своимъ готова есвѣ въ хр^{с}тьномъ цѣлованьи, и того <u>на</u> не даи Б҃ъ стоупити [1149], 136	*сего <u>нама</u> оуже не крѣсити* [1151], 158 об.
аче кдѣ <u>на</u> будеть мочно ѡбѣима ѣхати, а ѡба ѣдевѣ [1151], 152	*а се <u>нама</u> далъ тѧ былъ Б҃ъ и волость твою по твоеи винѣ* [1152], 163
ны^{н} же, брате, сеѣ весны помози <u>на</u> [1151], 152 об.	*азъ <u>вама</u> молвлю* [1152], 163
а кде ꙗ стану, ту же и ты стани, ать добро <u>на</u> ѡ всѣмъ гадати [1152], 161 об.	*нынѣ же всѧко с вама хочю быти ∇ и приꙗю <u>вама</u>* [1147], 132
чего еста хотѣла волости, то <u>ва</u> есмь изискалъ [1146], 124	
и ꙗзъ <u>ва</u>, брата, ꙗвлѧю [1147], 127	
того <u>ва</u> есмь боронѧ и не правилъ себе [1151], 155 об.	

В. дв. в Киев-Д.

Здесь соотношение энклитических и полноударных вариантов внешне выглядит как противоположное тому, что в Д. дв.; но общее число примеров (8) слишком мало. Поскольку в Киев-Д в рубриках Д. мн., В. мн. и Д. дв., где материала существенно больше (см. таблицу в § 3.4), коэффициент энклитичности имеет устойчивый уровень 72–73%, естественно предполагать, что совсем другой показатель (2/8) в рубрике В. дв. есть простая случайность, связанная с недостаточностью материала.

Старые формы представлены во фразах:

се <u>на</u>, брате, Б҃ъ искоупилъ оу мѣсто [1147], 131;

ѡже <u>ва</u> Мьстиславъ почнеть звати на ѡбѣдъ, то ту ваю ꙗтье будеть [1170], 193 об.

Примеры новых форм:

брате, приꙗтелеве ми повѣдають, ∇ ѡже Мьстиславъ хочеть <u>наю</u> ꙗти [1170], 193 об.;

можете ли сѧ за <u>наю</u> бити [1149], 139 об.;

ѿстоупита вы ѿ братоу моею, ∇ азъ <u>ваю</u> надѣлю [1142], 115 об.;

кр^{с}тъ цѣлую к вама, ∇ *ꙗко лиха на <u>ваю</u> не замысливъ* [1170], 193 об.

В ранних берестяных грамотах встретились:
Д. дв. — *аже ва цьто надобе, а солита ко монь* 422;
и молю ва сѧ 725;
[*по*] *сторовоу ва есмы* 950;
а кето ва не водасте Ст. Р. 12;
с другой стороны: *а Мѣстѧта сѧ вама поклонѧ* 422 (также *ѿ тога ти нама хоце бологo* ... 227, если *нама* здесь = 'нам двоим', а не 'процентов, лихвы').

В. дв. — имеется только двусмысленный пример [*се*] *мьне въ*[*лоца*] *въ в*[*а*]*ю* 'вот за вас двоих таскают [в суд] меня' 237, где *ваю* — либо В. дв., либо М. дв.

В Флав. в единственном примере с видимостью старой формы (*пода́и же на выхѡд с҄ жена́ми и съ дѣт҄ми* 461в) *на* — это просто недописанное *на*м, которое читается в других списках. В остальных 7 примерах представлены новые формы, в частности:
и лоу́чше на́ма бѣжати далече ѿ лютаго сего ѕвѣри 376а;
*и похвали́ша ва*с*, зане изъбра́сте на́ю* 465б;
что̀ сътвористе свѣтлеє, ѡже поста́висте наю кесарьствова́ти 465б;
ꙗко лжоу рѣ́чь възложи на наю 370а.

В ПВЛ энклитических форм двойств. числа нет. Имеется 10 примеров с Д. *нама* и В. *наю*, *ваю*, в частности:
ѡна же рѣста: сице нама б(*о*)*зи молвѧть* 60;
аще ли наю погубиши, многꙋ печаль приимеши и зло 60;
*аще ваю пущю, то зло ми буде*т *ѿ Б҃а* 60;
Изѧславъ сватитсѧ со Всеславомъ, мыслѧ на наю 61 об.

В Феод., Дан. и ЖАЮ примеров, удовлетворяющих требуемым условиям, нет.

Как можно видеть из приведенных выше (§ 3.5–7) примеров, в В. падеже (всех чисел) замена энклитических местоимений на полноударные наблюдается как при прямом подчинении глаголу, так и после предлогов. Насколько позволяет судить имеющийся ограниченный материал, сколько-нибудь заметных различий в скорости протекания данного процесса в этих двух позициях не было.

Третье лицо

§ 3.8. У местоимений третьего лица энклитические формы имелись только в винительном падеже.

Следует специально отметить, что *и*, *ю*, *ѣ*, *ꙗ*, входящие в состав словоформ относительного местоимения *иже* (*иже*, *ньже*, *юже*, *нюже*, *ѣже*, *нѣже*, *ꙗже*, *нꙗже*) энклитиками уже не являются. Соответственно, словоформы местоимения *иже* (как названные здесь, так и прочие, например, *егоже*, *еѣже*, *ихъже*) ниже в рассмотрение не входят и в подсчеты не включаются.

Картина замены энклитик на полноударные варианты в третьем лице несколько иная, чем в первом и втором.

Коэффициент энклитичности местоимений 3-го лица
в памятниках XI–XIII вв.

	В. ед. муж.		В. ед. жен.		В. мн. муж., жен.	
	и~его	*нь~него*	*ю~еѣ*	*ню~неѣ*	*ѣ~ихъ*	*нѣ~нихъ*
Основная группа						
Ранн. бер. грам.	3/4	2/2	7/7	—	—	—
Киев-Д	77% (17/22)	100% (20/20)	3/3	—	4/5	3/3
Киев. лет. (автор.)	83% (172/208)	95% (54/57)	100% (26/26)	5/5	90% (109/121)	74% (31/42)
Гал.-Волын.	80% (≈95/119)	92% (35/38)	100% (24/24)	2/2	86% (60/70)	84% (49/58)
ПВЛ	93% (177/191)	100% (41/41)	100% (32/32)	3/3	96% (110/115)	92% (11/12)
НПЛ-1	84% (58/69)	100% (10/10)	100% (11/11)	1/1	89% (51/57)	7/7
Феод.	94% (96/102)	100% (12/12)	100% (17/17)	1/1	96% (26/27)	5/5
Памятники с редким В. ед. муж. и						
ЖАЮ	0% (0/≈230)	49% (19/39)	100% (27/27)	7/7	90% (35/39)	100% (10/10)
ЖФСтуд	24% (6/25)	3/3	2/2	—	5/8	—
Даниил	4/9	2/2	4/5	5/5	—	—
Памятник с редким В. мн. ѣ, нѣ						
Флавий	72% (189/261)	92% (72/78)	100% (40/40)	85% (11/13)	16% (21/132)	0% (0/21)

В. ед. мужского рода

Во всех перечисленных памятниках, кроме ЖАЮ, после предлога всегда или почти всегда выступает *нь* (а не *него*). Примеры:

али ти не дасть, а пристави на нь отро(к)ъ Ст. Р. 15;

а Кыевъ твои, поѣди во нь [1150], 145;

*а заоутрии дн҃ь приѣхаста надо нь бра*ᵀ *два Борисъ и Глѣбъ* (Киев. лет. [1147], 125);

и присла к немоу Рюрикъ сватъ, жалоуꙗ про нь (Киев. лет. [1192], 231 об.);

иже хощеть вѣру ꙗти волхву, то да идеть за нь (ПВЛ [1071], 61);

и послаша по нь, и приведоша из Роусѣ (НПЛ [1193], 52);

и дх҃ъ ст҃ыи из млада въсели сꙗ въ нь (Феод., 27б).

Фразы с *него* в этих памятниках крайне редки; вот некоторые примеры:

*Глѣбъ же слышавъ, радъ бы*ᶜ, *аже на него чѣсть воскладывають* (Киев. лет. [1175], 209 об.);

никто же възложи рѹкы на него (Флав., 416г).

При беспредложном употреблении коэффициент энклитичности несколько ниже, но все же во всех памятниках основной группы он еще весьма высок (75–94%). Примеры:

постави и пьредъ людьми 502;

кн҃же, ими и, дружиноу его изъемли [1150], 144 об.;

ꙗко же леглъ, тако боле того не въсталъ, ту и Б҃ъ поꙗлъ [1154], 170;

Блудъ же не възмогъ, како бы погубити и (ПВЛ [980], 24 об.);

и искавъши, ѡбрете и въ домоу презвутерове (Феод., 30а).

Гораздо реже вне зоны полноударности представлено *его*, например:

сн҃у, аче Володимеръ оумреть, а Б҃ъ оубилъ его [1152], 162 об.;

аще кде пристанеть вы, то ѿрѣваите ѥго ѿ берега (ПВЛ [988], 40 об.);

то же блаженыи съ радостию ѥго приимаше (Феод., 49г).

Имеется, однако, и небольшая подгруппа памятников, где энклитика *и* ‘его’ ведет себя совсем иначе, а именно, встречается редко или даже вообще отсутствует. Самый яркий представитель этой подгруппы — Житие Андрея Юродивого: энклитики *и* здесь нет вообще (и даже *нь* представлено лишь в половине случаев). Примеры:

оучаше ѥго, како сѧ бы ѥму противити ѥфиопу 3 об.;

и оужи желѣзны привѧзати ѥго тамо 4 об.;

и потече на ст҃аго, хотѧ оубити ѥго секырою 5б;

призва ѥго цⷭрь полатъ тѣхъ 6б;

после предлога —

како сѧ бѣ грозилъ сотона на него С28 об.;

разгнѣвасѧ на него 26в;

обычаи ѥсть дьꙗволу первоѥ прогонити бл҃годѣть Бж҃ию ѿ ч҃лвкъ, и тогда входить в него небранимъ 44в;

с другой стороны, например:

тогда дꙋноу на нь, и абиѥ ищезе С168 об.;

ѿвали камень ѿ гроба и вниде во нь 29г.

В несколько менее яркой форме те же соотношения выступают в Житии Феодора Студита. Вероятно, таково же «Хождение» Даниила; но для решительных заключений материала здесь слишком мало. Не исключено, наконец, что сюда же относится СПИ, но это еще менее надежно: здесь нет В. ед. *и*, но показательных примеров В. ед. *его* всего два.

Источник данной особенности не совсем ясен. Можно предположить, что в живой речи вытеснение энклитического *и* полноударным *его* уже в XII веке зашло довольно далеко и часть пишущих (и редакторов) уже считала допустимым использовать это *его* вместо *и*. В пользу этого, по-видимому, говорит ситуация в ЖФСтуд, дошедшем в списке XII в. Данные ранних берестяных грамот, к сожалению, в этом пункте пока еще слишком скудны, чтобы подтвердить это или опровергнуть. Но та стопроцентная последовательность, с которой *ѥго* употребляется вместо *и* в ЖАЮ, может объясняться также и действиями некоего позднейшего редактора, жившего в эпоху, когда словоформа *и* ‘его’ в живой речи уже вообще исчезла, и считавшего ее неправильной.

В. ед. женского рода

В этой форме первоначальное состояние сохраняется наиболее устойчиво — как после предлога, так и в беспредложном употреблении. Примеры:

оже ти не возѧло Матее капи, воложи ю со Проусомо ко мне 439;

но не хочемь кланѧтисѧ попадьи, а хочемь ю оубити [1188], 229 об.;

и поя жену его, видѣвъ ю мыющюся в бани (Дан.);

и видѣвъ ю красноу соу́щю, и въсхотѣвъ ю, и оуби сн҃а и поꙗтъ ю (Флав., 353г).

Инновационных форм здесь еще ничтожно мало. Вот они: *имя мѣсту тому Каламонии, еже ея протолкует «Доброе обителище»* (Дан.); *хотѧ приложи́ти бѣдоу на неѐ* (Флав., 372г); *мно́гы вины имѣꙗше на неѥ* (Флав., 375в).

В. мн. мужского и женского родов

Во всех памятниках данной группы, кроме Флав., коэффициент энклитичности здесь весьма высок. Примеры фраз с энклитиками:

и повѣдаша Ѡльзѣ, ꙗко деревлѧне придоша, и возва ѥ Ѡльга к собѣ (ПВЛ, 15);

и ѡни сташа на воли его, и позва ѣ к собѣ Киевоу (Киев. лет. [1142], 115 об.);

на тоу ж(е) зимоу ходи Мьстиславⷡ на половьце и победи е (НПЛ [1167], 35);

и любьзно цѣлова ꙗ, и въпроси ꙗ, отъкоудоу соуть и камо идоуть (Феод., 28в);

съвлекше же ꙗ, бишѧ ꙗ много (ЖАЮ, 8б);

заратишасѧ вѧтичи, и иде на нѧ Володимиръ (ПВЛ, 26);

оувѣдавъ же Ст҃ославъ, ѡже пришли на нь, и посла на нѣ дикыꙗ половцѣ (Киев. лет. [1146], 123 об.).

Лишь изредка встречаются *ихъ*, *нихъ*, например:

по ѡбычаю цѣлововавъ братⷮю всю, и поȣчивъ ихъ ... (ПВЛ, 61 об./62);

аже выбежать къ вамъ, а биите ихъ ѿтолѣ (НПЛ, 97 об.);

и кликнуша на ниⷯ, половци же оужасошасѧ (ПВЛ, 95);

пролѣи на нихъ гнѣвъ свои (ЖАЮ, 26в).

Особо стоит только памятник Флав., где в В. мн. показатели совсем иные: энклитическое *ꙗ* представлено лишь в 16% случаев, а энклитическое *нꙗ* отсутствует вообще. Нормой здесь являются такие фразы, как:

и почестивъ, цѣлова ихъ 395а;

и пооусти ихъ писати къ Иродȣ хвалоу ѡ собѣ 377а;

влѣзъ в темницю и би иⷯ, виноу възложивъ на нихъ 424а;

и стрѣлы на нихъ лѣтѧ́хоу акы до́ждь 429в.

И лишь изредка встречается энклитика *ꙗ*, например: *и възва ꙗ съ во́и своими и почести ихъ до́бре* 356г.

Эта особенность памятника Флав. похожа на ту особенность ЖАЮ, которая обсуждена выше, в разделе форм единственного числа. Возможно, и здесь проявилась деятельность некоего редактора, только в данном случае устранялось другое энклитическое местоимение.

В. дв. мужского рода

В тех памятниках, где такие формы еще встречаются в сколько-нибудь заметном количестве, хорошо сохраняется древнее состояние, т. е. всегда или

почти всегда употребляется В. дв. муж. ꙗ, нꙗ (Мар. — 9 раз из 9; Супр. — 14 из 15; ПВЛ — 16 из 17; Флав. 31 из 32), например:

мѫжа и женѫ сътворилъ ѣ естъ Бъ (Мар., Мр. 10.6);

и въвръгошѧ ꙗ въ огнь, и бѣаста въ огни поꙗшита и хвалѧшта Бога (Супр., 3);

Ꙗнь же повелѣ бити ꙗ и потергати брадѣ єю (ПВЛ, 60);

творѧ́сѧ, ꙗко ѿда́сть виноу снома, нѡ помышлѧше на́ нѧ (Флав. 367г).

Из берестяных грамот: *али ти [не д]ьлаета, а наеми въ нѧ наимито* ‘если же они (родители) [уже] не могут трудиться, то найми для них работника’ 893.

Вот некоторые из редких примеров с новой формой:

*в другую нощь медвѣдь възлѣзъ оугрызъ єю и снѣсть, и тако погыбнуста наоущеньѥмь бѣсовьскы*м (ПВЛ, 60);

... Антипатрова мти, доумающи на нею лютѣиши ма́чехы и ненавидѧщи црвичю поуще па́сынкоу (Флав. 368г).

Замечание о «Слове о полку Игореве»

§ 3.9. В ряде памятников поведение местоимений вполне сходно с рассмотренными выше образцами, но для статистики слишком мало материала.

Одним из таких памятников оказывается «Слово о полку Игореве».

Сравним СПИ по поведению местоимений с несколькими важными древнерусскими памятниками (взяты только те рубрики, для которых в СПИ имеется материал).

Поведение местоимений в СПИ в сравнении с рядом других памятников

	ми, ти ~ мънѣ, тебѣ	*мѧ, тѧ ~ мене, тебе*	*ны, вы ~ намъ, вамъ*	*на, ва ~ наю, ваю*	*и ~ его*
СПИ	100% (10/10)	2/2	1/2	0/1	0/2
Дан.	100% (13/13)	100% (21/21)	7/8	—	4/9
ЖАЮ	95% (353/375)	95% (148/155)	39% (13/33)	—	0% (0/≈230)
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (96/134)	2/8	78% (18/23)

Приводим также сам материал.

В 1-м и 2-м лице в единственном числе совершенно последовательно выступают энклитики *ми*, *ти*, *мя*:

Что ми шумить, что ми звенить давечя рано предъ зорями? 68;

чръпахуть ми синее вино съ трудомь смѣшено 95;

сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгь на лоно 96;

Нъ се зло: ∇ княже ми непособіе 119;

Великый княже Всеволоде! Не мыслію ти прелетѣти издалеча отня злата стола поблюсти? 123;

Донъ ти, княже, кличетъ и зоветь князи на побѣду 138;

Мало ли ти бяшетъ гор⟨ѣ⟩ подъ облакы вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? 175;

Княже Игорю! Немало ти велічия, а Кончаку нелюбія, а Руской земли весе-ліа! 193;

О Донче! Немало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ ... 195;

Си ночь съ вечера // одѣвах⟨у⟩т⟨ь⟩ мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ 94;

и нѣгують мя 97.

Ни одного примера полноударного местоимения за рамками зоны полно-ударности нет. Ср. точно такое же положение в Дан. и весьма близкое во всех прочих раннедревнерусских памятниках.

Между тем во множественном и двойственном числах 1-го лица в СПИ встречаются уже как старые, так и новые формы.

Фраза с энклитическим *ны* (Д.):

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы ... 1.

Фразы с полноударными *намъ*, *наю*:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати 83;

Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, ∇ то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ 208.[35]

Разумеется, при трех примерах говорить о каких-либо процентах бессмыс-ленно; однако понятно, что это в общем такая же ситуация, как и в других ста-рых памятниках, в частности, тех, которые включены в нашу табличку.

Для 3-го лица материала совсем мало:

Аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице 208;

стрежаше е⟨го⟩ гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вет-рѣхъ 196.

Что касается примера *одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу* 195, то он, согласно § 3.2 (п. А8), относится к зоне полноударности.

Форма В. мн. *я* ненадежна, так как представлена только в конъектуре, при-чем относящейся к очень темному месту: *на болони бѣша дебрь*(*с*)*ки сан⟨и⟩ и несош⟨а я⟩ къ синему морю* 99 (в издании *дебрь Кисаню и не сошлю*).

Таким образом, при всей ограниченности материала все же ясно, что в СПИ способ распределения старых и новых форм местоимений в общем сходен с основными раннедревнерусскими памятниками, более всего — с ЖАЮ и Дан.

Сравнение раннедревнерусских памятников со старославянскими

§ 3.10. Для более полного понимания истории местоимений в древнерус-ском существенны также показания старославянских памятников. Нами были обследованы с данной точки зрения Мариинское евангелие и Супрасльский кодекс; оба весьма богаты соответствующим материалом.

---

[35] Интерпретация словоформы *наю* в этой фразе как Р., а не В. маловероятна.

В целом древнейшие памятники — старославянские и древнерусские — обнаруживают достаточно единообразную картину поведения местоимений. Каких-либо признаков, отделяющих все старославянские памятники от всех древнерусских, не обнаружено. Но в нескольких точках системы есть все же ощутимые расхождения между разными памятниками этой общей совокупности. С этой точки зрения можно выделить несколько групп, представленных следующими памятниками из числа наиболее крупных:

1) Мариинское евангелие (древнерусских памятников в этой группе нет);
2) Супрасльский кодекс, Житие Феодосия, Флавий;
3) Киев-Д, «Повесть временных лет»;
4) Житие Андрея Юродивого.

Приводим количественные данные в виде сводной таблицы.

Коэффициент энклитичности местоимений единств. и множеств. числа в старославянских и древнерусских памятниках

	1-е и 2-е лицо				3-е лицо			
	Д. ед. *ми, ти ~ мънѣ, тебѣ*	В. ед. *мѧ, тѧ ~ мене, тебе*	Д. мн. *ны, вы ~ намъ, вамъ*	В. мн. *ны, вы ~ насъ, васъ*	*и ~ его*	*нь ~ него*	*(н)ю ~ (н)еѣ*	*(н)ѣ ~ (н)ихъ*
Группа 1								
Мар.	57% (124/218)	100% (231/231)	0,3% (1/350)	98% (93/95)	99,6% (260/261)	100% (53/53)	100% (54/54)	100% (117/117)
Группа 2								
Супр.	97% (347/357)	98% (183/186)	6% (8/126)	69% (45/65)	67% (140/210)	97% (57/59)	100% (35/35)	81% (54/67)
Феод.	99% (70/71)	100% (39/39)	0% (0/23)	8/9	82% (95/116)	100% (12/12)	100% (18/18)	86% (31/36)
Флав.	87% (92/106)	89% (78/88)	1% (1/96)	64% (37/58)	72% (189/261)	92% (72/78)	96% (51/53)	14% (21/153)
Группа 3								
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (96/134)	73% (27/37)	78% (18/23)	100% (20/20)	3/3	6/7
ПВЛ	89% (107/120)	98% (140/143)	46% (34/74)	78% (73/93)	93% (177/191)	100% (41/41)	100% (35/35)	96% (105/109)
Группа 4								
ЖАЮ	95% (353/375)	95% (148/155)	39% (13/33)	78% (14/18)	0% (0/≈230)	49% (19/39)	100% (34/34)	92% (45/49)

Что касается местоимений двойственного числа, то здесь материала сравнительно мало; в значительной части рассматриваемых нами памятников они не представлены вообще. Вот сводка имеющихся данных.

Коэффициент энклитичности местоимений двойственного числа в старославянских и древнерусских памятниках

	Д. *на*, *ва* ~ *нама*, *вама*	В. *на*, *ва* ~ *наю*, *ваю*	В. (*н*)*ꙗ* ~ (*н*)*ею*
Мар.	0/6	—	9/9
Супр.	2/7	90% (9/10)	93% (14/15)
Киев-Д	72% (23/32)	2/8	0/1
ПВЛ	0/6	0/4	94% (16/17)
Флав.	1/2	0/6	97% (31/32)
Берест. гр. XI–XII	4/6	0/1	1/1

Сравнение двух таблиц показывает, что местоимения Д. дв. *на*, *ва* и В. дв. (*н*)*ꙗ* обычно ведут себя примерно так же, как соответствующие местоимения множественного числа (по крайней мере там, где материала не слишком мало). В отличие от них, местоимения В. дв. *на*, *ва* везде, кроме Супр., имеют более низкий коэффициент энклитичности, чем В. мн. *ны*, *вы* (правда материала здесь для серьезной статистики недостаточно).

Первоначально все местоимения, по-видимому, имели коэффициент энклитичности 100% (или очень близкий к этому). Как видно из приведенных сводок, в полном виде такое состояние не сохраняет ни одна из названных групп. Но отклонения от первоначального состояния в разных группах различны.

В группе 3, представленной в нашем разборе старшими летописями, удаление от первоначального состояния состоит только в некотором умеренном понижении коэффициента энклитичности, почти одинаковом для всех рубрик (если не считать рубрики Д. мн. *ны*, *вы* в ПВЛ, где понижение сильнее).

Несколько сложнее решается вопрос о том, в какую группу попадают ранние берестяные грамоты. Дело в том, что заметное количество материала здесь имеется только для единственного числа; для множественного и двойственного примеров мало. Чтобы несколько уменьшить эффект этой помехи, примем во внимание то, что почти во всех крупных памятниках коэффициент энклитичности в Д. мн. и Д. дв. примерно одинаков (см. об этом выше), и объединим данные по этим двум формам. Сравним теперь данные берестяных грамот XI–XII вв. и Киев-Д (в важнейших рубриках).

Коэффициент энклитичности местоимений в берестяных грамотах и Киев-Д

	1-е и 2-е лицо				3-е лицо	
	Д. ед.	В. ед.	Д. мн.+Д. дв.	В. мн.	*и* ~ *его*	*нь* ~ *него*
Берест. гр. XI–XII вв.	95% (71/75)	92% (36/39)	4/8	5/6	3/4	2/2
Киев-Д	87% (290/333)	91% (174/191)	72% (119/166)	73% (27/37)	78% (18/23)	100% (20/20)

Видно, что во всех рубриках порядок величин в этих двух памятниках сходен. Таким образом, берестяные грамоты XI–XII вв. должны быть отнесены к той же группе 3, что и старшие летописи.

В группах 1, 2 и 4 картина иная, чем в группе 3: в большинстве рубрик коэффициент энклитичности высок (в части случаев даже равен 100%), но в отдельных рубриках резко понижен.

Рассмотрим эти группы по отдельности.

В Мариинском евангелии (группа 1) резко различаются В. и Д. падежи. Здесь в В. падеже коэффициент энклитичности составляет практически 100% (отмечено всего три отклонения на более чем 800 примеров). Напротив, в Д. падеже ситуация почти противоположная: во множ. и двойств. числах коэффициент энклитичности практически равен нулю, в единств. числе составляет 57%. Приводим иллюстрации:

В. падеж (даем примеры без адресов ввиду их массовости) — *что мѧ г҃леши блага*; *і сѫдии тѧ прѣдастъ слоуѕѣ*; *посъли ны вь свиниѩ, да вь нѧ вьнидемь*; *се азъ сълѭ вы ѣко овьцѧ по срѣдѣ влъкъ*; *приближи сѧ на вы ц҃сртвие Б҃жие*; *і емъше и, извѣсѧ вонъ из винограда і оубишѧ и*; *і вѣровашѧ во нь оученици его*; *останѣте еѩ, по чъто ѭ троуждаате*; *възлагаѩ ржцѣ на нѧ*; *і въвръгѫтъ ѩ вь пешть огньнѫ*; *мѫжа и женѫ сътворилъ ѣ* (В. дв.) *есть Б҃ъ*.

Новые формы отмечены нами только во фразах: *егда Лазара възъва отъ гроба і вьскрѣси его отъ мрътвыхъ* (Ио.12.17); *оубо постиже на васъ ц҃срствие Б҃жие* (Мт. 12.28); *доколѣ съ вами бѫдѫ, доколѣ тръплѭ васъ* (Мт. 17.17).

Д. падеж. Примеры словоформ единственного числа:

Старые формы — несколько чаще	Новые формы — несколько реже
ѣко рече ми вьсѣ елико сътворихъ Ио. 4.39 *да вьсѣко, еже дастъ ми, не погоублѭ отъ него* Ио. 6.39 *жено, вѣрѫ ими ми* Ио. 4.21 *повели ми прити къ тебѣ по водамъ* Мт. 14.28 *егоже ради г҃лѭ ти: отъпоуштаѭтъ сѧ еи грѣси мьнози* Лк. 7.47 *г҃лаше бо емоу Иоанъ: не достоитъ ти имѣти еѩ* Мт. 14.4 *и бѫдетъ ти въздаание* Лк. 14.12 *проси оу мене, емоуже аште хощеши, и дамъ ти* Мр. 6.22 *како ти естъ імѧ* Мр. 5.9	*ѣкоже рече мънѣ отъцъ, тако г҃лѭ* Ио. 12.50 *чашѫ, ѭже дастъ мьнѣ от҃цъ, не имамь ли пити еѩ* Ио. 18.11 *вѣрѫ имѣте мьнѣ* Ио. 14.11 *повѣждь мьнѣ, къде и еси положилъ* Ио. 20.15 *глѭ тебѣ: не имаши изити отъ тоудѣ* ... Лк. 12.59 *не достоитъ тебѣ имѣти жены Филипа братра своего* Мр. 6.18 *і бѫдетъ тебѣ радость и веселие* Лк. 1.14 *не могѫ въстати дати тебѣ* Лк. 11.7

Как легко видеть, старые и новые формы часто встречаются в одинаковых контекстах, т.е. по крайней мере в части контекстов они находятся в отношении свободного варьирования. Только старые формы встретились при глаголах с *сѧ*, например:

аште ми сѧ ключитъ съ тобоѭ оумьрѣти (Мт. 26.35);
что ти сѧ мьнитъ, Симоне (Мт. 17.25);
чѧдо, отъпоуштаѭтъ ти сѧ грѣси твои (Мр. 2.5).

То же после союза *да*, например: *рьци оубо еи, да ми поможетъ* (Лк. 10.40); *что хощеши, да ти сътворѭ* (Лк. 18.41).

Такой ситуации с местоимениями Д. ед. *мънѣ*, *тебѣ*, как в Мариинском евангелии, в раннедревнерусских памятниках нет нигде. Она возникает на русской почве лишь существенно позднее — не ранее позднедревнерусского периода.

Во множественном и двойственном числах в Мар. представлены, за вычетом одного случая, только новые формы, например:

повѣждь намъ, когда си бѫдѫтъ (Мт. 24.3);

хлѣбъ нашъ наставъшааго дьне даждь намъ дьнесь (Мт. 6.11);

пискахомъ вамъ и не плѧсасте, плакахомъ вамъ и не рыдасте (Мт. 11.17);

оучителю, хоштевѣ, да егоже аще просивѣ, сътвориши нама (Мр. 10.35);

что хоштета, да сътворѭ вама (Мр. 10.36).

Единственный пример старой формы: *отъпоуштаите, и отъпоустѧтъ вы* 'прощайте и простят вам' (Лк. 6.37); не исключено, впрочем, что *вы* здесь могло переосмысляться как В. падеж.

Памятники группы 2 существенно отличаются от первоначального состояния системы только в Д. мн. и Д. дв. В этих рубриках они, как и Мар., имеют очень низкий коэффициент энклитичности — от 0 до 6%. Но, в отличие от Мар., они очень хорошо сохраняют первоначальное состояние в Д. ед.: в Супр. и Феод. коэффициент энклитичности в этой рубрике близок к 100% (и в Флав. лишь ненамного ниже).

Иллюстрации из материала Феод. и Флав. уже приводились выше. Здесь мы приведем примеры только из Супрасльского кодекса.

В. падеж.

Здесь господствуют старые формы, например:

и покры мѧ оубогѫѭ, ꙗко оупʽвахъ на н̑ь 3;

вѣдѣ тѧ, кто тѧ пламымъ раждизаѥ на мѧ III–49 об.;

тъ ны строитъ и крѣпитъ въ рати 14;

виждѫ вы мѫжи растомъ добры 38;

нъ оубо и сьде много молихъ сѧ Богоу за ва, и се сътвори милость съ вама III–15;

повелѣшѧ принести вратъ и въложити и вь н̑ь III–1;

и рада бысть, и въсхвали ѭ 13 об.;

ослѣпи ѩ и не вѣдѣахѫ камо идѫтъ 2;

слышавъ же то, кнѧзъ повелѣ въсадіти ꙗ (В. дв.) *въ темницѫ* 91.

Намного реже встречаются новые формы, например:

изʽми насъ, Ги҃, отъ напасті 35 об.;

останѣте сѧ отъ сихъ, и наоучѫ васъ, кого бы чисти 14 об.;

они же шъдʽше ꙗшѧ ст҃аго Василиска, и съвѧзавъше ѥго, сътворишѧ ѥмоу оноуштѫ 9;

приведошѧ ихъ на срѣдѫ и приставишѧ имъ кыѩ отъ събора съ полемономъ 66.

Особенно редки новые формы В. падежа *мене*, *тебе*, *ею*, *него*. Вот некоторые из этих единичных примеров:

сътворите молитвѫ за мене III–48 об.;

оувѣштаи сѧ намъ, Пиониѥ, ꙗко тебе любимъ 66;

кнѧзъ повелѣ въсадіти ꙗ въ темницѫ 〈...〉 *и тако блюсти ꙗю* 91;
коѥꙗ дѣл҃ьма вины, повѣдите ми, ѡ жидове, сьвѣтъ сътвористе на н҃его III–67 об.

А в В. ед. жен. новая форма (*ѥꙗ*) не встречается вообще.

Д. падеж.

За рамками зоны полноударности в Д. ед. почти всегда выступают старые формы, например: *дадите же ми на н҃ь власть* 14; *ч҄то ти прибытъка быстъ* 33 об. Новые формы отмечены всего в нескольких фразах, в частности: *нъ нын҃ꙗ исповѣждь мнѣ о вльхвованиі своѥмь* 12; *вѣдомо да бѫдетъ тебѣ* 53 об.

Замечание. На первый взгляд в этом памятнике подобных примеров словоформ *мънѣ* и *тебѣ* намного больше. Но при более внимательном рассмотрении они обычно оказываются принадлежащими к зоне полноударности; например: *како мі сѧ ѥстъ тебѣ покорити* 31 (*тебѣ* вместо *ти* во избежание двух энклитик одного ранга, § 3.2, п. А6); *исповѣмъ сѧ тебѣ, Господи, вьсѣмъ срьдцемъ моимъ* III–43 об. (*тебѣ* перед последующим обращением, § 3.2, п. А7); *ꙗкоже жрьтва жива благоприꙗтъна тебѣ* 47 (*тебѣ* при прилагательном); *послоушаꙗи вьсѣхъ въ истинѫ работаѭштиіхъ тебѣ* 11 (*тебѣ* при членной форме причастия); *оувы мьнѣ, оувы мьнѣ* 40 об. (*мьнѣ* после *увы*; последние три примера — по § 3.2, п. А8).

Напротив, в Д. мн. и Д. дв. почти с такой же последовательностью выступают новые формы, например:
и покажи намъ, да видимъ извѣстьнѣѥ мѣсто то 109 об.;
они бо и прѣдашѧ намъ сиі обычаи 14;
да что много глагол҃ѭ вамъ? помните, ѥгоже слышасте 69 об.;
и благъ ꙗви сѧ нама оугасити силѫ ог҄н҃ѣ и ꙗрость мѫчител҃ꙗ Аѵрилиана 3 об.;
ꙗже посъла вама Господь Богъ 91 об.

Старые формы крайне редки. Вот некоторые примеры:
да вѣсте же, ꙗко отъ дьнешьнꙗаго дьне повелѣно ны ѥстъ вьнѣ града сьбирати сѧ 100 об.;
ѥже повелѣно вы ѥстъ о мьнѣ творити II–12;
то ѥже ва рекѫ акы отьць, то послоушаита 102.

Феод. и Флав. обнаруживают картину, вполне сходную с Супр., если не считать того, что в Флав. весьма редко встречается местоимение В. мн. *ꙗ* (*нꙗ*) (см. об этом § 3.8, конец).

Житие Андрея Юродивого (группа 4) сравнительно близко стоит к группе 3, т. е. к древнерусским летописям. С этой группой его в особенности сближает довольно значительный (39%) коэффициент энклитичности форм Д. мн. (в отличие от групп 1 и 2, где он близок к нулю); ср., в частности, ПВЛ, где этот коэффициент составляет 46%.

Существенное отличие группы 4 от группы 3 состоит в полном отсутствии старой формы В. ед. муж. *и* (и резко сниженном коэффициенте энклитичности формы *нь*). См. иллюстрации в § 3.5–8.

Памятники более позднего времени

§ 3.11. Для памятников позднедревнерусского периода и еще более поздних, в отличие от ранних (см. § 3.4), необходимо уже различать книжный и некнижный типы. Разграничение может проходить как между разными памятниками, так и между разными частями или пассажами внутри одного памятника.

Памятники некнижной ориентации

Памятники некнижной ориентации (прежде всего берестяные грамоты) свидетельствуют о том, что в живом языке новое правило распространялось довольно быстро: уже в позднедревнерусский период практически выходят из употребления все энклитические местоимения, кроме *ми*, *ти*, *мѧ*, *тѧ*, а у этих оставшихся четырех резко снижается частотность.

Наиболее прямо эволюцию местоименных энклитик в живом языке отражают берестяные грамоты. Ниже показаны коэффициенты энклитичности в берестяных грамотах разных периодов. При этом в данном случае оказалось целесообразным подразделить их не просто на ранние и поздние, а более детально — по векам (поскольку здесь, частности, обнаруживается заметное различие между XIII в. и XIV–XV вв.). Двойственное число не приводим, так как в поздних берестяных грамотах его уже просто нет. В рубриках, где мало материала (меньше 10 примеров), цифры процентов не вполне показательны; они даны в квадратных скобках или не даны вообще.

Коэффициент энклитичности местоимений
в берестяных грамотах разных веков

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо
	Д. ед. *ми ~ мънѣ*	Д. ед. *ти ~ тебѣ*	В. ед. *мѧ ~ мене* *тѧ ~ тебе*	Д. мн. *ны ~ намъ* *вы ~ вамъ*	В. мн. *ны ~ насъ* *вы ~ васъ*	(все вместе)
XI–XII вв.	98% (40/41)	91% (31/34)	92% (36/39)	0/2	[83%] (5/6)	92% (11/12)
XIII в.	[63%] (5/8)	64% (9/14)	80% (4/5)	—	—	[67%] (4/6)
XIV–XV вв.	65% (24/37)	13% (2/15)	36% (9/25)	0% (0/13)	0/6	9% (1/11)

Из таблицы видно, что коэффициент энклитичности здесь во всех рубриках с ходом времени падает.[36] В результате у берестяных грамот XIV–XV вв. он уже очень резко отличается от грамот XI–XII вв. В эту эпоху за рамками единств. числа 1-го и 2-го лица энклитик здесь уже практически больше нет.

Только одна энклитика: *ми* — все еще употребляется в берестяных грамотах XIV–XV вв. чаще, чем соответствующая полноударная словоформа (*мнѣ*).

[36] Небольшое отклонение от этого принципа в графе Д.ед. (98% – [63%] – 65%) непоказательно, поскольку в среднем звене здесь просто мало материала.

Примеры фраз с *ми* и *мнѣ* из берестяных грамот XIV–XV вв.

Старые формы — более частые	Новые формы — более редкие
вывези ми 2 медведна 65п *а ныне даі ми то мѣсто Быковщи*[*н*]*у* 477п *давати ми доци, а сестри моѥі приставницать* Ст. Р. 40п *купи ми зѣндѧнцю добру* 125п *не реклъ ми Есифъ варити перевары ни на кого* 3п *како приде сѧ грамота, тако пришли ми цоловѣкъ на жерепцѣ, зане ми здѣсе дѣлъ много* 43п	*что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взѧти, инъ мнѣ не дасть* 697п *аже возможеши, пособлѧі мнѣ цимо* 286п *а ту мнѣ трьть* 519п *а рожь, ѻсподине, велишь мнѣ молотить,* (*ка*)*къ укажешь* 242п

Во всех прочих случаях энклитики уже составляют меньшинство или даже просто отсутствуют.

Примеры фраз с *ти* и *тобѣ* из поздних берестяных грамот
(грамоты XIII в. отмечены)

Старые формы — более редкие	Новые формы — более частые
симо же ти соулити много хотынѧному 600п (XIII) *и кланѧю ти сѧ* 765п (XIII) *хотѧ бы ти истерѧти ...* 489п *да цо бъ ти година ѿт*[*ъ*]*править ѻтьцу, ино бъ добро* 19п	*а ѧзо тобе кланѧюсѧ* 147п (XIII) *а поцта тобь буде гъже* 147п (XIII) *а ѧзо тобѣ сѧ кланѧю* 186п *а ѧзо тобе много кланѧюсѧ* 414п *а на томъ тобѣ цоломъ* 370п *буди тоби сведомо* 178п *только поцьне продавать тобѣ, и т*⟨*ы*⟩ *у ѥи купи* 129п

Примеры фраз с *мѧ* и *мене* (*менѧ*) из поздних берестяных грамот

Старые формы — более редкие	Новые формы — более частые
цему мѧ єси погубиль 272п *убиле мѧ пасынке и выгониле мѧ изо двора* 415п *что бы мѧ ѥсте жаловалѣ про своѥ коунѣ* 949	*поиди за мьне* 377п (XIII) *аже застанеше мене, ти ѧ тьбе везу* Твер. 2п *позвале мене Ѡлекьсѣи на гумно* 755п *на перед*[*ъ*] *на мене се не на*[*дѣ*]*и* 25п *чо бы сѧ на менѧ не родила грамота бесуднаѧ* 302п

В В. ед. 2-го лица отмечены уже только новые формы, например:
аже застанеше мене, ти ѧ тьбе везу Твер. 2п;
цто позвалъ тебе Сава, здѣ су[*ду*] *нѣт*[*ь*] 14п;

поѣдь, Ѻнаньꙗ тебе зове 312п;
надеѥмсѧ, ѡсподине, на Бога и на тебѧ на своѥго ѡсподна 310п.

В 3-м лице, если не считать одного не вполне надежного примера (в № 102п), встретились тоже только новые формы, например:

а дае Кснѧтиньцу его, оть блюдь до мьнь 411п (XIII);
что бы ѥсь, ѻсподине, оунѧлъ ѥго 446п;
цимъ ѥго жалуѥшь 243п;
дать грамотѣ не дасть на него 5п;
аже ти ----- ѻкупити іхъ 102п.

Следует отметить, впрочем, что форма В. ед. жен. (*ю – еѣ*), которая, судя по другим памятникам, дольше прочих сохраняла энклитический вариант, в поздних берестяных грамотах не представлена.

Из XV в. можно отметить некнижный компонент «Хожения» Афанасия Никитина (1470-е гг.) (Афан. Ник. I, см. § 2.1). К сожалению, в 1-м и 2-м лице в единств. числе здесь представлено всего несколько примеров, так что о статистике говорить не приходится. Примеры старых форм:

а стал ми во сто рублев 444 об.;
и они мя отпустили доброволно 442 об.

Новая форма — только один раз:

а что будет тебѣ надобе у меня, и ты ко мнѣ пришли 443 об.

Во множ. числе и во всех формах 3-го лица отмечены уже только новые формы (в общей сложности 38 раз). Примеры:

и сказали нам лживые вѣсти 442 об.;
и они нас туто взяли 443;
а тот пошел, куды его очи понесли (Троицк. 370);
да руку правую подняль высоко да простерь еѣ, аки Устенеянь царь цареградскый 448;
и ты бы их отпустил ко мнѣ доброволно 443 об.

В XVI–XVII вв. памятники некнижной ориентации уже почти совсем не знают энклитических вариантов местоимений. Приводим количественные данные по нескольким памятникам этого периода:

Ив. Грозн. I — послания Ивана Грозного к Василию Грязному и к королям (1570-е гг.);

Грязной — письма Василия Грязного к Ивану Грозному (1576 г.);

Аввакум I — некнижный компонент «Жития» Аввакума (1670-е гг.) (см. § 2.1);

Бова — «Повесть о Бове королевиче» (XVII в.).

При анализе источника Аввакум I было установлено, что в клаузах с аористом или имперфектом и в конструкции dativus absolutus (т. е. в церковнославянских грамматических контекстах) местоимения ведут себя не так, как в основной части текста, а именно, энклитики выступают здесь с повышенной частотой — как в источнике Аввакум II. Поэтому ниже при оценке источника Аввакум I местоимения, представленные в указанных контекстах, из подсчетов исключены. (Это равносильно тому, что в данном пункте мы провели границу между

Аввакум I и Аввакум II несколько иначе, чем в общем случае, перенеся указанный материал из I в II.)

Коэффициент энклитичности (Е) приводится только суммарный (по всем рассматриваемым местоимениям вместе); в остальных случаях указано только количество примеров.

Коэффициент энклитичности местоимений
в памятниках некнижной ориентации

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо (все вместе)	Е по сумме
	Д. ед. *ми ~ мънѣ*	Д. ед. *ти ~ тебѣ*	В. ед. *мѧ ~ мене тѧ ~ тебе*	Д. мн. *ны ~ намъ вы ~ вамъ*	В. мн. *ны ~ насъ вы ~ васъ*		
Ив. Грозн. I	—	0/30	0/21	0/38	0/6	0/42	0%
Грязной	0/15	0/4	0/9	—	—	0/1	0%
Аввакум I	4/69	0/15	7/164	0/16	0/26	0/133	2,6%
Бова	4/31	0/17	0/40	0/15	0/3	0/27	3%

Приводить примеры из этих памятников по всем пунктам нет необходимости — они вполне сходны с уже приведенными выше. Ограничимся иллюстрациями к форме В. ед. жен., которая не представлена в поздних берестяных грамотах и обнаруживает максимум консервативности во многих памятниках:

и почали называть Лифлянскую землю своею подданною и вослали в неѣ своихъ ротмистровъ баламутовъ (Ив. Грозн.);

а егда замужем была, по временам бѣсъ мучил ея (Аввакум, 96 об.);

и я, свѣдавъ, осердилъся же на нея (Аввакум, 46 об.);

и поехала, куды еѣ очи несут (Бова).

Из старых форм отмечены лишь единичные *ми*, *мѧ* в некнижном компоненте «Жития» Аввакума (например, *онъ же не вѣмъ, гдѣ скрыл их, мнит ми ся — Никону отдал* 24) и в «Повести о Бове». Они явно представляют собой вкрапления книжного стиля.

Литературные произведения книжной ориентации

§ 3.12. В литературных произведениях книжной ориентации энклитические местоимения сохраняются намного полнее, чем в некнижных памятниках. По-видимому, примерно с XV в. они начинают восприниматься как элемент книжного стиля, противопоставленного живой речи. Приводим данные нескольких источников этой группы:

Афан. Ник. II — книжный компонент «Хожения» Афанасия Никитина (см. § 2.1);

Петр-Февр. — «Повесть о Петре и Февронии» (вероятно, 1-я пол. XVI в.);

Ив. Грозн. II — послание Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь (1573 г.);

Аввакум II — книжный компонент «Жития» Аввакума (см. § 2.1); в подсчет включены также местоимения при церковнославянских формах и оборотах, исключенные из Аввакум I (см. выше).

Наличие двух компонентов в этих сочинениях показывает, что один и тот же автор в принципе умел писать как в книжном, так и в некнижном стиле, причем вполне мог переходить от одного стиля к другому даже в рамках одного и того же сочинения.

Коэффициент энклитичности местоимений
в памятниках книжной ориентации

	1-е и 2-е лицо					3-е лицо
	Д. ед. *ми ~ мънѣ*	Д. ед. *ти ~ тебѣ*	В. ед. *мѧ ~ мене* *тѧ ~ тебе*	Д. мн. *ны ~ намъ* *вы ~ вамъ*	В. мн. *ны ~ насъ* *вы ~ васъ*	(все вместе)
Афан. Ник. II	4/4	—	100% (12/12)	0/2	0/4	—
Петр-Февр.	82% (9/11)	[63%] (5/8)	94% (15/16)	0/5	2/0	65% (13/20)
Ив. Грозн. II	45% (5/11)	—	2/6	0% (0/13)	0/7	0% (0/16)
Аввакум II	58% (7/12)	[100%] (9/9)	87% (33/38)	0/3	1/5	0% (0/10)

Как видно из таблицы, яркой чертой книжного стиля был высокий уровень сохранения энклитических местоимений *ми*, *ти*, *мѧ*, *тѧ*. Во всех остальных формах употреблялись уже полноударные варианты. Отклоняется в этом отношении только «Повесть о Петре и Февронии», выделяющаяся среди всех названных здесь памятников наибольшей степенью книжности.

Примеры старых форм:

Афан. Ник. II — *бесерменин же Меликъ, тот мя много понуди в вѣру бесерменьскую стати* 452;
он же ми рече: «Истинну ты не бесерменин кажешися» 452 об.;
Господи боже мой! На тя уповах спасти мя, Господи! 454.

Петр-Февр. — *глагола ей юноша: «Вижу тя, девице, мудру сущу. Повеждь ми имя свое»; она же рече: «Имя ми есть Феврония»*;
хотя вы на земли хвалами почтити, и неу хвалы коснухся;
и прииде на нь болезнь тяжка зело;
аще ли уврачюет, имам пояти ю себе жену;
она же взем сосудец мал, почерпе кисляжди своея, и дунув на ню, и рече.

Ив. Грозн. II — *и вы извѣстисте ми о Бозѣ крѣпостное житие*;
и сия малая изрекохъ вамъ, понеже вы мя понудисте.

Аввакум II — *сии быша ми духовныя дѣти* 15 об.;
всегда учаше мя страху Б(о)жию 13;
а се по мале времени, по писанному, обьяша мя болѣзни смертныя 16;
разумѣя же свое невѣжество, припадая молю ти ся 4.

Примеры новых форм:

Афан. Ник. II — *възврати* *нас* *къ Трапизону* 458;

и вѣтръ *нас* *стрѣчает злый, не дасть* *нам* *по морю ходити* 458.

Петр-Февр. — *да в сием лну учинит* *мне* *срачицу и порты и убрусець*;

хощем вси праведно служити *тебе*;

даждь *нам*, *его же мы у тебе просим*;

во един же от днии призва *его* *к себе*.

Ив. Грозн. II — *а Хабаровъ велить* *мнѣ* *себя переводити в ыной монастырь*;

и Богъ *меня* *от нихъ укрылъ*;

Бога ради, господие и отцы, молю *васъ*, *престаните от таковаго начинания*.

Аввакум II — *и з женою быша* *мнѣ* *дѣти д(у)х(о)вные* 20;

аще *меня* *задушатъ, причти мя с митрополитом Филиппомь Московским* 19 об.;

и на бѣса закричалъ: «Запрещаю ти именем Г(о)с(по)днимъ! Изыди из нея и к тому не вниди в *нея*!*»* 97.

Летописи

§ 3.13. Как и в других отношениях, летописи в данном случае сравнительно близки к литературным сочинениям книжной ориентации (ср. § 4.26).

Как и в случае с берестяными грамотами, в летописях, охватывающих ряд веков, обычно можно видеть эволюцию рассматриваемой группы местоимений во времени.

Особенно отчетливо такую картину обнаруживают разные хронологические части НПЛ (см. § 4.26). Данные этих частей НПЛ приведены ниже в виде таблицы. Для расширения обзора к ним присоединены также данные Уваровской летописи за XV в. (точнее, за 1400–1492 гг.).

Коэффициент энклитичности местоимений в летописях

	1-е и 2-е лицо			3-е лицо		
	ед. число	Д. мн. *ны ~ намъ* *вы ~ вамъ*	В. мн. *ны ~ насъ* *вы ~ васъ*	В. ед. м. *и, нь ~ (н)его*	В. ед. ж. *ю, ню ~ (н)еѣ*	В. мн. м/ж. *ѣ, нѣ ~ (н)ихъ*
НПЛ-1 (до 1234)	95% (20/21)	46% (11/24)	25% (3/12)	86% (68/79)	100% (12/12)	91% (58/64)
НПЛ-2 (1235–1337)	4/10	1/6	43% (6/14)	67% (29/43)	100% (6/6)	44% (18/41)
НПЛ-3 (1333–1446)	71% (12/17)	20% (2/10)	19% (3/16)	12% (6/52)	100% (17/17)	18% (4/22)
Увар. лет. 1400–1492	83% (38/46)	4% (1/23)	17% (5/29)	3% (6/185)	28% (10/36)	2% (3/151)

Как можно видеть, в НПЛ, как и в берестяных грамотах, коэффициент энклитичности рассматриваемых местоимений на протяжении XI–XV вв. неуклонно падает.[37] При этом кривые падения в целом в значительной мере сходны. Но все же есть и некоторые различия, которые, очевидно, отражают разницу между состоянием живой речи (сравнительно верно представленным берестяными грамотами) и нормами языка летописцев.

Так, в летописях XIV–XV вв. (НПЛ-3 и Увар. лет. за XV в.) в 1-м и 2-м лицах единств. числа еще господствуют старые формы *ми*, *ти*, *мѧ*, *тѧ*, тогда как в берестяных грамотах тех же веков *ми* уже почти в половине случаев вытеснено полноударным *мнѣ*, а остальные три энклитики уже вообще почти не встречаются. Это значит, что в данном пункте летописцы придерживались консервативной ориентации, заметно отставая от эволюции живой речи.

Такой же тип соотношения между поздними летописями и поздними берестяными грамотами представлен и в прочих рубриках. Так, во множеств. числе 1-го и 2-го лица в летописях XIV–XV вв. коэффициент энклитичности местоимений — от 4 до 20%, тогда как в берестяных грамотах он уже равен нулю. В 3-м лице (обоих чисел) в НПЛ-3 этот коэффициент еще составляет 12–18% (а для В. ед. жен. — даже 100%), тогда как в берестяных грамотах соответствующих энклитик уже практически нет.

Можно видеть также, что в данном вопросе разные летописи ведут себя не вполне одинаково. Уваровская летопись за XV в. во множ. числе 1-го и 2-го лица и во всем 3-м лице имеет показатели, намного более близкие к берестяным грамотам, чем НПЛ-3. Правда, между этими источниками имеется примерно полувековое хронологическое различие (1333–1446 в НПЛ-3 и 1400–1492 в Увар. лет.). Но целиком отнести за этот счет различия в коэффициентах явно невозможно; ср., например, Q = 100% для В. ед. жен. в НПЛ и 28% в Увар. лет. Очевидно, установки авторов Уваровской летописи были несколько ближе к живой речи, чем у авторов НПЛ-3.

Как и в § 3.11, ограничиваемся иллюстрациями к форме В. ед. жен., которая здесь наиболее показательна, поскольку она дольше всех сохраняла древние энклитические варианты (*ю*, *ню*).

НПЛ-3 — только *ю*, например:

а на зиму свяща <u>ю</u> архиепископъ новгородчкыи Алексии [1364];

и добрѣ <u>ю</u> украси [1442];

и покры <u>ю</u> чешуею [1445].

Уваровская летопись за XV в.— в трех четвертях случаев *ее*, *нее*, например:

едина же бѣ пушка с ним велика велми, Галка именемъ, везяху <u>ее</u> на сороцѣ конех [1428];

гдѣ ни приидет царевна, стрѣчали бы <u>ее</u>, и чтили и кормъ давали и подводы и проводники [1472];

свершил полату кирпичну на своемъ дворѣ на четырех подклѣтех каменых, а вшел в <u>нее</u> ноабря 13 [1475];

[37] Данные НПЛ-2 в первых двух столбцах с формальной точки зрения нарушают плавность этого падения, но они непоказательны из-за ограниченности материала.

и лишь в меньшинстве случаев *ю*, *ню*, например:

и ту изнимаша княгиню Семенову Александру, и ограбивше ю, приведоша на Москву и з дѣтми [1401];

а они безбожнии высекоша двери церковныа, и вшедше в ню, икону чюдную святыя Богородица одраша [1410].

Общая схема эволюции

§ 3.14. Приводимые ниже диаграммы демонстрируют картину исторической эволюции энклитических местоимений.

В диаграммах отражены памятники, содержащие удовлетворительное количество материала.

Каждый памятник представлен линией (или точкой), соответствующей на хронологической шкале времени его сочинения или перевода (но не изготовления дошедшего до нас списка). Пунктирная линия означает, что это время известно лишь приблизительно.

Линия, символизирующая памятник, располагается на высоте, соответствующей величине коэффициента энклитичности соответствующих местоимений в данном памятнике.

Курсивом даны обозначения литературных произведений и пространных посланий, прямым шрифтом — обозначения грамот, летописей и церковных памятников.

Наряду с богатыми материалом памятниками кое-где в диаграммы включены также такие памятники, где материала существенно меньше. В таких случаях указываются не проценты, а сами соответствующие количества примеров (в виде дроби).

Основной является диаграмма 1 (из двух частей: А — для памятников некнижной ориентации, Б — книжной ориентации). Она демонстрирует эволюцию местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа: *ми – мънѣ*, *ти – тобѣ* (*тебѣ*), *мѧ – мене* (позднéе *менѧ*), *тѧ – тебе* (позднéе *тебѧ*).

Данные по этим четырем парам словоформ оказалось целесообразным объединить, поскольку различия между отдельными парами в общем довольно незначительны, а суммирование материала четырех пар обеспечило повышение статистической надежности полученных показателей.

Заметное отклонение представлено только в Мариинском евангелии, где коэффициент энклитичности в парах *мѧ – мене*, *тѧ – тебе* составляет 100%, а в парах *ми – мънѣ*, *ти – тебѣ* — только 57%. Поскольку в такой ситуации суммирование неуместно, мы просто исключили данный памятник из диаграммы.

Далее даны (уже без разделения памятников на группы) аналогичные диаграммы:

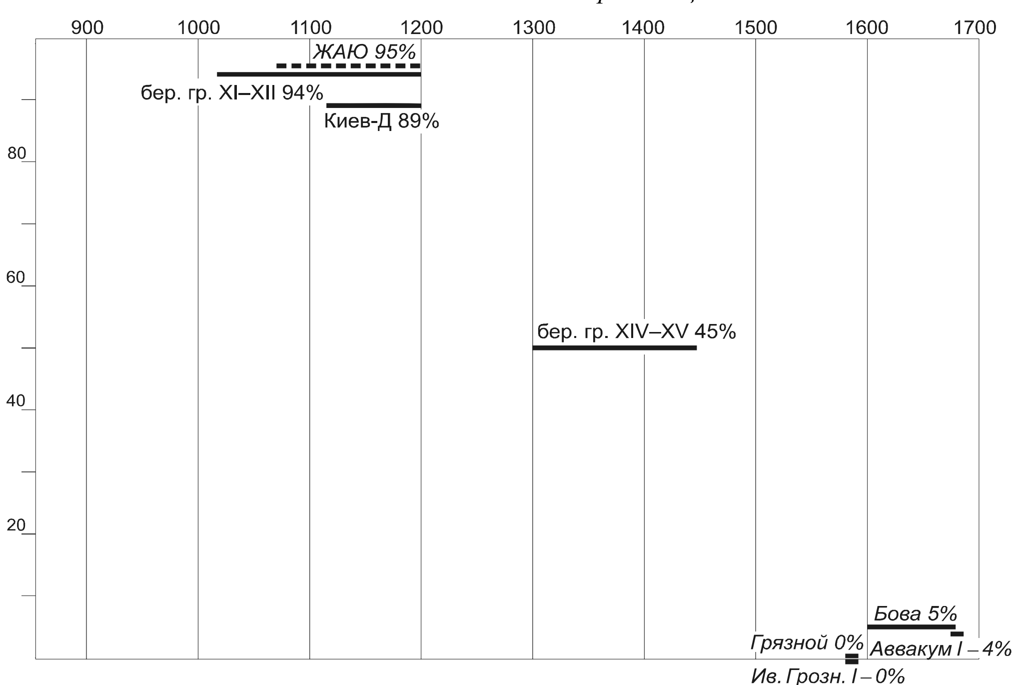
2 — для пар дательного падежа *ны – намъ*, *вы – вамъ*;

3 — для пар винительного падежа *ны – насъ*, *вы – васъ*;

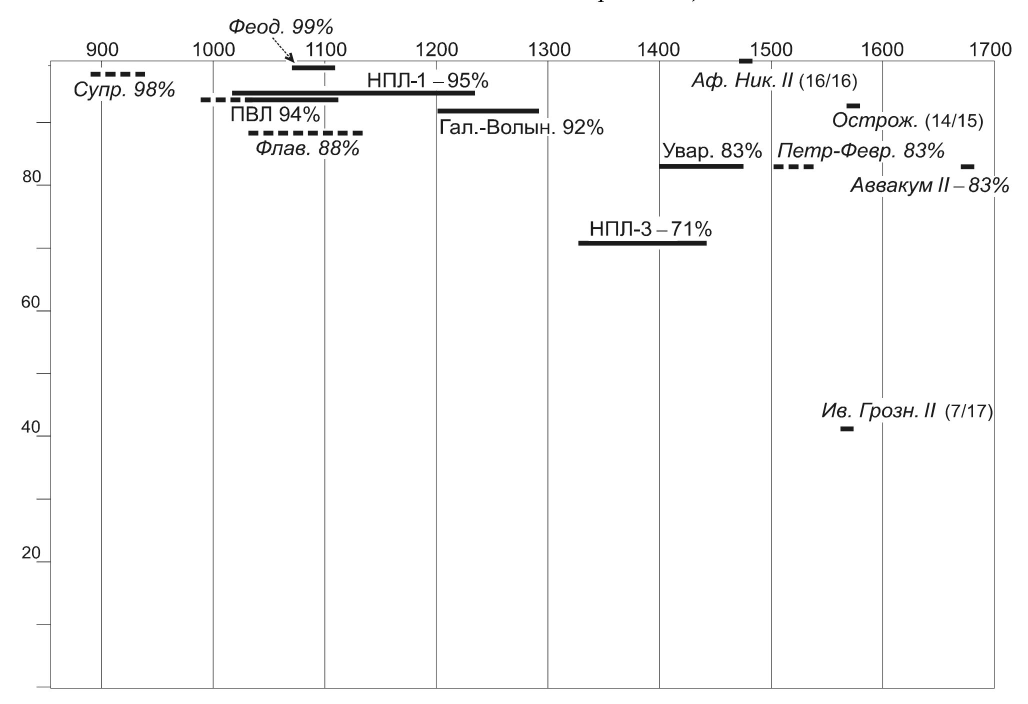
4 — для пары винительного падежа единств. числа мужского рода *и – его*.

1. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ *ми – мънѣ*, *ти – тобѣ*, *мѧ – мене*, *тѧ – тебе*: **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ**

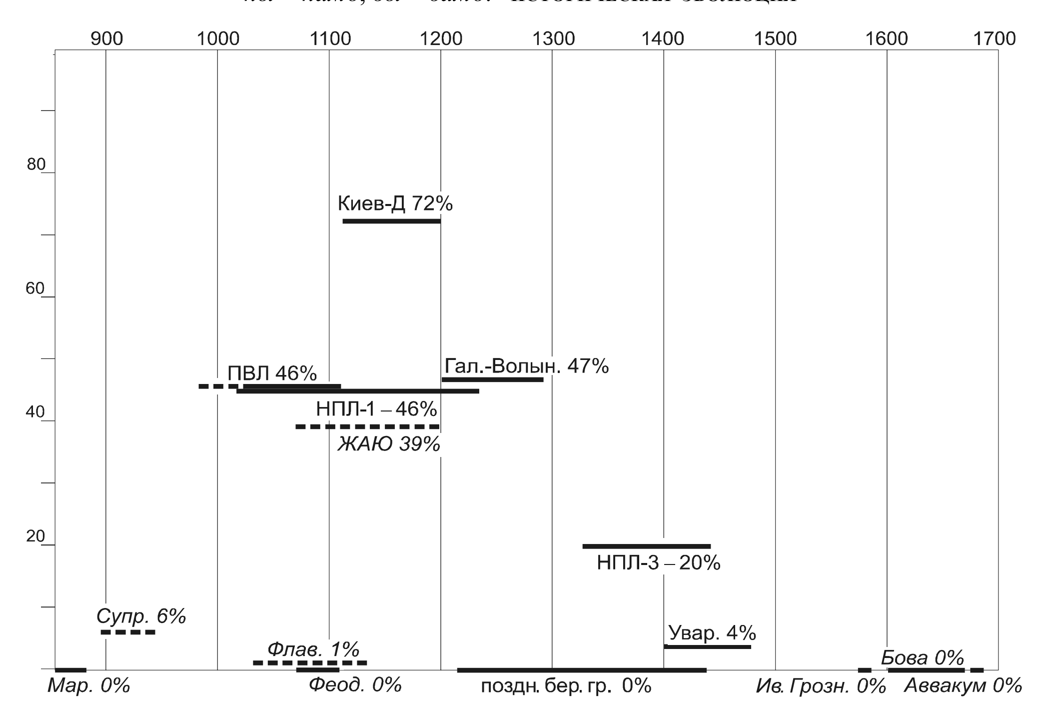
А. Памятники некнижной ориентации



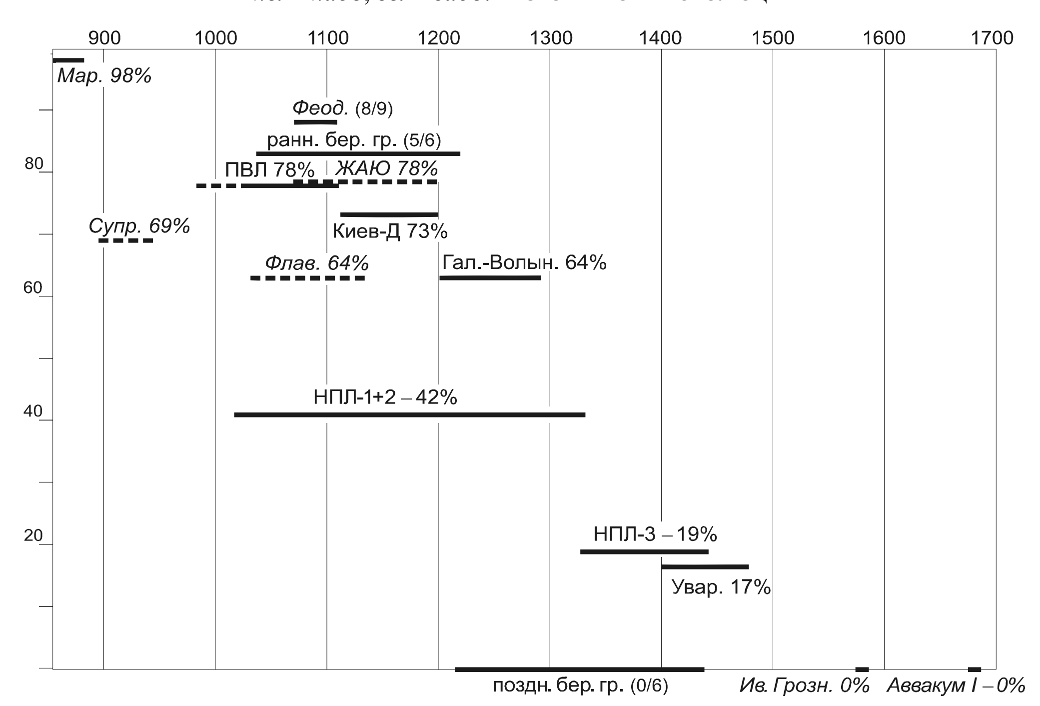
Б. Памятники книжной ориентации



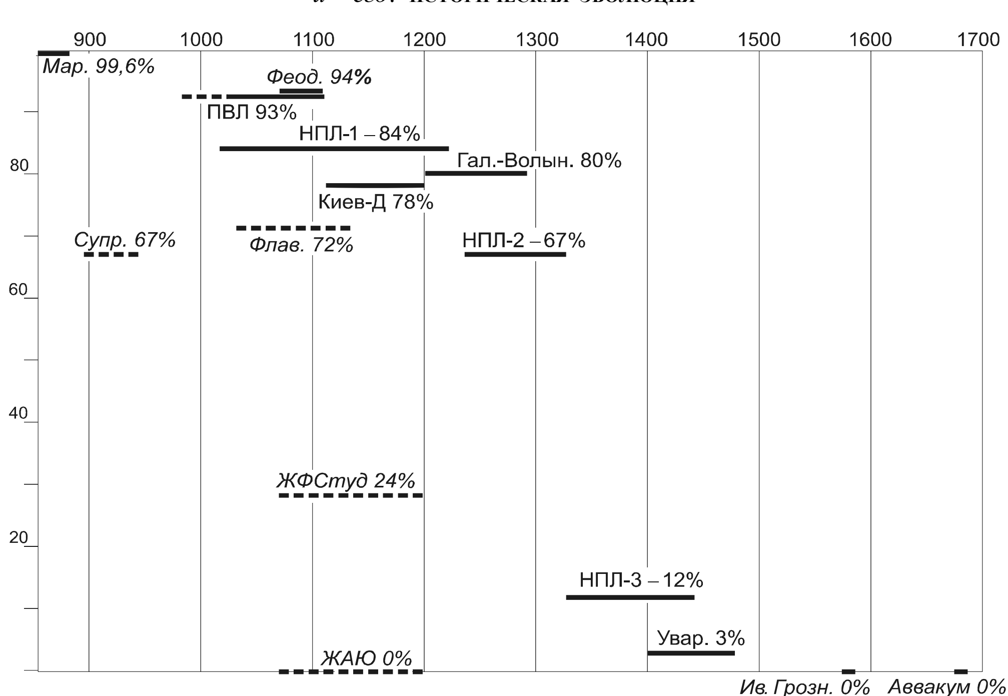
2. **КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ ДАТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА**
ны – намъ, *вы – вамъ*: **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ**



3. **КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРАХ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА**
ны – насъ, *вы – васъ*: **ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ**



4. КОЭФФИЦИЕНТ ЭНКЛИТИЧНОСТИ В ПАРЕ ВИНИТ. ЕДИНСТВ. МУЖСКОГО РОДА *и – его*: ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ



§ 3.15. Подведем итоги наших наблюдений над местоимениями. Общая схема эволюции вырисовывается из них достаточно ясно.

Как показывают памятники, уже в X–XII вв. ни в южнославянской, ни в восточнославянской зоне не было полного единства в распределении энклитических и полноударных местоимений.

Для живого древнерусского языка основной была консервативная система, где удаление от первоначального состояния выражалось только в медленном возрастании доли полноударных местоимений, примерно одинаковом для всех звеньев системы. Ее отражают прежде всего старшие летописи и берестяные грамоты XI–XII вв. Наиболее полно демонстрирует свойства этой группы памятник Киев-Д.

Наряду с этим существовал иной вариант развития, при котором в Д. мн. и Д. дв. энклитические формы были почти целиком вытеснены полноударными уже в очень раннюю эпоху. Этот вариант характерен прежде всего для старославянских памятников, но представлен также и в части литературных древнерусских (Феод. и Флав.). См. об этом подробнее ниже, пункт 3.

В рамках старославянского существовал также еще один вариант развития, представленный в Евангелии, в частности, в обследованном нами Мариинском евангелии. Здесь низкий коэффициент энклитичности мы видим не только в Д. мн. и Д. дв., но также и в Д. ед. Правда, в Д. ед. он все же не падает до близких к нулю значений, как в Д. мн. и Д. дв., а остается на некотором среднем уровне. В раннедревнерусских памятниках этот специфический вариант не встречается.

Среди древнерусских памятников следует особо отметить ЖАЮ, где полностью устранена старая форма В. ед. муж. *и* 'его' и резко снижен коэффициент энклитичности формы *нь*. Не исключено также, что этот же вариант развития представлен в СПИ, но здесь слишком мало материала для надежного заключения.

Общее направление исторической эволюции местоимений ясно: это постепенное исчезновение древних энклитических вариантов. Но скорость этого процесса в разных случаях различна. Факторы, от которых она зависит, таковы.

1. Книжный или некнижный характер памятника.

Механизм действия данного фактора ясен: некнижные памятники более прямо отражают развитие живого языка, тогда как книжные в той или иной степени сохраняют традиционные формы.

Особенно сильно этот фактор дает себя знать в эволюции главной группы местоимений, т. е. местоимений 1-го и 2-го лица ед. числа (*ми*, *ти*, *мѧ*, *тѧ*). Это непосредственно видно из сравнения двух частей диаграммы 1.

Из части А можно заключить, что в живом языке движение в сторону нового правила происходит довольно быстро: в некнижных памятниках на протяжении XI–XV веков коэффициент энклитичности в данной группе местоимений падает от 95% практически до нуля.

Из части Б видно, что в книжном языке этот процесс идет гораздо слабее. Здесь в основном сохраняется старое состояние: на протяжении X–XVII веков мы наблюдаем лишь довольно незначительное снижение коэффициента энклитичности от высших значений до 83% (памятник Ив. Грозн. II, где мало материала, не в счет).

В силу такого различия в скорости эволюции между живым языком и книжными памятниками древний тип употребления местоимений не позднее XIV века начинает восприниматься как стилистический признак книжности.

Примерно с XVII века живой язык уже достигает современного состояния. Между тем в книжных пассажах литературных сочинений (напр. у Аввакума) еще сохраняются некоторые элементы старой системы.

2. Различие между числами: единственное число консервативнее, чем множественное и двойственное.

Различие между единственным и множественным числом можно непосредственно наблюдать, сравнивая диаграмму 1 с диаграммами 2 и 3.

В XIV–XV вв. из энклитик сохраняются в основном лишь *ми*, *ти*, *мѧ*, *тѧ*, в более позднее время — только они. В XVI в. уже даже в книжных памятниках энклитических вариантов во множественном (и тем более в двойственном) числе уже больше нет.

Причина здесь, по-видимому, лежит в общем типологическом принципе, согласно которому немаркированные формы сохраняют внутри себя большее число внешне выраженных грамматических противопоставлений, чем маркированные (ср., например, большее число различающихся падежей в единственном числе, чем во множественном и двойственном, и т. п.).

Следует заметить, что у местоимений множественного и двойственного числа во всех славянских языках — даже тех, где и поныне в единственном числе сохраняется парность полноударного и энклитического вариантов, — развитие пошло по тому же пути, что в русском, т. е. древние энклитические варианты утратились. Это значит, что указанный типологический принцип активно проявлял себя и там, где прочие факторы, приводившие к утрате энклитик, отсутствовали или не действовали.

3. Различие между падежами: в Д. мн. процесс начинается раньше, чем в В. мн. (правда заканчивается практически одновременно); ср. диаграммы 2 и 3.

Как уже отмечено выше, наряду с основным вариантом развития местоимений существовал и особый вариант, при котором в Д. мн. и Д. дв. энклитические формы были почти целиком вытеснены полноударными уже в очень раннюю эпоху. Допустимо предположение, что в литературных древнерусских памятниках (таких, как Феод. и Флав.) данный эффект есть следствие подражания старославянским образцам. Но следует учитывать, что пониженный (в той или иной степени) по сравнению с остальными рубриками коэффициент энклитичности в Д. мн. и Д. дв. представлен и во всех прочих раннедревнерусских памятниках, не исключая даже Киев-Д и ранних берестяных грамот. Поэтому, хотя подражание старославянским образцам могло играть здесь определенную роль, оно было не единственным фактором, определявшим данный эффект, — эволюция такого же типа началась и в живом древнерусском языке XI–XII вв.

Главной причиной раннего устранения словоформ Д. мн. *ны*, *вы*, по-видимому, была уникальность того типа падежного синкретизма (Д. = В.), который представлен в этих словоформах; см. об этом § 3.6 (конец).

4. Различие между лицами: подобно множественному числу ведет себя также 3-е лицо; см. диаграмму 4. В XIV–XV вв. энклитические формы местоимений 3-го лица представляют собой уже большую редкость; в XVI в. их уже вообще нет.

§ 3.16. К анализу истории энклитических местоимений следует добавить замечание о тенденции к превращению в энклитики, которая наблюдается у некоторых местоименных словоформ, с исторической точки зрения акцентно самостоятельных.

Данное явление хорошо известно в южно- и западнославянских языках. В частности, у полноударных местоименных словоформ *jego* и *jemu* практически во всех этих языках со временем развились вторичные варианты *go* и *mu* (с усечением начального слога), являющиеся энклитиками. (Заметим, что такое усечение, очевидно, было не предпосылкой энклитического употребления, а его следствием.)

В русском языке подобного усечения не было. Но сама тенденция использовать в определенных случаях эти и некоторые другие местоименные словоформы в качестве энклитик несомненно существует. Так, в современном русском языке в роли энклитик могут выступать, в частности, *его*, *ему*, *ее*, *ей*, *их*, *им*. Например, во фразе *Ведь я <u>их</u> не знаю* словоформа *их* полностью лишена

ударения. В ряде других случаев, скажем, во фразе *Кто <u>его</u> знает, где он* эти словоформы выступают с ослабленным ударением.

В древних источниках имеются единичные примеры, которые в принципе могут быть интерпретированы как ранние проявления именно такой просодической инновации. Вот фразы из ЖАЮ, где словоформы *ему* и *его* стоят между глаголом и энклитикой, то есть в позиции, которую могут занимать только энклитики: *и створилъ ѥму ѥси срамъ великъ* 15г; *прѣвратилъ єго єси с высока долȣ въ срамъ* С25. (Ср. также § 1.2, примеч. 1, где обсуждается возможность аналогичной интерпретации для примера *и окрадони ѿ ного ѥсми* 370п.)

Более многочисленны фразы (встречающиеся в основном в ЖАЮ), где справа от *его*, *ему*, *ихъ* стоит словоформа *есть* или *суть*, например: *взѧлъ ѥго ѥсть дьꙗволъ себѣ* (ЖАЮ, 24а); см. эти примеры в § 5.8. Но такие фразы недостаточно показательны, поскольку словоформы *есть*, *суть* могли быть и полноударными (а в этом случае уже ничто не мешало свободному порядку слов). Во фразе *ты бо ѥму ѥси вдала власть* (ЖАЮ, 42в) словоформа *ему* стоит между энклитиками, то есть тоже в позиции, характерной для энклитик. Но здесь все же нельзя исключать возможность барьера после *бо* (с разделением энклитик), и тогда *ѥму* полноударно.

Таким образом, существенный материал по данному вопросу фактически ограничивается всего двумя фразами из ЖАЮ с *ѥму ѥси*, *ѥго ѥси* после глагола. Но даже и словоформа *еси* в единичных случаях могла функционировать как полноударная.

В этой ситуации следует признать, что, хотя в принципе тенденция к энклитическому употреблению словоформ *ему*, *его*, *еи*, *еѣ*, *имъ*, *ихъ* вполне могла возникнуть в истории русского языка достаточно рано, мы все же не располагаем надежными свидетельствами того, что эти словоформы могли выступать в роли энклитик уже в древнерусский период.

Глава четвертая

ЭВОЛЮЦИЯ ЭНКЛИТИКИ *СѦ*

ОСОБОЕ ПОЛОЖЕНИЕ *СѦ* В СИСТЕМЕ ЭНКЛИТИК

§ 4.1. Из всех энклитик наибольший интерес для историка русского языка представляет эволюция энклитики *сѧ*. Эта энклитика прошла наиболее сложный путь развития: на протяжении десяти веков она радикально трансформировала свои синтаксические свойства, превратившись из отдельного слова в морфему. На ее примере мы имеем редкую возможность проследить эту интересную трансформацию непосредственно по памятникам, поскольку все этапы этой эволюции приходятся на хорошо документированные памятниками периоды истории русского языка.

Трудность здесь только в том, что необходимо обозреть весьма значительные объемы материала — постепенные медленные сдвиги такого рода можно уловить лишь средствами статистики, которая, как известно, становится надежным орудием только при обработке достаточно большого материала.

Даже самое беглое сравнение древнерусского языка с современным позволяет понять, что основной вектор развития в данном случае — это переход от ситуации, когда возможна как постпозиция, так и препозиция *сѧ*, к ситуации, когда допустима уже только его контактная постпозиция при глаголе.

Но для нас существенно не только констатировать эту очевидную истину, но и изучить те языковые механизмы, которые позволили осуществиться такой трансформации.

Нас будут интересовать только такие фразы, где сказуемое стоит не в начале: во фразах с начальным сказуемым в ходе истории в этом отношении ничего не менялось, поскольку здесь новые и древние правила требуют одного и того же — постановки энклитик непосредственно после глагола.

Как уже было показано выше, основной механизм, который позволял фразовым энклитикам уходить вправо от их главного вакернагелевского места — конца первой тактовой группы клаузы, — это использование ритмико-синтаксических барьеров. Понятно, что чем больше барьеров реализовано во фразе, тем дальше энклитики, в частности *сѧ*, отодвигаются вправо. В предельном случае самый правый барьер оказывается непосредственно перед сказуемым, и тогда *сѧ* попадает именно в ту позицию, которая ныне для него стала единственно возможной.

Эволюция *сѧ* выглядит тем самым так, как если бы со временем говорящие использовали все больше и больше барьеров и в конце концов стали с полной обязательностью ставить барьер непосредственно перед сказуемым.

Но такая версия приходит в противоречие с тем фактом, что барьеры в принципе применяются не случайно и не бесцельно, а в соответствии с жела-

нием говорящего придать некоторой части фразы дополнительный вес, выделить ее, несколько отделив от остальных частей. И было бы странно предполагать, что люди прошлого очень мало пользовались средствами выделения, а современные люди выделяют почти все звенья фразы. Непосредственное наблюдение над употреблением возвратных глаголов в современном русском языке не дает никаких оснований предполагать, что перед каждым из них в речи реализуется некий ритмико-синтаксический барьер.

Следует полагать, что эволюция здесь в действительности была двусторонней. С одной стороны, барьеры, диктуемые потребностью выделения, порождали фразы со сдвинутым вправо *сѧ*. В некоторых типах фраз в силу их синтаксических или семантических особенностей благоприятные условия для постановки барьера возникали особенно часто; постепенно сдвиг энклитик здесь сам становился характерной особенностью таких фраз.

Но, с другой стороны, в чем большей степени сдвиг энклитик в таких фразах становился привычным и обычным, тем меньше он нуждался для своей реализации в выделении каких бы то ни было элементов фразы. Конечной фазой такого развития является обязательность некоторого порядка элементов, а, как известно, обязательное не может служить ни для какого выделения. Так, нынешнее обязательное положение *сѧ* на конце глагольной словоформы уже ни в какой степени не может быть формой выражения того, что предглагольная часть фразы как-то выделена (как это было в древности).

§ 4.2. Наблюдения над памятниками действительно позволяют выделить определенные типы фраз, где сдвиг *сѧ* слева направо по фразе происходил интенсивнее, чем в других типах.

Выясняется, что частота применения постпозиции *сѧ* в некотором типе фраз того или иного памятника зависит от двух основных характеристик:

1) тип фразы, благоприятствующий или не благоприятствующий постпозиции *сѧ*;

2) степень общей продвинутости памятника по пути эволюции от древнего состояния к новому.

Существенно, что второе, как мы увидим ниже, отнюдь не находится в прямом соответствии с тем, к какому хронологическому периоду относится памятник. Много важнее оказывается общая установка автора или переводчика, которая может предполагать бóльшую или меньшую близость к живой речи.

Ниже рассматриваются более подробно те факторы, которые способствуют или не способствуют постпозиции *сѧ*, а затем различные группы памятников (разных эпох), отражающие разные ступени указанной эволюции. Причин появления того или иного конкретного барьера мы уже более не обсуждаем, а ограничиваемся простой констатацией препозиции или постпозиции *сѧ*.

Здесь необходимо еще раз подчеркнуть, что закон Вакернагеля — это один из автоматизмов живой разговорной речи. Письменная речь (равно как и ее устное воспроизведение при чтении написанного) может быть в большей или меньшей мере близка к живой речи, но все же никогда не совпадает с ней на сто процентов. Диапазон вариаций здесь весьма велик. Так, берестяные гра-

моты весьма близки к точной передаче устной речи. На противоположном полюсе находятся, например, богословские сочинения или художественные произведения, подчиненные эстетике «плетения словес». Последние не только не следуют устной речи, но совершенно сознательно от нее отталкиваются; успехом стиля здесь считается максимальная непохожесть на устную речь.

Письменная речь может, в частности, иметь существенно иной порядок слов, чем выражение той же мысли в живом разговоре. И при чтении вслух письменного текста возможны более частые и более ощутимые паузы между элементами фразы, чем в обычной речи; слова могут произноситься с более заметным отделением друг от друга. Особенно силен этот эффект в практике устного чтения сакральных текстов. Клитика, произнесенная отдельно, неизбежно получает самостоятельное ударение и тем самым уже перестает быть клитикой. В этих условиях, естественно, частично или даже полностью утрачивают силу и автоматизмы устной речи, касающиеся порядка слов, в частности, закон Вакернагеля.

Понятно, что этот эффект тем сильнее, чем активнее проявляется установка пишущего на удаление от устной речи. Имея дело с древнерусскими письменными текстами, приходится постоянно принимать во внимание этот фактор. Рассматривая конкретный памятник, необходимо прежде всего учитывать, какое место он занимает на шкале книжности.

Помимо общей оценки памятника с точки зрения его близости к живой речи или удаления от нее, нужно принимать во внимание и степень книжности отдельных грамматических форм или оборотов, представленных в конкретных фразах. Даже и в составе памятников, в основном ориентированных на живую речь, возможны отдельные грамматические формы или обороты книжного характера. В таких отрезках текста вакернагелевский механизм работает хуже, чем в основной части памятника.

Другое важное обстоятельство, которое необходимо учитывать, состоит в том, что закон Вакернагеля наиболее активно действует в самых простых типах клауз — прежде всего в таких, которые содержат, помимо энклитик, только глагол-предикат и небольшое число подчиненных глаголу слов. Всякое усложнение этой простейшей схемы — даже простое увеличение числа слов в клаузе — несколько затрудняет действие этого закона.

Наибольшее затруднение такого рода возникает в том случае, когда вместо глагола-предиката предикативным центром клаузы оказывается неличная форма. Так, причастие совмещает функции предиката и определения, деепричастие — функции предиката и обстоятельства, инфинитив — функции предиката и дополнения (или подлежащего). Между тем закон Вакернагеля — это в принципе механизм, связанный с предикатом (а именно, определяющий место энклитик, подчиненных предикату). Поэтому чем сильнее удаляется некоторая глагольная словоформа от собственно предикативной функции в сторону каких-то иных функций, тем слабее действует в отношении подчиненных ей энклитик автоматизм закона Вакернагеля. Соответственно, мы находим гораздо больше отклонений от закона Вакернагеля при неличных формах, чем при личных.

Дополнительные сведения о классификации клауз

§ 4.3. При изучении *сѧ*, как и любых других энклитик, мы опираемся на классификацию клауз, описанную в § 1.29. Но с практической точки зрения оказывается полезно выделить в составе общей совокупности клауз некоторую центральную, наиболее существенную для нашего исследования часть и заниматься в первую очередь именно ею. Эту центральную часть можно обозначить как основной массив клауз.

Не входят в основной массив клаузы:

а) где *сѧ* относится к собственно причастию;

б) где *сѧ* относится к супину;

в) начинающиеся с проклитико-энклитического комплекса (см. также § 4.11 относительно последствий, которые из этого вытекают для частицы *да*)[38];

г) начинающиеся с вспомогательного глагола.

В этих периферийных категориях клауз поведение *сѧ* подчиняется различным частным правилам, поэтому целесообразно не включать их в общие подсчеты, чтобы не затемнять те более общие механизмы, которые действуют в основном массиве клауз.

Для основного массива мы используем единую нумерацию классов (при этом для дальнейшего описания оказалось удобным поместить класс клауз с аористом и имперфектом в самый конец совокупности простых клауз). В результате получается следующая рабочая классификация (пояснения относительно всех выделяемых классов см. в § 1.29).

Классификация основного массива клауз

Простые клаузы						Осложненные	
Живые личные формы			Подч. инф.	Дее-прич.	Аор./импф.	Много-актант.	Тя-жел.
Начальн. местоим.	Нач. союз	Нач. знамен.					
1	2	3	4	5	6	7	8

Точное наименование отдельного класса (в особенности классов 1–3), разумеется, было бы недопустимо громоздким. Например, класс 1 — это простые клаузы со сказуемым в личной форме, но не аористе или имперфекте, начинающиеся с местоименного слова. Поэтому ниже эти классы обозначаются просто номерами и/или условными ярлыками:

1 (с начальным местоимением [или просто: начальное местоимение; аналогично и далее в классах 2–6]);

2 (с начальным союзом);

3 (с начальным знаменательным словом);

---

[38] Изредка встречаются клаузы, где проклитико-энклитический комплекс стоит не в начале (например, *скоро да сѧ събудеть*). Их мы тоже условимся исключать из основного массива.

4 (с подчиненным инфинитивом);
5 (с деепричастием);
6 (с аористом/имперфектом);
7 (многоактантные);
8 (тяжелые).

Следует помнить, что это именно условные (сокращенные) наименования; например, ярлык «с начальным местоимением» реально покрывает не все клаузы с начальным местоимением, а только клаузы класса 1.

Там, где дается не только ярлык, но также и номер класса, ярлык может быть сокращен еще сильнее, например: 1 (мест.), 4 (инф.).

Коэффициент препозиции *сѧ* (Q) может быть вычислен по отдельности для каждого из этих классов; мы обозначаем его соответственно Q(1), Q(2) и т. д. Но вместо номера может быть дано и сокращенное имя класса, например, Q(мест.) = Q(1), Q(союз) = Q(2). Коэффициент препозиции *сѧ* по сумме классов 1–8 мы будем обозначать Q(общ.).

Наиболее общая зависимость между приведенной классификацией и препозицией *сѧ* такова: благоприятны для препозиции *сѧ* (хотя и в неравной степени) первые четыре класса, т. е. основная группа личных форм и инфинитив. Остальные классы в большей или меньшей степени неблагоприятны для препозиции *сѧ*.

При классификации представленных в памятниках клауз неизбежно приходится сталкиваться в числе прочих также с неочевидными и спорными случаями, когда синтаксическая структура и/или значение клаузы могут быть истолкованы по-разному. Простейший пример: *ютро же възвраштъ сѧ въ градъ възалка* (Мар., Матф. 21.18) — к чему относится *ютро* 'утром': к *възвраштъ сѧ* или к *възалка*? Синтаксически допустимо как то, так и другое, а с семантической точки зрения здесь можно говорить только о предпочтениях, но не об однозначном решении.

Иногда такое различие версий оказывается существенным для интересующей нас проблемы размещения энклитик; но чаще это влияет (впрочем, весьма незначительно) только на подсчеты численности тех или иных групп клауз.

Разумеется, составить общие предписания для всех трудных случаев такого рода невозможно; и в рамках нашей основной задачи в этом и нет необходимости. Но полезны все же некоторые технические указания, повышающие уровень единообразия в описании разных памятников. Приводим их (частично повторяя указания, уже дававшиеся ранее).

К местоименным наречиям относим *тако*, *како*, *ꙗко* (не как изъяснительный союз), *гдѣ*, *сьдѣ*, *тамо*, *коли*, *когда*, *тогда* (тогда как, в частности, *нынѣ* квалифицируется как обычное наречие).

Полезно напомнить, что *ꙗко* (в функции изъяснительного союза) и *се* 'вот' ведут себя как проклитики; соответственно, в сочетании с последующей энклитикой они образуют комплексы, т. е. полноударные единицы (например, *ꙗко же*, *се же*).

Самъ сѧ в значении 'сам себя' из подсчетов исключается: этот оборот превратился в устойчивое сочетание, которое уже не подчиняется общим правилам размещения энклитики *сѧ* (см. о нем § 1.31) и может встретиться даже в памятниках, где препозиции *сѧ* уже вообще нет. По той же причине из подсчетов исключается устойчивое сочетание *милъ сѧ дѣю* 'умоляю'.

Исключаются из подсчетов также цитаты из Псалтири и Евангелия, поскольку по поведению *сѧ* они могут совершенно не соответствовать собственным нормам памятника. (Возможно, впрочем, что кое-где цитата осталась неопознанной; но со статистической точки зрения этот факт ничтожен и никакого существенного искажения результатов дать не может.)

Словосочетание *крестъ цѣловати* во многих случаях ведет себя в просодическом отношении подобно единому сложному слову. Условимся поэтому не относить клаузу к числу многоактантных, если от простой она отличается только наличием слова *крестъ* (из данного словосочетания).

Поведение *сѧ* в зависимости от характера предикативной словоформы

§ 4.4. Рассмотрим последовательно разные классы клауз с точки зрения их воздействия на поведение *сѧ*. Начнем с эффектов, которые зависят от грамматических характеристик предикативной словоформы.

Клаузы с собственно причастием

Клаузы, где *сѧ* относится к собственно причастию (т. е. причастию в членной форме и/или в косвенном падеже), максимально неблагоприятны для препозиции *сѧ*. Даже в памятниках с очень высоким общим коэффициентом препозиции *сѧ* при собственно причастиях препозитивное *сѧ* почти не встречается.

Во всем обследованном корпусе текстов отмечено всего несколько примеров такого рода, а именно:

ЖАЮ — *а Бг҃у сѧ рꙋгающю прѣльсти моєꙗ* ... С166;

видѧ єго сотона тако сѧ исполнивъша сребролюбиимь, веселѧшесѧ 31б;

нѣсмь бо видилъ николиже никогоже тако сѧ плачюща о мертвѣцѣ 24а.

Флав. — *гражаном же сѧ сѣкоу́щимъ между собою безъ престани* ... 436в/г.

Супр. — *тако же сѧ оубо съконьчавъшоу ст҃оуоумоу Иωнѣ* ... III–1.

Безусловной нормой здесь является постпозиция *сѧ* — даже в ситуации, когда перед причастием стоит подчиненное ему слово, в обычном случае легко притягивающее к себе энклитики, например:

и потомъ, никомоу же не противѧщюсѧ ємꙋ сло́вомъ ... (Флав., 373б);

держим же Игорь, видѣ брата своєго Всеволода крѣпко борющасѧ (Киев. лет. [1185], 224 об.).

Такой сильный эффект, очевидно, определяется соединением сразу двух главнейших факторов, затрудняющих действие закона Вакернагеля. Во-первых, собственно причастия носили, по крайней мере на древнерусской почве, сугубо книжный характер: в живой речи их просто не было. Во-вторых, собственно причастия по своей синтаксической функции сильно удалены от исходной роли предиката (см. об этом выше), и фразы с причастиями как правило обладают значительной степенью сложности.

Роль препозиции в этом классе клауз столь близка к нулю, что ниже мы уже просто не включаем данные по собственно причастиям в подсчеты, связанные с поведением *сѧ*, чтобы не затемнять реальные количественные соотношения между памятниками балластом из нулей.

Клаузы с супином

§ 4.5. Эффект супина — практически такой же, как у собственно причастий. Отмечено всего несколько примеров препозиции *сѧ* при супине. Чистый случай в сущности всего один: *идевѣ сѧ сама боротъ* (ПВЛ [1022], 60).

Кроме того, можно указать фразу с двойным *сѧ* — *идоущимъ же сѧ имъ битсѧ, Андрѣи поча рѧдити полкъ ѿц҃а своего* (Киев. лет. [1151], 158) и несколько фраз с одним *сѧ* на два глагола (подчиняющее *съступишасѧ*, *съвкупишасѧ*, *творѧхутьсѧ* и подчиненное *сѧ битъ*):

и съступишас(ѧ) битъ (ПВЛ [965], 19);

и сступиша сѧ битъ (Сузд. лет. [1152], 113 об.);

и не совкупиша сѧ битъ (Сузд. лет. [1177], 180);

бы[с] *же лесть въ Берендичихъ, творѧхуть бо сѧ бить приѣздѧче к городу* (Киев. лет. [1159], 179 об.; здесь соединены конструкции *творѧхуть сѧ приѣздѧче* 'утверждали, что приезжают' и *приѣздѧче сѧ бить* 'приезжают биться'; *сѧ бить* — супин с новым окончанием).

Во всех остальных случаях *сѧ* при супине стоит в постпозиции, например:

и поидоша битсѧ (Киев. лет. [1151], 157);

и иде поклонитсѧ къ ст҃му Михаилу в манастырь (ПВЛ [1097], 87) и т. п.

Причины данного эффекта в значительной мере сходны с теми, которые указаны выше для собственно причастий. Во-первых, супин представлял собой отмирающую, уходящую в прошлое категорию, уже в основном чуждую живой речи. Во-вторых, действовал фактор удаления от собственно предикативной функции.

Как и собственно причастия, ниже супины из подсчетов исключаются.

Клаузы с деепричастием

§ 4.6. Здесь и в двух последующих параграфах (§ 4.7–8) мы рассматриваем только материал <u>простых</u> клауз (что́ в заголовках уже более не отмечается).

При деепричастиях препозиция *сѧ* представлена заметно шире, чем при собственно причастиях. Но все же она встречается здесь реже, чем при личных формах, а в части памятников даже просто отсутствует.

Сравним в рамках простых клауз[39] $Q_{(5)}$ (коэффициент препозиции *сѧ* при деепричастиях) и $Q_{(1–3)}$ (коэффициент препозиции *сѧ* при личных формах, активно используемых в живой речи, — презенсе, императиве, перфекте, плюсквамперфекте).

Коэффициент препозиции *сѧ* может быть выражен в процентах или непосредственно в виде дроби a/b, где a — численность примеров препозиции *сѧ*, b — общая численность примеров с неавтоматической постановкой *сѧ*. Для большей наглядности в наиболее важных рубриках использованы оба эти способа представления сразу.

---

[39] Подсчитывать то же самое на всем объеме, т.е. с включением осложненных клауз, не имеет смысла, поскольку осложненность действует сильнее, чем фактор деепричастия, и следовательно, итоги подсчетов будут сильно зависеть просто от того, много ли в памятнике осложненных клауз.

Ниже в виде таблицы приведены данные нескольких важных памятников. Поскольку материал по *сѧ* при деепричастиях вообще довольно ограничен, здесь пришлось включить в таблицу также и некоторые памятники, где клауз класса 5 (с деепричастием) совсем мало. В таких случаях для Q(5) проценты не выписываются, поскольку они создавали бы лишь иллюзию точности.

Здесь и в последующих таблицах в квадратных скобках указано общее количество представленных в памятнике примеров с неавтоматической постановкой *сѧ* в классах 1–8. Эта цифра показывает «калибр» памятника и позволяет оценить степень показательности соответствующих статистических данных.

Поведение *сѧ* в клаузах с деепричастием

		Q (1–3)	Q(5) – дееприч.
Небольшое различие коэффициентов			
Ранн. бер. грам.	[30]	*85%*	4/4
Киев-Д	[188]	*66%*	3/5
Житие Мефодия	[28]	*82%*	2/3
Мариинск. ев.	[468]	*11%*	1/10
Существенное различие коэффициентов			
ЖАЮ	[544]	*64%*	*37%* (14/38)
Супр.	[689]	*42%*	*17%* (8/48)
Флавий	[1115]	*16%*	*7%* (6/91)
Резкое различие коэффициентов			
Киев. лет. (автор.)	[533]	*30%*	*7%* (3/43)
ПВЛ	[422]	*34%*	*0%* (0/12)
Гал.-Волын. лет.	[264]	*26%*	*0%* (0/18)

Как видно из таблицы, только в ранних берестяных грамотах, возможно, еще сохранилась предполагаемая первоначальная ситуация, когда деепричастия давали препозицию *сѧ* без всяких ограничений. Но здесь представлено всего четыре примера, так что о серьезных статистических выводах говорить не приходится. Материал ранних берестяных грамот и Киев-Д см. в § 2.16.

К сожалению, крайне ограничен также и материал других памятников, где Q(5) мало отличается от Q(1–3) (Житие Мефодия, Мариинское ев.). Фразы с препозицией *сѧ* здесь таковы:

вьсѣмъ бо сѧ оуподобль (Мефод., 104в);

Бж҃ии сѧ ꙗвль (там же, 103б);

нъ і оц҃а своего г҃лаше Б҃а, ∇ ра{ра}венъ сѧ творѧ Б҃оу (Мар., Ио. 5.18).

Существенно больше интересующих нас примеров содержат некоторые из крупных памятников — Супрасльский кодекс, Житие Андрея Юродивого, Флавий. В частности:

Супр. — *и тѣмъ сѧ примиривъ съ нами* 56;

Богоу сѧ на оучѧстиѥ въдавъ III–6;

и зѣло сѧ въздрадовавъ, рече 74 об.;
и оу чрътога сѣдиши, ∇ издавъна сѧ троудѧ III–34.
ЖАЮ — *неистов сѧ дѣꙗ* 4;
завистию сѧ ражьжегъ С49;
и видивъ ѥго, ∇ малы сѧ пролыснувъ, реч(е) 46б;
а в ризы сѧ облача, литургисаше 48б;
и издалеча сѧ поклонивъ, мимоидохъ С22;
он же // велми сѧ разъгнѣвавъ на нѧ ... С49 об.;
дивно же се бѣаше Ѥпифану 〈...〉, ∇ *ꙗко° ѥмуже сѧ не оучивъ, гл҃аше* 16г.
Флав. — *ни мене сѧ стыдѧще, ни своѥго ѡроужїѧ* 449б;
и ѡдва сѧ ѡчютивъ, въпроша́ше 356а;
просѧ проще́нїа, ∇ *и с҆квернъ сѧ възываа и ѡка́ненъ* 371б.

Но, как видно из таблицы, во всех этих памятниках препозиция *сѧ* при деепричастиях представлена все же гораздо реже, чем при личных формах.

В прочих памятниках отмечены лишь единичные примеры, в частности:
и томоу стоꙗшеть бьꙗсѧ, ∇ *с ними сѧ перемагаꙗсѧ* (Киев. лет. [1140], 112 об.; двойное *сѧ*);
смр҃ти бо сѧ, дѣти, не боꙗчи, ни рати, ни ѿ звѣри, но мужьскоє дѣло творите (Мономах, 83);
съмѣрꙗше сꙗ, ∇ *послѣдьнии сꙗ вьсѣхъ творꙗ и слоужьбьникъ* (Феод., 42г);
аще тебе хоулитъ кто оуноша, и ты, ∇ *за сѣдиноу сѧ емъ, кажешь свою старость к немоу* ... (Пчела, 433).

И имеется значительная группа памятников (прежде всего летописей), где препозиция *сѧ* при деепричастиях не встречается вообще (застывший оборот *милъ сѧ дѣꙗ* 'умоляя', как уже было оговорено выше, не в счет).

Как понятно из таблицы, нормой для безусловного большинства памятников является постпозиция *сѧ*. Примеры:
мало причастивсѧ ѿ того, дивлѧшесѧ сласти тои (ЖАЮ, 14а);
ѿ конѧ спадаꙗсѧ ... (Мономах, 83);
и за роукы ємлющесѧ сѣча́хꙋ (Флав., 442а);
азъ же, того оубоꙗвъсѧ, придохъ на нь (ПВЛ, 24);
и опѧть воротивъше сѧ ... (НПЛ, 36) и т. п.

Представляет значительный интерес специфический показатель, характеризующий деепричастия, — величина разрыва между коэффициентами $Q_{(1–3)}$ и $Q_{(5)}$, т. е. мера различия в частоте препозиции *сѧ* при личных формах и при деепричастиях. Как можно видеть из таблицы, в древнейших памятниках — в старославянских Мариинском евангелии и Житии Мефодия, равно как в ранних берестяных грамотах и Киев-Д, — этого разрыва еще в сущности просто нет. Он появляется лишь во второй группе, где самым древним является Супрасльский кодекс. А максимальных значений этот разрыв достигает в последней группе, которая в нашей таблице представлена древнерусскими летописями. Сюда же относятся и многочисленные более поздние памятники, где препозиции при деепричастиях нет вообще.

В отличие от собственно причастий, деепричастия были вполне употребительны в живой речи. Очевидно, этим и объясняется намного более частая, чем

при собственно причастиях, препозиция *сѧ*. А фактором, который в ходе истории начиная с какого-то момента уже ощутимо снижает эту частоту, здесь оказывается только синтаксическая функция деепричастий, уже существенно отличная от собственно предикативной функции личных форм.

Клаузы с аористом или имперфектом

§ 4.7. Практически во всех обследованных памятниках коэффициент препозиции *сѧ* при сказуемом в аористе или имперфекте оказывается ниже, чем при сказуемом в других личных формах или инфинитиве.

Сравним в рамках простых клауз Q(6) (коэффициент препозиции *сѧ* при сказуемом в аористе или имперфекте) с Q(1–3) (коэффициентом препозиции *сѧ* при других личных формах (презенсе, императиве, перфекте, плюсквамперфекте), т. е. при формах, активно используемых в живой речи.

Приводим данные нескольких памятников, содержащих удовлетворительное количество материала (а именно, не менее 20 клауз класса 6).

Поведение *сѧ* в клаузах с аористом и имперфектом

	Q (1–3)	Q(6) – аор./импф.
Умеренное различие коэффициентов		
Супр. [689]	*42%*	*20%* (23/113)
Мариинское ев. [468]	*11%*	*7%* (7/105)
ЖАЮ [544]	*64%*	*43%* (27/63)
НПЛ-1 [186]	*50%*	*18%* (8/45)
Флавий [1115]	*16%*	*6%* (18/299)
Резкое различие коэффициентов		
ПВЛ [422]	*34%*	*8%* (12/143)
Киев. лет. (автор.) [533]	*30%*	*3%* (4/160)
Даниил [149]	*24%*	*3%* (1/34)
НПЛ-3 [130]	*19%*	*0%* (0/22)

Как можно видеть, в части памятников присутствие аориста или имперфекта влияет на позицию *сѧ* очень сильно.

Из числа крупных памятников только в ЖАЮ показатель Q(6) превышает 40%. Примеры фраз из ЖАЮ с препозицией *сѧ*:

да ꙗко же сѧ обѣща 33г;

и срдце ми сѧ оужасе С12 об.;

размышлѧꙗ, кдѣ ли ѥсмь былъ, ∇ кдѣ ли сѧ обрѣтохъ С24;

ѥгда же ли сѧ ѥму не хотѧше ходити в нощи 8г.

В памятниках Мефод., Мономах, СПИ показатель Q(6) формально тоже высок, но материала в них слишком мало для статистических заключений (всего 3–6 клауз класса 6). Примеры фраз с препозицией *сѧ*:

поути сѧ ѩтъ (Мефод., 105б);

и то ми сѧ вынѧ (Мономах, 78);

и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святъславъ, // *тъмою ся поволокоста* (СПИ, 103).

Во всех прочих памятниках при аористе и имперфекте безусловно преобладает или даже полностью господствует препозиция *сѧ*. Вот некоторые примеры:

Препозиция — редко	Постпозиция — норма
и съвръгъ ризы, ∇ къ нагыимъ сѧ примѣси (Супр., 48)	*не отъ жены ли роди сѧ* (Супр., 4 об.)
да то сѧ зваху ѿ Грекъ Великая Скуфь (ПВЛ, 5)	*да ови обѣштаваахѫ сѧ, дроузиї же не покораахѫ сѧ* (Супр., 17)
и тако сѧ оуправиша по воли (НПЛ [1177], 41 об.)	*тъгда събърашѧ сѧ архиереи и кънижъници* (Мар., Мт. 26.3)
	і егда испльнишѧ сѧ дьнье очиштениѣ ею (Мар., Лк. 2.22)
	и тако разидесѧ словѣньскии языкъ (ПВЛ, 2 об.)
	и ту створишасѧ врата мѣдѧна (ПВЛ, 85 об.)
	и тамо прѣстависѧ (НПЛ [1156], 29)
	и они передашасѧ (НПЛ [1209], 74)
	и мало не смерчесѧ (Киев. лет. [1124], 107 об.)
	Дюрги же възворотисѧ в Киевъ (Киев. лет. [1155], 173)
	и тогда раздрася церковная катапетазма, и камение распадеся (Дан.)
	и мно́ѕи прельстишасѧ (Флав., 348б)

Вот особенно наглядный пример, где в одной фразе мы находим в совершенно однотипных клаузах препозицию *сѧ* при перфекте и постпозицию при аористе (того же глагола):

и дасть ему оц҃ь его Лучинъ городъ, въ нѣмже родисѧ, и поставиша на томь мѣстѣ цркв҃ь ст҃го Михаила, кде сѧ родилъ (Киев. лет. [1173], 201 об.).

Для русских памятников описанный эффект аориста и имперфекта естественно связывать с фактором книжности: аорист и имперфект отсутствуют в живой речи, соответственно фразы с этими временами возникают только в условиях, где автоматизмы устной речи частично или даже полностью теряют актуальность.

Правда, Мариинское евангелие и в особенности Супрасльский кодекс показывают, что и в старославянском препозиция *сѧ* при аористе использовалась несколько реже, чем при презенсе или перфекте. Очевидно, здесь действовали какие-то факторы, специфические для старославянского. Но для их выявления того ограниченного старославянского материала, который привлекается к рассмотрению в настоящей книге, недостаточно.

Клаузы со сказуемым в личных формах (но не аористе или имперфекте) и клаузы с подчиненным инфинитивом

§ 4.8. Клаузы названных категорий — это сфера, наиболее благоприятная для действия закона Вакернагеля. А внутри этой сферы максимально благоприятен для препозиции *сѧ* класс клауз с начальным местоименным словом.

Приводим цифровые данные по наиболее показательным памятникам. За немногими исключениями взяты только относительно крупные памятники (т. е. содержащие статистически значимый материал).

Поведение *сѧ* в разных классах простых клауз

	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.
Умеренные различия между классами				
Житие Мефодия	2/3	4/4	3/4	1/1
Ранн. бер. грам.	*92%* (12/13)	2/3	2/3	2/2
Киев-Д	*79%* (52/66)	*67%* (22/33)	*46%* (19/41)	*73%* (22/30)
ЖАЮ	*71%* (82/115)	*57%* (12/21)	*45%* (18/40)	*72%* (44/61)
Поздн. бер. грам.	*48%* (16/33)	3/6	*23%* (3/13)	1/2
Значительные различия между классами				
Общий случай				
Супр.	*63%* (20/32)	*72%* (13/18)	*16%* (7/45)	*19%* (14/75)
ПВЛ	*52%* (16/31)	*30%* (8/27)	*21%* (7/34)	*33%* (13/39)
Киев. лет. (автор.)	*50%* (9/18)	*27%* (4/15)	*0%* (0/11)	*43%* (28/65)
Гал.-Волын.	*15%* (2/13)	4/9	*24%* (4/17)	*35%* (12/34)
Памятники с очень низкими Q(знам.) и Q(инф.)				
Мариинск. ев.	*19%* (15/80)	*10%* (4/39)	*0%* (0/47)	*3%* (1/39)
Изборник 1076	*20%* (9/44)	*6%* (1/16)	*5%* (3/61)	*8%* (2/26)
Флавий	*23%* (20/87)	*25%* (14/55)	*6%* (7/120)	*4%* (3/73)
Пчела	*16%* (19/118)	*23%* (9/39)	*4%* (5/115)	*5%* (2/41)
Памятники с препозицией почти исключительно при начальном местоимении				
Даниил	*34%* (11/32)	0/5	0/8	1/3
Домострой	*18%* (2/11)	0/4	1/11	0/4
Грязной	4/6	—	0/6	0/2

Примеры см. ниже в обзоре памятников.

Как видно из таблицы, примерно одинаковый коэффициент препозиции *сѧ* во всех четырех рассматриваемых классах (если не считать некоторой склон-

ности к снижению этого коэффициента в классе 3) характерен для старших памятников, относительно близких к живой речи. Поскольку, судя по ряду признаков, именно эти памятники в наибольшей степени приближаются к предполагаемому исходному состоянию энклитик, можно думать, что первоначально никакого различия в поведении энклитик в этих четырех классах не было.

Но в большей части памятников представлено уже иное состояние, а именно, классы 2–4 уже менее благоприятны для препозиции *сѧ*, чем класс 1.

При этом, правда, в ряде памятников класс 2 дает примерно такие же показатели, как класс 1 (иногда даже несколько бóльшие).

Из частных особенностей можно отметить то, что ряд церковных и книжных памятников избегает препозиции *сѧ* при подчиненном инфинитиве и при знаменательном слове. Между тем русские летописи используют препозицию *сѧ* при подчиненном инфинитиве относительно активно.

В поздних памятниках препозиция *сѧ* за рамками клауз с начальным местоимением уже вообще почти не встречается.

Поведение *сѧ* в зависимости от степени сложности фразы

§ 4.9. Перейдем к другому параметру — степени сложности фразы. Рассмотрим более подробно, в чем именно может проявляться сложность фразы.

Многоактантные клаузы

По поведению многоактантных клауз можно подразделить памятники на три группы, в которых коэффициент препозиции *сѧ* в многоактантных клаузах соответственно: 1) примерно такой же, как в простых (иногда даже немного выше); 2) заметно ниже, чем в простых; 3) в 5–10 раз ниже, чем в простых, или даже равен нулю. Самая большая из них — группа 3; в группу 1 из богатых материалом памятников входят только Киев-Д и Афан. Ник.

Приводим количественные данные для ряда важных памятников всех трех групп (в основном таких, где сравнительно много материала).

Поведение *сѧ* в многоактантных клаузах

		$Q_{(1–3)}$	$Q_{(7)}$ – многоакт.
Слабое отличие многоактантных клауз от простых			
Киев-Д	[188]	*66%*	*70%* (21/30)
Афан. Никитин	[58]	*35%*	*43%* (6/14)
Заметное отличие многоактантных клауз от простых			
Супр.	[689]	*42%*	*12%* (25/210)
ЖАЮ	[544]	*64%*	*39%* (48/124)
Александрия	[236]	*47%*	*16%* (9/55)
ПВЛ	[422]	*34%*	*18%* (10/56)
Киев. лет. (автор.)	[533]	*30%*	*12%* (10/85)
Флавий	[1115]	*16%*	*6%* (12/186)

Резкое отличие многоактантных клауз от простых			
Мариинск. ев.	[468]	*11%*	*1,3%* (1/77)
НПЛ-1	[186]	*50%*	*10%* (2/20)
Гал.-Волын. лет.	[264]	*26%*	*2,6%* (1/38)
Пчела	[685]	*12%*	*2,7%* (10/372)
Грязной	[27]	*33%*	0/11

Ситуация, представленная в Киев-Д, позволяет предполагать, что первоначально фактор многоактантности никакой роли в размещении энклитик не играл. Весьма показательно огромное различие в данном отношении между Киев-Д и авторской частью Киевской летописи: Q(многоакт.) соответственно 70% и 12%. Даже из одного этого факта уже можно заключить, что тенденция к постпозиции *сѧ* в многоактантных клаузах — это книжная черта, тогда как в живой речи ее не было или она была гораздо слабее.

С этим выводом достаточно хорошо согласуются и показания ряда других памятников. Так, «Хожение» Афанасия Никитина, где многоактантность не влияет на поведение *сѧ*, и Житие Андрея Юродивого, где она влияет слабо, — это памятники, отражающие значительное число черт живого языка.

Были бы, конечно, весьма существенны показания берестяных грамот, в особенности ранних. Но, к сожалению, многоактантных клауз в них совсем мало (3 в ранних и 9 в поздних), так что никакая статистика здесь невозможна.

Препозиция *сѧ* в многоактантных клаузах бывает двух родов: обычная и смещенная. Обычная препозиция имеет место в клаузах без барьеров (скажем, *нынѣ сѧ еси съ братомь оумирилъ*), смещенная — в клаузах с барьером (скажем, *нынѣ // съ братомь сѧ еси оумирилъ*).

Вот некоторые примеры из памятников первых двух групп.

С обычной препозицией *сѧ*:

Киев-Д — *а ты сѧ еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ* [1154], 170 об.;
а вѣ сѧ своимъ братоᴹ и с҃нмъ Изѧславомъ сами вѣдаимы [1149], 141;
аче ти сѧ полки иструдѧть, а ѩ силнѣиши поущю другыѩ [1149], 140;
а се ти сѧ Романъ бродить, а ѿсуда Дв҃дъ [1167], 188;
а сѣмо сѧ за нами Днѣпръ рисполиваеть [1148], 132 об.

Супр. — *тѣмь сѧ таиныи подаѥтъ даръ* III–35 об.

СПИ — *Нъ ро⟨зн⟩о ся имъ хоботы пашутъ* 166;
И древо с(я) тугою къ земли прѣклонило 199;
На ниче ся годины обратиша 120.

ЖАЮ — *комуже ихъ гл҃ше своимь ѩзыкомъ,* ∇ *в немже сѧ ѥсть кождо ихъ родилъ* 17в;
сдѣ сѧ кончина оуставлѧєть 65б.

ПВЛ — *се бо ны сѧ по дань ѩли* 22;
на горѣ, ∇ *єже сѧ ныне зоветь Оугорьскоє* 8.

Киев. лет. (автор.) — *про се сѧ и Мьстиславъ разъгнѣвасѧ на нѣ* [1140], 112 об.;
а иного кн҃зѧ не искати, ∇ *ѡли сѧ с ниᴹ смр҃тью розлучити* [1168], 189.

Со смещенной препозицией *сѧ*:

Киев-Д — *доспѣваите вси, ∇ доколѣ // рѣкы сѧ оустановѧть* [1147], 131 об.;
ѡнъ же нынѣ // ворогъ ми сѧ оучинилъ [1196], 241.

Афан. Ник. — *а у жены // дитя ся родит, ино бабит муж* 448 об.;
Божиею благодатию // зло ся не учинило 457 об.
во Индѣискои же земли // кони ся у них не родят (Троицк. 373).

СПИ — *И съ нимъ молодая мѣсяца, // Олегъ и Святъславъ, // тъмою ся поволокоста* 103.

ЖАЮ — *и о семь // наиболе сѧ веселимъ* С168 об.;
коюѩ дѣлѧ вины // се сѧ юсть створило тебѣ 42б;
но не своюю силою // чл҃вкомь сѧ створивъ 66б;
нъ немлcтивъ чл҃вкъ и лютъ // на мнѣ сѧ юси ѩвилъ 30а.

ПВЛ — *а чл҃вкъ золъ // ни крcта сѧ боить* 46 об.

Александрия — *иже бо́гомъ насто́лникъ бы́въ, и съ сл҃нцемъ въсходивъ, ∇ ны́нѣ оубо̀ // бѣгунъ сѧ сътворихъ поу́стъ* 65.

Флав. — *и всѧ́ Галилеѧ // къ немоу сѧ приложи* 357в.

Разумеется, как ясно из таблицы, в этих памятниках имеются также, причем в большом количестве, многоактантные клаузы с постпозицией *сѧ*, скажем, *тамо аште и много плачемъ сѧ за грѣхы* (Супр. III–55 об.); *и во мнѣ сила моѩ мѧтетсѧ* (ЖАЮ, 61б); *но мы на преднѧѩ взвратимсѧ* (ПВЛ, часто); *Мьстиславъ же крѣпко прѧшесѧ по Климѣ* (Киев. лет. [1160], 180); и т. п.

В памятниках третьей группы (куда входит, помимо указанных выше, также много других памятников) в многоактантных клаузах господствует постпозиция *сѧ*. Ограничимся немногими примерами (знаки барьеров мы здесь во фразах с постпозицией *сѧ* предпочитаем не ставить, поскольку в них барьеров в принципе могло уже и не быть):

Мар. — *азъ николиже не съблажнѭ сѧ* (Мт. 26.33).

НПЛ — *и тако по грѣхомъ нашимъ разиде сѧ власть наша и градъ нашь* 81 об.

Клаузы с препозицией *сѧ* здесь весьма редки. Приводим примеры.

С обычной препозицией *сѧ*:

Мар. — *і не могѫтъ сѧ кънигы разорити* (Ио. 10.35).

Мефод. — *о нюмь же сѧ никто же николи же попеклъ* 104б;
оуже бо сѧ есть ѩко и при пещи оупотилъ 107а.

Изборник 1076 — *еда бы сѧ пакы къ грѣхоу обратилъ* 218 об.

ГВНП — *а гдѣ сѧ тѧжѧ родить* № 29 (1262 г.);
обы сѧ просто не уцинилосѧ № 44 (1373 г.) (двойное *сѧ*).

Со смещенной препозицией *сѧ*:

Мономах — *и в то же лѣт(о) // и дѣтѧ сѧ роди старѣишеє Новгородьскоє* 81.

Феод. — *и пакы // дѣлѣ сѩ своюмь къждо имѣшеть* 36а/б.

Шестоднев — *тии же разумнымъ друзи // на золь ся совратиша*;
и въ томъ часѣ // пакы // въ тѣлѣ ся своемъ обрящеть.

Изборник 1076 — *посредѣ вельможь // не равьнъ сѧ твори* 404.

Даниил — *и благодѣтью божиею // та ся 3 кандила вожгоша тогда*;
и лвове мнози // ту ся ражают;

Пчела — *иже ѿ всѧкоꙗ сладости // волею сѧ воздержить, моудръ ѥсть* 435.
Неизв. кн. — *или роусьскомоу гъстьи // притъча сѧ пригодить въ Ризѣ.*

Тяжелые клаузы

§ 4.10. Тяжелые клаузы сильнее всех прочих клауз склонны к постпозиции *сѧ*.

Вот максимально наглядные примеры, где в одном и том же тексте соседствуют фразы, различающиеся только легким или тяжелым началом, и это немедленно отражается на позиции *сѧ*:

Мономах, 79 об.: *и сему сѧ по[див]уємы* — а чуть выше: *и сему чюду // дивуємъсѧ*.

Киев-Д [1150], 151 об.: *съгрѣшилъ есмь и первое,* ∇ *а того сѧ каю* — а чуть ниже в том же монологе: *ны*[н] *же, ѿце, // того всего // каюсѧ*.

Приводим соответствующие цифровые данные для памятников, где имеется удовлетворительное количество материала (а именно, не менее 20 клауз класса 8 [но для Киев-Д сделано исключение]).

Поведение *сѧ* в тяжелых клаузах

	Q(1–3)	Q(8) – тяжел.
В тяжелых клаузах препозиция встречается лишь примерно вдвое реже, чем в простых		
Киев-Д [188]	*66%*	*31%* (4/13)
Даниил [149]	*24%*	*13%* (7/52)
В тяжелых клаузах препозиция встречается очень редко		
Супр. [689]	*42%*	*0,7%* (1/148)
ЖАЮ [544]	*64%*	*9%* (7/82)
НПЛ-1 [186]	*50%*	*2%* (2/103)
ПВЛ [422]	*34%*	*2,5%* (2/80)
Киев. лет. (автор.) [533]	*30%*	*0,7%* (1/136)
В тяжелых клаузах препозиция не встречается вообще		
Мариинск. ев. [468]	*11%*	0/71
Изборник 1076 [350]	*11%*	0/101
Флавий [1115]	*16%*	0/204
Гал.-Волын. лет. [264]	*26%*	0/36
ГВНП XIV–XV [54]	*35%*	0/22

Из числа памятников с недостаточным количеством материала ко второй из этих групп примыкают, частности, Мефод., СПИ, Афан. Никитин, к третьей — берестяные грамоты обоих периодов и Мономах.

Как ясно из таблицы, в тяжелых клаузах во всех памятниках господствует постпозиция *сѧ*. Примеры:

Киев-Д — *ѿц҃ю моему и своему брату // поклонишис(ѧ) Изѧславу* [1150], 148;
кн҃же, // велико зло // дѣетсѧ в городѣ [1161], 182 об.

Даниил — *и тѣми оконци // видиться святый тъ камень*.

Супр. — *и мѫжъ твоихъ // не боивѣ сѧ* 6 об.

ЖАЮ — *ѿ сего всего // хранисѧ* 35б;
в памѧт ст҃ыхъ // причащаисѧ С170;
о которыхь грѣсѣхъ // род ваш // веселитсѧ наиболе С168.

НПЛ-1 — *въ се ж(е) лѣт(о) // прѣстависѧ Добрына посадникъ новгородьскыи* 9 об.

ПВЛ — *ѡтроци Свѣньлъжи // изодѣлисѧ суть ѡружьємъ и порты, а мы нази* 14 об.

Феод. — *много зъла // створи сꙗ въ земли тои* 34а;
бл҃женыи же Ѳеѡдосии // на прьвыи подвигъ // възврати сꙗ 29а.

СПИ — *Жены Рускія // въсплакашас(я)* 82;
По Руской земли // прострошася Половци 105;
Въ княжихъ крамолахъ // вѣци человѣкомъ // скратишас(я) 64.

Берестяные грамоты — *[д]а [и]н[е]х[о] д[ев]ѧте гривено // осталосѧ* 436;
ꙩ всѣмъ томо // понаболисе 359п.

Мономах — *с братом твоимъ // рѧдилисѧ єсвѣ* 84 об.

Мар. — *а оученици твои // не постѧтъ сѧ* (Мт. 9.14).

Флав. — *Алекса́н҄дрова жена // грози́тсѧ на всѝ жены* 369г.

Обратимся теперь к тем редким случаям, где представлена препозиция *сѧ*.

В тяжелых клаузах это могут быть:

1) правильные примеры, где *сѧ* в прямом соответствии с законом Вакернагеля вклинивается внутрь тяжелой актантной группы (создавая тем самым непроективность);

2) примеры, где *сѧ* стоит после тяжелой актантной группы (сохраняя проективность) — либо в силу просодического объединения членов тяжелой группы, либо как прямое нарушение закона Вакернагеля.

Примеры первого рода, т. е. с соблюдением закона Вакернагеля (почти полный список):

Киев-Д — *а брата сѧ Игорѧ лиши* 121 об.;
зѧть ти сѧ король кланѧеть 161 об.;
се съ симъ ны сѧ полком нѣ лзѣ бити сею рѣкою [1148], 132 об.

Даниил — *и то ся мѣсто зоветь Аримафѣй* (аналогично: *Магдалия*, *Агиапимина*, *Месопотамия*; таким образом, в этом памятнике из семи примеров препозиции *сѧ* в тяжелых клаузах четыре — это фактически одна и та же фраза);
все ся то дѣяло в дому Иосифовѣ обрученика Мариина.

ПВЛ — *си же сѧ злоба сключи въ дн҃ь Възнесеньꙗ Гса нашего Іса Хса* 73 об.;
[*бысть*] *знаменьє в слн҃ци, ꙗко погыбнути єму,* ∇ *и мало сѧ єго ѡста* 71 об.

НПЛ-1 — *и много сѧ зла створи* 15 об. (в Комисс. *и много ся пакости издѣя*);
кто сѧ нас ѻсталъ живыхъ 122 об.

Мефод. — *съ гроубою сѧ чадью пьрѣхъ* 107а.
СПИ — *Вежи ся Половецкіи подвизашася* 187 (двойное *сѧ*).
Афан. Ник. — *что° «судно ся мое розбило ...»* (Троицк. 370 об.).

О примерах второго рода (т. е. с *сѧ* после неодночленной группы) см. § 1.42. Они представлены в основном в ЖАЮ (где примеров первого рода нет вообще).

Особые явления, связанные с *сѧ*

Фактор наличия сильных энклитик

§ 4.11. Дополнительным фактором, который способствует переходу *сѧ* в постпозицию, является наличие в той же клаузе сильных энклитик (прежде всего, *же*, *ли*, *бо*).

Для энклитик можно предполагать — с некоторой долей идеализации — такое первоначальное состояние, при котором они беспрепятственно соединялись в сколь угодно большие блоки. Но со временем мы обнаруживаем в памятниках некоторую тенденцию к тому, чтобы при наличии в клаузе сильной энклитики энклитика *сѧ* уходила в постпозицию. Наиболее достоверно этот эффект зафиксирован для сильных энклитик *же* и *бо*.

Продемонстрируем эту тенденцию на материале крупного памятника ЖАЮ, где примеров данного класса несколько десятков. Разумеется, мы будем рассматривать только фразы с неначальным сказуемым, т. е. исключим такие, где позиция *сѧ* автоматическая.

Количественные соотношения здесь таковы. Клауз, содержащих одновременно *же* (противительное, причинное или усилительное) и *сѧ* или *бо* и *сѧ*, в ЖАЮ 68; из них 22 содержат *сѧ* в препозиции, т. е. коэффициент препозиции *сѧ* здесь 32% (22/68). Между тем Q(общ.) (т. е. по сумме классов 1–8) для этого памятника — 46% (252/544). Если же вычесть из общей суммы клаузы с *же* + *сѧ* и *бо* + *сѧ*, то для остатка Q(общ.) составило бы 48% (230/476). Разница между 48% и 32% и есть мера того эффекта, который оказывает на позицию *сѧ* присутствие сильной энклитики *же* или *бо*.

Примеры фраз с *сѧ* из ЖАЮ,
содержащих также сильные энклитики

Препозиция — редко	Постпозиция — часто
С сильной энклитикой *же*	
како же ти сѧ мнить быти сȣетныи миръ противȣ семȣ С25 *много же сѧ ємȣ молихъ* С26	*азъ же // клѧхсѧ ємȣ ротою страшною* С14 об. *много же // и пощашесѧ и бдѧше* 45г *праведникъ же // толико оусмїхашесѧ* 9в *послѣди же оутѣшивсѧ, исповѣда все по праву* 30б

С сильной энклитикой *бо*	
велми бо сѧ пеку тобою 5г	*азъ бо // о тѣхъ не пекусѧ* 65г
мнѣ бо сѧ мнѧше, ꙗко въ плоти хожю тамо 13б/в	*азъ бо // молилсѧ ѥсмь своѥму вл^{д}цѣ* 60г
	ѿ того бо // раждаѥтсѧ любы 58б
	крѣпко бо // прѧтсѧ с нами ѥретичкыꙗ дѣти 59б
	не толико бо // радуѥмсѧ о приношеньи вашемь 62г

Добавим к этому несколько примеров из Киев-Д, где эти две модели представлены в приблизительном равновесии:

с препозицией *сѧ* —

ѿтолѣ же сѧ хочю с тобою рѧдити [1150], 144 об.;

можете ли сѧ за наю бити? [1149], 139 об.;

с постпозицией *сѧ* —

ны^{н} же, ѿче, // того всего // каюсѧ [1150], 151 об.;

ты же ми еси ее // ѿстоупилсѧ по волѣ [1195], 236 об.

Частица *да* ‘пусть’

§ 4.12. Особое место занимают клаузы с участием частицы *да* ‘пусть’. Само это слово является книжным элементом, поэтому во многих из обследованных нами памятников (в частности, в берестяных грамотах) его просто нет.

При рассмотрении клауз с начальным *да* ‘пусть’ необходимо различать следующие случаи:

1) начальное *да* в составе проклитико-энклитического комплекса (в частности, *да сѧ*), например: *да ми съкажеть*, *да сѧ събудеть*, *да бы сѧ избавилъ*, *да бы сѧ отъ нихъ избавилъ*, *да бы избавилъ сѧ*;

2) начальное *да* непосредственно перед сказуемым, например: *да будеть*, *да отидеть прочь*, *да събудеть сѧ*;

3) начальное *да* в любом ином сочетании, например: *да прочь отидеть*, *да никому не достанеть сѧ*.

В случаях 2 и 3 частица *да* — проклитика, то есть «просодический нуль». Соответственно, в нашей классификации группа 2 не входит в основной массив, так как это модель с начальным сказуемым, а клаузы группы 3 попадают в тот или иной из обычных классов. Клаузы группы 1 не входят в основной массив в силу соглашения о проклитико-энклитических комплексах (§ 4.3).

Таким образом, класс клауз, состоящий из суммы групп 1 и 2, не входит в наши общие подсчеты. Для нас представляет, однако, интерес вопрос о поведении *сѧ* в этом классе. Понятно, что в составе этого класса группа 2 всегда дает постпозицию *сѧ*, группа 1 — почти всегда препозицию (исключение составляет только редкая модель *да бы избавилъ сѧ*).

Пусть *a* — численность клауз группы 1 с препозицией *сѧ* (реально это клаузы с начальным комплексом *да сѧ*, *да же сѧ*, *да бы сѧ* и т. п.). Пусть *b* — численность клауз групп 1 и 2 с постпозицией *сѧ* (т. е. сумма моделей *да събудеть сѧ* и *да бы избавилъ сѧ*).

Обозначим через Q(*да*) коэффициент препозиции *сѧ* в указанном классе клауз (т. е. в группах 1+2). Понятно, что Q(*да*) = *a*/(*a*+*b*).

Посмотрим, как выглядит коэффициент Q(*да*) в тех памятниках, где активно используется *да*.

В обследованных нами памятниках старославянского происхождения, за исключением Супрасльского кодекса, Q(*да*) обычно не очень сильно отличается от Q(общ.).

Поведение *сѧ* в клаузах с *да*
в памятниках старославянского происхождения

		Q(общ.)	Q(*да*)
Житие Мефодия	[28]	*68%*	4/5
Супрасльский кодекс	[712]	*16%*	*35%* (13/37)
Мариинское ев.	[468]	*6%*	*4%* (2/49)
Изборник 1076	[350]	*6%*	*8%* (2/25)
Синайская псалтирь	[365]	*2%*	*2%* (1/62)

Эти данные позволяют предполагать, что поведение *сѧ* в клаузах с *да* здесь в общем подчиняется тем же факторам, что и в других типах клауз. Но, конечно, особо благоприятным для препозиции *сѧ* этот случай считать нельзя: Q(*да*) близко к средней величине Q, следовательно, оно ниже, чем значения этого параметра в благоприятных случаях. Действительно, Q(*да*) всегда заметно ниже, чем Q(мест.). Это верно даже и для Супр., с его относительно высоким Q(*да*) (35%): здесь Q(мест.) = 63%.

Примеры с препозицией *сѧ* (во всех памятниках данной группы, кроме Жития Мефодия и Супрасльского кодекса, очень редкие):

Мефод. — *да сѧ обрѧщете истиньнии поклонителе* 106в.

Супр. — *да сѧ събѫдеть писаное* III-29 об.

Мар. — *приношаахѫ же къ немоу и младеньцѧ, ∇ да би сѧ ихъ коснѫлъ* (Лк. 18.15).

Изборник 1076 — *чѧдо, алчьнъ боуди*, ∇ *да сѧ насытиши* 113.

Син. псалт. — *да сѩ не подвіжѫ* (пс. 15.8).

Примеры с постпозицией *сѧ* (во всех памятниках данной группы, кроме Жития Мефодия, господствующие):

Мефод. — *да бы прооучилъ сѧ вьсѣмъ обычаемъ словѣньскыимъ* 104в.

Супр. — *да съвръшитъ сѧ реченое* 69;

Господи, // *да отвръзѫтъ сѧ небеса* II–9 об.

Мар. — *да събѫдеть сѧ реченое пророкомъ Ісаиемь* (Мт. 8.17);

аще къто хощеть по мьнѣ ити, ∇ *да отъвръжеть сѧ себе* (Мт. 16.24).

Изборник 1076 — *печалоуи и о падении своемь,* ∇ *да очистиши сѧ* 12 об.

Син. псалт. — *да не подвіжѩтъ сѩ стопы моѩ* (пс. 16.5).

Среди памятников древнерусского происхождения особое место в этом отношении занимает ЖАЮ. Здесь Q(*да*) составляет 91% (64/70) при Q(общ.) = 45%. Учитывая показания остальных памятников, это можно объяснить только тем,

что переводчик здесь руководствовался искусственной нормой, требовавшей постановки *сѧ* сразу после *да*. Примеры:

абиѥ же вда ѥго, ∇ да сѧ наоучить с҃тымъ книгамъ 2;

иди сѣмо, оучѣрнене, ∇ да сѧ боревѣ оба 3 об.;

Гь҃ ѥдинъ // да сѧ печеть тѣмь 12г;

да бы сѧ сбыла мысль ѥꙗ 44г;

да быхомъ сѧ блюли 63б и т. п. (при очень редких фразах типа *да борюсѧ с ними* 19а).

Возможно, такой же нормой руководствовался составитель НПЛ-3 (4 случая препозиции *сѧ* из 4 при Q(общ.) = 5%). Но ввиду малочисленности примеров это остается лишь предположением.

В Флав. в клаузах с *да* имеется 9 примеров с препозицией *сѧ* (из 43), в «Пчеле» — 4 из 26. В прочих рукописях русского происхождения либо отмечены единичные примеры препозиции на фоне намного более частой постпозиции, либо препозиция *сѧ* в таких клаузах не встречается вообще. К последним относятся, например, сочинения Мономаха, Галицко-Волынская летопись и др.

Таким образом, частица *да* 'пусть' выступает в качестве живого элемента, по-видимому, только в старославянских памятниках. В древнерусских книжных памятниках ее употребление не поддерживалось автоматизмами живой речи и потому было в значительной мере искусственным (и неодинаковым под пером разных редакторов). По этой причине данная группа клауз и не включена в основной массив.

Двойное *сѧ*

§ 4.13. Представляют специальный интерес фразы с так наз. двойным *сѧ*, т. е. такие, где *сѧ* выступает дважды — в препозиции и в постпозиции.

В ранних рукописях такие примеры крайне редки. В обследованных нами источниках встретились только:

къто сѧ прикоснѫ сѧ мънѣ (Мар., Мр. 5.31);

ѥже отъ мене хоштетъ сѧ, ꙗкоже глаго҃леши, родити сѧ на земи (Супр., II–2);

много сѧ покоушахомъ, да быхомъ сѧ приближилисѧ къ немоу (Чудеса Николы, 74а);

никъто же съмѣеть сѧ прикосноути сѧ ѥи (Усп. сб., 142а).

Добавим сюда из Др.-р. грамм. 1995 (с. 474): *да того ради тако сѧ моучатьсѧ на вѣкы* (Сборник Троицкий XII–XIII вв., 33).

Примечание. В сильно фрагментированной берестяной грамоте № 227 (2-я пол. XII в.) имеется отрезок (стоящий после обрыва) ...[*м*]*оу со зем*(*л*)*е ти хотѧци сѧ не* [*ц*]*ьтисѧ*, конец которого, по-видимому, означает: 'хотя бы не считайся'. Не исключено, что это ранний пример дублирования *сѧ* (т. е. что оба *сѧ* относятся к *не* ⟨*ч*⟩*ьти*); но это совершенно ненадежно. Более вероятно, что первое *сѧ* относится к *хотѧци*. Дело в том, что в древнерусском языке деепричастие *хотѧ*, *хотѧчи* в значении современного 'хотя' часто сопровождалось частицей *си* или *ти*; ср., например: *то си хотѧ мълъви* 605; *хотѧ си боуди холопъ или роба* (ПР, ст. 17); *нама ти хотѧ ти по 8 куну и по мородоки* 775. Допустимо предполагать, что наряду с *си* и *ти* в такой же роли могло выступать и *сѧ* или что в данном отрывке *сѧ* просто поставлено вместо *си* в силу

предвосхищения последующего *сѧ*. Таким образом, прямым свидетельством «двойного *сѧ*» в живом языке XII века данный пример служить не может.

Основная масса таких примеров представлена в поздних рукописях — списках или оригиналах, относящихся не ранее чем к XIV веку. Нами отмечены:

Киев-Д — *и нѣльзѣ бы ны сѧ с ними тою рѣкою битьсѧ полко*м [1148], 132 об.;
*и пакы како сѧ по на*с *ꙗла* (было *ꙗлась,* но *сь* соскоблено) *Рускаꙗ землѧ всѧ и Черниі Клобуци* [1151], 152 об.

Киев. лет. (автор.) — *идоущимъ же сѧ имъ битсѧ* ... [1151], 158;
и про се сѧ и Мьстиславъ разъгнѣвасѧ на нѣ [1140], 112 об.;
и томоу стоꙗшеть бьꙗсѧ, ∇ с ними сѧ перемагаꙗсѧ [1140], 112 об.;
доколѣ же рѣкы сѧ оустановѧтсѧ [1152], 165;
начаша сѧ слатисѧ к нему Чагровичи [1169], 191;
боудоущю же ємоу в половцехъ, ∇ тамо сѧ налѣзесѧ моужь родомъ половчинъ, именемь Лаворъ [1185], 226 об.

Шестоднев — *но аще ся прилучится ему и князь видѣти*;
како ся не имутъ радоватися и веселити.

ЖАЮ — *да не могу сѧ остатисѧ, донелѣже правого судью испрашаю* 31г;
а Б҃ъ не любить, ∇ тако да сѧ молимсѧ 56г;
да сѧ потщишисѧ, да сѧ избавиши ѿ первыхъ грѣхъ своихъ С133.

Флав. — *и велѧщю сѧ предáтисѧ вавилонѧном* 445б.

СПИ — *Вежи ся Половецкіи подвизашася* 187;
а древо с(я) тугою къ земли преклонилос(я) 74.

Поздние берестяные грамоты — *мнѣ сѧ не можетсѧ* 124п;
како сѧ, ѡсподине, нами своими хрестиѧны попецѧлишсе 310п;
а на вхыхъ се грозитьце 359п;
а то сѧ диꙗлось 154п (все четыре примера — из грамот начала XV в.).

Гал.-Волын. — *но азъ хощоу сѧ остатис(ѧ) самъ в малѣ др‹оу›жинѣ* [1254], 275 об. / 276;
не смѣѧхоу бо сѧ ѿлоучитис(ѧ) его [1254], 276;
и начаша сѧ причащатис(ѧ) [1261], 284 об.;
и начаша сѧ исповѣдатисѧ [1261], 284 об.

Радзивил. — *Г(осподи)и, что сѧ оумножишасѧ стужающии мнѣ* [1015] (ср. то же место в Лавр.: *Г(осподи)и, что сѧ оумножиша стужающии мнѣ*).

Комисс. НПЛ — *ему же сѧ сии кланяютсѧ, то азъ не кланяюсѧ* [1245];
а и товара много поимаша, ∇ что сѧ осталось от огня [1372];
и бысть на рѣцѣ на Овожи, ∇ и ту сѧ обои полкы съступишасѧ [1379].[40]

ГВНП — *обы ся просто не уцинилося* (№ 44, 1373 г.);
что ся учинилось нелюбье (№ 18, 1375 г.);
а в то ся Матфѣю не вступатся (№ 122, 1460-е гг.).

ДДГ — *а что сѧ бꙋдет ꙋчинилосѧ* (№ 19, список с ориг. 1402 г.);
и чего сѧ не оточтус(ѧ) (№ 30, 1433 г.).

Задонщина (список И-1, XVI в.) — *туто ся погании разлучишас(я) борзо*.

[40] Г. Гуннарссон (1935) приводит много большее число примеров двойного *сѧ* из летописей; но, к сожалению, им нельзя доверять: большинство из них — это просто результат ошибочной расшифровки того, как издатели приводят разночтения.

Как указано в § 1.22, двойные энклитики не могут рассматриваться лишь как особенность письменного текста — по крайней мере в части случаев это отражение соответствующей особенности устной речи. Поскольку двойное *сѧ* представлено, за ничтожным числом исключений, лишь в рукописях не старше XIV века, естественно предполагать, что перед нами явление устной речи, возникшее лишь в позднедревнерусский период. А единичные примеры из более ранних рукописей вполне могут быть просто погрешностями писцов.

В живой речи двойное *сѧ* представляло собой результат конкуренции старого и нового правил расстановки энклитик, из которых первое требует препозиции, а второе — постпозиции *сѧ* (см. об этом § 1.37). В оригинальных текстах XIV–XVI вв. мы, по-видимому, обычно имеем дело с письменным отражением именно этого живого явления. В списках со старых оригиналов оно могло возникать в силу того, что переписчик, хотя и копировал механически древнее препозитивное *сѧ*, уже плохо понимал его роль и добавлял недостающее, по его ощущению, *сѧ* после глагола.

Что касается высказывавшегося некоторыми славистами предположения о том, что двойное *сѧ* служило средством «усиления рефлексивности», то тут несомненно следует согласиться с Г. Гуннарссоном (1935: 17) в том, что эта версия не находит никакого подтверждения в древнерусском материале.

Одно *сѧ* на два глагола

§ 4.14. Изредка встречаются фразы с особенностью, которая внешне противоположна предыдущей. С синхронической точки зрения мы имеем здесь дело с трансформацией, состоящей в том, что устраняется одно из двух *сѧ*, содержащихся в одной и той же фразе; например, *пооуштаѩ ѩ не боꙗти сѧ, нъ радовати* вместо *не боꙗти сѧ, нъ радовати сѧ*. С исторической точки зрения это, напротив, не что иное, как реликт древнейшего самостоятельного *сѧ* 'себя', которое еще могло заполнять сразу две валентности во фразе. Структура древней фразы такая же, как, например, в современной фразе *убеждая их не устрашать себя, а радовать*, где одиночное *себя* обслуживает два глагола.

Такие примеры обнаруживаются только в древнейших памятниках[41], в частности (сохраняем в этих фразах раздельное написание *сѧ*):

Супр. — *пооуштаѩ ѩ не боꙗти сѧ, нъ радовати* 50 об.;
нъ тъчьѭ ꙗко покаꙗвъше сѧ обратимъ 'но только то, что покаявшись обратимся' III–59 об.;
вел'ми мниши сѧ мьнѣ поржгаѩ 25 (где участвуют глаголы *мьнѣтисѧ* и *поржгатисѧ*).

Мефод. — *да сѧ тѣмъ подобѧще, вьси на доброе оустили* 'чтобы им уподобляясь, все поущались на добро' 103а.

Шестоднев — *не престаеши възыская повелѣний его и твари,* ∇ *хотя ся ими красити и славити* ('желая ими украшаться и прославляться').

[41] О возможном присутствии примера этого рода также в тексте «Слова о полку Игореве» см. Зализняк 2007, с. 65–66.

Иларион — *нѣсть отъ насъ ни единого о небесьныихъ тщаща ся и подвизающа* (Срезн., II: 1035).

Мономах — *то никтоже ва^с^ не можеть вредити сѧ и оубити, понеже не буде^т^ ѿ Ба҃ повелѣно* 83.

Феод. — *аще быша ми възвѣстили оц҃а въставъша ѿ мьртвыихъ, не быхъ сѧ тако радовалъ ꙗко о приходѣ твоѥмь, ∇ и не быхъ сѧ того тако боꙗлъ или соумьнѣлъ, ꙗко же прп҃дбьныꙗ твоѥꙗ дш҃а* 60а/б (где участвуют глаголы *боꙗтисѧ* и *сумьнѣтисѧ*);

по вьсѧ дн҃и съ братиею подвизаꙗ сѧ и троужаꙗ 60г;

имѣꙗ оубо присно на памꙗти слово гн҃е, ∇ и тѣмь оутѣшаꙗ веселꙗше сꙗ ('и тем утешаясь, радовался') 43а.

Нифонт — *и по томь часѣ ѡставльша чл҃вка дѣло своѥ, начаста сѧ которати и бити* 11/об.

Флав. — *стыдѧще с(ѧ) и срамляюще* 421в (чтение Виленского хронографа).

ПВЛ — *и при семь нача вѣра х^с^ьꙗньска плодити сѧ и раширѧти* 51 об.;

и съступиша с(ѧ) битъ 'и сошлись биться' 19 (см. также подобные примеры с супином из других памятников в § 4.5).

Киев. лет. (автор.) — *Ст҃ослав же оутаивсѧ Рюрика, оуѡхотѧ сѧ творѧше* ('делал вид, что обрадовался' — с глаголами *ухотитисѧ* 'обрадоваться' и *творитисѧ* 'притворяться')*, ꙗко же дадѧть емоу Галичь* [1191], 230.

Изменение места *сѧ* в блоке энклитик

§ 4.15. Как ясно из изложенного выше, историческая эволюция энклитики *сѧ* сводится прежде всего к переходу *сѧ* в постоянную постпозицию к глагольной словоформе. Однако сам по себе этот переход еще не обеспечивает сращения этих двух словоформ воедино, поскольку *сѧ* — это энклитика ранга 7 и, следовательно, между глагольной словоформой и *сѧ* могут стоять еще и любые энклитики рангов 1–6, как, например: *боите же сѧ, не хвалю бо сѧ, молю ти сѧ, молю же вы сѧ.*

Но в истории русского языка наряду с процессом перехода *сѧ* в постоянную постпозицию шел также и процесс ломки древнего порядка энклитик в случае скопления энклитик после глагольной словоформы, а именно, *сѧ* постепенно приобретало способность стоять непосредственно после глагола даже при наличии других энклитик. Например, вместо *боите же сѧ* постепенно все чаще употреблялось *боите сѧ же*, вместо *не хвалю бо сѧ — не хвалю сѧ бо* и т. д. В конечном счете в современном языке не осталось никаких древних сочетаний, где *сѧ* было чем бы то ни было отделено от глагола. Именно этим обеспечен полный переход прежней энклитики *сѧ* в статус морфемы в составе глагольной словоформы.

Интересно проследить данное изменение на примере Евангелия — текста, в основе своей устойчиво сохраняющегося на протяжении многих веков.

В Мариинском евангелии представлены, например: *молите же сѧ* (Мт. 24.20); *и оубоѣшѧ же сѧ* (Лк. 9.34); *ѣви же сѧ емоу ан҃лъ Гн҃ь* (Лк. 1.11); *отврѣсѧ же сѧ оуста его абие* (Лк. 1.64); *възалкахъ бо сѧ* (Мт. 25.42); *боѣахѫ бо сѧ людии* (Лк. 22.2); *ли мьнитъ ти сѧ* (Мт. 26.53); *молѭ ти сѧ, не мѫчи мене*

(Лк. 8.28). Во всех этих случаях порядок энклитик точно соответствует правилу рангов. И такой же порядок представлен в этих фразах в евангелиях XI–XVI вв., переписанных на Руси, вплоть до Острожской библии 1581 г.

Но в Синодальной библии мы находим уже в тех же самых фразах: *моли́тесѧ же*; *оубоѧ́шасѧ же*; *ꙗви́сѧ же емꙋ̀*; *ѿверзо́шасѧ же оуста̀ єгѡ̀ а́бпе*; *взалка́хсѧ бо*; *боѧ́хꙋсѧ бо люде́й*; *илѝ мни́тсѧ тѝ*; *молю́сѧ тѝ*. Следует, правда, указать, что такая перестановка произведена здесь не во всех случаях — иногда еще сохраняется старый порядок энклитик, например: *боѧ́хꙋ бо сѧ* (Мр. 11.18); *да́стъ бо сѧ ва́мъ* (Мт. 10.19); *ѡставлѧ́ютъ ти сѧ* (Лк. 5.20).

Мы видим, таким образом, что в русском изводе церковнославянского языка реализовано то же изменение, что и в живом русском языке, только все еще не совсем последовательно.

Что же касается собственно русских текстов, то в XVI–XVII вв. нами отмечен уже только новый порядок энклитик. Ср., например, у Аввакума: *и я, свѣдавъ, осердилъся же на нея* 46об.; *бѣси его давили, а онъ спрашивал их, удастся ли поход* 48; и т. п.

ОБЗОР ПАМЯТНИКОВ

§ 4.16. Ниже рассматривается поведение *сѧ* в разных группах памятников. Как мы уже знаем, различия между памятниками определяются в первую очередь степенью их близости к народному (некнижному) или к книжному типу.

Соответственно, мы различаем ниже два класса памятников, условно обозначаемые как памятники некнижной ориентации и памятники книжной ориентации. Было бы ближе к истине обозначить первые как памятники отсутствующей или слабой книжной ориентации, вторые — как памятники сильной книжной ориентации. Но, конечно, практически пользоваться такими громоздкими обозначениями было бы невозможно.

В первый класс попадают бытовые и деловые документы, а также те из литературных памятников, где книжные черты выражены лишь частично и наряду с ними присутствует значительное число черт живого языка.

Во второй класс попадают церковные тексты, литературные произведения с достаточно последовательными книжными чертами и летописи.

Как уже указывалось в § 2.1, разделение на эти два класса может быть не вполне одинаковым при разборе разных аспектов памятников; в частности, в некоторых литературных произведениях одни элементы системы носят книжный характер, другие — народный. Ниже используется тот вариант разделения, который соответствует именно поведению *сѧ*.

Памятники некнижной ориентации

Грамоты, акты, письма

Эту группу можно подразделить на две подгруппы: раннюю и позднюю. Границу естественно провести приблизительно по моменту монгольского на-

шествия, т. е. в конце первой трети XIII в. (Но некоторые документы, в частности, грамоты XIII в. из ГВНП, обладают свойствами ранней подгруппы, хотя они и составлены несколько позднее этого рубежа.)

В обеих подгруппах наиболее близки к живой речи берестяные грамоты.

Ранняя подгруппа

Представителями этой подгруппы являются прежде всего образцовые памятники — ранние берестяные грамоты и Киев-Д. Сюда же можно отнести Русскую Правду, а также грамоты XII и XIII вв. из ГВНП[42]; к сожалению, материал последних двух источников очень ограничен. В памятниках этой подгруппы представлены самые высокие коэффициенты препозиции *сѧ*.

В приводимой ниже и последующих таблицах показан коэффициент препозиции *сѧ* (Q) — общий (т. е. по сумме типов 1–8) и раздельно по типам клауз.

Таблица разделена на две неравные части — основную (левую) и дополнительную (правую). Основная часть содержит наиболее важные обобщающие показатели. В дополнительной части (нужной лишь для тех или иных справок) приведены (мелким шрифтом) данные по каждому из восьми классов клауз.

В графе, обозначенной $Q_{(1–4)} \sim Q_{(5–8)}$, показан коэффициент препозиции *сѧ* в сумме первых четырех классов (т. е. благоприятных для препозиции) и через тильду — коэффициент в сумме последних четырех классов (т. е. неблагоприятных). Эта пара показателей дает более адекватное представление о поведении *сѧ* в памятнике, чем один лишь общий коэффициент. В самом деле, общий коэффициент препозиции зависит не только от степени продвижения памятника от древнего состояния к современному, но и от ряда малосущественных для нашей основной проблематики факторов, например, от количества громоздких фраз в тексте, от того, часто или редко употребляется аорист и т. п. Раздельные показатели позволяют отличить влияние основных факторов от влияния второстепенных.[43]

Как уже отмечено, в некоторых памятниках фактор многоактантности не играет роли — в многоактантных клаузах коэффициент здесь не ниже, чем в соответствующих простых. В этом случае мы не отделяем многоактантные клаузы от простых (т. е. подсчитываем их вместе с простыми), а в графе «Многоакт.» даем помету «не отделено». В рубрике «$Q_{(1–4)} \sim Q_{(5–8)}$» для такого памятника реально показано соотношение $Q_{(1–4,6)} \sim Q_{(5,7,8)}$.

---

[42] Здесь и в прочих случаях из ГВНП берутся только подлинные грамоты и списки, сделанные не позднее XV века.

[43] В приводимых здесь и ниже числовых данных внимательный читатель может в отдельных рубриках заметить маленькие расхождения с данными, содержащимися в Зализняк 2007, с. 64. Они определяются некоторыми уточнениями в методике подсчета, изредка также новой оценкой отдельных сложных случаев. Общего характера обсуждаемых количественных соотношений они нигде не меняют.

Коэффициент препозиции *сѧ* в ранних некнижных памятниках

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна-мен.	4 Инф.	5 Дее-прич.	6 Аор. импф.	7 Мно-гоакт.	8 Тяж.
Ранн. бер. гр.	***77%*** (23/30)	*86~36%*	12/13 *= 92%*	2/3	2/3	2/2	4/4	—	1/3	0/2
ГВНП XII–XIII	***67%*** (14/21)	*81~20%*	12/14 *= 86%*	0/1	—	1/1	—	—	1/3	0/2
Киев-Д	***65%*** (122/188)	*68~39%*	52/66 *= 79%*	22/33 *= 67%*	19/41 *= 46%*	22/30 *= 73%*	3/5	—	не отде-лено	4/13
Рус. Правда	***53%*** (8/15)	*64~25%*	5/6 *= 83%*	0/2	0/1	2/2	—	—	1/4	—

Выше уже говорилось о необходимости рассматривать по отдельности два компонента Киевской летописи по Ипат. — прямую речь нецерковных персонажей (Киев-Д) и авторскую речь летописца. Теперь мы имеем возможность показать в цифрах, сколь сильно они различаются в интересующем нас отношении (ограничиваемся демонстрацией процентных соотношений).

Поведение *сѧ* в двух компонентах Киевской летописи

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Зна-мен.	4 Инф.	5 Дее-прич.	6 Аор. импф.	7 Мно-гоакт.	8 Тяж.
Киев-Д	***65%***	*68~39%*	*79%*	*67%*	*46%*	*73%*	3/5	—	не отде-лено	4/13
Киев. лет. (автор.)	***11%***	*38 ~ 4%*	*50%*	*27%*	*0%*	*43%*	*7%*	*3%*	*12%*	*1%*

§ 4.17. Показания ранних некнижных памятников уместно ввиду их важности проиллюстрировать полнее, чем для прочих источников.

Ниже в § 4.17–26 во всех таблицах, содержащих примеры, в левом столбце даются примеры с препозицией *сѧ*, в правом — с постпозицией. Часто встречающиеся модели обычно иллюстрируются бóльшим числом примеров, чем редкие; но, разумеется, о приведении всего материала речи не идет (кроме специально оговариваемых случаев).

В примерах правого столбца для большей наглядности может быть проставлен знак барьера (//); но это не обязательно. Дело в том, что во многих случаях невозможно надежно установить, имелся ли во фразе барьер или уже просто действовало новое правило, которое требует постпозиции *сѧ* независимо от наличия или отсутствия барьера.

Простые клаузы

С начальным местоименным словом

Этот тип клауз представляет собой зону самого активного действия закона Вакернагеля: почти во всех памятниках в этом типе коэффициент препозиции *сѧ* принимает наивысшее (для данного памятника) значение.

Препозиция — норма	Постпозиция — редко
а ѧ сѧ имо потешоу 705 *а тобе сѧ кланѧю* 175 *а чемоу сѧ гнѣваеши* 605 *а въ* [*т*]*омь ми сѧ не исправилъ въ борзѣ* 724 *а сьмо сѧ не надьи* 943 *ꙗ сѧ тобѣ, брате, кланѧю* [1151], 156 *ты сѧ, ѿце, не труди* [1150], 145 *кн҃же, ты сѧ на на*[с] *не гнѣваи* [1147], 126 об. *что сѧ оудѣеть, то вы виновати* [1135], 110 об. *а мнѣ сѧ воротити* [1161], 184 об. *а ѿ мене сѧ ему поклони* [1152], 167 *чимъ ти сѧ есмь ωбѣщалъ, то ти исполню* [1189], 230 *а тогда сѧ затворимъ в городѣ с тобою* [1153], 168 *а ту сѧ сождемъ* [1150], 149 об. *кто сѧ изоωстанеть въ манастыри* (Мстисл. гр.) *како сѧ боудеть рѧдилъ* (ПР, ст. 50)	*а ѧ // прашалъсѧ* 605 *а ѧзъ // не радуюсѧ ω погыбели его* [1155], 175 об.

С начальным союзом

Этот тип клауз удовлетворительно документирован только в Киев-Д; в прочих памятниках этой подгруппы слишком мало материала. Примеры из Киев-Д.

Препозиция — часто	Постпозиция — редко
оже сѧ не отворите [1123], 107 *аже сѧ оуже тако оучинило* [1147], 130 *а то ми былъ Б҃ъ далъ, ∇ ωже сѧ есте сами зажгли* [1140], 113 об. *любо с нимъ миръ створимъ, ∇ любо сѧ с нимъ бьемъ* [1147], 126	*аже° совокоупитисѧ оу Чернигова всимъ* [1196], 240 *доколѣ // любо оуладимсѧ вси, или не оуладимсѧ вси* [1196], 239

С начальным знаменательным словом

Коэффициент препозиции *сѧ* в этом случае ниже, чем при местоименном начале.

В ранних берестяных грамотах и в Русской Правде мало материала, а в Киев-Д наблюдается следующая особенность: в отличие от клауз с начальным существительным, в клаузах с начальным наречием здесь преобладает постпозиция *сѧ*. При начальном существительном коэффициент препозиции *сѧ* здесь 73% (16/22), а при начальном наречии — только 16% (3/19). (В других памятниках такого резкого различия между эффектом начального существительного и начального наречия не замечено.)

Примеры препозиции *сѧ*	Примеры постпозиции *сѧ*
Существительные	
а Мѣстѧта сѧ вама покланѧ 422 [*а*] *поп*[*ъ*] *ти* [*сѧ м*]*о*[*л*]*илъ* 950 *сн҃ъ ти сѧ кланѧеть* [1151], 157 *рѣкы сѧ смерзывають* [1150], 147 об. *а къ Гюргеви сѧ послали* [1147], 128 *и с Лѧхы сѧ есмь за нь билъ* [1152], 162 об. *моложьшему сѧ не поклоню* [1151], 155 об.	*а вьжники* // *творѧтесѧ въдавоше Собыславоу цетыри гривне* 550 *Ст҃ославъ ти* // *послалъсѧ къ Гюргеви* [1149], 136 об.
Наречия	
оуже сѧ єсмы изнемоглѣ [1185], 226	*а нн҃ѣ кланѩю ти сѧ* [1154], 171 *оуже ѡбьѩвихомсѧ Ростиславичемь* [1180], 216 об. *мало перепочивше, ∇ ѡпѧть възвратимъсѧ* [1172], 196 об. *не крѣпко бьютсѧ дружина и половци* [1152], 164 об.

С подчиненным инфинитивом

В этом типе клауз в данной подгруппе коэффициент препозиции *сѧ* исключительно высок: в Киев-Д он немногим ниже, чем при начальном местоименном слове, а в прочих памятниках данной подгруппы он формально даже равен 100% (но при ничтожном количестве материала).

Препозиция — норма	Постпозиция — редко
а) *сѧ* левее подчиняющего слова: *ѡже сѧ с нима начнемь бити* [1172], 199 *ѿтолѣ же сѧ хочю с тобою рѧдити* [1150], 144 об. *тѣмь сѧ есть кушати к Бѣлугороду поѣхати* [1151], 156 об. *а ѡнъ сѧ начнеть запирати* (ПР, ст. 47) б) *сѧ* между подчиняющим словом и инфинитивом: *могоу сѧ съ тобою ѧти на водоу* 238 *не моги сѧ ослоушати* 779 *а хочем сѧ с вами коньчати* [1175], 207 об. *можете ли сѧ за наю бити?* [1149], 139 об. *ци боудеть ны сѧ соудити пре*[д] *Бм҃ъ* [1151], 155 *а почнуть сѧ с тобою бити, ты же к намъ вѣсть посли* [1150], 150 об. *или кто почнеть ся запирати того* (ГВНП, № 105, ок. 1270 г.)	*но не хочемь кланѧтисѧ попадьи* [1187], 229 об. *а тобѣ не достоить трудитисѧ* [1152], 165 об.

С деепричастием

В данной подгруппе, в отличие от всех остальных памятников, даже в клаузах с деепричастием коэффициент препозиции *сѧ* весьма высок.

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
а нънѣ ти сѧ съмълъвивъ съ близокъ ⟨-*кы*⟩ 907 *аже бы ти годьнъ,* ∇ *то* [*из*] *оцью бы сѧ вытьрьго прітькль* 752 *како сѧ нагадавше, поидемы же по ни*ˣ [1151], 156 об. *а на мѧ сѧ ѡборочиваю* [1150], 151 об.	*а со мною не спрошавсѧ* [1189], 230

С аористом и имперфектом

Графа, посвященная аористу и имперфекту, здесь пуста: в данной группе памятников этих грамматических форм, характерных для книжной письменности, просто нет. (Заметим, что это здесь одна из причин высокого общего коэффициента препозиции *сѧ*.)

Многоактантные клаузы

Эффект многоактантности заметен в берестяных грамотах, ГВНП и Русской Правде (ниже приведен весь имеющийся материал):

Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
а ныне сѧ дроужина по мѧ пороучила 109 *а не джи сѧ боудоуть сами собою печаловати* (ПР, ст. 99) *а гдѣ сѧ тѧжа родить* (ГВНП, № 29, 1262 г.)	*а ѧ ноугене пецалоусѧ цереницами* 717 *ожь ли право запираютьс*(*ѧ*) 222 *аже челѧдинъ съкрыютьсѧ* (ПР, ст. 32) *аже братьꙗ ростѧжютьсѧ передъ кнѧзем* (ПР, ст. 108) *аже кто своѥго холопа самъ досочитьсѧ* (ПР, ст. 114) *оже тѧжа родитсѧ* (ГВНП, № 28, 1190-е гг.; 2×)

Что же касается Киев-Д, то здесь данный фактор никак себя не проявляет, т. е. соотношение препозиции и постпозиции *сѧ* в многоактантных клаузах примерно такое же, как в простых:

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
аче ти сѧ полки иструдѧть [1149], 140 *ать ми сѧ добро с ними ѡ*⁽ᵀ⁾ *силы мирити* [1149], 138 *а вѣ сѧ своимъ брато*ᴹ *и сн҃мъ Изѧславомъ сами вѣдаимы* [1149], 141	*ѡже добрѣ надѣешисѧ на Киꙗны* [1150], 150 об. *зане в землѣ нашеи жито не родилосѧ нынѣ* [1193], 234 *а нынѣ ꙗ вамъ во ѡц҃ѧ мѣсто ѡсталсѧ* [1180], 217/об.

а ты сѧ еси еще с людми Киевѣ не оутвердилъ [1154], 170 об. *а нама сѧ тобѣ нѣчимъ ѿкупити сему* [1151], 152 об. *то к чемоу сѧ ѡпѧть воротишь?* [1139], 112	

Тяжелые клаузы

Этот тип клауз во всех памятниках дает наименьший коэффициент препозиции *сѧ*. Даже и в данной подгруппе препозиция здесь встречается лишь в качестве редкого варианта.

Препозиция — редко	Постпозиция — норма
зѧть ти сѧ король кланѧеть [1152], 161 об.	*·в҃· дѣлѧ, которєи любо потроудисѧ до владычѣ* 725 *но лоучьшии коньници перебероутьс*(ѧ) [1185], 224 *и своеѩ вины каетьсѧ* [1152], 162 об. (см. также примеры в § 2.9)

Поздняя подгруппа

§ 4.18. В качестве представителей данной подгруппы ниже выбраны поздние берестяные грамоты, а также смоленские грамоты XIII в. (а именно, Неизв. кн. и Смол. гр. 1229) и грамоты XIV–XV вв. из ГВНП. Из более поздних памятников взяты письма Василия Грязного Ивану Грозному (1576 г.).

По сравнению с ранней подгруппой все коэффициенты здесь заметно ниже. Но все же переход от одной подгруппы к другой не носит характера скачка; например, показания смоленских грамот XIII в. и Русской Правды (см. выше) довольно близки.

Коэффициент препозиции *сѧ* в поздних некнижных памятниках

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.	5 Дееприч.	6 Аор. импф.	7 Многоакт.	8 Тяж.
Смол. гр. XIII	***48%*** (10/21)	*62~25%*	5/6	0/4	—	3/3	—	—	2/6	0/2
Поздн. бер. грам.	***35%*** (25/71)	*43~12%*	16/33 *=48%*	3/6	3/13	1/2	—	0/2	2/9	0/6
ГВНП XIV–XV	***17%*** (9/54)	*32~ 6%*	6/15 *=40%*	0/2	—	1/5	0/1	—	2/9	0/22
Грязной	***15%*** (4/27)	*29~ 0%*	4/6	—	0/6	0/2	—	—	0/11	0/2

К этой таблице можно добавить еще данные ДДГ (грамоты XIV–XV вв., в основном завещания). При местоименном начале здесь фиксируется чрезвычайно высокий для XIV–XV вв. коэффициент препозиции *сѧ*: 73% (113/154)

(для прочих типов начала здесь материала мало). Такой высокий коэффициент явно определяется здесь стереотипностью формул, используемых в завещаниях. Эти формулы остаются неизменными в течение столетий и тем самым фактически отражают состояние языка на несколько веков более древнее, чем сами документы.

Снижение коэффициентов препозиции *сѧ* при переходе от ранней подгруппы к поздней явно представляет собой не что иное, как отражение эволюции живого языка на протяжении соответствующих веков: энклитика *сѧ* медленно дрейфует от чистого вакернагелевского статуса в сторону более частой постпозиции.

Яснее всего это видно в тех случаях, когда имеется возможность сравнить документы одного и того же типа, относящиеся к разным периодам. Приводим показания ранних (XI – нач. XIII в.) и поздних (XIII – 1-я пол. XV в.) берестяных грамот, а также грамот из ГВНП, относящихся к разным векам.[44]

Поведение *сѧ* в раннедревнерусских и позднедревнерусских грамотах

	Q(общ.)	Q(1–4) ~ Q(5–8)		Q(общ.)	Q(1–4) ~ Q(5–8)
Ранние бер. гр.	***77%*** (23/30)	*86~36%*	Поздние бер. гр.	***35%*** (25/71)	*43~12%*
ГВНП XII–XIII	***67%*** (14/21)	*81~20%*	ГВНП XIV–XV	***17%*** (9/54)	*32~6%*

Для наглядности приводим примеры, иллюстрирующие смену преобладающих моделей в важнейших классах клауз за время между эпохой ранних и эпохой поздних берестяных грамот.

Модель, преобладающая в ранних берестяных грамотах, — препозиция *сѧ*	Модель, преобладающая в поздних берестяных грамотах, — постпозиция *сѧ*
С начальным местоимением	
а ѧзо ти сѧ отоплачȣ 829 *а тобе сѧ кланѧю* 175 *а цето ти сѧ остало суща* Ст. Р. 30 *а во томо сѧ соросло ...* 654 *тако сѧ поеть обеденѧѧ* 727 *а ѿтоселе сѧ не надеи* Ст. Р. 30	*а ѧзо тобе кланѧюсѧ* 147п *а вамъ кланѧюсѧ* 708п *кто изгодидце тамо* 281п *а то деѧлось ...* 496п *како ли ты венилесѧ* 30п *а сдисе не надиисѧ* 354п
С начальным знаменательным словом	
а Мѣстѧта сѧ вама покланѧ 422	*и Терохъ возилесь быле* 300п
С подчиненным инфинитивом	
могоу сѧ съ тобою ѧти на водоу 238	*Мѣкѣфорко хъцьть оу тьбе прошатѣсѧ на Лун҄ѣну* 314п

[44] Разумеется, ничто не мешало бы нам разделить материал берестяных грамот и грамот из ГВНП не на два периода, а более дробно — скажем, по векам. Но, к сожалению, общий объем материала здесь недостаточен для того, чтобы такой «дробный» анализ принес статистически удовлетворительные результаты.

На протяжении XVI в. в живом языке препозиция *сѧ* постепенно почти полностью исчезает. Но все же единичные ее примеры встречаются и в деловых документах более позднего времени. Приведем в качестве иллюстрации некоторые примеры XVII века из Пам. Влад.:

и тѣ гȣси // ȣ нево ся очютили (№ 185, 1682 г.);

и что ся стане^{т} *впредь дела*^{т} (№ 265);

в чем ся ты здѣлаешъ, сам в том пострадаешъ (№ 276);

и ȣ нас не скоро ся всякое дѣло делае^{т} (№ 257);

и ѡнъ, г^{с}*дрни, почал ся на дворенко мое ломи*^{т} (№ 152, 1649 г.).

Но коэффициенты здесь уже можно не подсчитывать: ясно, что это совершенно ничтожная доля представленных в памятнике *сѧ*.

А. И. Соболевский (1907: 256) приводит пример *съ воры ся ему не водити* из грамоты 1615 г. (а также указывает пример пословицы с препозитивным *ся* из сборника 1758 г.).

Г. Гуннарссон (1935: 62–84) подробно изучил вопрос о поведении *сѧ* в документах русско-польской дипломатической переписки XVI – начала XVII века и установил, что в переводах с польского препозитивное *сѧ* используется намного чаще, чем в обычных русских текстах того же времени; в большинстве случаев это результат прямого копирования переводимой польской фразы.

В обширном сочинении Григория Котошихина (1660-е гг.), близком по языку к деловым документам, Анна Пеннингтон (1980: 244) отмечает ровно один пример препозитивного *ся*: *а княжество*^{м} *ся не пишȣтъ* (л. 187) (причем она допускает, что он мог возникнуть под польским влиянием).

Литературные произведения некнижной ориентации древнерусского происхождения

§ 4.19. Сюда относится часть созданных на Руси оригинальных произведений или переводов. Как уже указывалось, эпитет «некнижной ориентации» в данном случае следует понимать лишь как условный. Будучи литературными сочинениями, эти произведения имеют, конечно, определенную степень книжности (например, книжной чертой является активное употребление аориста и имперфекта, наличие конструкций с *да* 'пусть' и с *да бы* и др.). Просто количество и степень последовательности книжных черт здесь существенно меньше, чем в сочинениях, которые квалифицируются ниже как тексты книжной ориентации.

Коэффициент препозиции *сѧ* в этой группе ниже, чем в предыдущей (т. е. в деловых и бытовых текстах соответствующего периода), что естественно объяснять именно элементом книжности. Но он все же еще относительно высок.

Ниже из числа произведений этой группы, возникших в домонгольский период, выбраны Житие Андрея Юродивого (перевод XI – 1 пол. XII в.) и «Слово о полку Игореве». С некоторой долей условности к ним присоединены также сочинения Владимира Мономаха, которые фактически занимают промежуточное положение между данной группой и литературными текстами книжной ориентации (но все же ближе к данной группе).

Наибольшую статистическую значимость здесь имеет крупный памятник ЖАЮ; материал двух других памятников, к сожалению, весьма ограничен.

Среди более поздних памятников следует различать сочинения XV века и XVI–XVII веков. Ниже из первых взяты «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (1470-е гг.) и Житие Михаила Клопского (2-я пол. XV в.), из вторых — Домострой (XVI в.), «Житие» Аввакума (по Пустозерскому сборнику, 1670-е гг.) и «Повесть о Бове королевиче» (XVII в.).

В графе «Жития» Аввакума никаких клеток, кроме Q(общ.), не заполняем, поскольку препозиция *сѧ* встретилась здесь всего один раз, — ограничиваемся пометой (1×) в соответствующей клетке. И так же мы поступаем ниже и с другими памятниками, где общий коэффициент препозиции *сѧ* близок к нулю.

Коэффициент препозиции *сѧ*
в литературных произведениях некнижной ориентации

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.	5 Дееприч.	6 Аор. импф.	7 Многоакт.	8 Тяж.
XII–XIII вв.										
ЖАЮ	***46%*** (252/544)	*66~31 %*	82/115 = *71%*	12/21 =*57%*	18/40 =*45%*	44/61 =*72%*	14/38 =*37%*	27/63 =*43%*	48/124 =*39%*	7/82 =*9%*
СПИ	***52%*** (11/21)	*88~31 %*	2/2	—	4/5	1/1	0/2	3/7	не отделено	¼
Мономах	***34%*** (14/41)	*46~18 %*	7/9	2/3	0/4	2/8	1/4	1/4	1/2	0/7
XV в.										
Афан. Никитин	***34%*** (20/58)	*40~ 9%*	6/12	4/4	8/30	1/1	1/1	0/2	не отделено	0/8
Мих. Клопск.	***20%*** (4/20)	*33~ 9%*	2/3	0/1	0/3	1/2	—	—	1/8	0/3
XVI–XVII вв.										
Домострой	***5%*** (3/62)	*10 ~ 0%*	2/11	0/4	1/11	0/4	0/1	0/1	0/17	0/13
Аввакум	***0,2%*** (1/473)		(1×)							
Бова	***0%*** (0/96)									

Из таблицы непосредственно видно, что на протяжении XI–XVII вв. коэффициент препозиции *сѧ* в памятниках данной группы неуклонно понижается и в конце концов становится нулевым.

В сочинениях XV века еще видна преемственность с памятниками раннедревнерусского периода. Наиболее отчетливо это проявляется у Афанасия Никитина. А сочинения XVI–XVII веков явно отражают такое состояние языка, когда препозиция *сѧ* уже в основном исчезла.

Интересно отметить, что по абсолютной величине коэффициентов Афанасий Никитин мало отличается от Мономаха, — при том, что между этими сочинениями пролегают три с половиной века. Но сочинения Мономаха, как уже указано, до некоторой степени сближаются с памятниками книжного характера, так что показатели здесь несколько ниже, чем у других ранних сочинений этой группы. А в XV веке такие же показатели уже должны расцениваться, напротив, как очень высокие; здесь они оказываются признаками консервативного стиля.

§ 4.20. Проиллюстрируем отраженную в таблице эволюцию на примерах.

Самый богатый материалом памятник данной категории — Житие Андрея Юродивого; его данные имеют существенную статистическую значимость. Поэтому полезно представить картину поведения *сѧ* в этом памятнике в целом.

Приводим примеры из классов 1–4 (т. е. из числа простых клауз со сказуемым не в аористе или имперфекте).

<table>
<tr><th>Препозиция — чаще</th><th>Постпозиция — реже</th></tr>
<tr><td colspan="2">С начальным местоименным словом</td></tr>
<tr><td>мнѣ сѧ покарѧють и мнѣ работають 31в
что ти сѧ ѥсть створило, гⷣине мои друже? 15в
да что сѧ не плачеши? С27 об.
почто сѧ ѥси осрамилъ? 15в
на се ли сѧ бѣховѣ тщала ...? 39а
того сѧ не прю, право бо се ѥсть 55а
иже сѧ ругають 10а
ѥже сѧ ѥсть дѣꙗло 20г
и все, ∇ ѥмуже сѧ прикоснеть 54а
видите ли, ∇ како сѧ смѣѥть с демономъ своимъ 10а
тако сѧ молите 56г (императив)
сдѣ сѧ помоли С134 (императив)
да гдѣ сѧ єму слюбить, ту шедъ, внидеть 55а
и не вѣдѣхъ, ∇ камо сѧ єсть дѣлъ С13</td><td>да иже причащаютсѧ ко трѣбованию ихъ ... С175
и азъ о семь помолюсѧ творцю и Б(ог)у 62 об.</td></tr>
<tr><td colspan="2">С начальным союзом</td></tr>
<tr><td>аще сѧ сбудеть 41г
и аще сѧ не останеши татьбы С50 об.
аще ти сѧ семȣ хощеть, да азъ се тебе створю С11
ѥгда сѧ оумножать грѣси наши 54г</td><td>аще не обратитсѧ въ реч(е)ную годину 38б</td></tr>
<tr><td colspan="2">С начальным знаменательным словом</td></tr>
<tr><td>Бъ҃ сѧ о немь не печеть 8в
добро ми сѧ ѥсть створило ѿ Ба҃ 11б
неистовъ сѧ дѣѥть 4
не вѣсте ли, ∇ ꙗко с буꙗкы сѧ прѣмѣсилъ ѥсмь 19а
и лютo сѧ разгнѣваєть Гъ҃ Бъ҃ 64г</td><td>ѡ оубогыхъ пецисѧ всегда С171 об.
и неприꙗзни противишисѧ и мужьскы терпиши 46г</td></tr>
</table>

С подчиненным инфинитивом	
а) *сѧ* левее подчиняющего слова: (простые и многоактантные)*нъ помнї, ∇ что ти сѧ ѥму хощеть створити въскорѣ* 38а *кто сѧ можеть ѿричати добраго* 6б *и тако сѧ нача кормити* 30б *да гдѣ сѧ хотѧть оукрыти* 52в *много бо сѧ начнеть каꙗти* 38б б) *сѧ* между подчиняющим словом и инфинитивом: *нача сѧ смѣꙗти* 5г *да не можеть сѧ покаꙗти* 38б *нъ ты не мози сѧ оужаснути* 3 об. *ꙗко Б(ог)у нѣ лзѣ сѧ поругати* 60б	*и нача дивитисѧ о бывшихъ ѥму* 3 об. *и не мози ослушатисѧ словесъ моихъ* 33в

В клаузах с деепричастием коэффициент препозиции *сѧ* в ЖАЮ (37%) уже не столь высок, как в классах 1–4. Но он намного выше, чем во всех прочих памятниках данной категории; примеры см. в § 4.6.

В клаузах с аористом и имперфектом коэффициент препозиции *сѧ* в ЖАЮ (43%) выше, чем во всех прочих крупных памятниках; примеры см. в § 4.7.

Относительно высок в ЖАЮ также коэффициент препозиции *сѧ* в многоактантных клаузах (39%); см. § 4.9.

В тяжелых клаузах этот коэффициент резко падает (до 9%). При этом ЖАЮ обнаруживает примечательную индивидуальную особенность: *сѧ* здесь вообще никогда не создает непроективности (охват сказуемого не в счет), т. е. оно никогда не внедряется внутрь неодночленной актантной группы. Вместо этого в обычных тяжелых клаузах в нарушение общего правила *сѧ* помещается непосредственно после двучленного начального сочетания, например: *и в болшю печаль сѧ єси вложилъ* С172. (При этом в одном случае мы находим разделение энклитик: *сему ли вкушению сѧ ѥси оудивилъ?* 7б.) Подробнее об этой особенности см. § 1.42.

В ЖАЮ ярко проявляется эффект сильных энклитик, выступающих в комбинации с энклитикой *сѧ*: в этих случаях заметна отчетливая тенденция разъединить такие энклитики, в результате чего *сѧ* переходит в постпозицию к глаголу. См. об этом § 4.11.

Уникальной особенностью ЖАЮ является почти последовательная постановка *сѧ* после *да* и *да бы*. См. об этом § 4.12.

В целом памятник ЖАЮ в том, что касается поведения *сѧ*, оказывается самым консервативным из всех крупных литературных памятников раннедревнерусского периода.

В сочинениях <u>Мономаха</u>, которые, как уже указано, отчасти сходны с памятниками книжного характера, препозиция *сѧ* преобладает только в первых двух классах клауз:

Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
С начальным местоименным словом	
и сему сѧ по⟨див⟩уємы ... 79 об. *а єгоже не оумѣючи, ∇ а тому сѧ оучите* 80 об. *а ѡ се сѧ радѝ* 84	*а ıазъ оутѣшюсѧ ѡ Бз҃ѣ* 84
С начальным союзом	
трудъ свои, ∇ ѡже сѧ єсмь тружалъ, пути дѣıа и ловы 81 *идохоᴹ на Ѡлга, ∇ зане сѧ бѧше приложилъ к половцеᴹ* 82	*сли к брату, ∇ дондеже ȣладиᴹсѧ* 84 об.

В прочих классах преобладает постпозиция *сѧ*. Примеры препозиции единичны; вот основные из них:

али вы сѧ начнеть не мочи, а трижды 80;
добрѣ же творѧще, ∇ не мозите сѧ лѣнити ни на что же доброє 80 об.;
и в то же лѣᵀ // и дѣтѧ сѧ роди старѣишеє новгородьскоє 81;
смр҃ти бо сѧ дѣти не бoıачи, ни рати ни ѿ звѣри, но мужьскоє дѣло творите 83.

§ 4.21. Особо стоит «Слово о полку Игореве», время создания которого, как известно, является предметом длительной дискуссии. В работе Зализняк 2007 (с. 51–66) в связи с этой дискуссией специально рассмотрен вопрос о поведении энклитики *сѧ* в этом памятнике, и установлено, что это поведение в принципе одинаково с тем, которое наблюдается в домонгольских памятниках некнижной ориентации. Сделанные в этой работе выводы позволяют нам рассматривать «Слово о полку Игореве» в составе именно этой группы памятников.

Поскольку материал этого памятника весьма невелик, мы имеем возможность привести его здесь целиком.

Многоактантные клаузы не отделяем от простых (ср. § 4.9); заметим, что особенностью данного памятника является то, что многоактантных клауз здесь больше, чем простых.

Препозиция *сѧ*	Постпозиция *сѧ*
С начальным местоименным словом	
Ту ся копiемъ приламати 46 *Ту ся саблямъ потручяти* 46	—
С начальным знаменательным словом	
И древо с(я) тугою къ земли прѣклонило 199 *А древо с(я) тугою къ земли преклонилос⟨я⟩* 74 (двойное *ся*) *А заднюю ся сами подѣлимъ* 116 *Нъ ро⟨зн⟩о ся имъ хоботы пашутъ* 166	*Солнце свѣтится на небесѣ* 211

С подчиненным инфинитивом	
А чи диво ся, братіе, стару помолодити 117	—
С деепричастием	
—	*Тъй клюками подпръся ...* 154 *Яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся* 134
С аористом	
Ту ся брата разлучиста ... 71 *На ниче ся годины обратиша* 120 *И съ нимъ молодая мѣсяца, // Олегъ и Святъславъ, // тъмою ся поволокоста* 103	*Тоска разліяся по Руской земли* 85 *Уже снесеся хула на хвалу* 106 *Уже връжеса Дивь на землю* 108 *Тогда при Олзѣ Гориславличи // сѣяшется и растяшеть усобицами* 64
Тяжелые	
Вежи ся Половецкіи подвизашася 187 (двойное *ся*)	*Жены Рускія // въсплакашас⟨я⟩* 82 *По Руской земли // прострошася Половци* 105 *Въ княжихъ крамолахъ // вѣци человѣкомъ // скратишас⟨я⟩* 64

Из этой таблицы непосредственно видно, что в классах клауз, благоприятных для препозиции *сѧ* (1 мест., 3 знам., 4 инф.) в СПИ почти всегда представлена именно препозиция. Имеющиеся примеры постпозиции сосредоточены в классах, неблагоприятных для препозиции *сѧ* (5 деепр., 6 аор., 8 тяжел.).

§ 4.22. Как пример памятника XV в. можно взять «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. Памятник принадлежит к числу тех, где многоактантность не снижает коэффициента препозиции *сѧ*, поэтому мы, как и в случае с СПИ, не отделяем многоактантных клауз от простых. В основных группах клауз картина здесь такова:

С начальным местоименным словом или союзом (простые и многоактантные)	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
и они ся жалуют князю 446 об. *какъ ся имъ являлъ многыми образы* (Троицк. 377 об.) *а тут ся родит краска да лекъ* 444 *гдѣ ся жемчюг родит* 453 об. *что бы ся о мнѣ печаловал* 445 об. *что° «судно ся мое розбило ...»* (Троицк. 370 об.)	*а с ним садятся три возыри* 454 об. *а в нем мускус родится* 451 об. *а кто в нем женится хоросанець* 450 об. *истинну, ∇ ты не бесерменин кажешися* 452 об.

С начальным знаменательным словом (простые и многоактантные)	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
и вѣры ся да лишают кристьянские 452 *и земля ся не окрепила* 454 *да фота по плечем, ∇ да другою ся опояшет* 445 *а у жены // дитя ся родит, ино бабит муж* 448 об. *в Ындѣискои земли // гости ся ставят по подворьем* 445 *Божиею благодатию // зло ся не учинило* 457 об.	*а дѣти родятся на всякыи год* 444 *да слоны родятся* 450 об. *и султан ополѣлся на индѣян* 456 *а от бесермен крыются* 448 об. *к бутхану же съезжается вся страна Индийская* 447 об. *а лѣвою не приимется ни за что* 448 об. *а у которые жены // от гостя зачнется дитя* 451 *да всякого коренья // в нем родится много* 450 об.

Отметим препозицию *сѧ* при подчиненном инфинитиве и при деепричастии:
и они же не учали ся от меня крыти ни о чемъ (Троицк. 377);
и у игумена ся благословив у Макария и у святыа братьи 442 об. (других примеров этих двух классов не встретилось).
В тяжелых клаузах встречается только постпозиция, например:
а попелом тѣмъ мажутся по лицу 449;
день и нощь бился з городом 20 дни 456 об.

В более поздних памятниках данной группы препозиция *сѧ* уже почти не встречается. Так, в «Житии» Аввакума она отмечена (если не считать цитаты: «… *и всяк мняися стояти да блюдется, да ся не падет*» 31) всего один раз:
не велики были, да, однако, дѣтки; пускай их, не гдѣ ся дѣнутъ 41.
Безусловной нормой здесь является постпозиция *сѧ*, например:
и ко мнѣ поклонился до земли 26;
тогда добръ был, а н(ы)нѣ учинился отступникъ 28;
и смѣх и горе, как помянутся дние оны 39 об.;
сказали ему, что я молюся такъ 49.
Только постпозиция представлена в «Повести о Бове», например:
а Богу ты не помолился и со мною не простился;
и самъ яз тому дивлюся.

Литературные произведения некнижной ориентации старославянского происхождения

§ 4.23. Как мы увидим ниже, классические старославянские памятники имеют гораздо более низкий коэффициент препозиции *сѧ*, чем основные древнерусские памятники.

Можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело со старым диалектным различием между древнерусским и старославянским. Но такой непереводной текст, как Житие Мефодия (по Усп. сб.), решительно свидетельству-

ет против этого предположения: из него видно, что в живом старославянском языке ситуация не отличалась от древнерусской. Такие же показатели дает обследованный нами отрывок из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского.

Коэффициент препозиции *сѧ* в памятниках некнижной ориентации старославянского происхождения

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.	5 Деепрач.	6 Аор. импф.	7 Многоакт.	8 Тяж.
Житие Мефодия	***68%*** (19/28)	*83~56%*	2/3	4/4	3/4	1/1	2/3	3/5	3/5	1/3
Шестоднев	***70%*** (14/20)	*73~60%*	6/6	1/1	1/2	3/6	—	0/1	3/4	—

Поскольку Житие Мефодия в том, что касается поведения энклитик, резко отличается от основных старославянских памятников, полезно непосредственно продемонстрировать его материал. Он невелик, и мы приводим его целиком.

Препозиция *сѧ*	Постпозиция *сѧ*
С начальным местоименным словом	
чьто сѧ потиши? 107а *иже сѧ мьнѧть Б҃а знающе* 106а	*иже нарицаеть сѧ Полихронъ* 105а
С начальным союзом	
ꙗко сѧ соуть събывала многа 107б *ꙗко сѧ съконьчати на немь ⟨...⟩ словеси* 108б *ꙗко° «аще ми сѧ обѣщаеши ... »* 107в *донде сѧ исправить* 106в	—
С начальным знаменательным словом	
ꙗко° цⷭрь сѧ на нь гнѣваеть 108а *а дѣлы сѧ его отъмѣтають* 106а *добро ти сѧ к҃рьсти, с҃ноу* 107в (императив)	*Б҃а боите сѧ, цⷭрѧ чьтѣте* 105б
С подчиненным инфинитивом	
тъгда не смѧста сѧ ѿрещи 105б	—
С деепричастием	
вьсѣмъ бо сѧ оуподобль 104в *Иосифъ въ Егуптѣ люди прѣпитѣ, ∇ Бж҃ии сѧ ꙗвль* 103б	*начатъ же пакы, ∇ съ покоръмь повиноуѩ сѧ, слоужити* 105б
С аористом или имперфектом	
и дроугъ сѧ емоу нарече 103а *на молитвоу сѧ наложиста* 105б *поути сѧ ꙗтъ* 105б	*людие же, ꙗко же есть обычаи чловѣкомъ,* *∇ вьси печаловахоу сѧ и жалѧахоу си* 108а

	въ Ц҃риградѣ потвьрди сѧ с҃тыи соумболъ 104а
Многоактантные	
о нѥмь же сѧ никто же николи же попеклъ 104б *оуже бо сѧ есть ꙗко и при пещи оупотилъ* 107а Также со смещенной препозицией: *Нои правьдьнъ сѧ обрѣте* 103а	*ꙗко же и тѣлесьныи его образъ ꙗвлꙗаше сѧ* 104в *сихъ оугодьницѣхъ по единомоу не постыдимъ сѧ* 104б
Тяжелые	
съ гроубою сѧ чадью пьрѣхъ 107а	*Моиси съ Арономь въ иерѣихъ Б҃жиихъ Б҃ѣ фараѡсовъ нарече сѧ* 103б *ини бо, ∇ Б҃жии раби творѧще сѧ, таи развращахоу ꙗ* 107в

Как можно видеть, картина распределения примеров здесь довольно похожа на ту, которую дает СПИ.

В дополнение к этой таблице приведем материал клауз с *да*:

да сѧ обрѧщете истиньнии поклонителе 106в;

да сѧ бы пакы землѧ напълнила 103а (с акцентно самостоятельным *бы*);

да сѧ тѣмъ подобѧще вьси на доброе оустили 103а (с одним *сѧ* на два глагола);

таче словѣньскы да сѧ испълнить 106б (со смещенной препозицией).

Этому противостоит всего один пример с постпозицией *сѧ*: *да бы прооучилъ сѧ вьсѣмъ обычаемъ словѣньскыимъ* 104в.

Памятники книжной ориентации

§ 4.24. Безусловное большинство дошедших до нас церковных, литературных и летописных памятников можно квалифицировать как «памятники книжной ориентации».

Среди них следует различать прежде всего тексты старославянского происхождения (значительная часть которых известна только в церковнославянских списках) и тексты древнерусского происхождения (в число которых включаются и переводы, сделанные на Руси). Кроме того, для нас существенно деление текстов на литературные и летописные.

Рассмотрим последовательно эти группы.

Произведения книжной ориентации старославянского происхождения

Приводим данные о поведении *сѧ* в нескольких важных памятниках этой группы.

Коэффициент препозиции *сѧ* в памятниках книжной ориентации старославянского происхождения

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.	5 Дееприч.	6 Аор. импф.	7 Многоакт.	8 Тяж.
Супр.	***16%*** (111/689)	*32 ~11%*	20/32 *=63%*	13/18 *=72%*	7/45 *=16%*	14/75 *=19%*	8/48 *=17%*	23/113 *=20%*	25/210 *=12%*	1/148 *=1%*
Мар.	***6%*** (29/468)	*10 ~ 3%*	15/80 *=19%*	4/39 *=10%*	0/47	1/39	1/10	7/105 *=7%*	1/77	0/71
Изборник 1076	***6%*** (22/350)	*10 ~ 3%*	9/44 *=20%*	1/16 *=6%*	3/61 *=5%*	2/26 *=8%*	1/14	0/8	6/80 *=8%*	0/101
Синайская псалтирь	***2%*** (7/365)		(3×)	(2×)				(2×)		

В качестве наиболее показательного представителя данной группы можно взять Мариинское евангелие.

Вот некоторые примеры из него.

Препозиция — очень редко	Постпозиция — почти всегда
С начальным местоименным словом	
кого сѧ оубоите Лк. 12.5 *чъто сѧ вамъ мьнитъ* Мт. 18.12	*жено, // что плачеши сѧ* Ио. 20.13 *а иже вьзнесетъ сѧ, съмѣритъ сѧ* Мт. 23.12 *і како оудръжѫ сѧ* Лк. 12.50 *тоу съберѫтъ сѧ орьли* Мт. 24.28 *і тъгда авитъ сѧ знамение* Мт. 24.30
С начальным союзом	
добрѣ би было емоу, ∇ аште сѧ би не родилъ чл҃къ тъ Мт. 26.24	*добро би емоу было, ∇ аште не би родилъ сѧ чл҃вѣко тъ* Мр. 14.21 *і аще въпадетъ сѧ въ ѣмѫ въ соботѫ* Мт. 12.11 *і егда молиши сѧ, не бѫди ѣко и лицемѣри* Мт. 6.5
С начальным знаменательным словом	
юже бо сѧ бѣахѫ съложили июдѣи Ио. 9.22 (единств. пример)	*і вино пролѣетъ сѧ* Мт. 9.17 *не въ лъжѫ клънеши сѧ* Мт. 5.33 *і тлъкѫщюмоу отврьзаатъ сѧ* Мт. 7.8 *абье съблажнѣатъ сѧ* Мт. 13.21
С подчиненным инфинитивом	
и бѣ слѫка і не могѫшти сѧ въсклонити отънѫдь Лк. 13.11 (единств. пример)	*і не може оутаити сѧ* Мр. 7.24 *наченъшю же емоу сътѧзати сѧ о словеси* Мт. 18.24 *тогда начѧтъ ротити сѧ и клѧти сѧ* Мт. 26.74

С деепричастием	
нъ і оц҃а своего гл҃аше Б҃а, ∇ ра{ра}венъ сѧ творѧ Б҃оу Ио. 5.18 (единств. пример)	*и мъного прѫжавъ сѧ изиде* Мр. 9.26 *Б҃а не боѩ сѧ и ч҃къ не срамлѣѩ сѧ* Лк. 18.1–2 *і иде, ∇ вь себѣ дивѧ сѧ бывъшюмоу* Лк. 24.12
С аористом или имперфектом	
егоже вы гл҃ете, ∇ ѣко° слѣпъ сѧ роди Ио. 9.19	*кто прикоснѫ сѧ ризахъ моихъ?* Мр. 5.30 *онъ же отъвръже сѧ прѣдъ вьсѣми* Мт. 26.70 *и абие ищисти сѧ отъ проказы* Мт. 8.3 *і землѣ потрѧсе сѧ, і камение распаде сѧ, і гроби отврѣсѧ сѧ* Мт. 27.52
Многоактантные	
і не могѫтъ сѧ кънигы разорити Ио. 10.35 (единств. пример)	*азъ николиже не съблажнѭ сѧ* Мт. 26.33 *оба вь ѣмѫ въпадете сѧ* Мт. 15.14 *како же оубо събѫдѫтъ сѧ кънигы* Мт. 26.54
Тяжелые	
—	*ни главоѭ своеѭ кльни сѧ* Мт. 5.36 *оученици же его възаалкашѧ сѧ* Мт. 12.1 *і си вьсѣ приложѧтъ сѧ вамъ* Мт. 6.33

Наглядно видно, что в вопросе о поведении *сѧ* эта группа памятников образует как бы противоположный полюс по сравнению с древнерусскими грамотами и актами: коэффициенты препозиции *сѧ* здесь минимальны, а в части памятников просто приближаются к нулю.

Поскольку, как показывает, в частности, Житие Мефодия, такое положение никоим образом нельзя приписывать живой южнославянской речи, необходимо признать, что мы имеем здесь дело с особым правилом старославянского книжного синтаксиса, которое резко расходилось с народным синтаксисом. Это правило не получило, однако, полной обязательности, иначе не было бы такого произведения, как Житие Мефодия. Поскольку все произведения настоящей группы переводные, а Житие Мефодия — оригинальное славянское, следует полагать, что первоначальной зоной формирования книжного правила о постпозиции *сѧ* были именно переводы, а на оригинальные сочинения это правило распространялось лишь постепенно и без полной обязательности.

Отдельного замечания заслуживает Супрасльский кодекс. Коэффициенты препозиции *сѧ* (как общий, так и раздельные по классам) здесь заметно выше, чем в остальных текстах данной категории. С другой стороны, от такого памятника, как Житие Мефодия, его все-таки отделяет еще бóльшая дистанция. Тем самым Супрасльский кодекс должен расцениваться как памятник книжной ориентации, но выдержанной несколько менее последовательно, чем в других аналогичных текстах.

Чтобы дать представление о поведении *сѧ* в поздних церковнославянских версиях произведений этого круга, можно привести, в частности, некоторые

данные Острожской библии 1581 г. Из этого памятника была обследована книга Экклезиаста. В классах 1–8 здесь на 64 примера *сѧ* в неавтоматической постпозиции приходится 3 примера *сѧ* в препозиции, т. е. Q(общ.) = 4%.

И только в Синодальной библии, редактировавшейся в начале XVIII в., устраняются почти все примеры препозитивного *сѧ*.

Таким образом, в церковнославянской традиции к концу XVII в. коэффициент препозиции *сѧ*, как и в живом языке, опускается практически до нуля. Но ввиду того, что он был весьма низок и в начальной точке развития, здесь это движение едва заметно.

Литературные произведения книжной ориентации древнерусского происхождения

§ 4.25. Эта группа весьма многочисленна. Ниже приводятся цифровые данные по нескольким из них, относящимся к разным векам с XI по XVI.

К XI–XIII вв. относятся:
«Хождение» игумена Даниила (конец XI – нач. XII в.; по списку 1495 г.);
Житие Бориса и Глеба (по Усп. сб.);
Житие Феодосия (по Усп. сб.);
«Александрия» в переводе предположительно XI в.;
«Чудеса Николы» в переводе предположительно XI в.;
«История Иудейской войны» Иосифа Флавия в переводе XI–XII вв.;
«Пчела» в переводе XII–XIII вв.;
Девгениево деяние в переводе XII–XIII вв.

Кроме того, чтобы не дробить слишком сильно нашу рубрикацию, мы включили в ту же таблицу несколько памятников, близких к рассматриваемой категории, но все же, строго говоря, в нее не входящих.

Это, во-первых, собственно церковный памятник — Устав Студийский в переводе 60-х гг. XI в. (по списку конца XII в.);

во-вторых, два памятника, о происхождении которых — древнерусском или южнославянском — нет единого мнения:
Житие Нифонта (краткая редакция; по Выг. сб. конца XII в.);
Житие Феодора Студита (тоже по Выг. сб.).

Из более поздних произведений в качестве представителей этой группы выбраны:

Задонщина (кон. XIV – сер. XV в.; взято четыре основных списка, т. е. подсчеты отражают суммарный материал этих списков, чем отчасти компенсируется краткость этого памятника);
Повесть о взятии Царьграда турками (2-я пол. XV в.);
Повесть о Петре и Февронии (1-я пол. XVI в.).

В XI–XIII вв. в данной группе памятников можно различить две подгруппы: основную, где коэффициент препозиции *сѧ* очень низок (не выше 7%), и подгруппу с несколько более частой препозицией *сѧ* (до 21%). В последнюю вхо-

дят отдельные литературные произведения, книжная ориентация которых (по крайней мере в данном пункте) немного слабее, чем у остальных.

Коэффициент препозиции *сѧ* в памятниках книжной ориентации древнерусского происхождения

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Союз	3 Знамен.	4 Инф.	5 Деепрrич.	6 Аор. импф.	7 Многоакт.	8 Тяж.
XI–XIII вв.										
Подгруппа с несколько более частой препозицией сѧ										
Александрия	***21%*** (49/236)	*43~12%*	19/28 *=68%*	3/10	3/15	4/15	5/16	4/39	9/55	2/58
Чудеса Николы	***21%*** (12/57)	*40~11%*	4/8	2/5	1/2	1/5	0/6	3/11	1/11	0/9
Житие Нифонта	***21%*** (14/66)	*44~13%*	5/6	1/4	0/5	2/3	1/4	4/15	1/19	0/10
Даниил	***14%*** (21/149)	*25~9%*	11/32 *=34%*	0/5	0/8	1/3	0/4	1/34	1/11	7/52
Основная подгруппа										
Борис и Глеб	***5%*** (5/102)	*10~3%*	1/10	2/7	0/4	0/10	0/5	1/21	1/30	0/15
Житие Феодосия	***3%*** (6/213)							(1×)	(3×)	(2×)
Житие Ф. Студита	***1%*** (4/≈400)		(1×)						(3×)	
Устав Студ.	***0,6%*** (1/166)			(1×)						
Флавий	***7%*** (80/1115)	*13~5%*	20/87 *=23%*	14/55 *=25%*	7/120 *=6%*	3/73 *=4%*	6/91 *=7%*	18/29 9*=6%*	12/18 6*=6%*	0/20 4
Пчела	***7%*** (45/685)	*11~3%*	19/118 *=16%*	9/39 *=23%*	5/115 *=4%*	2/41 *=5%*	2/14 *=14%*	1/25 *=4%*	7/227 *=3%*	0/106
Девген. деяние	***5%*** (5/103)	*10~0%*	0/13	0/7	2/11	3/19	0/1	0/17	0/15	0/20
XIV–XVI вв.										
Задонщина	***2%*** (1/54)		(1×)							
Взятие Царьграда	***2%*** (2/103)		(2×)							
Петр и Феврония	***3%*** (1/33)		(1×)							

Наиболее выразительным представителем этой группы памятников является Житие Феодосия. В этом сравнительно большом тексте (213 примеров неавтоматического *сѧ*) препозиция *сѧ* встретилась всего в 6 случаях, а именно:

еи чадо, боудеть ти, ∇ ꙗко же ти сꙗ обѣща ан҃глъ ꙗвивъ сꙗ въ образѣ моѥмь 46б;

се бо о семь // вельми сѧ радꙋю, братиѥ 58г;

и пакы // дѣлѣ сѧ своѥмь къждо имѧшеть 36а/б;
самъ // чистъ сѧ творѧ 39а;
съмѣрѧше сѧ, ∇ послѣдьнии сѧ вьсѣхъ творѧ и слоужьбьникъ 42г;
тѣмь же съмѣрѧше сѧ, ∇ мьнии всѣхъ сѧ творѧ и всѣмъ слоужа 36г (по-видимому, *мьнии всѣхъ* здесь было единой тактовой группой, см. § 1.42).

Можно присоединить сюда также один пример с возвратным *си*:
много же си жалю ѥго ради 32б.

В остальном поведение *сѧ* здесь практически такое же, как в современном языке. Пытаться делать какие-то статистические заключения по отдельным рубрикам нет смысла — слишком низок общий коэффициент препозиции. Ясно, что постпозиция *сѧ* была для автора просто нормой.

Житие Феодосия создано не позднее начала XII века. Ранние берестяные грамоты ясно говорят нам о том, что в эту эпоху в живом древнерусском языке закон Вакернагеля еще действовал практически безукоризненно. Это значит, что Нестор сознательно писал не так, как то же самое звучало в живой речи. Он явно ориентировался в синтаксическом отношении на старославянские образцы — прежде всего на Евангелие и Псалтирь. И как нередко бывает с усердными подражателями, он оказался здесь «бóльшим католиком, чем папа»: в своем отталкивании от живой речи он достиг более низкого коэффициента препозиции *сѧ*, чем в Евангелии (не говоря уже о таком памятнике, как Супр.).

Ввиду искусственного, книжного характера такого синтаксиса не приходится удивляться тому, что коэффициент препозиции *сѧ* не обнаруживает в памятниках этой категории строгой зависимости от хронологии. Разумеется, линия эволюции и в этой категории в общем ведет к тому, чтобы данный коэффициент постепенно упал до нуля. Однако в конкретном памятнике он все же в гораздо большей степени зависит от стилистических установок и предпочтений автора, чем от точной датировки памятника. Например, «Хождение» игумена Даниила, где Q(общ.) = 14%, примерно синхронно Житию Феодосия, с его Q(общ.) = 3%; просто игумен Даниил несколько меньше заботился о том, чтобы выразиться по-книжному, а не по-народному.

Как мы знаем, ныне живой русский язык пришел к Q(общ.) = 0%. Поэтому парадоксальным образом Житие Феодосия, резко отталкивавшееся в данном пункте от живого языка, теперь нам ближе и понятнее (по крайней мере в этом отношении), чем, скажем, берестяные грамоты.

Еще более яркий образец такого рода представляет собой Устав Студийский. Это церковный памятник, переведенный в XI веке, где встретился всего один пример препозиции *сѧ*: *вън҄ьгда же сѧ икосъ поѥть* 212 (не считая выпадающего из всех норм примера *и въспоминатиѩ сего сѧ остающемъ* 215 [с собственно причастием]). Таким образом, степень прикрепления *сѧ* к глаголу здесь уже по существу такая же, как в современном языке.

Летописи

§ 4.26. Летописи образуют в интересующем нас отношении довольно единообразную группу памятников, близкую к литературным сочинениям книжной ориентации, но все же менее удаленную от живой речи.

Летописи целесообразно подразделять не по времени списка, а по времени отражаемых событий (т. е. по времени составления соответствующих погодных записей).

В связи с этим мы различаем в НПЛ три части, а именно:

НПЛ-1 — первый почерк Синод. НПЛ (события 1016–1234 гг.);

НПЛ-2 — второй почерк Синод. НПЛ (события 1235–1337 гг.);

НПЛ-3 — Комисс. НПЛ, часть, охватывающая события 1333–1446 гг.

Из Строевского списка Псковской 3-й летописи обследованы записи за XV и XVI вв., причем оказалось целесообразно рассматривать раздельно записи этих двух веков (точнее, записи до 1478 г. и после него).

Напомним, что ПВЛ берется без сочинений Мономаха, а Киев. лет. (автор.) — это Киевская летопись без прямой речи.

Для большей наглядности при всех летописях указаны охватываемые ими хронологические интервалы.

Коэффициент препозиции *сѧ* в летописях

	Q(общ.)	Q(1–4)~ Q(5–8)	1 Мест.	2 Со-юз	3 Зна-мен.	4 Инф.	5 Дее-прич.	6 Аор. импф.	7 Мно-гоакт.	8 Тяж.
ПВЛ (до 1110)	***16%*** (68/422)	*34 ~ 8%*	16/31 *=52%*	8/27 *=30%*	7/34 *=21%*	13/39 *=33%*	0/12	12/143 *=8%*	10/56 *=18%*	2/80
Киев. лет. (автор.) XII	***11%*** (59/533)	*38 ~ 4%*	9/18 *=50%*	4/15 *=27%*	0/11	28/65 *=43%*	3/43 *=7%*	4/160 *=3%*	10/85 *=12%*	1/136
Гал.-Волын. XIII	***10%*** (27/264)	*30 ~ 3%*	2/13	4/9	4/17 *=24%*	12/34= *35%*	0/18	4/99	1/38	0/36
НПЛ-1 (до 1234)	***10%*** (19/186)	*41~ 7%*	5/9	—	0/1	2/7	0/1	8/45 *=18%*	2/20	2/103
НПЛ-2 (1235–1337)	***7%*** (7/98)	*14 ~ 5%*	1/7	0/5	0/5	2/5	0/2	0/24	2/14	2/36
НПЛ-3 (1333–1446)	***5%*** (7/130)	*17 ~ 1%*	4/18	0/3	1/6	1/9	0/2	0/22	1/23	0/47
Строев. 1400–1478	***6%*** (10/158)	*16 ~ 3%*	2/13	3/7	1/12	1/12	0/10	0/18	3/27	0/59
Строев. 1479–1567	***0%*** (0/82)									

Как можно видеть, на протяжении XI–XV вв. коэффициент препозиции *сѧ* в летописях (как общий, так и по классам) постепенно понижается, причем очень плавно. Понятно, что в этом отражается эволюция живой речи. Но это не прямое ее отражение (при котором коэффициенты препозиции *сѧ* были бы существенно выше), а косвенное, как бы пропущенное через фильтр общей установки (хотя и не слишком жесткой) на книжность. Отсутствие в этой кривой каких-то всплесков или провалов говорит о том, что стилистические установки летописцев были довольно единообразны, т. е. существовало достаточно устой-

чивое традиционное представление о том, как должны выглядеть летописные записи.

Полная утрата препозиции *сѧ* отмечается в некоторых летописях лишь с XVI в.

Как частные черты летописного стиля следует отметить, во-первых, очень резкое различие между $Q_{(1–4)}$ и $Q_{(5–8)}$; во-вторых, относительно высокий коэффициент $Q_{(инф.)}$.

В качестве характерного представителя этой категории памятников (точнее, ее более древней разновидности) можно взять авторскую часть Киевской летописи по Ипат.

Приводим из нее некоторые примеры.

Приблизительное равновесие двух моделей	
С начальным местоименным словом	
а всиⷨ сѧ снѧти оу Смоленьскѣ 134 об. *а кто сѧ ѡсталъ в городѣ, а тѣ вси взѧти быша* 226	*а всимъ снѧтисѧ на Волзѣ* 134/об. *Измарагдъ, ∇ еже наречетьсѧ дорогыи камень* 242 об.
С подчиненным инфинитивом	
и тако сѧ начаша ладити 141 *и начаша сѧ бити ѡ рѣку* 188 *поидоша по немъ на верхъ ѡзера, ∇ хотѧче сѧ бити с ниⷨ* 157 об. *и повелѣ сѧ постричи Ефимью епⷭпоу* 124 об.	*а Изѧславци почаша битисѧ* 109 *и нача молитисѧ ѿцю* 142 об. *Изѧславъ же не хотѧше миритисѧ с ниⷨ* 165 об. *и половцемъ не дадущимъ миритисѧ* 157

Препозиция — редко	Постпозиция — часто
С начальным союзом	
блюда того, ∇ абы сѧ не снѧлъ с Володимеромъ Галичьскымъ 157	*абы оутишилсѧ мѧтежь* 213 об. *зане бѣ ѡсталсѧ с маломъ дружины на полчищи* 168 *и слышавъ, ∇ ѡже билисѧ Ѡлговичи оу Переѩславлѧ* 115

Препозиция — очень редко	Постпозиция — почти всегда
С начальным знаменательным словом	
—	*Стародубци бо прислалисѧ бѧху ко Ѡлгови* 187 об. *в городѣ бо затворилъсѧ бѧше съ кнѧгинею* 181 об.

С деепричастием	
и тако сѧ оуладивше, и разъѣхаша 140	*и тако ѡборотѧчесѧ полкы своими* 158 *и тако испросивъсѧ оу Изѧслава* 123 об. *и ту оуладивъсѧ с нима, иде въ свои Киевъ* 173 *по зори исполцивсѧ* 138
С аористом или имперфектом	
и ту сѧ цѣловаша не съсѣдаюче с конии 146 об. *но стрѣлци сѧ ѡ ню бьꙗхоуть ѿ ѡбоихъ* 132 об.	*а самъ възворотисѧ в Суждаль* 168 об. *и про то заратишасѧ Олговичи* 110 *и тако разъѣхашасѧ* 176 *а стрѣлци бьꙗхоусѧ межи полкома* 138
Многоактантные	
и повѣда ему, ∇ *како сѧ с королемъ видилъ въ здоровьи* 164 *ѡже юже // рѣкы сѧ роушають* 135 об.	*и тако нарО*[д] *двигноушасѧ* 129 *мы же на преднее възъвратимсѧ* 112 об. *Дюргии же не хотѧше и еще битисѧ* 157 об. *того дѣлѧ и с братьею совокоупилъсѧ бѧшеть* 232
Тяжелые	
то же все сѧ створи, оже выгна Гюрги Всеволода ис Переꙗславлѧ 110 об. (единств. пример)	*того же лѣта потрѧсесѧ землѧ* 108 об. *в то же времѧ половци напилисѧ бѧхоуть коумыза* 226 об. *но злое невѣрьствие в нихъ вкоренилосѧ* 200 *и многы крови проливахутсѧ межи ими* 175

Общая схема эволюции

§ 4.27. Приводимая ниже диаграмма 5 (из двух частей: А — для памятников некнижной ориентации, Б — книжной ориентации) демонстрирует в наглядном виде общую картину исторической эволюции энклитики *сѧ*.

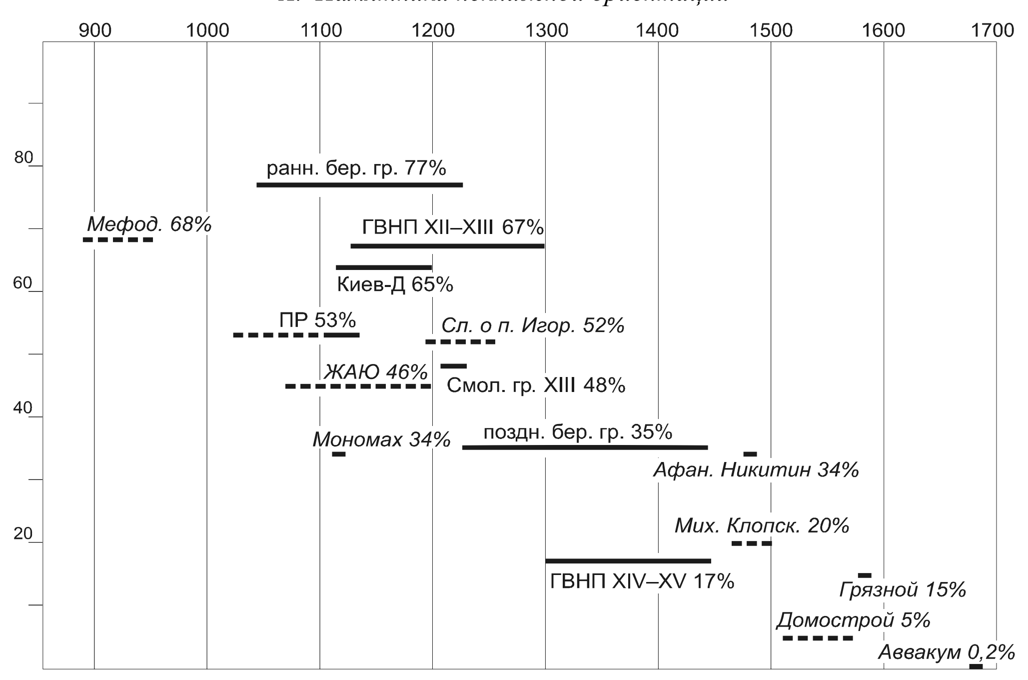
Способ построения диаграммы — такой же, как для прочих местоимений (см. § 3.14).

Для библейских текстов и «Домостроя» отражено время составления соответствующей редакции. Как Строев.-1 обозначена часть Строевского списка Псковской 3-й летописи, охватывающая 1400–1478 гг., как Строев.-2 — часть, охватывающая 1479–1567 гг. За пометой Острож. реально стоит не вся Острожская библия, а только книга Экклезиаста (см. § 4.24).

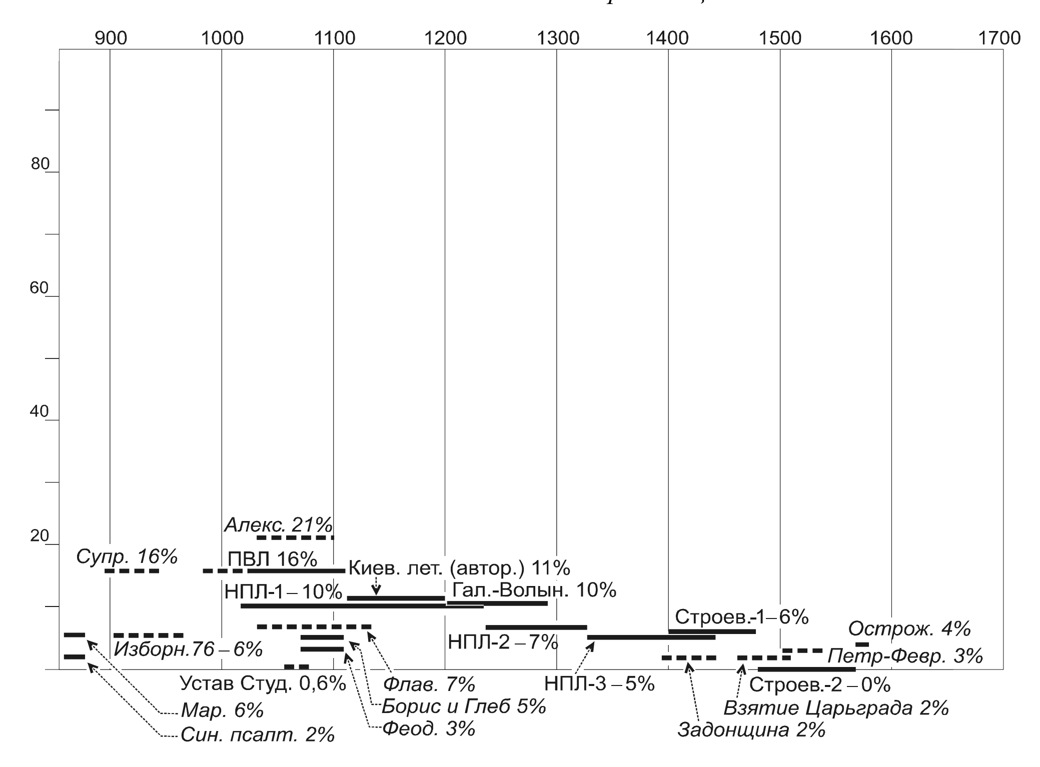
Раздельная демонстрация памятников некнижной и книжной ориентации позволяет непосредственно увидеть, что историческая эволюция энклитики *сѧ* в этих двух группах памятников совершенно различна. В некнижных памятниках коэффициент препозиции *сѧ* плавно понижается от очень высоких значений в XI–XII вв. до нуля в XVII в. Между тем в книжных памятниках этот коэффициент даже и в древнейшие века весьма низок и его движение к нулю представляет собой лишь весьма медленное и незначительное изменение.

5. Коэффициент препозиции сѧ: историческая эволюция

А. Памятники некнижной ориентации



Б. Памятники книжной ориентации



§ 4.28. Подведем итоги проведенного разбора поведения *сѧ* в древнерусских и позднейших памятниках.

В живом древнерусском языке XI–XII вв. энклитика *сѧ* по своему поведению еще практически ничем не отличалась от других фразовых энклитик: вместе с ними она подчинялась закону Вакернагеля и правилам, связанным с ритмико-синтаксическими барьерами. Соответственно, в зависимости от структуры фразы она оказывалась либо в постпозиции к глаголу, либо в препозиции (контактной или дистантной).

В ходе эволюции местоименные энклитики (*ми*, *ти*, *мѧ*, *тѧ* и т. д.) исчезли, уступив свое место своим полноударным синонимам (*мънѣ*, *тебѣ*, *мене*, *тебе* и т. д.). То же произошло и с *сѧ* в сочетаниях с предлогом: *за сѧ*, *на сѧ* и т. д. уступили место сочетаниям *за себе*, *на себе* (позднée *за себѧ*, *на себѧ*) и т. д.

Но *сѧ* как показатель возвратности глагола пойти по тому же пути не могло, поскольку полноударное *себе* не имело большинства тех функций, которые были свойственны энклитике *сѧ* (см. об этом подробно выше, § 3.1). Поэтому здесь эволюция оказалась иной — *сѧ* постепенно слилось с глагольной словоформой.

Таким образом, на протяжении XI–XVII веков *сѧ* претерпело радикальную трансформацию: из самостоятельного слова, а именно, энклитики, подчиненной закону Вакернагеля, оно превратилось в морфему, входящую в состав глагольной словоформы.

В этой ситуации казалось бы естественным, чтобы письменные памятники демонстрировали все более сильное продвижение от века к веку по этому пути. В действительности, однако, историческая картина оказалась намного сложнее.

Обнаружилось, что с самого начала письменной истории русского языка существуют две отчетливо различающиеся традиции в трактовке элемента *сѧ*: народная и книжная. В первой *сѧ* представляет собой нормальную фразовую энклитику, способную стоять как в постпозиции, так и в препозиции по отношению к глаголу — в соответствии с тем, чего требует закон Вакернагеля и правила о барьерах. Во второй она уже в XI–XII веках предстает как единица, весьма близкая к морфеме *-ся* современного русского языка, а именно, лишь в весьма редких случаях выступает во фразе в какой-либо иной позиции, кроме положения непосредственно после глагольной словоформы.

В рамках народной традиции мы наблюдаем именно то, что ожидается на основе общих соображений: коэффициент препозиции *сѧ* плавно понижается с ходом времени и к XVII в. достигает современного состояния, при котором он равен нулю (т. е. *сѧ* уже не бывает в препозиции никогда, являясь неотделимой частью глагольной словоформы).

Совершенно иной была ситуация в книжных памятниках. Здесь уже в XI–XII веках коэффициент препозиции *сѧ* был очень низким (не выше 21%, а в большинстве случаев даже не выше 10%) — это была традиция, идущая из старославянского. В дальнейшем это положение изменялось довольно незначительно. В XVI в. этот коэффициент оказался в книжных памятниках даже несколько выше, чем в народных текстах (т. е. в этот момент соотношение двух

типов текста в данном пункте фактически сменилось на противоположное тому, что было в древности). Позднéе, однако, как в живом русском языке, так и в церковнославянском препозиция *ся* исчезает полностью.

Выявленная нами картина исторического развития *ся* резко отличается от той, которую предложил в свое время Г. Гуннарссон (1935). Основных причин этого отличия две: 1) работа Г. Гуннарссона написана до открытия берестяных грамот; 2) в числе инструментов анализа у Г. Гуннарссона не было понятия ритмико-синтаксического барьера.

В силу первого из этих обстоятельств Г. Гуннарссон не имел возможности оценить истинное соотношение между живым древнерусским языком и языком традиционных древнерусских памятников. Он исходил из того, что такой памятник, как обследованный им Изборник 1073, отражает первоначальное состояние древнерусского языка, тогда как, например, летописи отражают уже более поздний этап эволюции (в частности, эволюции *ся*).

В силу второго обстоятельства Г. Гуннарссон считал энклитическим только такое *ся*, которое стоит во фразе в главной вакернагелевской позиции; *ся* в любой другой позиции (кроме постпозиции при глаголе) он трактовал как полноударное (т. е. объяснял его удаление от начала фразы просто тем, что полноударное слово может стоять в любой точке фразы).

На основе этих двух ошибочных положений он сделал вывод, что в древнерусском языке *ся* лишь в весьма незначительной степени подчинялось закону Вакернагеля, причем эта ситуация была прямым наследием глубокой древности. Он пишет: «Контактное положение *ся* было, таким образом, осуществлено (durchgeführt) уже в доисторическое время, а свободное его расположение, соответственно, должно рассматриваться в древнейших текстах как исключение» (Гуннарссон 1935: 103). Даже и в отношении летописей и грамот (официальных) он полагал, что свободное (т. е. не находящееся в контактной постпозиции к глаголу) *ся* здесь лишь изредка выступало в роли энклитики, а в основной части случаев представляло собой полноударную словоформу.

Из материалов настоящей главы понятно, сколь далек этот вывод от того, что мы теперь знаем о древнерусских энклитиках.

Глава пятая
ЭВОЛЮЦИЯ СВЯЗОК

§ 5.1. Особую группу древнерусских энклитик составляют словоформы настоящего времени глагола *быти*: *есмь*, *есмы* (*есме* и др.), *есвѣ*; *еси*, *есте*, *еста* (2 дв.); *есть*, *суть*, *еста* (3 дв.).

Важное для нашего разбора обстоятельство состоит в том, что, как уже указывалось выше, эти словоформы имеют статус энклитик только в функции связок. В неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пребывать, находиться') они ведут себя как акцентно самостоятельные.

Например, во фразе *есть градъ межу нобомъ и землею* 10п словоформа *есть* означает 'существует, имеется' и ее начальное положение ясно показывает, что это не энклитика, а акцентно самостоятельная словоформа. Вот некоторые другие подобные примеры:

3-е лицо —

а есть мѫжь, съ нимь 'а если есть человек, с ним [пошли]' 296;

но есть ми весть, ажь Всеволодъ сватъ мои всѣлъ на конѧ [1193], 239 об./240;

есть ми поуть на Литвоу [1193], 234;

не есть того в законѣ, ꙗко ставити епcпомъ митрополита безъ патриарха [1147], 125 об.;

си же вѣдѣти ѥсть же 'а это тоже до́лжно знать' (Феод., 65а);

кн҃же, поѣди к намъ, ∇ суть ны с тобою рѣчи [1159], 177 об.;

суть ми ороудиꙗ въ Роуси, а вы вольни въ кн҃зѣхъ (НПЛ, 80).

1-е и 2-е лица —

ты по Б҃зѣ тамо оу Смоленьскѣ и в Новѣгородѣ оу Велицимъ еси [1152], 165;

*да се есмы оуже на се*м *мѣстѣ* [1151], 158;

сн҃у, се оуже въ старости есмь [1154], 169;

а во твоей волѣ есмь всегда [1190], 231.

К сожалению, разграничение между служебным и полнозначным употреблением словоформ *есмь*, *еси*, *есть* и т. д. далеко не всегда очевидно. Например, фразу *се оуже въ старости есмь* в принципе можно понимать и как 'вот я уже пребываю в старости' (где *есмь* = 'пребываю'), и просто как 'вот я уже стар' (где *в старости* понимается как эквивалент для *тот, кто в старости* = *старый*, и тогда *есмь* — это связка). В данном случае позиция словоформы *есмь* показывает, что здесь реализован первый из этих вариантов: а именно, *есмь* стоит здесь после неодночленной актантной группы, т. е. на месте, которое энклитика занимать не может. Но во многих случаях столь простых оснований для выбора нет. Например, фразу *а ѧ вьде, ожь ж васъ есте тъваръ Ольскы*(*нъ*) 548 можно понимать как 'а я знаю, что Олескин товар у вас' (где *ест*⟨*ь*⟩ —

связка); но можно понимать и иначе: ‘а я знаю, что у вас есть (имеется) Олескин товар’ (где *ест⟨ь⟩* полнозначное). Аналогичным образом фраза *чьꙗ ти есть корова* 8 может пониматься как ‘чья [это] корова’ (где *ти* — частица, *есть* — связка) или как ‘чья у тебя корова’, ‘чья у тебя находится корова’ (где *ти* — ‘у тебя’, *есть* — ‘имеется, находится’). И в этих примерах позиция словоформы *есть* во фразе при выборе нужного понимания не помогает.

Чтобы избежать неопределенности этого рода, мы будем ниже при изучении просодического поведения связок рассматривать только те случаи, где словоформы *есмь*, *еси*, *есть* и т. д. бесспорно являются связками. Для этого условимся исключить из нашего разбора фразы, где именной частью сказуемого является наречие (например, *а ты ны еси близь* [1195], 237 об.) или сочетание существительного с предлогом или со словом *ꙗко* (например, *се оуже въ старости есмь* [1154], 169), иначе говоря, относить такие фразы к той же категории, что фразы с заведомо полнозначными *есмь*, *еси*, *есть*.

Но трудности этим не ограничиваются. Верно то, что рассматриваемые словоформы имеют статус энклитик только в функции связок. Но обратное неверно, а именно, связки не всегда являются энклитиками. Так, например, во фразе *и не ими, кнѧже, вѣры бра*ᵀ*и наю,* ∇ *соу*ᵀ *на тѧ съвѣтали съ чьрниговьскыми кнѧзи* (НПЛ, 73 об.) словоформа *соуть* — явно связка (в составе перфекта), но это не энклитика, что видно из ее начального положения в клаузе. Аналогично: *ѥсть бо си повѣсть ꙗкоже медвена* (ЖАЮ, 1 об.); *сращининъ онъ ⟨...⟩ сътникъ дѣмономъ бѣаше,* ∇ *єсть же дерзъ братисѧ с подвизающимисѧ* (ЖАЮ, С31); здесь связка *есть* стоит в начале клаузы, да еще и перед энклитиками начальных рангов *же* и *бо*.

Таким образом, в вопросе о древнерусских связках необходимо различать два аспекта:

1) просодический статус связок, т. е. проблема соотношения их энклитических и полноударных вариантов;

2) конкуренция конструкций со связками (в любом из их двух просодических статусов) и конструкций с местоимениями.

В каждом из этих двух аспектов имеется собственный вектор эволюции.

С просодической точки зрения связки эволюционируют от первоначального полноударного статуса к статусу энклитик. Разные старославянские и древнерусские письменные источники демонстрируют нам различные степени продвижения по этому пути.

С синтаксической точки зрения эволюция состоит в том, что связки постепенно уступают свои функции личным местоимениям. (Отметим, что в главных чертах этот процесс ясно обрисован в Соболевский 1907: 239–242.) Со временем достигается конечная точка этого движения — связки полностью исчезают.

Дальнейший разбор состоит из двух разделов, соответствующих этим двум аспектам проблемы.

Внутри каждого раздела вначале рассматриваются связки первого и второго лица, затем отдельно связки третьего лица, поскольку эти две группы связок в ряде случаев ведут себя неодинаково.

Примечание. Отрицательные формы связок — *нѣсмь*, *нѣси*, *нѣсть*, *нѣсмы* и т. д. — всегда полноударны. Поэтому при изучении просодического статуса связок их уже незачем подробнее рассматривать и ни в какие подсчеты они не включаются. Напротив, при изучении конкуренции связок с местоимениями они учитываются наравне с обычными формами связок.

ПРОСОДИЧЕСКИЙ СТАТУС СВЯЗОК

Связки первого и второго лица

Данные акцентуированных памятников

§ 5.2. Для выявления просодического статуса древнерусских связок служат два инструмента: 1) прямые показания акцентуированных памятников; 2) наблюдения над размещением связок во фразах (возможное в любых памятниках, а не только в акцентуированных).

Первый из этих источников информации в сущности ограничен показаниями <u>Чудовского Нового Завета</u> XIV века (см. § 0.4).

В этом памятнике в большом числе случаев мы находим над связкой знак ударения. Примеры:

а) во фразах, где связка стоит в позиции, недопустимой для энклитики:

вы г҃лсите мѧ ꙋчт҃ль и Г^{с}*ь, і добрѣ́ г҃лте:* ∇ <u>*е́смь*</u> *бо* 48г;

ре^{ч} *же к нима: что су*^{т} *словеса̀ си, о ни*^{х} *же стѧзаета*^{с} *к соб*(*ѣ*) *идущѐ, и* <u>*еста́*</u> *дрѧхла́* (2 дв.) 40г;

ꙗ^{к} *моу*^{ж} *грѣше*^{н} <u>*есм̀ь*</u> 28в;

с҃нъ мои <u>*ѥси́*</u> *ты* 144б;

сѣмѧ Авраа́мле <u>*есмъ̀*</u> 45г;

вѣ^{м}, *ꙗ*^{к} *сѣмѧ Авраа́мле* <u>*естѐ*</u> 45г;

б) во фразах, где связка находится в главной вакернагелевской позиции:

азъ <u>*есм̀ь*</u> *му*^{ж} *іюдѣ́и* 74г;

не мо́глъ ли́ <u>*есѝ*</u> *едіно*^{г} *ч҃са побдѣ́ти* 24а;

того̀ бо <u>*есмы̀*</u> *тва́рь* 125в;

с҃нве <u>*естѐ*</u> *ізбивші*^{х} *п҃рркы* 13а;

в) в прочих случаях (т. е. там, где позиция энклитики в принципе может определяться как наличием тех или иных барьеров, так и ее полноударностью):

и азъ са^{м} *ч҃лвкъ* <u>*есм̀ь*</u> 65в;

і вѣрова^{ш}, *ꙗ*^{к} *ты мѧ́ посла*^{л} <u>*есѝ*</u> 50б;

ни ли се^{г} *чл҃и* <u>*естѐ*</u>*?* 29а.

Наряду с этим в Чуд. имеется также и много случаев, когда над связкой нет знака ударения. Но, к сожалению, они не могут служить свидетельством безударности связки, поскольку в Чуд. акцентные знаки выставляются без обязательности.

В примерах группы «а» полноударность связки находится в полном соответствии со свободой ее расположения во фразе.

В примерах группы «б» положение иное: связка стоит в позиции, естественной для энклитики (это особенно ясно видно в примерах типа *тогѐ бо <u>есмы̀</u> тва́рь*, где связка оказывается внутри группы *того тварь*), но тем не менее она несет знак ударения.

В принципе это может объясняться тем, что связки представляли собой то, что в § 0.2 было названо синтаксическими энклитиками, т. е. единицы, обладающие только синтаксическими свойствами энклитик, но не фонетическими.

Другая возможность состоит в том, что расстановка знаков ударения в Чуд. соответствует книжной манере чтения текстов, при которой почти каждое слово произносится без всякого просодического объединения с соседними словами. Но даже и в этом случае придется признать, что связки отличались от остальных энклитик более сильной тенденцией к полноударности, поскольку в Чуд. другие энклитики (в т. ч. слабые) почти никогда не получают знаков ударения за рамками тех случаев, когда они оказываются ударными в силу общих правил из § 0.4.

Что касается акцентуированных памятников XV века Флав. и Алекс., то они, к сожалению, практически никакой информации в данном пункте не дают. Дело в том, что в этих рукописях (писанных одной и той же рукой) словоформы *есмь*, *еси*, *есть*, *есмъ* (*есмо*, *есмы*), *есте*, *еста* никогда не получают знака ударения — даже и в тех случаях, где они заведомо были ударными, например: *богат҄ства же не хотѧть, нѝ єсть в ни́хъ именїа никоєгоже* 384г. Напротив, словоформа *соуть* почти всегда несет знак ударения: *соу́ть*. Отсюда понятно, что в этих словоформах писец выставлял или не выставлял знак ударения не в соответствии с их реальным произношением в записываемой фразе, а в силу выработанного устойчивого навыка одни из них всегда писать со знаком ударения, а другие всегда без него.

Такого рода устойчивые орфограммы, включающие (или, напротив, исключающие) знак ударения, — не редкость в акцентуированных рукописях XV–XVII вв. И довольно часто это касается как раз клитик; например, во многих рукописях всегда или почти всегда пишется *бѐ* (а не просто *бо*), хотя несомненно в какой-то части случаев это *бо* было безударным. Такой же характер нередко носят орфограммы *нъ̀* (*нѐ*), *лѝ* и др. С другой стороны, плотность акцентовки ни в какой рукописи не достигает 100% (ср. § 0.4, примеч.) и даже редко приближается к этому идеалу. В этих условиях изучать проблему ударности или безударности каких-то словоформ (в особенности служебных) в различных контекстах по показаниям акцентуированных рукописей XV–XVII вв. оказывается занятием крайне сложным и малонадежным. В настоящей работе мы таких попыток не делаем.

Следует полагать, что неполная утрата ударения у связок определяется в значительной мере тем, что те же словоформы употребляются также в качестве полнозначных (и, соответственно, полноударных). Кроме того, играет роль и то, что связки *еси*, *есмо*, *есмы*, *есте*, *еста* двусложны, а двусложные словоформы вообще склонны к тому, чтобы даже в позициях, где они утрачивают нормальное ударение, все же сохранять некоторое ослабленное ударение (как это происходит, например, с современными *ему*, *его*, *было*).

Расположение связок во фразе

§ 5.3. При анализе расположения связок во фразе для выявления того, в какой степени в конкретном памятнике связки играют роль энклитик, могут быть использованы:

1) оценка количества случаев, где связка стоит в позиции, в которую никогда (или почти никогда) не попадают слова, не являющиеся энклитиками;

2) оценка количества случаев, где связка стоит в позиции, недопустимой для энклитики;

3) коэффициент препозиции (§ 1.35) связок — общий или с подразделением по тем или иным позициям.

Связки в позициях, характерных для энклитик

Обратимся к вопросу о том, в какой степени связки способны выступать в позициях, допустимых исключительно (или почти исключительно) для энклитик.

Главная из таких позиций — положение внутри тяжелой (т. е. неодночленной) актантной группы. Если такая группа стоит в начале фразы или непосредственно после барьера, то в силу закона Вакернагеля энклитика должна вклиниться внутрь такой группы.

Наблюдается, однако, некоторая тенденция к тому, чтобы тем или иным способом избежать такого вклинивания, т. е. сохранить актантную группу в неразорванном виде. Тяжелые группы разной структуры проявляют эту тенденцию в разной степени. Наибольшее сопротивление разрыву обнаруживают тяжелые группы из существительного (или местоимения) и согласованного с ним прилагательного (в любом порядке), не являющиеся именным сказуемым (ср. § 2.18).

Соответственно, фразы, где связка разрывает даже такую группу, — это наиболее весомое свидетельство ее энклитического характера. Таких примеров немного, но все же они есть. Единственный памятник из обследованных нами, где имеется целая группа таких фраз, — это Киев-Д:

брате, хр҇тъ еси ч҇тьныи цѣловалъ ко мнѣ [1149], 137;
ѿ котораго есте становища поѣхали [1149], 138;
и свои еси рѧдъ взѧлъ [1196], 241;
а оу королева еси мужа слышалъ ли ѡ томъ ч҇тномъ кр҇тѣ? [1152], 166 об.;
и того еси всего не оуправилъ [1152], 166;
того еси всего не исправилъ [1196], 241;
а вы есте вси хр҇тъ цѣловали [1148], 134.

Единичные примеры из других памятников:
ни ли сихъ есте кънигъ чьли? (Мар., Мр. 12.10).
да въ нѥи же ѥсмь одежи нынѣ, въ тои да положите мѧ тако въ пещерѣ (Феод., 63в).

Присоединим сюда аналогичный пример с приложением, а не определением: *брат(а) моꙗ ѥсте 2 кнѧзѧ повесили вы въ Галици ꙗко злодѣꙗ* (НПЛ, 78 об.;

словосочетание *брата моꙗ* здесь, вероятно, подверглось просодическому объединению, см. § 1.42).

Имеется также ряд других синтаксических контекстов, где связка разрывает неодночленную группу, в силу чего оказывается именно в той позиции, которая ожидается для энклитики. Но в этих случаях в той же позиции все же изредка оказываются и полноударные словоформы; поэтому такие фразы служат лишь вероятным, а не бесспорным свидетельством энклитичности связки. Вот некоторые примеры.

Фразы с разрывом группы из именного сказуемого и согласованного с ним прилагательного:
Киев-Д — *брата еста моꙗ* [1150], 143 об.;
свои ми еси сестричичь [1146], 121.
ЖАЮ — *ꙗко оугодникъ ѥси Б҃ии* 41б;
понеже // другъ ми ѥси добрыи 49б;
*ѿселѣ оуже // нашь ѥси другъ и бра*т 3 об.
Мар. — *нъ ѣко самъ рече: ∇ ц҃сръ есмъ июдеискъ* (Ио. 19.21);
ты оученикъ еси того, ∇ мы же Мосеови есмъ оученици (Ио. 9.28).
Супр. — *ꙗко Х҃сови ѥсмъ воини* 51 об.
Флав. — *нѐ с҃нве єсмы пръстїи* ('персидские') 365в.

Фразы с разрывом других групп с участием именного сказуемого:
берестяные грамоты — *не виноватъ есмь Кузмѣ* 697п.
Киев-Д — *раненъ есмь велми* [1152], 162;
поѣди, к҃нже, не стрꙗпаи, ∇ ради есме тобѣ [1159], 177;
а жизнь есмы его взꙗли [1147], 127 об.;
и зла есмь Ѡлговичемъ много створилъ [1147], 130 об.;
и много есмь имъ зла оучинилъ [1148], 132 об.;
брате и с҃ноу, // много ти єсмь добра творилъ [1180], 217 об.;
а ворожду еси про Игорꙗ ѿложилъ [1149], 137.
ЖАЮ — *ꙗко велми ѥси мерзъкъ* 38а;
понеже, возлюблене мои, // дѣмономъ ѥсмь смѣхъ 24в;
овцꙗ ѥсмь словеснаго твоѥго стада 46б.
Мар. — *егда въ мирѣ есмъ, ∇ свѣтъ есмь мироу* (Ио. 9.5);
еда ты // болеи еси отъца нашего Иѣкова (Ио. 4.12).
Супр. — *ꙗкоже бо мьн҃ж, ∇ то рабъ ѥси богын҃ꙗ Артемиды* 113 об.;
ѥште ли пакы дръзаѥши, ∇ и жестокъ ѥси срьдьцемъ, Савине 76 об.
и сьпричꙗстьникъ ѥси от҄цоу твоѥмоу диꙗволоу 6 об.
Флав. — *ꙗко гнѹсенъ єси Б҃гоу и ч҃лкомъ* 373в;
ꙗко подобни єсте звавшимъ васъ 426а.

В большей части случаев, однако, во фразе, начинающейся с тяжелой группы, представлено некоторое синтаксическое решение, позволяющее избежать разрыва этой группы. Таких синтаксических решений три.

а) Самое обычное из этих решений — постановка барьера после начальной группы с вытекающей отсюда постпозицией связки, например:
берестяные грамоты — *а троке тво[е // ч]истило есмь и даꙗлъ дары* 831;
а рожь Петровоу // повелело ѥсемо измолотиво Кривѹ дати 196п;

оу Сменка оу Савина // взѧлъ ѥсемь поло коробии овса 689п;
а до моѥго живота // пособ[ь]*никъ ѥсмь тобѣ* [*з*](*а*) *твоѥ* [*д*]*об*[*р*]*о* 749п;
Киев-Д — *и всю жизнь // погоубила еста* [1146], 122;
а со Ꙗрославомъ с Черниговьскымъ // целовалъ есмь кр^с^тъ [1196], 239;
брате и сватоу, // ѿчиноу нашю и хлѣбъ нашь // взѧлъ еси [1196], 240;
ЖАЮ — *и къ своємꙋ Б҃ꙋ // привелъ єси* С40 об.;
истиньноє въздані́є праведны^х^ // позналъ єси С25;
Мар. — *мъноѕѣхъ пътицъ // соулѣиши есте* (Лк. 12.7);
Супр. — *окаане, // зълоу бѣсоу // прѣодолѣлъ ѥси* 58;
и многа ради // достоинъ ѥси живъ быти 66;
Флав. — *и чи́ны воиньскыѧ // измѣни́лъ єси* 381г;
и всю̀ ва́знь // преводилъ єси на ри́млѧны 416а.

б) При наличии после начального словосочетания еще одной актантной группы возможна также смещенная препозиция связки. Эта модель встречается гораздо реже. Примеры:

чад(*о*)*, онои нощи // кдѣ же ѥсвѣ ходила оба в темныꙗ храмы адовы* (ЖАЮ, 40в);

и ꙗже свѧтыꙗ цръкъви // съ ратиѭ ѥсте прѣꙗли, то и ты оставивъше, вьнѣ град(*а*) *прѣбываите* (Супр., 100 об.).

в) Наконец, изредка встречается постановка связки непосредственно после тяжелой актантной группы. Это уже прямое нарушение закона Вакернагеля (если только члены тяжелой актантной группы не подверглись просодическому объединению). Этот случай относится уже к следующему параграфу.

Связки в позициях, недопустимых для энклитик

§ 5.4. Рассмотрим теперь случаи, когда связка оказывается в позиции, недопустимой для энклитик.

Прежде всего это фразы — чрезвычайно редкие, — где связка стоит в начале клаузы или после начальных проклитик.

В начальной позиции стоит словоформа *есмь* во фразе: *в*⟨*ы*⟩ *г҃лаашете мѧ оучителѣ и Г҃а, і добрѣ г҃лете:* ∇ <u>*есмь*</u> *бо* (Мар., Ио. 13.13) (ср. ту же фразу в Чуд. — § 5.2, пункт «а»). Но для связок эта фраза непоказательна, поскольку *есмь* здесь нельзя признать обычной связкой: при ней нет никакой именной части — эта именная часть (*учитель и Господь*) лишь подразумевается. В этой эллиптической фразе полноударность *есмь* как бы вынужденная и *есмь* здесь фактически приобретает значение ʽда, я являюсь этимʼ, т. е. становится полнозначным.

Со связкой после начальных проклитик мы можем указать:

что сѫтъ словеса си, о нихъже сътѧѕаата сѧ, къ себѣ идѫща, ∇ <u>*і еста*</u> *дрѧхла* (2 дв. — Мар., Лк. 24.17; ср. ту же фразу в Чуд. — § 5.2, пункт «а»);

и хоштетъ Богъ, ∇ <u>*да ѥси*</u> *въ пльти на оувѣтъ* (Супр., III–14);

можеши и ѥднѣмъ добро сътворити, ∇ <u>*не бо ѥси*</u> *оноꙗ въдовы оубожаи* (Супр., III–55 об.).

Можно было бы предположить, что мы имеем здесь дело с проклитико-энклитическими комплексами. Но это маловероятно, так как связки — это поздние энклитики, а достоверные проклитико-энклитические комплексы — это как раз очень старые сложения. Против такого предположения говорит и исключительная редкость таких примеров. Поэтому более правдоподобно то, что здесь отразилась книжная реализация связок как полноударных словоформ.

Особо стоят две фразы: *рекуще тако:* ∇ *а есте послушали половьчь* (НПЛ, 97 об.); *а еси посоромилъ коньць въхъ Людинь* 954. Здесь весьма вероятным является предположение о простой ошибке писца. В первом случае оно подкрепляется тем, что в младшем изводе НПЛ стоит не *а есте*, а *аще есте.* Для второго случая можно предполагать пропуск *се* в *а се еси.*

Другая позиция, недопустимая для энклитик, представлена во фразах, подпадающих под пункт «в» предыдущего параграфа, т. е. таких, где связка стоит непосредственно после тяжелой актантной группы (любой структуры).

Правда, для части таких фраз, например, *брате, // что дѣлѧ еси приѣхалъ?* [1169], 191, можно предполагать просодическое объединение членов начальной актантной группы. Там, где это так, никакого нарушения закона Вакернагеля нет. См. об этом § 1.42.

Следует отметить также особый частный случай, где для постановки связки после тяжелой группы имеется некоторый дополнительный стимул. Таковы фразы, где эта группа уже разорвана сильной энклитикой, например: *сему ли вкушению сѧ ѥси оудивилъ?* (ЖАЮ, 7б). Здесь мы имеем дело с реализацией отмеченной в § 1.21 тенденции к разделению блока энклитик, куда входят одновременно сильные и слабые энклитики. Из-за разрыва тяжелой группы сильной энклитикой (в данном случае *ли*) второй член группы (*вкушению*) получает бо́льшую, чем обычно, самостоятельность, и в данной фразе слабые энклитики присоединены прямо к нему, как если бы он составлял отдельную актантную группу.

Как видно из разбора в § 1.42, остается тем не менее некоторое число фраз, где связки стоят после неодночленной актантной группы, причем такой, где нет оснований для просодического объединения, например: *отъвѣщаша емоу июдеи: сѣмѧ Аврамле есмъ* (Мар., Ио. 8.33). Такие примеры представлены в старославянских памятниках и в древнерусских памятниках книжного характера.

По крайней мере в части таких случаев связки, по-видимому, могли восприниматься как близкие по значению к полнозначному *быти* 'пребывать, находиться' и тогда уже вести себя как полноударные словоформы. Единичные случаи такого рода можно указать и не только в чисто книжных памятниках; ср., например: *ꙗ не Оугринъ ни Лѧхъ,* ∇ *но ѡдиного дѣда есмы внуци* [1172], 205 (и то же в чуть ином варианте: *то мы есмы не Оугре ни Лѧхове,* ∇ *но единого дѣда есмы вноуци* [1195], 237 об.).

Об аномальной фразе *и окрадони ѿ ного ѥсми* 370п (где не исключена какая-то ошибка писавшего) см. § 1.2, примеч. 1. О фразах типа *и створилъ єму єси срамъ великъ* см. § 3.16.

Коэффициент препозиции связок

§ 5.5. Важную информацию о просодическом статусе связок может дать коэффициент их препозиции в различных типах фраз.

Наиболее показательно здесь поведение связок в перфекте и при именном сказуемом, которое выражено прилагательным. Именно к этим двум группам относятся приводимые ниже подсчеты.

Что касается биноминативных фраз, т. е. фраз с именным сказуемым, которое выражено существительным (или личным местоимением), то для них почти невозможно достичь полной объективности в подсчетах, поскольку для заметной их части вопрос о том, какое из двух существительных (или из существительного и местоимения) является подлежащим, а какое сказуемым, решается неоднозначно. Например, фраза *ты еси защититель мои* может пониматься двояко: 1) 'ты мой защитник (а не враг и не равнодушный)', 'tu es mon défenseur'; 2) 'мой защитник — это ты', 'mon défenseur, c'est toi'. В первом случае сказуемое — *защититель мои* и связка *еси* стоит в препозиции; во втором случае сказуемое — *ты* и связка *еси* стоит в постпозиции. Для многих фраз такого типа с надежностью определить, какое из двух значений имеется в виду в древнем тексте, невозможно или по крайней мере очень непросто (например, во фразе *оувѣдите, ꙗко Господь есть Богъ нашь* из псалма 99 для ответа на такой вопрос необходим целый богословский анализ). Поэтому при разборе вопроса о препозиции и постпозиции связок мы не включаем биноминативные фразы в подсчеты.

Ниже в форме таблицы показан коэффициент препозиции связок 1-го и 2-го лица в ряде древнерусских и старославянских памятников, содержащих удовлетворительное количество материала (ПВЛ, как и в других случаях, взята без сочинений Мономаха). В скобках указаны количества примеров. Пометой «С прилагат(ельными)» обозначены клаузы с именным сказуемым, которое выражено прилагательным. Некоторые рубрики, где мало материала, объединены.

Коэффициент препозиции связок 1-го и 2-го лица

	Простые клаузы		Многоактантные клаузы	Тяжелые клаузы
	С перфектом	С прилагат.		
Син. псалт.	21% (5/24)	0/9	0% (0/21)	
Мар.	32% (8/25)	33% (5/15)	38% (8/21)	
Супр.	64% (7/11)	30% (3/10)	5% (2/38)	
Флав.	59% (20/34)	58% (7/12)	8% (2/25)	
ПВЛ	67% (22/33)	22% (2/9)	27% (3/11)	
ЖАЮ	85% (115/136)	57% (8/14)	73% (11/15)	61% (11/18)
Киев-Д	91% (200/220)*	43% (10/23)*	[см. простые]	58% (15/26)
Берестяные грамоты	ранн. 98% (41/42), поздн. 87% (34/39)	3/3	71% (12/17)	ранн. 0/1, поздн. 0/4

* Вместе с многоактантными, поскольку в Киев-Д в таких клаузах коэффициент препозиции энклитик не ниже, чем в простых (см. § 2.17).

Из таблицы видно, что в поведении связок во фразе имеется как бы два полюса, представленных, с одной стороны, Синайской псалтирью и Мариинским евангелием, с другой — берестяными грамотами, Киев-Д и Житием Андрея Юродивого. На одном краю этой шкалы отчетливо преобладает постпозиция связок, на другом господствует их препозиция.

Супрасльский кодекс, перевод Флавия и «Повесть временных лет» занимают промежуточное положение между этими полюсами.

§ 5.6. Приведем иллюстрации (многоактантные клаузы помечены символом М, тяжелые — символом Т).

Синайская псалтирь (в примерах из старославянских памятников знак // не ставим, поскольку вопрос о том, были ли в этих случаях барьеры, решается неоднозначно).

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — редко	Постпозиция — норма
многа еси створилъ ты, Г҃и Бж҃е мои, чюдеса твоѣ (пс. 39.6)	*въсѣ покорилъ есі подъ ноѕѣ его* (пс. 8.7) *гора Сионъ сі, ∇ въ нѫже въселілъ сѩ есі* (пс. 73.2) *і ты оставілъ есі нечъсті сръдъца моего* (пс. 31.5)
Любые иные клаузы	
Препозиция — отсутствует	Постпозиция — всегда
—	*въскѫѭ печальна есі, д҃ше моѣ* (пс. 41.6) *се бо рѣснотѫ възлюбилъ есі* (пс. 41.6) (М) *ѣко брітва изоштрена сътворілъ есі лестъ* (пс. 51.4) (Т)

Мариинское евангелие.

Препозиция — намного реже	Постпозиция — намного чаще
і Аврама ли еси видѣлъ? Ио. 8.57 *азъ бо есмъ старъ* Лк. 1.18 *чесо есмъ еште не доконьчалъ* Мт. 19.20 (М) *ни ли сихъ есте кънигъ чьли* Мр. 12.10 (Т)	*правѣ сѫдилъ еси* Лк. 7.43 *о семь вѣроуемъ, ∇ ѣко отъ Б҃а ишелъ еси* Ио. 16.30 *Г҃и, съ тобоѭ готовъ есмъ и въ темьницѫ и въ съмрьть ити* Лк. 22.33 *і мьнѣ николиже не далъ еси козьлѧте* Лк. 15.29 (М) *ты же колицѣмь длъженъ еси?* Лк. 16.7 (М) *мъноѕѣхъ пътицъ соулѣиши есте* Лк. 12.7 (Т)

Супрасльский кодекс.

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
нъ оумъ ли ѥста погоубила 106 об. *къгда ѥси видѣлъ господина робомъ продаѥма* III–79	*поѥже съгрѣшилъ ѥсмъ* III–9 об.
Простые клаузы с прилагательными	
Препозиция — намного реже	Постпозиция — намного чаще
мы бо ѥсмъ повиньни, съблазнивъше сѧ на пѫти 17	*аште вѣрьнъ ѥси* III–30 об. *и нагъ видимъ ѥсмъ отъ селика народа* 76 об.
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда
не бо ѥси оноѩ въдовы оубожаи III–55 об. (М)	*ꙗко не тъчьѭ богы прѣобидѣлъ ѥси* 84 (М) *и многа ради достоинъ ѥси живъ быти* 66 (Т)

Флавий.

Простые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
ты̀ бо мѧ єси привелъ ѿ поточенїа 378г *помощникы ли єсте ча́ꙗли?* 460г *и ны́нѣ єси ра́тенъ на́ мѧ* 375б	*проще́нїє же // пода́лъ єси* 373в *и тѣмъ // съхраненъ єси ѿ злодоу́миѧ* 372б
Многоактантные и тяжелые клаузы	
Препозиция — крайне редко	Постпозиция — почти всегда
зане жи́въ єси ратными ꙗтъ 462а (М)	*и народомъ всю во́лю // ре́клъ єси сътвори́ти* 381г (М) *то̀ почто бес҆престани // искоушени єсмы* 418в (М) *и чи́ны воиньскыѧ // измѣни́лъ єси* 381г (Т) *ѿ мно́жества добра // сътворилъ мѧ єси въ за́висть всѣмъ* 378г (Т)

«Повесть временных лет».

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — намного чаще	Постпозиция — намного реже
а с четырми ѥсмь вышелъ 42 об. *сего ѥсмъ не молвилъ* 89 об. *на что мѧ єсте привабили* 92	*Бу҃ послужилъ ѥси в тишинѣ* 71

Любые иные клаузы	
Препозиция — редко	Постпозиция — часто
да оуже помѧнисѧ, ∇ колико ѥси зла створилъ 90 (Т)	*азъ / погана єсмь* 17 об. *мы оуже зло // створили ѥсмы* 58 об. (М) *всѧко собѣ принесеньє бжᶜтвеноє // принеслъ ѥси* 71 (Т)

Житие Андрея Юродивого.

Простые клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция — редко
види ли,∇како ти сѧ ѥсмь оуранилъ 5в *мнѧщи, ∇ ꙗко к пастуху ѥсмь шла* 42г *крилѣ ѥси имѣлъ, ꙗкоже соуть оу серафимъ* 32г *тако ли сѧ ѥси ѿверглъ мира* 33б *пакы ли єси пришелъ на боꙗщихсѧ Ба҃* С51 *и многы ѥси ѿ бѣды избавилъ* 41б *прѣльсти моєꙗ, ∇ єюже сѧ єсте прьльстили* С166	*и азъ, гᶜже, // вѣдѣлъ ѥсмь* 5а *нъ отинꙋдь // погꙋбилсѧ єси* 133 об.
Любые иные клаузы	
Препозиция — несколько чаще	Постпозиция — несколько реже
обищи мѧ,∇аче ти ѥсмь невѣренъ 27в *томꙋ бо тѧ єсмъ съ многами слезами предалъ стомꙋ ексаръхꙋ* С172 об. (М) *и в болшю печаль сѧ єси вложилъ* С172 (Т)*	*да и азъ // грѣшенъ єсмь* С157 *да ты добра дѣлѧ // не створилсѧ ѥси похабомъ* 10а (М) *всю не(дѣ)лю // пострадалъ єси, брашна и питьꙗ лишаꙗсѧ* С32 об. (Т)

* С неправильной позицией энклитик при двучленной актантной группе (§ 1.42).

Киев-Д.

Простые и многоактантные клаузы с перфектом	
Препозиция — норма	Постпозиция —редко
то ци мене еси почᶜтилъ, Ба҃ еси почᶜтилъ [1150], 152 *Мьстислава есмь ꙗлъ, и полкъ его побѣдилъ* [1195], 238 об. *чего еста хотѣла волости, то ва есмь изискалъ* [1146], 124 *се есвѣ оугадала тако* [1149], 137 об. *издалеча есми поѣхали* [1149], 138 *ꙗ же есмь Гюргѧ ис Киева выгналъ* [1150], 147 (М) *азъ ти есмь съ бра(то)мъ твоимъ с Володимеромъ ѿселѣ оуже пошелъ* [1150], 147 об. (М)	*про што ми // ѡбреклъ еси Киевъ* [1142], 117 *ꙗзъ пereже всихъ // далъ есмь тобѣ волость сю* [1195], 236 об. (М)

Простые и многоактантные клаузы с прилагательным	
Препозиция — реже	Постпозиция — чаще
в томъ еси воленъ [1146], 124 *а мы есмь въ хрⷭтьномъ цѣлованьи прави* [1148], 133 (М)	*а ꙗ / старъ есмь* [1151], 155 *а ꙗ / готовъ есмь самъ полкы своими* [1149], 140 *ны(нѣ) же // оу ноужи сеи // боленъ есмь велми* [1146], 124 (М)
Тяжелые клаузы	
Препозиция — чаще	Постпозиция — реже
ѿ котораго есте становища поѣхали [1149], 138 (Т)	*и всю жизнь // погоубила еста* [1146], 122 (Т)

Берестяные грамоты (не отделяем ранние грамоты от поздних, поскольку различия между ними в данном случае невелики).

Препозиция — почти всегда	Постпозиция — очень редко
чемоу не восолеши, ∇ чето ти есемо водала ковати? 644 *Матьеви еси молвиль* 550 *товарьць есьмо посълаль Смольньскоу* 952 *ци оуже ти есмь задѣла сълюци* 752 *что бы ѥсь, ѻсподине, оунѧлъ ѥго* 446п *зандо есмъ пуста* 692п *да же еси тими коунами не исполнила* 711п (М) *а нине есемо к тобѣ рибоко послале* 131п (М)	*толико // възѧлъ есмь ѫ Прокопьѣ* 736б *а ныне оу Даньшии // заѧлъ есмь ...* 336 (М) *а рожь Петровоу // повелело ѥсемо измолотиво Кривꙋ дати* 196п (Т)

В отношении биноминативных фраз (о которых см. выше) отметим лишь, что практически во всех памятниках преобладают те их модели, где связка помещается между подлежащим и сказуемым (в каком бы порядке они ни стояли), например: *азъ есмъ пастырь добры* (Мар., Ио. 10.11); *ты ми еси ѡц҃ь* [1150], 145. Существенно реже встречаются модели, где связка стоит правее обоих именных членов, например: *и азъ крьстиꙗнъ ѥсмъ* (Супр., 40 об.).

Выводы

§ 5.7. Рассмотренные факты достаточно ясно показывают, что с синтаксической точки зрения связки 1-го и 2-го лица в древнерусских и старославянских текстах в большинстве случаев ведут себя как энклитики. С другой стороны, не подлежит сомнению и то, что в старославянских текстах и в древнерусских текстах книжного характера они все же в части случаев сохраняют свой первоначальный полноударный статус.

Что касается степени фонетической ударности или безударности связок, то в отношении живой древнерусской речи наши источники, к сожалению, не дают в этом пункте надежных сведений. Можно допустить как то, что в живой речи связки несли ослабленное ударение или даже просто были безударны, так и то, что мы имеем здесь дело с синтаксическими энклитиками (§ 0.2), т. е. единицами, обладавшими только синтаксическими, но не фонетическими свойствами энклитик.

При устном воспроизведении книжных текстов связки почти наверное произносились с нормальным ударением — особенно при медленном или торжественном чтении. Иначе говоря, знаки ударения над связками, которые мы находим в Чуд., по-видимому, прямо соответствуют принятой у книжников манере чтения.

Следует полагать, что в живой древнерусской речи связки всегда размещались во фразе в соответствии с правилами, действующими для энклитик. Наиболее убедительным свидетельством этого являются показания берестяных грамот.

Отклонения от этого принципа, которые обнаруживаются в древнерусских книжных текстах, вероятно, объясняются прежде всего тем, что сочинитель или переводчик мысленно представлял себе, как будет звучать сочиняемая им фраза (может быть, даже проговаривал ее), исходя именно из принятой манеры книжного чтения. Отсюда известная степень свободы от автоматизмов живой речи в расстановке слов. Определенную роль могло играть также прямое отталкивание от живой речи (ср. § 2.25). Еще одним стимулом, действовавшим в том же направлении, могло быть подражание старославянским образцам (о которых см. ниже).

Что касается старославянских текстов, то, по-видимому, в них отразился более ранний этап движения от полноударного статуса связок к энклитическому, чем в древнерусских текстах. Если в живом древнерусском языке XI–XII веков это движение уже фактически достигло своей конечной точки, то для старославянского языка IX–X веков следует предполагать лишь некоторое промежуточное состояние.

Кроме того, на синтаксис переводных старославянских текстов могло оказывать некоторое влияние и то обстоятельство, что славянским формам перфекта (скажем, *реклъ еси*, *пришьлъ есмь*) в греческом оригинале соответствовали единые глагольные словоформы. При общей тенденции к пословному переводу это, по-видимому, вело к тому, что, например, *реклъ еси* и εἶπας воспринимались переводчиками как эквиваленты; а тогда уже *реклъ еси* могло вставляться во фразу как единое целое — даже там, где по правилам живой славянской речи *еси* как энклитика должно было бы уйти от *реклъ* влево. Например, фраза πάντα ὑπέταξας ὑποκάτω τῶν ποδῶν αὐτοῦ (пс. 8.7) переведена пословно: *вьсѣ покорилъ есі подъ нозѣ его* (Син. псалт.). Между тем в живой речи ожидалось бы *вьсѣ есі покорилъ*. Очевидно, переводчик либо мысленно произносил каждую тактовую группу по отдельности (сперва *вьсѣ*, затем *покорилъ еси* и т.д.), либо мысленно произносил *еси* как обычную полноударную словоформу.

Если для старославянских текстов восприятие словосочетаний типа *реклъ еси* как устойчивых цельных единиц представляет собой правдоподобную гипотезу (но позволяющую объяснить всё же не все случаи, а лишь их большинство), то для позднейших церковнославянских текстов это становится очевидностью. Как известно, церковнославянские грамматики расценивают *реклъ еси* просто как 2-е лицо при формах 1-го лица *рекохъ* (или *рѣхъ*) и 3-го лица *рече.* И, в частности, в церковнославянской Псалтири с течением времени практически все древние формы 2 ед. аориста (совпадающие с 3 ед.) заменяются моделью *реклъ еси* (причем именно с таким порядком членов). Ср., например:

ѣже сътворі величьствіѣ в Синайской псалтири (пс. 70.19) — *ꙗже створил ми єси величьꙗ* в Киевской псалтири XIV в.;

аналогично: *і ненавидꙗщꙗꙗ мꙗ потрѣбі* (пс. 17.41) — *и ненавидѧщаꙗ мѧ потрѣбилъ єси*; и т. п.

В Киевской псалтири таким способом заменена только некоторая часть старых форм 2 ед. аориста. А в Синодальной библии такие замены осуществлены уже вполне последовательно.

Как можно видеть, во фразах из Киевской псалтири связки стоят не на тех местах, которые ожидались бы для энклитик. Редакторы текста явно механически вставляли здесь привычную модель *реклъ еси.*

Их отношение к этой модели как к правильной особенно ясно видно из того, что они заменяли на нее не только аористы, но и перфекты модели *еси реклъ*. Ср., например:

сі есі створілъ в Синайской псалтири (пс. 49.21) — *сиꙗ створилъ єси* в Киевской псалтири;

многа еси створилъ ты, Г҃и Б҃же мои, чюдеса твоѣ (пс. 39.6) — *многа створилъ єси ты, Г҃и Б҃е мои, чюдеса твоꙗ.*

И, наконец, самым ярким свидетельством восприятия сочетаний типа *реклъ еси* как некоего нераздельного единства с фиксированным порядком элементов являются фразы из поздних церковнославянских редакций, где механическая замена таким сочетанием стоявшего в прежних переводах аориста ведет к нарушению правила рангов для энклитик. Примеры:

и насади і в Синайской псалтири (пс. 79.9) — *и насадилъ еси ѝ* в Острожской библии;

и изведе ны в покои в Киевской псалтири (пс. 65.12) — *и изве́лъ єсѝ ны̀ въ поко́и* в Синодальной библии;

ѻзло́би лю́ди и ізгна ѧ̀ в Острожской библии (пс. 43.3) — *ѡзло́билъ єсѝ лю́ди и изгна́лъ єсѝ ѧ̀* в Синодальной библии;

ты̑ созда мѧ̑ в Острожской библии (пс. 138.5) — *ты̀ созда́лъ єси мѧ̀* в Синодальной библии.

И даже с прямой заменой правильного порядка энклитик, представленного в прежнем переводе, на неправильный ради непосредственного примыкания связки к *л*-причастию:

и ты, Г҃и, створилъ ꙗ еси в Киевской псалтири (пс. 108.27) — *и ты̑, Г҃и, сътворилъ еси ѧ̀* в Острожской библии.

Ср. аналогичные замены, связанные с энклитикой *сѧ* (§ 4.15).

Из приведенных фактов можно заключить, что в книжной традиции сформировалась тенденция к тому, чтобы закрепить за связкой место непосредственно после *л*-причастия (или прилагательного), — подобно тому, как это произошло с местоимением *сѧ*. Просто в живом языке в данном случае развитие пошло по иному пути, чем для *сѧ*.

Связки третьего лица

§ 5.8. Главное отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица — это то, что в живом древнерусском языке они встречались очень редко, а именно, в перфекте их не было вообще, а при именном сказуемом они употреблялись лишь в очень узком круге случаев.

Таким образом, связки 3-го лица — это в основном элементы книжного языка, и этим в значительной мере и определяется их просодическое и синтаксическое поведение.

Укажем кратко, как ведут себя связки 3-го лица в тех пунктах, которые рассмотрены выше в § 5.1–6, в чем их сходство со связками 1-го и 2-го лица и отличие от них.

Существенное отличие словоформ *есть*, *суть*, *еста* (3 дв.) от соответствующих словоформ 1-го и 2-го лица состоит в том, что они несравненно чаще употребляются в неслужебном значении ('существовать, иметься', 'пребывать, находиться') и в этом случае ведут себя как акцентно самостоятельные. См. примеры в § 5.1.

В Чудовском Новом Завете связки 3-го лица, как и прочие связки (ср. § 5.2), часто выступают со знаком ударения, например:

и что̀ <u>ес҄ть</u> ство́рилъ 74в;
*Б҃ъ же еди*н *<u>ес҄ть</u>* 123а;
*аще же бра*т *лѝ сестра̀ нага́ <u>еста́</u>* 81г.

Связки 3-го лица, как и прочие, мы иногда находим в позициях, характерных в первую очередь для энклитик. Правда, таких случаев в 3-м лице намного меньше, чем в 1-м и 2-м. Примеры:

*а тобѣ <u>есть</u>, кн҃же, король ꙗвлѧлъ того ч*с*тнго Х*с*а* [1152], 166об.;
*ти бо <u>соуть</u> не мене ѡдиного хотѣли оубити, но и ва*с *искоренити* [1147], 128.

Также с разрывом именной группы, включающей именное сказуемое:

или возворотисѧ домовь, ∇ *ꙗко не наше <u>єсть</u> веремѧ* [1185], 223об.;
ꙗко прелще́нꙇє <u>єсть</u> Диѡфа⟨н⟩тово (Флав., 372в)
ꙗко Бж҃иѥ <u>ѥсть</u> съмотрениѥ се (Феод., 53б);
хотѧ видѣти, ∇ *каꙗ то <u>ѥсть</u> цр҃кы* (Феод., 47в);
се бо г҃лааше, ∇ *ꙗко «не моужьскыꙗ <u>есть</u> д҃ша* (Р. ед.) *ѥже раслабѣти печальныими сими напастьми»* (Феод., 49в/г).

С другой стороны, связки 3-го лица, как и прочие, могут выступать в позициях, недопустимых для энклитик, причем в 3-м лице это случается гораздо чаще, чем в 1-м и 2-м.

Примеры начальной позиции:

ПВЛ — *и єсть ми любо вѣра ваша и служеньє* 38;

*и инѣмъ приходѧщи*ᴹ *странны*ᴹ *с вѣрою даєта ицѣленьє,* ⟨...⟩ *напастны*ᴹ *избавленьє,* ∇ *и єста* (3 дв.) *заступника Русьстѣи земли* 47.

НПЛ — *и не ими, кнѧже, вѣры бра*ᵀ*и наю,* ∇ *соу*ᵀ *на тѧ съвѣтали съ чьрниговьскыми кнѧзи* 73 об.

ЖАЮ — *ни подобенъ никоѥиже твари,* ∇ *ни ѥсть ѥго видилъ никтоже* 51б;

срацининъ онъ, възлюблене мои, сътникъ дѣмономъ бѣаше, ∇ *єсть же дерзъ братисѧ с подвизающимисѧ* С31;

ꙗкоже и поститсѧ и кланѧѥтсѧ, ∇ *и ѥсть незлобивъ и смиренъ и кротокъ и молчаливъ* 31в;

каменьѥ бо и злат(*о*) *и сребро,* ∇ *ни ѥсть было живо* 59в.

Флав. — *и ѿвѣщаша ємꙋ: єсть пи́сано: въсиꙗєть ѕвѣѕда ѿ Іакова* 366а;

и не єсть крѣпко та́ко бл҃го 347в;

нн҃ѣ же та̀ велми єсть ми свобо́дна 416 б/в (*єсть* стоит перед *ми*).

Примеры позиции после двучленной актантной группы:

ЖАЮ — *заповѣди твоꙗ пооучениѥ моѥ суть* 47а;

како губитель и разбоиникъ и книгамъ гордъ ѥсть 32б;

разумѣхъ поистинѣ, ∇ *ꙗко велми сладокъ ѥсть путь службы твоѥꙗ* 7б;

ꙗкоже иже творить правдꙋ, ∇ *слꙋга добра правды єсть* (‘хороший слуга правды’) С 31 об.;

но гадаю, ∇ *ꙗко великъ грѣхъ ѥсть створилъ* 48а;

да и первоѥ слово ѥсть реклъ 49в.

Флав. — *ре́кше, ꙗко Бг҃ъ побо́рникъ на́шь єсть* 428а;

на́мъ смрьть лѣпши живота єсть 346в;

зно́ино ѕѣ́ло єсть мѣ́сто то̀ 430в;

и въпроша Анто́нїи, ∇ *кото́рии моу́жи соу́ть го́дни владѣти* 356б.

Мар. — *да оувѣсть,* ∇ *какѫ коуплѭ сѫть сътворили* (Лк. 19.15).

Чуд. — *ꙗко аще кто̀ послоушни*ᴷ *сло́воу есть̀* 81б.

Особую группу составляют фразы, где между *л*-причастием и словоформами *есть*, *суть* вклинено местоимение (в нормальном случае полноударное) *его*, *ему*, *еѣ*, *еи*, *ихъ*, *имъ*, *насъ*, *намъ*, *васъ*, *вамъ*. Примеры:

ЖАЮ — *взѧлъ ѥго ѥсть дьꙗволъ себѣ* 24а;

испросилъ же ѥго ѥсть ан҃глъ, иже хранить дш҃ю ѥго 38а;

да сего дѣлѧ Бъ҃ свергль ѥго ѥсть с горы долу со всими тѣми 50г;

*ꙗко ꙗвилъ ѥму ѥсть безвѣстнаѧ и таинаѧ великыѧ премд*ᶜ*ти* 28а;

*и єгоже дѣлѧ показалъ ємꙋ єсть прежере*ᶣ*наꙗ чюдеса ст҃ць* С49;

и тогда лѣтъ имъ єсть мазати и добрꙋ воню подаꙗти С158 об.;

мнози же ѿ праведникъ видили ѥго суть 55а.

ПВЛ — *поистинѣ прельстилъ ва*ᶜ *єсть бѣсъ* 59 об.

Понятно, что во фразах такого строения либо словоформы *есть*, *суть* полноударны, либо словоформы *васъ*, *его*, *ему*, *имъ* (исконно полноударные) уже стали энклитиками (либо и то, и другое вместе). В § 3.16 было показано, что для предположения о раннем превращении словоформ *его*, *ему*, *имъ*, *ихъ* в

энклитики нет достаточно надежных оснований. Соответственно, в этих случаях более вероятной следует признать полноударность словоформ *есть*, *суть.*

Аналогичную структуру имеют также некоторые фразы с прилагательными, страдательными причастиями или существительными, например:
Флав. — *вѣдоуще же, ꙗко ѿложена имъ єсть смръть с м ꙋками* 444а;
разоумѣ, ꙗко не любо имъ єсть 453в;
ны́нѣ же извѣстно на́мъ єсть ... 474в;
сългáвъ ємоу, ꙗко Архелаи дрꙋгъ ємоу єсть 371г.

Что касается коэффициента препозиции связок 3-го лица, то анализировать его столь же подробно, как для для 1-го и 2-го лица (см. § 5.5–6), нет необходимости. Удовлетворительное количество материала здесь имеется только в литературных памятниках ЖАЮ и Флав. Их данные подтверждают то, что естественно ожидать на основании всех прочих указаний на сильную склонность связок 3-го лица к полноударности. Так, в ЖАЮ коэффициент препозиции в простых клаузах с перфектом составляет для связок 1-го и 2-го лица 85%, а для связок 3-го лица — 69%. В Флав. в простых клаузах с перфектом или с именным сказуемым – прилагательным это соответственно 59% и 31%.

Общий вывод очевиден: связки 3-го лица в значительной части случаев выступают в роли акцентно самостоятельных словоформ, а не энклитик.

Это четкое отличие связок 3-го лица от связок 1-го и 2-го лица, которые практически всегда энклитичны, явно связано с тем, что в живом языке в большинстве синтаксических позиций, в принципе допускавших связки, в 3-м лице связки реально отсутствовали. Широкое использование словоформ *есть*, *суть* в функции связок есть черта книжного языка. Ср. приведенные выше примеры: почти все они происходят из книжных памятников или из книжных пассажей в составе иных памятников. Но просодические автоматизмы, требующие перевода тех или иных словоформ в категорию энклитик, принадлежат как раз живому, а не книжному языку. Книжный язык, как уже указывалось, может, напротив, даже отталкиваться от таких автоматизмов, требуя от каждого слова отдельного и просодически самостоятельного чтения.

Ввиду наличия бесспорных примеров полноударных связок *есть*, *суть*, продемонстрированных выше, необходимо признать, что и в ряде других случаев, менее очевидных, эти связки могли быть полноударными. Тем самым в большом числе случаев, когда в книжных памятниках связки *есть*, *суть* стоят намного правее главного вакернагелевского места, мы вправе предполагать не серию барьеров, которая отодвинула эти словоформы вправо, а просто использование этих словоформ в качестве полноударных.

Понятно, однако, что с достоверностью определить, в каких из фраз подобной структуры связка действительно была полноударной, невозможно. Поэтому производить здесь какие-либо подсчеты бессмысленно. Следует просто ограничиться констатацией того, что при устном воспроизведении книжных текстов связки *есть*, *суть* могли реализоваться как полноударные, а это давало возможность составителям таких текстов при желании ставить их в позиции, не соответствующие закону Вакернагеля.

ПРОЦЕСС УТРАТЫ СВЯЗОК

Общие положения

§ 5.9. Теоретически возможные сочетания именной части сказуемого (считая таковой также *л*-причастие) с местоимением и/или связкой таковы (как образцы взяты местоимение *ты*, связка *еси*, *л*-причастие *далъ*, прилагательное *старъ*, существительное *кънѧзь*):

а) трехчленная конструкция — *ты еси далъ*, *ты еси старъ*, *ты еси кънѧзь*;

б) двучленные конструкции — *ты далъ*, *ты старъ*, *ты кънѧзь* (с местоимением); *далъ еси*, *старъ еси*, *кънѧзь еси* (со связкой);

в) одночленная конструкция — *далъ*, *старъ*, *кънѧзь*.

Уточним сразу же, что порядок членов может быть и не такой, как в этих формулах: он определяется общими правилами для энклитик (скажем, в *далъ еси* порядок членов автоматически меняется при добавлении какого-нибудь слова спереди, например, *кому еси далъ*) и другими правилами порядка слов. Возможно также дистантное расположение членов такого словосочетания. Сущность конструкции от всех этих модификаций не меняется.

Особый случай составляет непервый член в серии однородных сказуемых (например, *слышалъ* во фразе *видѣлъ еси и слышалъ*): поскольку как местоимение, так и связка в этом случае обычно не повторяется, он внешне выглядит как одночленная конструкция. Ниже мы такие непервые члены просто не рассматриваем и при подсчетах не учитываем.

Реальную ситуацию со связками в живом древнерусском языке можно в основных чертах представить так.

В этой сфере действуют следующие общие принципы.

1. В предикативной синтагме грамматические значения лица и числа не дублируются: достаточно, чтобы они содержались в каком-то одном члене этой синтагмы — подлежащем или сказуемом. Например, достаточно конструкции *далъ еси* или *ты далъ* — в обоих случаях грамматические значения 2-го лица и единственного числа выражены; трехчленная конструкция *ты еси далъ* (где эти значения продублированы) — не требуется.

2. Местоимения-подлежащие в немаркированном случае отсутствуют. Они используются только в особых случаях, где они несут дополнительную смысловую нагрузку или где без них возникли бы синтаксические трудности.

3. Перфектные причастия (*л*-причастия) уже приобрели (в своей нечленной форме) предикативный статус, т. е. они уже выделились из общей категории прилагательных/причастий, практически утратив функцию определения к существительному и частично усвоив функции личных форм.

В соответствии с этими принципами в живом древнерусском языке нормальными оказываются следующие синтаксические модели:

для 1-го и 2-го лица: *далъ еси*, *старъ еси*, *кънѧзь еси* (а в тех особых случаях, где требуются местоимения-подлежащие, — *ты далъ*, *ты старъ*, *ты кънѧзь*);

для 3-го лица: при отсутствии выраженного отдельным словом подлежащего — *далъ* 'он дал', *старъ есть* 'он стар', *кънѧзь есть* 'он князь'; при наличии

такого подлежащего — *Иванъ далъ*, *Иванъ старъ*, *Иванъ кънѧзь*. Наряду с *Иванъ далъ* (и т. д.) в принципе возможен также вариант *онъ далъ*; но реально такая возможность здесь используется очень редко.

В 3-м лице присутствие подлежащего (существительного или местоимения) дает в отношении связок такой же эффект, как присутствие местоимения-подлежащего в 1-м и 2-м лице.

Отсутствие связки *есть* в модели *далъ* отражает третий из сформулированных выше принципов.

Таким образом, в живом древнерусском языке для фраз с перфектом или именным сказуемым действует следующее правило употребления связки:

если во фразе есть выраженное отдельным словом подлежащее, то связка отсутствует; если такого подлежащего нет, то связка присутствует, за исключением 3-го лица перфекта (где ее нет).

От этой картины очень сильно отличается та, которую мы находим в книжных памятниках. Из указанных общих принципов здесь сохраняет силу (и то не всегда) только принцип 2. Принципы 1 и 3 не действуют вообще (или действуют очень слабо). Из этого, в частности, следует, что связка здесь никогда (или почти никогда) не опускается.

Соответственно, здесь представлен существенно иной набор основных синтаксических моделей:

для 1-го и 2-го лица: *далъ еси*, *старъ еси*, *кънѧзь еси* (а в тех особых случаях, где требуются местоимения-подлежащие, — *ты еси далъ*, *ты еси старъ*, *ты еси кънѧзь*);

для 3-го лица: при отсутствии внешне выраженного подлежащего — *далъ есть*, *старъ есть*, *кънѧзь есть*; при наличии такого подлежащего — *Иванъ есть далъ*, *Иванъ есть старъ*, *Иванъ есть кънѧзь* (или: *онъ есть далъ* и т. д.).

Как следствие описанных соотношений, в древнерусском языке связки и личные местоимения (в И. падеже), например, *есмь* и *ꙗзъ* (*ꙗ*), *еси* и *ты* оказываются в ряде контекстов в роли функциональных синонимов, несмотря на свою принадлежность к совершенно разным грамматическим классам (см. о существовании таких пар и их свойствах Хабургаев 1978).

Поскольку связки — это в нормальном случае энклитики, а личные местоимения — акцентно самостоятельные словоформы, противопоставление связок и местоимений в парах *есмь – ꙗзъ*, *еси – ты* и т. д. получает характер просодического противопоставления энклитических и полноударных вариантов одних и тех же функциональных единиц.

В древнерусском языке уже имелись два ряда единиц с аналогичным соотношением вариантов: личные местоимения Д. падежа (*ми – мънѣ*, *ти – тобѣ* и т. д.) и личные местоимения В. падежа (*мѧ – мене*, *тѧ – тебе* и т. д.). Ряд из связок и личных местоимений И. падежа (*есмь – ꙗзъ*, *еси – ты* и т. д.) стал третьим членом в этой системе просодических вариантов.

Как мы увидим ниже, фундаментальное единство этих трех рядов подтвердилось в ходе их дальнейшей эволюции: во всех трех рядах со временем энклитические варианты исчезли, будучи полностью вытеснены полноударными.

Правила употребления личных местоимений в роли подлежащего

§ 5.10. Поскольку употребление связок непосредственно зависит от употребления местоимений-подлежащих, необходимо подробнее рассмотреть правила употребления этих местоимений.

Эти правила (наилучшим образом соблюдаемые в части ранних памятников, менее последовательно в других категориях памятников) таковы.

В обычном (немаркированном) случае подлежащее *ꙗ* (*ты*, *мы*, *вы*) опускается, т. е. реально отсутствует. Это одинаково верно как для предложений со сказуемым, не предполагающим связки в настоящем времени (например, *иди*, *молю ти сѧ*, *рекохъ*, *събирахомъ*), так и для фраз с перфектом (*далъ еси*) или именным сказуемым (*старъ еси*, *кънѧзь еси*). Для последних двух категорий отсутствие местоимения означает, что связка в нормальном случае не может быть опущена.

Указанному обычному случаю противостоит серия особых случаев, где личное местоимение всё же присутствует.

Что касается фраз с перфектом или именным сказуемым, которые составляют основной предмет нашего дальнейшего разбора, то в книжных памятниках для таких фраз добавление личного местоимения означает появление трехчленной конструкции. В некнижных памятниках при добавлении личного местоимения связка становится излишней и в нормальном случае опускается.

Излагаемые правила в принципе действительны для всех трех лиц. Но 3-е лицо имеет ту особенность, что в древнейших текстах местоимения 3-го лица (*онъ*, *она*, *они* и т. д.; *тъ*, *та*, *ти* и т. д.) в роли подлежащего (а не определения) вообще избегаются. Они встречаются почти исключительно в сочетании с *же* (*онъ же*, *они же* и т. д.), с *а* (*а онъ*, *а они*) или с *и* (*и онъ*, *и они*). В частности, в берестяных грамотах XI–XII веков они не встретились вообще.[45]

§ 5.11. С точки зрения употребления или неупотребления личного местоимения все контексты можно разделить на: а) такие, где личное местоимение должно быть употреблено обязательно; б) такие, где это необязательно.

Первую категорию контекстов мы будем называть зоной обязательных местоимений, вторую — нейтральной зоной.

Местоимение-подлежащее обязательно употребляется в следующих случаях (перечисляемые условия в принципе совместимы друг с другом).

1. Если подлежащее несет на себе эмфазу (подчеркивание), например:

идѧху слово рекоуче Олговичи, ∇ ꙗко «вы ('именно вы') *начали есте перво насъ гоубити»* [1135], 110 об.;

а ты мене старѣи, ∇ а ты мѧ с ни^{м} *и соуди* ('и вот именно ты меня с ним и суди') [1149], 136;

Саватии ⟨...⟩ *запраша братьѥ своѥи и всѣхъ новгородьць: «изберете собѣ игумена»; они же рекоша: ∇ «кого ты блг*^{с}*виши»* (НПЛ, 102 об.).

[45] Словоформа *то* во фразе *ѥже ми отьць даѧлъ и роди съдаѧли, а то за нимь* 9 сюда не относится: она означает 'это, то' (а не 'оно').

К сожалению, этот пункт, при всей его реальной важности для механизма употребления местоимений, не поддается формальной проверке; некоторая доля предположительности в оценке значения древнего текста здесь неизбежна.

2. Если подлежащее находится в смысловом противопоставлении (или сопоставлении) с подлежащим (или иным членом) предшествующей клаузы. Примеры:

поиди за мьне: ѧзъ тьбе хоцю, ∇ *а ты мене* 377;
мене игоумене не поустиле, ∇ *а ѧ прашалъсѧ* 605;
не ходи ты, ∇ *но поидемъ мы* [1145], 117 об.;
азъ оуже бородатъ, ∇ *а ты сѧ еси родилъ* 'я [был] уже бородат, а ты [только еще] родился' [1151], 155 об.;
но ать Изѧславъ поидеть въ свои Володимиръ, ∇ *а вы въ свою землю поидите* [1149], 141.

3. Если подлежащее входит в состав сочиненной группы (соединенной союзами или бессоюзно) или если к нему относятся частицы *и* (усилительное), *не*, *ни*. Примеры:

вълѣзи ты и жена твоꙗ (ПВЛ, 30);
братъ твои кн҃зь и ты [1146], 119;
ꙗко же и браᷮ твои Изѧславъ чᷭтилъ Вѧчеслава, ∇ *тако же и ты чᷭти* [1154], 169 об.;
и ѥже ѥсмь и азъ дѣꙗлъ, все ми исповѣда (ЖАЮ, 18а);
не мы его оубили, но Ѡлговичᷱ Двд҃вича и Всеволодичь [1147], 129 об.;
да ни мы начнемь боꙗтисѧ васъ, ни вы насъ [1172], 198.

4. Во фразах с обращением и сказуемым во 2-м лице, вводимых союзом *а*, *и*, *но* или частицей *же*. Примеры:

а ты, Нестере, про чицѧкъ пришли ко мни грамоту 358п;
ты же, браце господине, молови емо(у) тако 531.

5. После союзов *и*, *ти*, выступающих в значении 'то', 'тогда', 'в таком случае', если в предыдущей клаузе содержится условие или объявление темы ('а что касается ...'). Примеры:

а цто рубль дать Игнату, ∇ *и ты даи* 363п;
аже застанеше мене, ∇ *ти ѧ тьбе везу* Твер. 2п;
толико ꙗвиᷲ ст҃ѧгы, ∇ *и мы ѿступимъ ѿ Ꙗрослава а ко Изѧславу* [1159], 178 об.;
а коли б ты хотѣлъ правдою жити, и ты б прислалъ ко мнѣ пословъ (Ив. Грозн.; отметим, что здесь подлежащие обеих клауз совпадают).

6. Если местоимение представляет собой общий член двух или более клауз (главного и придаточного предложений; предложения и деепричастного оборота; сочиненных предложений, соединенных союзами *и... и...* или *ни... ни...*). Примеры:

а ты, атче еси не възалъ коунъ техъ, а не емли ничьто же оу него 109;
како ты оу мене и чьстьное дрѣво възъмъ, и вевериць ми не присълеши, то девѧтое лето 246;

а ты ни к на^{м} *еси пошелъ, ни на Ростислава еси настоупилъ* [1148], 133 (второе *ни* из Хлебн.).

Совокупность контекстов, где имеет место хотя бы одно из перечисленных условий, и составляет зону обязательных местоимений.

С диахронической точки зрения важнейшая характеристика зоны обязательных местоимений состоит в том, что поведение местоимений в этой зоне не меняется от времени: оно практически такое же и в современном языке.

§ 5.12. Остальные контексты образуют нейтральную зону. В этой зоне употребление местоимений-подлежащих факультативно. Теоретически они могут здесь вообще отсутствовать. Реально, однако, в памятниках — в одних реже, в других чаще — местоимения-подлежащие встречаются и в этой зоне, причем в разных категориях контекстов вероятность этого очень различна.

Не претендуя на полноту перечисления, отметим ряд ситуаций, где в большей или меньшей степени проявляется тенденция ставить местоимение.

1. Если подлежащее находится в смысловом противопоставлении (или сопоставлении) с подлежащим следующей клаузы, то в большинстве случаев местоимение реально присутствует. Примеры:

ѧзъ тьбе хоцю, а ты мене 377п;

вы, гн҃е, промежю собою исправы не учините, а мъ (= *мы*) *промежю вами погибли* 361п;

азъ оуже бородатъ, а ты сѧ еси родилъ [1151], 155 об.;

вы нѣста кнѧзѧ, ни рода кнѧжа, но азъ єсмь роду кнѧжа (ПВЛ, 8).

Реже встречаются фразы такого же типа, где местоимения нет, например:

а звало ѥсмь васо в городо, и вы моѥго слова нь послушали 345п.

2. Местоимение обычно присутствует вообще в тех случаях, когда подлежащее отличается от подлежащего предыдущей клаузы и является темой, — даже если нет условий для действия какого-либо из обязательных пунктов. Появлению личного местоимения в этом случае особенно благоприятствует наличие союзов или частиц, уточняющих характер связи с предыдущей клаузой; чаще всего это *а*, но возможны также *но*, *же*, *бо*, *ти* и др. Примеры:

оте побоуде сыно у мене, ∇ *а ѧ сѧ имо потешоу* 705;

пришли, ꙩсподине, цлвкъ с проста, ∇ *а мы не смиѥмъ імать ржи безъ твоѥго слова* 17п;

што ѥси ѡдода деревенеку Климецу Ѡпарину, ∇ *а мы ѥго не хътимо* 311п;

а поцта тобь буде гъже, ∇ *а ѧзо тобе кланѧюсѧ* 147п;

а како ты вгадаеши, ∇ *а ꙗзъ в томъ готовъ есмь* [1148] 133 об.;

лоуче того ѡстанисѧ высокооумьꙗ своего и проси си мира, ∇ *мы бо вѣдаемъ млр*^{с}*дие Ꙗрополче* [1139], 112;

а вы боудите до вечера в Киевѣ, ∇ *и мы боудемъ* [1151], 154 об.

Редкий пример без союза: *а целовало ѥси ко мнѣ, а не прислало ѥси —* ∇ *ѧсо погибло* 445п.

Но вполне возможны также (особенно в древнейших памятниках) фразы, где при смене подлежащего местоимение отсутствует, например:

а не присълещи ми полоу пѧты гривьны, ∇ *а хоцоу ти выроути въ тѧ лоуцьшаго новъгорожѧнина* 246;

поиди же въ горо(дъ), ∇ *[мо]гоу сѧ съ тобою ѧти на водоу* 238;

нъ посълалъ съ Асафъмь къ посадьникоу медоу дѣлѧ, ∇ *а пришьла есвѣ, оли звонили,* ∇ *а чемоу сѧ гнѣваеши?* 605;

паки ли не идеши, ∇ *а послоу н(а) тѧ ѧбьтьникъ* 421;

да пришли сороцицю, ∇ *сороцицѣ забыле* ('я рубашку забыл') 43п;

се брата нашего Бъ҃ понѧлъ, ∇ *а стоишь ли въ хр҃стьномъ целованьи?* [1146], 119;

чего еста хотѣла волости, ∇ *то ва есмь изискалъ* [1146], 124;

поидите в товары своꙗ, ∇ *а ѡпѧть вы взовоу* [1149], 136 об.

Отметим, что в Киев-Д в 1-м лице множ. и двойств. чисел в подобных фразах местоимение (*мы*, *вѣ*) отсутствует несколько чаще, чем в других формах. Примеры:

*кн҃же, ты сѧ на на*с *не гнѣваи,* ∇ *не можемъ на Володимире племѧ роукы въздаꙗти* [1147], 126 об.;

поѣди в борзѣ, ∇ *оуже есмь перешли Днѣпръ* [1151], 154;

поѣди брате ис Киева, идеть ти Дюрги, ∇ *а позвалѣ есвѣ ѡба* [1155], 171 об.

Примечание. Действие настоящего пункта лишь в очень ограниченной степени распространяется на клаузы с императивом. Вот некоторые из сравнительно редких примеров, где присутствует местоимение:

ци ти пъц[ь]не кнѧзь кꙋпьцѣ надѣливати, аци ти присъле къ тъбѣ, а ты емꙋ мълъви 794;

брате, тобѣ Бъ҃ далъ верхнюю землю, ∇ *а ты тамо поиди противоу Гюргеви* [1147], 131 об.

Гораздо чаще в подобных случаях местоимение отсутствует, например:

аже то лодиѧ присълана кыѧнинѧ, обѣсти ж късназоу 745;

али чимо есемо виновата, а восоли отроко 644;

пришьл⟨е⟩ искоупник⟨е⟩ ис Полоцька, а рать поведае великоу, а водаит⟨е⟩ пошьниц⟨ѣ⟩ во засадоу 636п;

како приде сѧ грамота, тако пришли ми цоловѣкъ на жерепцѣ 43п;

се оуже Изѧславъ в Киевѣ, а поидита ми в помочь [1151], 153.

3. Местоимение часто присутствует там, где сказуемое допускает омонимию лиц, например:

вы ведаета, оже ѧ тѧже не добыле 603 (без местоимения была бы омонимия 2 дв. и 3 дв.; то же и ниже);

поедита въ свои волости, ∇ *а вы вѣдаета, ѡже намъ съ Гюргемъ не оужити* [1149], 139 об.;

ѿстоупита вы ѿ братоу моею, азъ ваю надѣлю [1142], 115 об.

ажь бы ты д(о)бромь жила (съ) братом... 487 (без местоимения была бы омонимия 2 ед. и 3 ед.).

Но обязательности здесь все же нет, ср. пример без местоимения:

аже бы ти годьнъ, то [из] оцью бы сѧ вытьрьго притькль 'если бы тебе было любо, то ты бы вырвался из-под [людских] глаз и примчался' 952.

4. Местоимение часто присутствует там, где оно имеет при себе определение или приложение (чаще всего это слово *самъ*). Примеры:

а ѧзо сѧ саме с нимо [ꙋ]*ведаю* 142п;

и тъ (= *ты*) *саме ѿпразновавъ да поѥдь сѣмъ* 19п;

ωже добрѣ надѣешисѧ на Киꙗны, ∇ *то ты самъ вѣдаеши люди своꙗ* [1150], 150 об.;

кн҃же, ты самъ вѣдаеши, что есмы издѣꙗли Кианомъ [1171], 195 об.

Но обязательности и в этом случае нет, ср., например:

а про села сама веси 944;

а то ми былъ Б҃ъ далъ, ∇ *ωже сѧ есте сами зажгли* [1140], 113 об.

сн҃у, потрудисѧ к нама сѣмо, ∇ *ать вси видимъ по мѣсту што ны Б҃ъ ꙗвить* [1151], 153.

5. В ряде случаев местоимение присутствует в начале периода, как бы указывая основную тему периода, т. е. объявляя, о ком будет идти речь. Примеры:

ты е^{с} *намъ хр*^{с}*тъ цѣловалъ, ако ти поити с нами Изѧслава; се же еси не пошелъ* [1148], 132 об.;

вы намъ есте въ ѿц҃а мѣсто, а се нн҃ѣ заратиласѧ есте свои^{м} *бра*^{т}*мъ и сн҃мъ Изѧславомъ* [1149], 141.

Этими частными случаями, однако, не исчерпываются возможности употребления местоимений-подлежащих в нейтральной зоне.

Дело в том, что, в отличие от зоны обязательных местоимений, в нейтральной зоне поведение местоимений со временем меняется, а именно, они начинают употребляться все шире (а связки — соответственно, все у́же), пока, наконец, не достигают современного состояния, при котором связок уже нет вообще.

Это означает, что древнее правило, ограничивавшее употребление местоимений-подлежащих лишь обязательными случаями (§ 5.11), со временем начинает уступать место новому правилу, которое позволяет употреблять личное местоимение в роли подлежащего независимо от наличия требовавшихся для этого прежде особых условий — в конечном счете при любом сказуемом в любом синтаксическом контексте.

Фразы с местоимениями-подлежащими, приведенные выше в настоящем параграфе, — это не что иное, как примеры действия нового правила уже в раннедревнерусский период. Можно указать и немало других подобных примеров, которые уже не укладываются в рамки очерченных выше частных случаев, а просто должны быть признаны реализацией нового правила в его наиболее общем виде.

Например, во фразе *послале ѧзо к тоби беросто написаво* ... 27п (грамота конца XIV в.) представлено *послале ѧз*⟨ъ⟩, тогда как в других берестяных грамотах (в том числе всех более ранних) совершенно такое же по типу начало послания всегда имеет вид *пос*(ъ)*лале есмь*, *въдале есмь*, *продале есмь*, *купилъ еси*, *велѣлъ ми еси* и т. д. Следует полагать, что перед нами просто эффект нового правила употребления местоимений.

Вот некоторые ранние примеры такого же рода:

а рекѧ тако: ѧзо солю 4 дворѧно ... 531;

шьли мы на Мълевъ 885;

а не ѣде^{м} *по тобѣ,* ∇ *мы того не вѣдали* [1169], 191 об.

Таким образом, для фраз с перфектом и именным сказуемым, которые мы изучаем в настоящей главе, схема эволюции на протяжении XI–XVII веков проста: в живом языке связки к концу этого периода полностью выходят из употребления, а функция обозначения лиц глагола переходит от связок к местоимениям-подлежащим, которые со временем употребляются все шире. И если вначале местоимения-подлежащие употребляются лишь в особых, маркированных случаях, а в нормальном случае отсутствуют, то в конечной точке эволюции они уже оказываются вполне нейтральными членами фразы и никакого выделения или подчеркивания больше не передают.

Соответственно, историческая эволюция фраз с перфектом и именным сказуемым включает две линии изменения:

1) постепенное увеличение доли фраз с местоимением-подлежащим, т.е. расширение первоначальной сферы употребления местоимений;

2) постепенное увеличение доли фраз, где отсутствует связка.

Эти две линии теснейшим образом связаны между собой, подобно сообщающимся сосудам, поскольку почти всякий раз, когда фраза без внешне выраженного подлежащего строится уже без связки, в этой фразе появляется местоимение-подлежащее.

Ниже рассматривается поведение связок и местоимений в ряде конкретных памятников.

Показания памятников

Связки первого и второго лица

§ 5.13. Рассмотрим вначале связки первого и второго лица, поскольку связки третьего лица ведут себя несколько иначе.

Назовем коэффициентом сохранения связок (в некотором памятнике или некотором классе фраз из него) отношение числа фраз со связкой к совокупности всех фраз со сказуемым, выраженным именем или причастием (включая *л*-причастие).

Предполагаемое первоначальное состояние (разумеется, несколько идеализированное) характеризуется тем, что коэффициент сохранения связок первого и второго лица равен 100% (а местоимения-подлежащие в нейтральной зоне вообще не употребляются). Иначе говоря, можно предполагать, что связки первого и второго лица первоначально употреблялись при сказуемом, выраженном именем или причастием (включая *л*-причастие), практически всегда.[46]

Как мы видели выше, в действительности уже в древний период намечается некоторое удаление от этого первоначального состояния. Разные памятники отражают различные варианты такого удаления.

---

[46] Естественное исключение составляет серия однородных сказуемых, где в соответствии с § 1.2 допускается использование одной связки на всю серию, например, *пришелъ есмь и принеслъ дары.*

Так, старославянское Мариинское евангелие еще чрезвычайно близко к первоначальному состоянию: тенденция к добавлению местоимений проявляется здесь лишь очень слабо, а тенденция к утрате связок не проявляется еще никак, т. е. связка 1-го или 2-го лица еще систематически сохраняется. И почти то же самое мы видим в древнерусском памятнике ЖАЮ.

Противоположный полюс в раннюю эпоху составляют берестяные грамоты. Здесь ясно проявляются обе названные тенденции и уже отчетливо сформировалось правило их взаимосвязи: «если употреблено местоимение-подлежащее, связка 1-го или 2-го лица опускается». Следствием этого оказывается исчезновение трехчленной конструкции.

Как и в других отношениях, берестяные грамоты здесь следует признать наиболее достоверным отражением живой древнерусской речи. И это значит, в частности, что состояние связок, представленное в таких памятниках, как ЖАЮ, есть не что иное, как черта книжного стиля. Эта черта, противопоставленная живой речи, очевидно, была подобна, например, такой книжной черте, как употребление аористов и имперфектов, которых живая речь уже не знает или почти не знает.

Летопись обнаруживает компромиссное состояние: с одной стороны, здесь, как и в берестяных грамотах, связка 1-го или 2-го лица может опускаться; в другой стороны, это происходит далеко не так последовательно, как в берестяных грамотах, а именно, здесь еще в значительном числе случаев сохраняется трехчленная конструкция, характерная для книжных памятников. В данном случае эту общую черту летописей разделяет и такой особый летописный источник, как Киев-Д.[47]

Уже в раннедревнерусский период выявляется также неравномерность в ходе эволюции в разных категориях фраз, первоначально имевших связки.

Медленнее всего эта эволюция протекает во фразах с перфектом. Несколько быстрее она во фразах с прилагательным или причастием в роли именной части сказуемого, еще быстрее — в аналогичных фразах с существительным.

Ниже мы рассматриваем материал памятников раздельно по этим группам.

Перфект

§ 5.14. Наиболее полно документирована эволюция связок и местоимений-подлежащих во фразах с перфектом.[48] Ниже в виде таблицы приведены количественные данные, характеризующие поведение связок и местоимений 1-го и 2-го лица в таких фразах.

Формулами *далъ еси*, *ты далъ*, *ты еси далъ* обозначены соответствующие синтаксические модели (см. § 5.9). Клаузы, где опущена как связка, так и мес-

---

[47] Заметим, что тем самым лишний раз подтверждается, что Киев-Д — это все же не прямая запись реальных грамот. (Предположение о том, что в этом пункте было некоторое диалектное различие между Киевом и Новгородом, представляется маловероятным.)

[48] Помимо обычного перфекта, в подсчеты включается также безэлевый перфект (см. ДНД$_2$, § 3.29 и 3.39) и плюсквамперфект с вспомогательным *былъ* (но сослагательное наклонение не включается).

тоимение-подлежащее, в подсчеты не входят (таковы в основном непервые члены в ряду однородных сказуемых, сверх этого лишь крайне редкие эллиптические клаузы).

В настоящем параграфе при подсчетах учитывались только данные нейтральной зоны (§ 5.11) — с тем, чтобы результат подсчетов не зависел от того не имеющего отношения к исследуемому процессу обстоятельства, много или мало местоимений представлено в зоне обязательных местоимений.

Коэффициент сохранения связок, приводимый в последнем столбце, с технической точки зрения есть не что иное, как отношение суммы столбцов «*далъ еси*» и «*ты еси далъ*» к общей сумме учтенных клауз.

Выбран ряд памятников разных веков, в основном из числа крупных. Берестяные грамоты даны без разделения на ранние и поздние, поскольку в данном пункте существенных различий между ними нет.

Памятники подразделены на группы в зависимости от того, какие синтаксические модели в них представлены (в нейтральной зоне):

1) памятники без модели *ты далъ* (т. е. имеющие только модели со связкой);

2) памятники, имеющие все три модели перфекта;

3) памятники без модели *ты еси далъ*;

4) памятники, имеющие исключительно (или почти исключительно) модель *ты далъ*.

Поведение связок и местоимений 1-го и 2-го лица в перфекте

	Модель *далъ еси*	Модель *ты далъ*	Модель *ты еси далъ*	Коэффициент сохранения связок
Памятники без модели *ты далъ*				
Мариинское ев.	61	0	3	***100%***
Житие Андрея Юродивого	205	0	14	***100%***
Памятники с тремя моделями				
Киев-Д (XII в.)	213	20	58	***93%***
НПЛ-1 (1016–1234 гг.)	21	2	3	***92%***
Памятники без модели *ты еси далъ*				
Берестяные грамоты (XI –XV вв.)	143	26	0	***85%***
Афан. Ник. I (1470-е гг.)	54	9	0	***86%***
Уваровская летопись за XV в.	52	10	0	***84%***
Ив. Грозн. I (1568–74 гг.)	63	20	0	***76%***
Грязной (1576 г.)	8	18	0	***31%***
Памятники, имеющие (почти) исключительно модель *ты далъ*				
Аввакум I (1670-е гг.)	1	116	0	***1%***
Бова (XVII в.)	0	27	0	***0%***

§ 5.15. Приводим иллюстрации (слово «модель» в заголовках таблиц опущено).

Примеры из памятников, где связка 1-го или 2-го лица в перфекте присутствует всегда

далъ еси — норма	*ты еси далъ* — очень редко
Мариинское евангелие	
чесо есмъ еште не доконьчалъ? Мт. 19.20 *і Аврама ли еси видѣлъ?* Ио. 8.57 *правѣ сѫдилъ еси* Лк. 7.43 *ли нѣсте чьли въ законѣ* Мт. 12.5	*въ грѣсѣхъ ты родилъ сѧ еси* Ио. 9.34
Житие Андрея Юродивого	
много вы єсмь оучилъ С165 об. *ци облѣнила ти сѧ єсмь* С151 *и будеть ти, ∇ ꙗкоже ти ѥсмь реклъ* 61г *тако ли ѥси забылъ заповѣдь* 21г *но не боисѧ, похабе, ∇ попралъ бо єси врагы своа* С24 об.	*ꙗко ты єси попралъ дьꙗвола* С30 об.

Примеры из памятников, где встречаются все три модели

далъ еси — чаще всего	*ты далъ* — очень редко	*ты еси далъ* — редко
Киев-Д		
прислалъсѧ еси к нама [1152], 163 об. *избезумилъсѧ есмь* [1155], 171 об. *хрⷭтъ есме цѣловали* [1147], 127 *и волость ти есмь далъ* [1149], 136 *издалеча есми поѣхали* [1149], 138 *и королѧ еси на мѧ възвелъ* [1152], 166 *оуже есмь пошелъ* [1159], 179 *ѡже есте на мѧ пришли* [1154], 170 об. *то ва есмь изискалъ* [1146], 124 *и свои еси рѧдъ взѧлъ* [1196], 241 *а чему есте не молвили ко мнѣ?* [1159], 177 об.	*а Игорево ꙗ взѧлъ* [1147], 127 об. *мы того не вѣдали* [1169], 191 об.	*ѧ есмь не ратью пришелъ к вамъ* [1155], 174 об. *мы есме хрⷭтъ целовали* [1149], 136 об. *ты ми еси самъ реклъ* [1150], 147
НПЛ-1		
а далече ѥсте шли, и вышли ѥсте акы рыбы на соухо 85 *а зла до васъ ѥсмь не мыслилъ никотораго же* 105 *а с рижаны ѥсме миръ взѧли* 105	*ꙗзъ ꙗлъ ворога вашего Исаковицѧ* 67 об.	*ты ѥси мои дворъ хотелъ зажечи* 110 об.

Примеры из памятников, где в нейтральной зоне встречаются только двучленные модели *далъ еси* и *ты далъ*

далъ еси — намного чаще	*ты далъ* — намного реже
Берестяные грамоты	
а водале ми еси хамече 644 *ȣцелелъ ти есмь ѿ пожѧрȣ и целȣю тѧ* 710 *а пришьла есвѣ, оли звонили* 605 *оже еси забыле моего добродеѧниѧ* 627 *покосиле єсмь пожню* 53п *а нынеца ѥсме, г҃не, погибли* 361п *что есте мнѣ велѣли оу Путила конь взѧти* 697п	[*а*] *ѧзо не едино былъ* 548 *ѧзо ти олово попродале и свинеце и клепание вохо* 439 *а куны ѩзъ дала Дв҃ду Прибышѣ* 125п
Афанасий Никитин I	
и приѣхал есми в Новгород в Нижней 442 об. *и Казань есмя проѣхали доброволно* 442 об. *а золотой есми взял на харчь* 458	*и яз свое судно покинул* 442 об. *а мы того не слыхали ничего* 443
Уваровская летопись за XV в.	
неправду еси учинилъ, а меня еси ввел въ грѣх и в сором 373 *целовал есми крестъ к великому князю* 435 об.	*а мы пришли ис Черкас* 375
Иван Грозный I	
а и такъ еси одного для слова жены своей крови много пролилъ напрасно *а то есмя тебѣ из грамоты выписали подлинно*	*и ныне ты къ нам отпустила нашего посла*

далъ еси — реже	*ты далъ* — чаще
Василий Грязной	
и царю есми сказывал: «яз молодои человек»	*ты деи коли жил у своего государя, и ты тогды слыхал у государя ...* *а Дивея, государь, яз за себя не суливал*

О двух примерах трехчленной конструкции в берестяных грамотах, представленных в зоне обязательных местоимений, см. ниже.

Примеры из памятников, имеющих (почти) исключительно модель *ты далъ*:
Аввакум I — *сидѣлъ я тутъ четыре н*(*е*)*д*(*ѣ*)*ли* 26;
постригъ я ево и поскимил 44;

попал ты в руки мнѣ! 91;
оправяся, мы паки поехали впред 32;
окинула нас на море погода, и мы гребми перегреблися 54.

Единственный пример модели *далъ еси* — *немощнии есте стали* 71 об.[49] Бова — *воистинну яз тебя забыла с кручины*;
о злодей Бова, ты у меня убил сына Лукопера и 100000 войска побилъ;
дали вы мнѣ ладо поноровное, и не дали вы мни с нею пожить от младости и до старости.

§ 5.16. Укажем также некоторые элементы поведения связок при перфекте за рамками простейших случаев, проиллюстрированных выше.

В зоне обязательных местоимений поведение связки в конкретном памятнике обычно такое же, как и в нейтральной зоне. Например, в Киев-Д в зоне обязательных местоимений приблизительно такое же соотношение моделей *ты далъ* и *ты еси далъ*, как и в нейтральной зоне.

Но в берестяных грамотах в зоне обязательных местоимений встретилось два примера трехчленной конструкции (которой в нейтральной зоне здесь нет): *то еси ты повѣдалъ къ Рожьнѣтови на Нустуе емати 2 срочька* 336 (здесь *ты*, вероятно, несло эмфазу: ʻименно тыʼ); *а въ сю недѣлю цьтъ до мьнь зъла имееши, оже е*[*с*]*и къ мънѣ н*[*ь при*]*ходилъ?* ∇ *а ѧзъ тѧ есмѣла* (вместо *есмь имѣла*) *акы братъ собѣ* 752 (здесь *а ѧзъ* противопоставлено тому ʻтыʼ, которое подразумевается первой частью периода).

Представляет интерес поведение связок при однородных сказуемых; здесь необходима некоторая детализация того, что сказано на этот счет в § 1.2.

Чаще всего в древнейших текстах встречаются следующие две схемы: а) *видѣлъ еси и слышалъ еси* (с повторением связки); б) *видѣлъ еси и слышалъ* (с одной связкой на весь ряд сказуемых). Вот некоторые примеры:

а) *а нынѣ сѣдѣлъ еси в Кыевѣ, а мнѣ еси части не оучинилъ в Роускои землѣ, но раздалъ еси инѣмь, моложьшимъ братьи своеи* [1195], 236;

ажь еси поѣхалъ брата моего оубить, и ѡбрадовалсѧ еси семоу, то оуже состоупилъсѧ еси рѧдоу и кр^{с}тнаго целованиꙗ [1195], 238 об.;

а целовало ѥси ко мнѣ, а не прислало ѥси 445п;

б) *виделе ѥсмь и цюле* 154п;

Мьстислава есмь ꙗлъ, и полкъ его побѣдилъ [1195], 238 об.

Более сложный пример: *на Ѡлгови^{ч} есми ходилъ, к Черниговоу ходилъ, и на Ѡлговѣ есми стоꙗлъ, и много есмь имъ зла оучинилъ, землю и^{х} повоевалъ есмь* [1148], 132 об. (второе из пяти звеньев цепочки не имеет связки).

Но возможны также и схемы с участием местоимений: в) *ты видѣлъ и слышалъ еси*[50]; г) *ты видѣлъ и слышалъ*. Схема с повторением местоимения практически не встречается. Схема «г» со временем полностью победила в совре-

[49] Отметим, что в памятнике имеется также один пример сослагательного наклонения со связкой: *еще же и трема перъсты бы есте кр*(*е*)*стилис*(*ь*) 23 об.

[50] В принципе возможен также (но реально весьма редок) вариант с трехчленной конструкцией в первом звене, например: *ѧ есмь к тобѣ слалъ, а Киевъ тобѣ даꙗ, и то ти есмь ꙗвлѧлъ* ... [1150], 145.

менном языке; но в древнерусский период она была очень редка. Вот единичные примеры из берестяных грамот:

ѧ дала тобѣ, а Нѣжѧтѣ не дала 644;

а ѧ безъ другого конѧ животъ пометаль, а иноє розронѧль 272п.

В течение длительного времени для цепочек с первым членом по модели *ты даль* нормой была схема «в». Примеры:

то вѣдаю, а иного не вѣдаю, ∇ како ли ты венилесѧ, како ли что дале ѥси рубль на собѣ 30п;

ако ни ѡ҃ць того вдалъ, что ꙗ тобѣ вдалъ, и еще есмь и Роускои земли приказалъ стеречи тобѣ, а то ти есмь реклъ [1149], 136;

а ты мѧ тако переѡбидилъ, а мнѣ еси Вышегородъ ѡдинъ далъ [1151], 155 об.;

*а ꙗзъ ѡ҃цю твоему, досыти послужилъ свои*м *копиемъ и своими полкы за его ѡбиду, и с Лѧхы сѧ есмь за нь билъ* [1152], 162.

ꙗзъ Витебьска стоупилъ тобѣ, и посолъ былъ свои послалъ есмь ко братоу Дв҃дви [1195], 238 об.

Особенно часто эта схема выступает у Афанасия Никитина, например:

и яз свое судно покинул, да полѣз есми на судно на послово 442 об.;

а мы того не слыхали ничего, а бежали есмя парусом 443;

а мы поѣхали к ширъваншe 〈...〉, *и били есмя ему челом, чтобы нас пожаловаль* (Троицк. 371);

а яз пошелъ к Дербенти, а из Дербенти к Бакѣ 〈...〉.; *а изъ Баки пошелъ есми за море к Чебокару* (Троицк. 371);

а яз жеребца своего продал в Бедери; да наложил есми у него шестьдесят да осмь футунов, а кормил есми его год 447 об.;

и яз заговѣлъ з бесермены в недѣлю, да говѣл есми мѣсяць, мяса есми не ѣлъ и ничего скоромнаго 449 об.

То же в посланиях Ивана Грозного:

и ныне ты къ нам отпустила нашего посла, а с нимъ еси к намъ своего посла не прислала;

а лихорадство почалъ ты, какъ сѣлъ еси на государьство.

Но в письмах Василия Грязного нормой уже является такая же конструкция, как в современном языке, например:

а яз стал в долу с полком, а Василью приказал ...;

да после тово, государь, яз посылал ко царю челобитную, а написал так в челобитнои ...;

а яз, холоп твои, не у браги увечья добыл, ни с печи убился.

И лишь один раз встретилась схема «в»: *и яз, холоп твои, Кудеяру ничево не сказал, ни грамоты, ни слова, а говорил есми ...*

Только современная конструкция представлена у Аввакума, например:

и я поднял, и положил ево на постѣлю, и исповѣдал, и маслом св(я)*щ*(е)*нным помазал* 20;

я по обычаю сам постился и имъ не давал есть, молебъствовал и маслом мазалъ, и какъ знаю дѣйствовал 43;

такъ мы с робяты огородилис(ь), *балаганецъ здѣлавъ, огонь курили* 39 об.

Именное сказуемое

§ 5.17. Материала здесь существенно меньше, чем для фраз с перфектом. Поэтому, чтобы не сужать сверх меры базу для нашей статистики, мы в данном случае включаем в подсчеты данные не только нейтральной зоны, но и зоны обязательных местоимений. В результате коэффициент сохранения связок (там, где он не равен 100%) оказывается несколько ниже, чем для одной лишь нейтральной зоны, но эта разница очень невелика и не меняет общей картины исторической эволюции.

В отличие от вопроса о препозиции или постпозиции связки, где биноминативные фразы пришлось исключить из-за трудностей в определении подлежащего и сказуемого (см. § 5.5), в вопросе о наличии или отсутствии связки эти трудности роли не играют. Поэтому здесь уже нет препятствий для включения таких фраз в общие подсчеты. (Но фразы, где именной частью сказуемого является наречие или сочетание с предлогом, в подсчеты, как и выше, не входят; см. § 5.1.)

Приводим количественные данные по нескольким важным памятникам. Пометами «С прилагательными», «С существительными» обозначены соответственно фразы с прилагательными (или причастиями) и существительными (или местоимениями) в качестве именной части сказуемого. Модели с *еси*, *ты* и *ты еси* обозначены соответствующими условными формулами.

Связки во фразах с именным сказуемым

	С прилагательными				С существительными			
	старъ еси	*ты старъ*	*ты еси старъ*	Коэф. сохран. связок	*кнѧзь еси*	*ты кнѧзь*	*ты еси кнѧзь*	Коэф. сохран. связок
Мар.	30	0	15	***100%***	23	0	64	***100%***
ЖАЮ	18	0	9	***100%***	12	0	15	***100%***
Киев-Д	9	9	21	***77%***	4	20	17	***51%***
Берест. гр.	9	3	1	***77%***	2	12	0	***14%***

Иллюстрации.
Мариинское евангелие.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие	
старъ еси — чаще	*ты еси старъ* — реже
неповиненъ есмъ отъ кръве сего праведънааго Мт. 27.24 *нъ посъланъ есмъ прѣдъ нимь* Ио. 3.28 *даждь ми*, ∇ *имъже еси длъженъ* Мт. 18.28 *і г҃ла имъ:* ∇ *что страшиви есте, маловѣри?* Мт. 8.26	*еда и мы* // *слѣпи есмъ* Ио. 9.40 *азъ бо есмъ старъ* Лк. 1.18 *ты же* // *колицѣмь дльженъ еси?* Лк. 16.7

Именное сказуемое — существительное или местоимение	
кнѧзь еси — редко	*ты еси кнѧзь* — часто
егда въ мирѣ есмъ, ∇ свѣтъ есмь мироу Ио. 9.5 *ібо галилѣанинъ еси* Мр. 14.70	*азъ есмъ свѣтъ мироу* Ио. 8.12 *отъвѣща Пилатъ: ∇ еда азъ // жидовинъ есмъ* Ио. 18.35 *ты ли еси цс҃рь июдеискъ?* Мт. 27.11 *ты еси сн҃ъ мои възлюблены* Мр. 1.11 *Г҃и, виждѫ, ∇ ѣко пр҃къ еси ты* Ио. 4.19 *мы же // Мосеови есмъ оученици* Ио. 9.28

Житие Андрея Юродивого.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие	
старъ еси — чаще	*ты еси старъ* — реже
г҃лше к неи єфиопъ, ∇ ꙗко «моꙗ єси, а не Хс҃ва» С98 об. *еще выше // должьни єсмы взити* С21 об. *ꙗко велми ѥси мерзъкъ* 38а *видиши ли, ∇ кольми єси грѣшенъ* С15 *но ꙗкоже ѥсте наоуцени, тако сѧ молите* 56г	*чстнъ єси ты* С149 *да ты, друже, // младъ ѥси* 35б *и азъ бо // веселъ ѥсмь* 27г *а ты ѥси толстъ и тученъ велми* 45а
Именное сказуемое — существительное или местоимение	
кнѧзь еси — чуть реже	*ты еси кнѧзь* — чуть чаще
ч҃лцы бо єсмь С24 *овцѧ ѥсмь словеснаго твоѥго стада* 46б *ꙗко оугодникъ ѥси Б҃ии* 41б *ѿселѣ оуже // нашь ѥси другъ и брат* 3 об.	*а мы // ч҃лвцї ѥсмъ грѣшнии* 44б *азъ // страница єсмь сдѣ* С27 *ты єси чернець Єпифанъ, дрꙋгъ мои* С11 *горе мнѣ, ∇ кто єсмь азъ, г҃и* С34 *похвала бо ст҃ымъ // ты єси* С148 об.

Киев-Д.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие		
старъ еси — редко	*ты старъ* — редко	*ты еси старъ* — часто
в томъ еси воленъ [1146], 124 *раненъ есмь велми* [1152], 162	*ты починаи, ∇ а ѧзъ готовъ с тобою* [1196], 239 *ꙗзъ въ всемъ виноватъ передъ Б҃мъ и пред нимъ* [1149], 142 об.	*ѡсе ꙗ, брате, // готовъ есмь* [1151], 156 об. *зане азъ / виноватъ есмь* [1152], 162 об. *азъ есмь велми боленъ* [1146], 118 об. *ты еси мене старѣи* [1148], 133 об. *ты еси молодъ* [1153], 167 об./168

Именное сказуемое — существительное или местоимение		
кнѧзь еси — редко	*ты кнѧзь* — часто	*ты еси кнѧзь* — часто
Изѧславъ же реч: кн҃зь есмь 158 об. *свои ми еси сестричичь* 121	*ты нашь кн҃зь* 119 об. *ако мнѣ Гюрги ѡ҃ць, тако мнѣ и ты ѡ҃ць* 143 об. *а ты, брате, Дв҃двичь, а ѩ Ѡлговичь* 160 об.	*а ты еси нашь кн҃зь* 177 об. *ты ми еси ѡ҃ць* 145 *вы есте людие дѣда моего и ѿ҃ца моег* 149

Берестяные грамоты.

Именное сказуемое — прилагательное или причастие		
старъ еси — часто	*ты еси старъ* — крайне редко	*ты старъ* — редко
свободне еси 421 *зандо ѥсмъ пуста* 692п *не виноватъ есмь Кузмѣ* 697п *приѡбижени ѥсмь с нимечкоі половинѣ* 248п	*ты еси мои, а ѧ твои* в 605 (единств. пример)	*а ѧ емоу не дълъжьне ничимъ же* 725 *ѧ на Ѧрославли добръ здоровъ* 69п

Именное сказуемое — существительное или местоимение	
кнѧзь еси — крайне редко	*ты кнѧзь* — норма
а до моѥго живота // посо[бь]*никъ ѥсмь тобѣ* 749п	*а не сестра ѧ вамо, оже тако дѣлаете* 644 *іправи слово то – ты моі брат*[ъ] 749п *ѧ звѣре* 199п

Выводы

§ 5.18. Эволюцию связок в живом языке наиболее достоверно отражает нижняя половина таблицы «Поведение связок и местоимений 1-го и 2-го лица в перфекте» (§ 5.14), т.е. показания памятников без модели *ты еси далъ* и с единственной моделью *ты далъ.*

Состояние живого раннедревнерусского языка лучше всего отражают, как и в других отношениях, берестяные грамоты. На протяжении XI–XV вв. оно меняется довольно незначительно. Резкое продвижение в сторону современного состояния приходится на XVI век, причем даже во второй его половине мы еще видим в посланиях Ивана Грозного картину, близкую к древней, тогда как в письмах Василия Грязного (того же времени) картина уже совсем иная. В XVII веке ситуация уже практически не отличается от современной.

Для фраз с именным сказуемым картина в принципе такая же, как в перфекте, но эволюция идет заметно быстрее и достигает современного состояния раньше.

В особенности интенсивен этот процесс во фразах с существительным в роли именной части сказуемого. В этой категории уже в берестяных грамотах почти достигнуто современное состояние, а именно, в 10 случаях из 11 представлены фразы типа *а не сестра ѧ вамъ* (а не типа *а не сестра есмь вамъ*).

При этом, однако, столь четкая картина постепенного исчезновения связок характерна только для текстов, близких к живой речи. В книжном стиле связки могут сохраняться (хотя бы изредка) и в XVII в. и позднее. В одном и том же памятнике в текст некнижного характера могут быть вклинены отдельные книжные пассажи; поведение связок в этих двух «слоях» текста оказывается различным.

Характерным примером может служить «Житие» Аввакума.

В части Аввакум II (см. § 2.1) связки иногда встречаются, например:

их же Соломан воспѣтъ, зря на м(а)т(е)рь Вирсавию: «Се еси добра, прекрасная моя! Се еси добра, любимая!» 82 об.;

и последнее рек слово: «Чистъ есмъ аз и прах прилѣпший от ногъ своих оттрясаю пред вами ...» 72 об.;

ч(е)л(о)вѣцы бо есмы 52 об.

В основной части памятника (т. е. Аввакум I) связок почти нет. Но в отдельных выражениях церковного стиля несколько связок все же отмечено, в частности:

а я ничтоже есмъ; рекох и паки реку: аз есмъ грѣшникъ, блудник и хищник, тать и убийца, друг мытаремъ и грѣшникамъ ... 83;

и мняся нѣчто быти, а калъ и гной есмъ, окаянной ... 88;

да не опалиши мя приобщением, но очисти мя от всякия скверны, огнь бо, реклъ еси, недостойных опаляя ... 101;

и я отвѣщал: «Аз есмь Аввакумъ, протопоп; что тебѣ дѣло до меня?» 33 об.

Связки третьего лица

§ 5.19. Как уже указано в § 5.8, основная особенность связок третьего лица состоит в том, что в живом древнерусском языке в перфекте их не было вообще и даже при именном сказуемом они употреблялись весьма редко.

Сложный вопрос о том, является ли такое положение новшеством (возникшим лишь в восточнославянском) или архаизмом (прямым наследием индоевропейского состояния), мы обсуждать и решать не будем. Это вопрос, относящийся к предыстории древнерусского языка, т. е. он выходит за рамки проблематики настоящей книги.

Рассмотрим поведение связок третьего лица в разных типах фраз.

Перфект

Начнем с некнижных памятников.

Для берестяных грамот общим правилом является просто отсутствие связки 3-го лица в перфекте, т. е. употребление моделей *Иванъ далъ* и *далъ* 'он дал', но не *Иванъ есть далъ* и *далъ есть*. Примеры.

Модель *Иванъ далъ* —

оже ти Иване не дале 430;

мене игоумене не поустиле 605;

ѥже ми отьць даꙗлъ и роди съдаꙗли 9;

по томь пришли смерди, ѿ Аньдрѣꙗ м8жь приꙗли, и дане ѿꙗли людье, и осьмь высꙗгла что о Т8доре 724;

а Поутила пришьле, а товаро продале 165;
оуглицане замерьзьли на Ꙗрославли 69п;
убиле мѧ пасынке и выгониле мѧ изо двора 415п;
і ѡнъ прислалъ къ Федосьі 3п.

(Понятно, что в таких случаях при однородных сказуемых подлежащее не повторяется, например: *убиле мѧ пасынке и выгониле мѧ*.)

Модель *далъ* ‘он дал’ (т. е. без подлежащего) —

а мънѣ не въдасть ничьто же, избивъ роукы, поустилъ же мѧ, а иноую поѩлъ 9;

а оу него ти крадено, атъ ти възѧлъ оу Иванькова съмърьда 3 гривн⟨ы⟩, а татьбоу кънѧжоу потаилъ 907;

оу Воислава възьми 10 коунъ истинь, а 5 коунъ намомъ: не въдале дъвоихъ намъ 509;

посадьникоу 30 да(н)[и] а за са(н)[и] по 5 коуно за довое, а [тре]теее возѧле 601.

Во всем массиве берестяных грамот встретился только один пример перфекта с *есть*: [*ц*]*и есть саме в*[*ь*]*хоу* [*ли*]*хв*[*оу въд*]*але* 736а ‘отдал ли он сам всю лихву’ (см. об этом уникальном примере также ДНД$_2$, § 3.20).

Близкую картину мы находим и в Киев-Д: безусловной нормой здесь являются такие фразы, как:

ѡц҃ь мои Коурьскѣ не сѣдѣлъ, но въ Перєѧславли [1140], 113;
се брата нашего Б҃ъ понѧлъ [1146], 119; и т. п.

Но все же здесь встречаются, хотя и весьма редко, также фразы с сохранением связки, например:

а оуже есть вшелъ в нашѣ вѧтичѣ [1149], 136.

У Афанасия Никитина, в некнижных посланиях Ивана Грозного, в письмах Василия Грязного связки 3-го лица в перфекте отсутствуют полностью.

§ 5.20. Совершенно иную картину дают памятники книжного характера.

В основной группе таких памятников употребление связки 3-го лица при перфекте представляет собой норму. В памятниках, где число примеров перфекта невелико, эта норма может соблюдаться стопроцентно. Таково, в частности, положение в Мариинском евангелии, Житии Мефодия, Житии Феодосия.

Там, где перфектов много, встречаются и отдельные отклонения, но их доля невелика. Таково, в частности, Житие Андрея Юродивого. Связки 3-го лица присутствуют здесь в перфекте почти всегда; связка опущена лишь в 10 случаях из 247, т. е. в 4% случаев.[51]

Примеры:

да страх мѧ приѩлъ єсть С21;
да лице ти сѧ ѥсть зардѣло 15в;
нъ трогалъ ми єсть сѣдины, и оутробꙋ ми єсть розоп҅халъ ногама, да вредил҅ мѧ єсть, ветхыꙗ моꙗ зꙋбы пѧстию м⟨и⟩ єсть избилъ С27 об.;

---

[51] Из непервых членов в ряду однородных сказуемых включены в подсчет только те, которые имеют при себе связку.

и иже на мори сѧ суть истоплѣ 15а.

Некоторые из редких примеров без связки:

Гъ҃ бо вдалъ имъ животъ 49г;

исповѣда же ємꙋ Єпифанъ, како сѧ ємꙋ оутъкнꙋлъ на пꙋти сотона 30 об.

Другие книжные памятники обнаруживают примерно такую же картину, хотя доля перфектов 3-го лица без связки может быть и несколько большей. Так, например, в «Александрии» это 7 случаев из 52 (= 13%).

Заметно более высокой, чем в других книжных памятниках, эта доля оказалась в Супрасльском кодексе: 20 случаев из 59 (=34%).

§ 5.21. Летописи занимают промежуточное положение между книжными памятниками и берестяными грамотами, но в данном пункте ближе к последним. Показательно, например, что авторская часть Киевской летописи почти не отличается в этом отношении от Киев-Д. Ситуацию в летописях можно охарактеризовать так: в основном соблюдается тот же принцип, что в берестяных грамотах (т. е. отсутствие связки в 3-м лице перфекта), но имеется некоторое число уклонений в сторону книжного принципа (т. е. сохранения связки).

Например, в Синодальном списке НПЛ 57 примеров перфекта (о способе подсчета см. сноску 51), из них 51 (= 89%) — без связки; т. е. соотношение здесь противоположное тому, что в основных книжных памятниках. Сходные соотношения представлены и в других старших летописях. Перфекты 3-го лица со связкой встречаются здесь лишь в качестве редких отклонений от нормы.

Примеры фраз со связкой 3-го лица и без нее из летописей

Без связки — норма	Со связкой — очень редко
сего доужа слѣпилъ Маноуилъ цс҃рь (НПЛ, 71 об.) *выдалъ Твьрдиславъ кн҃зю Матѣꙗ* (НПЛ, 90) *и разгнѣвасѧ на ты, ∇ оже то грабили Даньслава и Ноздрьчю* (НПЛ, 9 об./10) *не ходи, но возьми дань, ∇ юже party ималъ Ѡлегъ* (ПВЛ, 10 об.) *ибо заповѣдала Ѡльга: не творите трызны над собою* (ПВЛ, 20 об.) *повѣда ему Ст҃ославлю рѣчь и что ему Володимиръ сказалъ* (Ипат., 136 об.) *а того не вѣдаше, ѡже оуже Изѧславъ вшелъ в Черниі Клобоукы* (Ипат., 143 об.)	*а Нифонтъ тако мълвлѧше: ∇ не достоинѣ есть сталъ* (НПЛ, 26) *ини же не свѣдуще рекоша, ∇ ꙗко Кии єсть перевозникъ былъ* (ПВЛ, 4) *ако же есть и переже было* (Ипат., 141)

Следует отметить, что в летописях сохранению связок *есть*, *суть* в перфекте способствовал такой фактор, как отсутствие во фразе выраженного отдельным словом подлежащего (тогда как в живом древнерусском языке его

действие на фразы с 3-м лицом перфекта не распространялось, см. § 5.9). В НПЛ из шести перфектов 3-го лица со связкой таковы пять, в частности:

а Нифонтъ тако мълвлѧше: ∇ *не достоинѣ есть сталъ* 26;
и рекоша фрѧгомъ: ∇ *оумьрлъ ѥсть, придете и видите* 68;
и не съвѣдаѥмъ, ∇ *ѿкоудоу соуть пришли и кдѣ сѧ дѣша опѧть* 99об.

В ПВЛ находим, например, с одной стороны: *и призва старѣишину конюхомъ, ркѧ: где єсть конь мои* ⟨...⟩*? ѡнъ же реч: оумерлъ єсть* (ПВЛ по Ипат., 15об.) — с другой стороны: *и посла Ꙗрославъ к Глѣбу, г҃лѧ: не ходи, ѡц҃ь ти оумерлъ* (ПВЛ по Лавр., 46об.). Но жесткого правила здесь нет: в ПВЛ связка вполне может присутствовать и при наличии подлежащего.

Присутствие связок *есть*, *суть* в перфекте явно воспринималось уже в древнерусскую эпоху как одна из примет книжности. Во многих памятниках эта черта в основном тексте отсутствует, однако сохраняется в цитатах, а также в пассажах церковного или возвышенного стиля. Так, например, в Уваровской летописи за XV век отмечено всего два таких случая — один в речи некоего святого старца, другой в речи митрополита. То же у Аввакума: во фразах церковного стиля у него два раза встретилось *избавилъ мя есть.*

Именное сказуемое

§ 5.22. При именном сказуемом связка 3-го лица представлена существенно шире, чем при перфекте. Здесь она изредка присутствует даже в берестяных грамотах.

В берестяных грамотах хорошо соблюдается правило употребления связок, сформулированное в § 5.9. Во фразах с именным сказуемым оно получает следующий простой вид: если во фразе есть выраженное отдельным словом подлежащее, то связка отсутствует, если такого подлежащего нет — присутствует.

Примеры.

Подлежащее есть — связки нет:
а замъке кѣле, а двьри кѣлѣ 247;
Жизнобоуде погоублене оу Сычевиць 607;
дешеве ти хлебе 424;
а ст҃ье Варъварь тьлицѧ сторова ли? 657;
тѧжа ваша '[эта] тяжба — ваша' 603;
Хонѧ жена тое грамоте господыни 112;
а Тимонѧ меретве 582п;
Гж҃ѧ волѧ і твоѧ 356п;
а тѣ худѣ 242п;
землѧ готова 17п;
а иное все добро здорово 122п, 129п.

Подлежащего нет — связка есть:
а тобѣ вѣдѣ, ѧко есть не годьн⟨*о*⟩ 'а тебе, видно, не любо' 752;
правъ ти есть 'он прав' 819;
лихе есте 'он дурной' 163;
оце е тобе н[*е*] *годена* 'если она тебе не угодна' 705.

Такая же картина и во фразах с предложной группой: ср., с одной стороны, такие фразы без связки, как: *а то за нимь* 9; *а Б҃ъ за мѣздою* 549; *а роко на Роство* 144п; *а просоле здѣ по пѧти гривоно бочка* Ст. Р. 2п; с другой — *аже ти е по сьпехо* 'если тебе к спеху' 709п (XIII в.).

Но от второй части приведенного правила все же возможны отклонения, т.е. связка иногда отсутствует и там, где подлежащего нет: *ни векшею не длъжьнъ* '[он] не должен ни векши' 336; *а мы ѥго не хътимо: не сусѣднеи человѣко* 311п. В частности, связки нет в безличных конструкциях со страдательным причастием, например: *а оу него ти крадено* 907; *на Бозѣ пол(о)жено и на васо* 414п.

В целом берестяные грамоты являют собой картину минимального сохранения связок 3-го лица при именном сказуемом. В берестяных грамотах XIV–XV вв. фраз с такой связкой не встретилось вообще.

В Киев-Д связка при именном сказуемом употребляется лишь в меньшинстве случаев, но все же заметно шире, чем в берестяных грамотах. Примеры сохранения связки несмотря на наличие подлежащего:

занеже Гюрги есть силенъ 152 об.;
а оуже есть правъ ѡ҃ць твои и ты 182 об.;
поганы єсть всимъ намъ ѡбечь ворогъ 223.

Но гораздо чаще здесь выступает конструкция без связки, например:

а мы вчера ѣхали, ∇ а ѡнъ добръ и здоровъ 170;
а въ Володимерѣ племени кто ми ближни, тотъ добръ 216;
а Д҃вдъ виноватъ 213;
котораꙗ ему волость люба, ту же бы взѧлъ 137 об.;
а трудно ны вельми 149;
велѣно ми своимъ к҃нземъ Ꙗрославомъ пѧть д҃новъ стоꙗти оу Вышегорода 196;
кто тобѣ ворогъ, тоти и намъ, а се мы с тобою готови 203;
*ѡни же рекоша имъ: ∇ к҃нзь оу на*ᶜ *Изѧславъ* 130 об.;
ако мнѣ Гюрги ѡ҃ць, тако мнѣ и ты ѡ҃ць 143 об.

Несколько иную ситуацию мы наблюдаем у Афанасия Никитина. При именном сказуемом он употребляет связку *есть* довольно часто (при том, что в перфекте она полностью отсутствует). В части случаев это тот тип употребления связки, который допускается даже и в современном языке.

Примеры:

Аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣйно 452;
Гурмыз же есть пристанище велико 450;
А от Пали до Умри 10 дни, и то есть город Индѣйскый 444 об.

Но у Афанасия Никитина сфера употребления связки шире. В частности, связка легко сочетается у него с прилагательными, например:

А град есть великъ, а людей много велми 447;
А бутхана же велми велика есть, с пол-Твѣри, камена (Троицк. 377 об.).

Специфический характер имеет у него оборот *тут есть*, например:

И тут есть Индийская страна 444;

И тутъ есть пристанище Гурмызьское (Троицк. 370 об.);
И тут есть море Индѣйское (Троицк. 370 об.).

По значению это соответствует современному *И тут Индийская страна* (а не *И тут находится Индийская страна*); т. е. и в этих случаях правильнее трактовать *есть* как связку, а не как полнозначное слово.[52]

У Аввакума связка *есть* сохраняется (если не считать библейской цитаты *гдѣ есть Б(о)гъ их?* 102 об.) всего в нескольких фразах, причем таких, где *есть* в принципе возможно и в современном языке, — с существительным в качестве именной части сказуемого:

и я потѣшил ево: ∇ *ц(а)рь то есть, от Б(о)га учиненъ* 59;
аще и мучит мя, ∇ *но ц(а)рь бо то есть* 75 об.;
идолъ в руке слагая, на чело возлагаютъ, ∇ *еже есть мерский образ* 114;
есть-тово послѣ побой-тѣхъ хочется, ∇ *да вет(ь) су неволя то есть: как пожалуют — дадутъ* 36 об.

В некнижных посланиях Ивана Грозного, в письмах Василия Грязного, в «Повести о Бове» связок *есть*, *суть* при именном сказуемом не встретилось вообще.

Совсем иначе обстоит дело в книжных памятниках: здесь связка при именном сказуемом является обязательной или почти обязательной. Примеры:

ЖАЮ — *а сотона ѥсть золъ* 15г;
кто ли крадеть, кто ли єсть ск8пъ 10б;
нъ аще се вамъ єсть неоугодно С29;
мечь твои остръ єсть, стрѣлы твоѧ часты с8ть С149;
оумъ єсть оц҃ь, а слово сн҃ъ С29 об.;
иже бо творить грѣхъ, да рабъ єсть грѣхови С31 об.

Флав. — *ле́сть бо ихъ ѩвлена єсть* 357а;
а рѡд ѿц҃а моєго хоу́дъ єсть 372б;
дш҃а же бесмрътна єсть 386а;
нетве́рда́ же єсть надежда, ѡже кто́ сѧ надѣєть не на свою си́л8, нѝ на чюжд8 па́кость 361в;
смрьть свободно єсть 358б (с характерным отсутствием согласования).

Александрия — *сѐ ѡц҃ь мо́и єсть* 36;
оубїенъ ли єсть ктѝ ѿ васъ на плъку 47;
бы́стра же єсть вода та 54.

Летописи, как и в прочих пунктах, занимают промежуточное положение между книжными и некнижными памятниками. Здесь встречаются обе модели, например, с одной стороны, *а братъ ти оубьєнъ ѿ Ст҃ополка* (ПВЛ, 46 об.), с другой — *ре҇ч же имъ Ѡльга: «люба ми єсть рѣчь ваша»* (ПВЛ, 15).

---

[52] При этом у Афанасия Никитина имеются также и примеры настоящего полнозначного *есть*: *У кого что есть на Руси, и тот пошелъ на Русь* (Троицк. 370)*; Есть в том Алянде птица гукукь* 446 об. и т.п.

Общая схема эволюции

§ 5.23. Резюмируем изложенные выше наблюдения над исторической эволюцией связок.

Ситуация в живом языке выглядит так.

В 1-м и 2-м лицах перфекта в древнерусском языке связки присутствовали во фразах, где нет местоимения-подлежащего (модель *далъ еси*), и отсутствовали там, где оно есть (модель *ты далъ*). Эволюция состояла здесь в том, что доля фраз с местоимением-подлежащим неуклонно возрастала и, соответственно, доля фраз, где еще сохранялись связки, падала. Заключительный этап этого процесса приходится на XVI–XVII вв. В XVII в. в живом языке было достигнуто современное состояние, при котором связок в прошедшем времени (= древнем перфекте) уже более нет вообще.

В 3-м лице перфекта связки отсутствовали уже в древнерусском, т. е. имелись только модели *Иванъ далъ* и просто *далъ* 'он дал'. Таким образом, в этом пункте единственное отличие современного состояния от древнего — это то, что стало нормальным добавление местоимения-подлежащего (*он дал*), тогда как в древнерусском местоимение в немаркированном случае отсутствовало.

Во фразах с именным сказуемым уже в древнерусскую эпоху получили значительное распространение модели без связки — *ты кънѧзь* и *Иванъ кънѧзь* (и в несколько меньшей степени — модели *ты старъ* и *Иванъ старъ*). Эволюция состояла здесь в постепенной экспансии этих моделей, так что в конечном счете в живом языке альтернативные модели со связкой вообще исчезли (но в литературном языке в научном, педантичном или возвышенном стиле фразы типа *жизнь есть борьба*, *это есть заблуждение* возможны и ныне). Древние модели *кънѧзь есть*, *старъ есть* были вытеснены моделями *онъ князь*, *онъ старъ*. Во фразах с именным сказуемым новое состояние, по-видимому, было достигнуто уже в XVI веке. В итоге к XVII веку живой язык уже более не имел энклитик данной группы.

В книжных памятниках описанная эволюция отражалась со значительным отставанием во времени. В древнейших книжных памятниках связка сохраняется еще всегда (или почти всегда) во всех категориях фраз. Ее широкое употребление (в особенности в позициях, где народный язык связку утратил) становится одной из примет книжного стиля. В качестве таковой оно существует еще и в XVII веке, в отдельных случаях и позднее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

§ 6.1. Подведем итоги проведенного исследования.

Для древних индоевропейских языков характерно существование фразовых (то есть относящихся по смыслу ко всей фразе в целом) энклитик, расположение которых во фразе подчиняется так наз. закону Вакернагеля, состоящему в том, что такие энклитики ставятся в конце первой тактовой группы фразы. При соединении фразовых энклитик друг с другом их взаимное расположение подчиняется ранговому принципу. По своей жесткости ранговая организация энклитик близка к правилам порядка морфем внутри словоформы.

Среди живых славянских языков максимально четкий механизм вакернагелевских энклитик сохранен в сербском и хорватском (к ним приближаются в этом отношении украинские закарпатские и прикарпатские говоры).

Анализ берестяных грамот с полной очевидностью показал: закон Вакернагеля действовал также в живом древнерусском языке, причем вполне активно и последовательно. И, как это часто бывает, после этого обнаружилось, что данное явление хорошо прослеживается также и по ряду других древнерусских памятников (давно известных), только на это не обращали необходимого внимания.

Функционирование энклитик в русском языке последнего тысячелетия отмечено быстрыми по меркам истории языков изменениями — к счастью для лингвистов, достаточно хорошо прослеживаемыми по памятникам. На протяжении этого тысячелетия одни единицы постепенно включаются в категорию энклитик, другие из нее (или вообще из языка) выпадают; изменяются и сами механизмы размещения энклитик во фразе. В результате формируется новая система энклитик, в которой уже очень мало что осталось от древнерусской системы.

Древнейшие энклитики, унаследованные из праславянского, — частицы *же*, *ли*, *бо*, *ти* и местоимения Д. падежа (*ми*, *ти*, *си* и т. д.). Как в старославянском, так и в древнерусском они обладают вполне устойчивым просодическим статусом.

Позднее входят в категорию энклитик местоимения В. падежа (*мѧ*, *тѧ*, *сѧ* и т. д.), глагольные словоформы *бы*, *быхъ* (и т. д.), еще позднее — связки. В старославянском единицы этих групп выступают в качестве энклитик лишь в части случаев (в связи с чем А. Вайян называет их полуэнклитиками). Но в живом древнерусском языке они уже практически не отличаются по своему поведению от старых энклитик.

Фразовые энклитики (за вычетом самых редких) включены в древнерусском языке в следующую систему рангов: 1) *же* (противительное, причинное, усилительное), 2) *ли* (частица, не союз), 3) *бо*, 4) *ти* (частица), 5) *бы*, а также *быхъ*, *быхомъ*, *быша* и т. д. (в качестве показателей сослагательного наклоне-

ния), 6) энклитические формы местоимений в Д. падеже (*ми*, *ти*, *си* и т. д.), 7) энклитические формы местоимений в В. падеже (*мѧ*, *тѧ*, *сѧ* и т. д.), 8) связки (*есмь*, *еси* и т. д.).

Ранговые системы разных славянских языков неодинаковы между собой, из чего ясно, что они формировались в значительной мере независимо друг от друга в ходе истории отдельных языков. В частности, система рангов современных сербских энклитик, хотя и имеет много общего с древнерусской, все же далеко с ней не совпадает (см. § 1.11).

Важнейшее новое понятие, которое потребовалось ввести при анализе реального размещения фразовых энклитик, — ритмико-синтаксический барьер, т. е. некоторая условная граница внутри фразы, отсекающая начало фразы таким образом, что сферой действия закона Вакернагеля оказывается лишь послебарьерная часть фразы.

Понятие ритмико-синтаксического барьера позволяет объяснить большое число кажущихся нарушений закона Вакернагеля. Тем самым становится ясно, что этот закон действовал в древнерусском языке гораздо более последовательно и строго, чем это представляется на первый взгляд.

В § 1.18 было показано, к каким существенным ошибкам приводили попытки анализировать древнерусские энклитики без использования понятия ритмико-синтаксического барьера.

В настоящей книге исследовано реальное использование ритмико-синтаксических барьеров в древнерусских фразах.

Важную особенность системы древнерусских энклитик составляет их разделение на две группы с несколько различными свойствами, названные в настоящей книге соответственно сильными и слабыми энклитиками.

Сильные энклитики — это первые пять рангов указанной выше шкалы, слабые — последние три. Сильные энклитики почти всегда располагаются в том месте фразы, которого требует закон Вакернагеля в его простейшем виде, т. е. без модификаций, проистекающих из наличия барьеров. Иначе говоря, они весьма редко подвергаются действию барьера (который заставил бы их уйти правее этого места). Напротив, слабые энклитики подвергаются такому действию (и, соответственно, оказываются правее некоторого барьера) сравнительно часто. При наличии барьера нередко происходит разделение энклитик: сильные остаются левее барьера, а слабые ставятся правее его.

§ 6.2. В истории русского языка время максимально полного и последовательного функционирования энклитик — это древнерусский период, в особенности его ранняя половина, т. е. XI – начало XIII века.

Позднее начинается процесс постепенного распада этой системы. Он идет по двум линиям.

Первая линия — это выход из употребления и последующее полное исчезновение из языка существенной части древних энклитик.

Из числа сильных энклитик со временем исчезают частицы *бо* и *ти* — просто как лексические единицы. Соответствующие значения начинают передаваться другими средствами (или даже, как в случае с некоторыми из значений

частицы *ти*, они уже более никак не передаются — так что часть древних фраз с *ти* вообще невозможно адекватно перевести на современный язык).

В сфере слабых энклитик в ходе эволюции реализуется следующая закономерность:

во всех случаях, когда у энклитики имелся акцентно самостоятельный синоним (включая пары типа *есмь – ꙗзъ*, § 5.9), **из двух членов синонимической пары сохраняется только акцентно самостоятельная словоформа, а энклитика выходит из употребления.**

Это значит, что древние конструкции типа *даи ми*, *кланꙗю ти сѧ*, *увижу тѧ* замещаются новыми *даи мнѣ*, *кланꙗюсѧ тобѣ*, *увижу тебе* (позднéе *тебѧ*); древние конструкции *далъ есмь*, *купилъ еси*, *знали есте* — новыми *ѧ далъ*, *ты купилъ*, *вы знали.*

Данное изменение представляет собой не что иное, как результат постепенного расширения тех возможностей, которые существовали уже в рамках древней системы. В самом деле, древняя система тоже позволяла передавать соответствующие значения с помощью акцентно самостоятельных словоформ; но эта возможность использовалась только в некоторых особых случаях — прежде всего при смысловом выделении или подчеркивании. Дальнейшее развитие есть частный случай хорошо известного явления «износа» экспрессивности, когда средство передачи экспрессии постепенно утрачивает свою первоначальную силу и данный способ выражения становится нейтральным; соответственно, из редкого он превращается в преобладающий или даже единственный.

Так, первоначальное правило употребления полноударных *мънѣ*, *тобѣ*, *мене*, *тебе* и т. д. предписывало их использование только в строго очерченном круге синтаксических позиций и в случае смыслового выделения. Но со временем формируется новое правило, снимающее эти ограничения и допускающее употребление полноударных местоимений в любых контекстах. То же самое происходит в сфере употребления местоимений-подлежащих: древнее правило содержало жесткие ограничения на их употребление, которые новое правило снимает.

В описанном развитии не было никакого взрыва или резкого перелома; просто полноударные варианты с ходом времени стали употребляться всё шире и чаще, а энклитические всё уже и реже, пока последние не сошли вообще на нет.

Указанные изменения практически означают исчезновение всех слабых энклитик, кроме *сѧ*. У этой энклитики акцентно самостоятельный синоним (*себе*) имелся только в сочетаниях с предлогом (*за сѧ – за себе* и т. п.); и в этой своей функции *сѧ* имело ту же судьбу, что и прочие слабые энклитики, т. е. исчезло, уступив место полноударному *себе* (позднéе *себѧ*).

Но в приглагольном употреблении, т. е. в своей основной функции, *сѧ* не могло участвовать в данном процессе, поскольку в этой функции у него не было полноценного акцентно самостоятельного синонима (см. § 3.1).

Разрешением этой коллизии стало то, что *сѧ* постепенно перешло в постоянную контактную постпозицию к глаголу и превратилось в морфему — часть глагольной словоформы. Тем самым *сѧ* как энклитика точно так же перестало

существовать, как и прочие слабые энклитики. Но, в отличие от них, физически *сѧ* сохранилось — в новом качестве.

Связь между исчезновением в русском языке (и других восточнославянских) всех слабых энклитик и сращением *сѧ* с глагольной словоформой косвенным образом подтверждается ситуацией в южно- и западнославянских языках: здесь, с одной стороны, не исчезли энклитики **mi*, **mę*, **jestь* и т.д., с другой — не произошло сращения **sę* с глагольной словоформой.

Вторая линия распада первоначальной системы — это постепенное выведение начальной части фразы из сферы действия закона Вакернагеля с помощью ритмико-синтаксических барьеров, в силу чего энклитики уходят вправо от начальной тактовой группы. Здесь тоже эволюция осуществляется за счет все более широкого использования факультативных возможностей, заложенных уже в первоначальной системе. Так, механизм превращения древней фразы типа *ѿ мене сѧ ему поклони* в современную *от меня ему поклонись* в сущности сводится к максимальному использованию всех допустимых факультативных барьеров: *ѿ мене сѧ ему поклони* → *ѿ мене // ему сѧ поклони* → *ѿ мене ему // поклони сѧ*.

При этом в чем большей степени постпозиция энклитики становилась нормой, в тем меньшей степени для такого ее расположения становился нужным реальный барьер перед глаголом. В конечном счете постпозиция энклитики стала законной в любом синтаксическом контексте — без того, чтобы для этого требовался какой-либо барьер.

Таким образом, в трансформации энклитики *сѧ* действовал тот же механизм эволюции, который проявился в процессе исчезновения слабых энклитик: средства, первоначально предназначенные только для выделения или подчеркивания, со временем теряют экспрессивность и становятся нейтральными.

Как объяснить, однако, что превращение *сѧ* в морфему произошло только в восточнославянских языках, а не во всех славянских?

Как мы уже видели, данная трансформация была составной частью общего процесса устранения всех слабых энклитик, который протекал в восточнославянских языках, в отличие от южно- и западнославянских, где слабые энклитики сохранились. Но чем можно объяснить само это различие между ветвями славянства?

Наиболее правдоподобный ответ состоит здесь в том, что это различие некоторым образом связано с неодинаковым характером ударения в разных ветвях славянства. Именно такой ответ предложил Р. Якобсон, указывая в этой связи (1935: 18): «Чем восточнославянские языки и болгарский отличаются от других славянских языков? Прежде всего свободным силовым ударением (accent d'intensité libre)». В самом деле, в остальных славянских языках ударение либо не силовое (сербский, хорватский, словенский), либо не свободное (западнославянские языки).

Следует, правда, признать, несмотря на решительность заявлений Якобсона, что механизмы, ведущие от наличия свободного силового ударения к устранению слабых энклитик, все же не вполне прозрачны.

Представляется допустимым предположение, что здесь существенно следующее: в языках со свободным силовым ударением имеется возможность одну и ту же словоформу (например, *меня*, *мне*) ударять как сильно, так и слабо, тогда как в языках с несвободным ударением или с тональной системой такое варьирование затруднено или даже невозможно. Это значит, что в языке со свободным силовым ударением в качестве энклитик могут использоваться те же самые словоформы, что в позициях полноударности (например, *меня*, *мне*), но только с ослабленным ударением. В такой ситуации прежние энклитические варианты (*мѧ*, *ми* и т. д.) перестают быть необходимыми.

Отметим также важную идею Якобсона о том, что в кругу славянских языков со свободным силовым ударением следует различать две подгруппы: 1) русский, белорусский и северо-восточная зона украинского; 2) болгарский и юго-западная зона украинского. Согласно Якобсону, во второй подгруппе словесное ударение несколько менее сильное, чем в первой, и этим следует объяснять то обстоятельство, что древнее *сѧ* здесь не стало простой морфемой в составе глагола, а сохранило некоторую часть своей исконной свободы.

Развивая свою мысль о связи между утратой изменяемых (fléchies) энклитик и характером ударения, Якобсон высказывает предположение, что в истории русского языка утрата таких энклитик началась лишь после утраты тоновых противопоставлений. Он пишет (1935: 18): «Дело в том, что русский и болгарский первоначально были политоническими языками; иначе говоря, они обладали музыкальным ударением. Но способ употребления служебных слов изменился, когда эти языки приобрели свободное силовое ударение».

Данные о времени утраты в русском языке древних тоновых противопоставлений, к сожалению, не вполне определенны; наиболее вероятны XIII–XIV века (см. Зализняк 1985, § 3.6). Следует признать, что указанная гипотеза Якобсона в принципе совместима с этими данными.

§ 6.3. Помимо основной совокупности фразовых энклитик, очерченной при описании системы рангов, в ходе истории русского языка достаточно рано появляются и некоторые другие единицы, которые хотя бы в части случаев ведут себя как фразовые энклитики: *нъ*, *былъ* (*было*, *были*), *вѣдѣ* (*вѣдь*), *дѣи* (*дѣ*), *мол*, *рече* и др. Но по ним материала в памятниках недостаточно, поэтому они рассмотрены в книге лишь весьма кратко. В современном литературном языке от них сохранилось только *было* и *ведь*; в сниженном стиле и в просторечии сохранились также *де* и *мол.*

Со временем в некоторых случаях начинают использоваться в качестве энклитик также такие местоименные словоформы, как *его*, *ему*, *ее*, *ей*, *их*, *им*; см. об этом § 3.16.

Из старых фразовых энклитик основного круга в литературном языке остаются только *же*, *ли*, *бы.* Эти «выжившие» энклитики и поныне до некоторой степени сохраняют свои древние свойства в том, что касается их места в предложении. В частности, ни одна из них ни при каких условиях не может стоять в начале клаузы.

В наибольшей степени сохраняет древние позиционные свойства частица *же* (противительная, причинная, усилительная). В безусловном большинстве

случаев и поныне ее позиция во фразе соответствует требованиям закона Вакернагеля (разумеется, с учетом возможности появления ритмико-синтаксических барьеров; ср. примеры в § 1.18). Отклонения касаются в основном соединений частицы *же* с неодночленной актантной группой. В этом случае современный узус неустойчив: возможны, с одной стороны, фразы типа *Иван же Петрович отказался*, *Железную же дорогу там проложить нельзя*, *Собственного же дома у него нет* (с непроективностью, требуемой здесь законом Вакернагеля), с другой — фразы типа *Иван Петрович же отказался*, *Железную дорогу же там проложить нельзя*, *Собственного дома же у него нет* (где *же* уже не нарушает проективности, но нарушает закон Вакернагеля).

В значительной части случаев сохраняет вакернагелевскую позицию также частица *ли*, например: *Не пустое ли дело ты затеял?*; *В своем ли ты уме?* Такую позицию *ли* может занимать даже и в том случае, когда оно уже выступает в роли союза (обычно парного: *ли... ли...*), причем в роли клаузы здесь оказывается каждое из связываемых словосочетаний, например: *в большом ли городе*, *в глухой ли деревушке...*

У частицы *бы* наследием ее прежнего вакернагелевского статуса является прежде всего то, что, будучи теснейшим образом связана по смыслу со сказуемым, она тем не менее и ныне может уходить от него сколь угодно далеко влево. Наследием вакернагелевского статуса является также запрет на дистантную постпозицию к сказуемому (возможна только контактная постпозиция); например, невозможно **Он от этого отказался наотрез бы* — при том, что и после *он*, и после *этого*, и после *отказался* частицу *бы* здесь поставить можно.

Сохраняется также, хотя и не полностью, древняя ранговая организация энклитик *же*, *ли*, *бы*. Так, в НКРЯ последовательность *ли бы* отмечена около 700 раз (например, *Не согласились ли бы вы?* [Петрушевская]), а последовательность *бы ли* — только 5 раз.

Последовательность *же бы* отмечена 303 раза, например, *Что же бы вы думали, ваше сиятельство?* [Пушкин] (но из этого числа следует вычесть около 70 примеров с отождествительным *же*, которое является локальной, а не фразовой энклитикой и тем самым к рассматриваемому вопросу отношения не имеет); последовательность *бы же* отмечена только 3 раза.

Для пары *же* и *ли* аналогичная проверка, к сожалению, затруднена тем, что *же* в соседстве с *ли* — это почти всегда отождествительное *же* (например, *Такой же ли это цвет?*). Редкие примеры соединения *ли* с противительным *же*, содержащиеся в НКРЯ, имеют тот же порядок, что в древности: *Не все же ли это равно для него?* [Белинский]; *Не сейчас же ли вы говорили?* [Герцен].

Из сравнительно поздних фразовых энклитик полнее других сохраняют вакернагелевские свойства энклитики *было* и *де*. Так, *было* никогда и *де* почти никогда не встречается в начале фразы; и самым частым местом их расположения во фразе до сих пор является конец первой тактовой группы фразы, то есть главная вакернагелевская позиция.

Что касается прочих более поздних фразовых энклитик — *ведь*, *мол*, а также новых местоименных энклитик (*его*, *ее*, *их*, *ему*, *ей*, *им* и др.) — то все они выступают в качестве энклитик не постоянно, а лишь в части случаев. Любая

из них в принципе может оказаться и в начале фразы, например: *Ведь я же вас предупреждал.* Расположение в главной вакернагелевской позиции является для них не более чем тенденцией.

При соединении со старыми энклитиками любая из поздних ставится правее, например: *же ведь*, *бы ведь*, *ли де*, *же мол*, *ли мол*, *же их* и т. д. Обратный порядок возможен лишь там, где *ведь*, *мол*, *их* и т. д. выступают не в энклитическом, а в полноударном варианте (в частности, в начале фразы или после проклитики), например, *А ведь бы мог!* (наряду с более обычным *А ведь мог бы!*), *Их же знают* и т. п. В прочих случаях такой порядок был бы воспринят как явная неправильность. Это значит, что ранговый принцип действует и в современном языке, несмотря на существенное сужение сферы функционирования энклитик по сравнению с древнерусским языком.

§ 6.4. Следует особо отметить роль количественных оценок, примененных в настоящей книге.

Подробный анализ письменных памятников позволяет документировать интересующие нас процессы с количественной стороны. С этой точки зрения в книге особенно подробно изучена историческая эволюция энклитики *сѧ*.

Мерой продвижения некоторой точечной языковой системы (например, системы, отраженной конкретным памятником) по описанному эволюционному пути может служить коэффициент препозиции *сѧ* — отношение числа случаев препозиции *сѧ* к общему числу случаев, где в принципе допустима как постпозиция, так и препозиция *сѧ*.

Для современного языка коэффициент препозиции *сѧ* очевидным образом равен нулю. Для некоторых древних текстов он очень высок (хотя все же нигде не равен 100%, поскольку какое-то число факультативных барьеров, пусть небольшое, реализуется даже и в таких текстах).

Можно было бы ожидать плавного снижения коэффициента препозиции *сѧ* от высших показателей в XI–XII вв. до нуля в новое время.

Анализ памятников показывает, однако, что реальность намного сложнее. Наше ожидание оправдывается только в сфере деловых и бытовых документов, а также таких литературных произведений, которые обнаруживают более или менее ясно выраженную ориентацию на живой, некнижный язык.

Совершенно иную картину дают церковные тексты (старославянские и более поздние церковнославянские), а также литературные произведения книжной ориентации и летописи. Здесь с самого раннего времени коэффициент препозиции *сѧ* удивительно низок, а в некоторых из таких памятников (например, в Уставе Студийском) он практически такой же нулевой, как в современном русском языке.

При этом, однако, нет оснований предполагать, что живая южнославянская речь отличалась в этом отношении от восточнославянской: в частности, в непереводном Житии Мефодия *сѧ* ведет себя так же, как в живом древнерусском языке.

Объяснение явно нужно искать в другом: кирилло-мефодиевские переводы трактовали энклитики (по крайней мере слабые) как полноударные словоформы. Это соответствовало особой торжественной манере чтения текста, при

которой каждое слово полновесно и в определенной степени отделено от соседей. В то же время это, в частности, давало возможность ставить сочетания глагола с *сѧ* на то же место во фразе, что и соответствующая единая словоформа медиума или пассива, представленная в греческом оригинале; отсюда решительное преобладание постпозиции *сѧ* в древних переводах.

А далее такое поведение энклитик по контрасту с живым языком, где действует четкий вакернагелевский механизм, уже переосмысляется как характерная черта книжного стиля.

Постоянную постпозицию *сѧ* можно сравнить в этом отношении, например, с неповторением предлога в сочетаниях типа *къ отьцу своему*, *въ городѣ Пльсковѣ*. В живом древнерусском языке, в отличие от кирилло-мефодиевских переводов, нормой здесь было повторение предлога: *къ отьцу къ своему*, *въ городѣ въ Пльсковѣ*. В этой ситуации неповторение предлога в древнерусскую эпоху, очевидно, выступало как черта книжного стиля.

Характерно, что как в случае с неповторением предлога, так и в случае с постпозицией *сѧ* в том же направлении, что книжная норма, развивался и живой русский язык; только он достиг того состояния, которое соответствует книжной норме древнерусского периода, лишь на несколько столетий позднее.

Отметим, наконец, значение изложенных выше наблюдений для лингвистической истории славянского мира в целом.

Если мы непосредственно сравним поведение энклитик, например, в сербском и в старославянском, то непременно должны будем заключить, что в сербском вакернагелевский механизм действует гораздо последовательнее, чем в старославянском. Отсюда легко может возникнуть представление о позднем развитии этого механизма в отдельных новых славянских языках.

Однако открывающаяся ныне картина четкого функционирования энклитик в живом древнерусском языке свидетельствует о неправдоподобии такой гипотезы. Раннедревнерусская система энклитик, засвидетельствованная всего лишь одним-двумя веками позже классических старославянских источников, намного более последовательна, чем то, что представлено в кирилло-мефодиевских переводах. И мы имеем все основания считать именно эту систему наиболее прямым отражением общеславянского состояния.

Вектор эволюции раннедревнерусской системы энклитик в последующие века, состоящий в постепенном ослаблении действия закона Вакернагеля, дает основание предполагать, что в века, предшествующие началу письменной истории древнерусского языка, действие этого закона было еще более последовательным, чем в XI–XII веках.

Тем самым, в частности, и современные южнославянские системы энклитик надлежит выводить не из состояния, сходного с показаниями старославянских памятников, а из реконструируемого состояния, весьма близкого к раннедревнерусскому.

Таким образом, изучение истории восточнославянских энклитик оказывается весьма информативным и для понимания их эволюции в славянском мире в целом.

ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ, СОКРАЩЕНИЯ

Не включены в список общепринятые и/или непосредственно понятные сокращения, например: ед., дв., мн. (наименования чисел); И., Р., Д., В., Т., М. (наименования падежей).

Цифра после цитаты (в случае, если прямо не указан источник) — номер новгородской берестяной грамоты. При грамотах из других городов дается еще символ города (см. в общем списке).

Аввакум — «Житие» Аввакума. По изд.: Пустозерск. сб.

Аввакум I, Аввакум II — некнижный (I) и книжный (II) компоненты «Жития» Аввакума; см. § 2.1.

Алекс. (и Александрия) — Александрия. По изд.: *В. М. Истрин.* Александрия русских хронографов // Чтения ОИДР. 1894 г. Кн. 2. Отд. 2.

Афан. Ник. (и Афан. Никитин) — Хожение за три моря Афанасия Никитина. Л., 1986. Цитируется, если не оговорено иное, по Летописному списку.

Афан. Ник. I, Афан. Ник. II — некнижный (I) и книжный (II) компоненты «Хожения за три моря» Афанасия Никитина; см. § 2.1.

Бернекер 1900 — *E. Berneker*. Die Wortfolge in den slavischen Sprachen. Berlin, 1900.

Бова — Повесть о Бове королевиче. По изд.: Пам. лит., XVII век.

Борис и Глеб — Житие Бориса и Глеба (по Успенскому сборнику).

Борковский, Кузнецов 1963 — *В. И. Борковский*, *П. С. Кузнецов*. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Вайян — *А. Вайян*. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Взятие Царьграда — Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 г. По изд.: Пам. лит., вторая половина XV в.

Вопрош. Кирик. — Вопрошание Кириково. По изд.: РИБ, т. 6. СПб., 1908.

Выг. сб. — Выголексинский сборник. М., 1977.

Гал.-Волын. (и Гал.-Волын. лет.) — Галицко-Волынская летопись (за XIII в.) по Ипат.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.–Л., 1949.

Горшкова, Хабургаев 1981 — *К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981.

Грязной — Письма Василия Грязного Ивану Грозному. По изд.: Хрест.

Гуннарссон 1935 — *G. Gunnarsson*. Studien über die Stellung des Reflexivs im Russischen. Uppsala, 1935.

Дан. (и Даниил) — «Хождение» игумена Даниила. По изд.: Пам. лит., XII век.

ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.–Л., 1950.

Девген. деяние — Девгениево деяние. По изд.: Пам. лит., XIII век.

ДНД$_2$ — *А. А. Зализняк.* Древненовгородский диалект. Изд. 2-е. М., 2004.

Домострой — По изд.: Домострой. СПб., 1994.

Др.-р. грамм. 1995 — Древнерусская грамматика XII–XIII вв. М., 1995.

Дурново 1924 — *Н. Дурново*. Очерк истории русского языка. М.–Л., 1924.

Дыбо 1975 — *В. А. Дыбо.* Закон Васильева-Долобко в древнерусском (на материале Чудовского Нового Завета) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. Vol. XVIII, 1975. P. 7–82.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого. По изд. в кн.: Молдован 2000.

ЖФСтуд — Житие Феодора Студита (по Выголексинскому сборнику).

Завещ. Клим. — Завещание новгородца Климента. По изд.: Тихомиров, Щепкина 1952.

Задонщина — По изд. в кн.: Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М., 1966.

Зализняк 1981 — *А. А. Зализняк*. Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском // Балто-славянские исследования 1980. М., 1981. С. 89–107.

Зализняк 1985 — *А. А. Зализняк*. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Зализняк 1993 — *А. А. Зализняк*. К изучению языка берестяных грамот // НГБ IX. С. 191–321.

Зализняк 2007 — *А. А. Зализняк*. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. Изд. 2-е. М., 2007.

Ив. Грозн. — Послания Ивана Грозного. По изд.: Пам. лит., вторая половина XVI века.

Ив. Грозн. I, Ив. Грозн. II — некнижный (I) и книжный (II) компоненты посланий Ивана Грозного; см. § 2.1.

Изборник 1073 — Изборник Святослава 1073 года. Факсимильное издание. М., 1983.

Изборник 1076 — Изборник 1076 года. М., 1965.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.

Киев-Д — диалогическая часть Киевской летописи по Ипат. (= прямая речь светских лиц); подробнее см. § 1.1.

Киев. лет. — Киевская летопись (за XII в.) по Ипат. При наличии указания года, например, Киев. лет. [1199], означает то же, что Киев. лет. (автор.).

Киев. лет. (автор.) — авторская речь в Киевской летописи по Ипат.; подробнее см. § 1.1.

Комисс. НПЛ — Комиссионный список Новгородской I летописи.

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Том первый. Лаврентьевская летопись. Вып. 1–3. Л., 1926–1928.

Мар. (и Мариинск. ев.) — Мариинское евангелие.

Мефод. — Житие Мефодия (по Успенскому сборнику).

Миклошич 1874 — *F. Miklosich*. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd IV. Wien, 1874.

Мих. Клопск. — Повесть о житии Михаила Клопского. По изд.: Пам. лит., вторая половина XV в.

Молдован 2000 — *А. М. Молдован*. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

Мономах — сочинения Владимира Мономаха (по Лавр.).

Мстисл. гр. — Мстиславова грамота. По изд.: Хрест.

НГБ VIII — *В. Л. Янин*, *А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986.

НГБ IX — *В. Л. Янин*, *А. А. Зализняк*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993.

Неизв. кн. — Договор неизвестного смоленского князя с Ригою и Готским берегом. По изд.: Смол. гр.

Нифонт — Житие Нифонта, краткая редакция (по Выголексинскому сборнику).

НКРЯ — Национальный корпус русского языка: http://www.ruscorpora.ru.

НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.

НПЛ-1 — первый почерк Синод. НПЛ (события 1016–1234 гг.).

НПЛ-2 — второй почерк Синод. НПЛ (события 1235–1337 гг.).

НПЛ-3 — часть Комисс. НПЛ, охватывающая события 1333–1446 гг.

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности.

Острож. (и Острожская библия) — Библїа, сирѣчь книги Ветхаго и Новаго Завѣта по ꙗзыкꙋ словенскꙋ. Острог, 1581. Фототипическое переиздание: М.–Л., 1988.

Остромир. ев. — Остромирово евангелие.

п (при номере) — поздняя берестяная грамота (2-я четв. XIII – сер. XV в.).

Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край. М., 1984.

Пам. лит. — Памятники литературы древней Руси. М., 1978 – .

ПВЛ — «Повесть временных лет» (цитируется, если не оговорено иное, по Лавр.).

Пеннингтон 1980 — *A. E. Pennington.* Grigorij Kotošixin. O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Text and Commentary. Oxford, 1980.

Петр-Февр. — Повесть о Петре и Февронии. По изд.: Повесть о Петре и Февронии. Л., 1979.

ПР (и Рус. Правда) — Правда Русская. Т. 1–3. М.–Л., 1940–1963. Цитируется, если не оговорено иное, по Синодальному списку.

Пск. лет. — Псковские летописи. Вып. 1–2. М., 1941–1955.

Пустозерск. сб. — Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975.

Пчела — Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Издатель В. Семенов. ОРЯС, 54, № 4. СПб., 1893. XV в.

Радзивил. — Полное собрание русских летописей, Том 38. Радзивилловская летопись. Л., 1989.

РИБ — Русская Историческая библиотека.

РНБ (бывш. ГПБ) — Российская Национальная библиотека в Санкт-Петербурге.

Рус. Правда — см. ПР.

Син. псалт. — Синайская псалтирь. Глаголический памятник XI века. Приготовил к печати С. Северьянов. Петроград, 1922.

Синод. НПЛ — Синодальный список Новгородской I летописи.

Синодальная библия — Библїа, сирѣчь книги свѧщеннаго писанїѧ Ветхаго и Новаго Завѣта. М., 1914.

Смол. — берестяная грамота из Смоленска.

Смол. гр. — Смоленские грамоты XIII–XIV веков. М., 1963.

Смол. гр. 1229 — Торговый договор Смоленска с Ригою и Готским берегом 1229 г. По изд.: Смол. гр.

Соболевский 1907 — *А. И. Соболевский*. Лекции по истории русского языка. М., 1907. Перепечатано в кн.: Соболевский 2004. Т. 1.

Соболевский 2004 — *А. И. Соболевский*. Труды по истории русского языка. Том 1–2. М., 2004.

СПИ — «Слово о полку Игореве».

Срезн. — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1893–1903.

ССУМ — Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. Т. 1–2. Київ, 1977–1978.

Ст. Р. — берестяная грамота из Старой Руссы.

Строев. — Строевский список Псковской 3-й летописи // Пск. лет. Вып. 2. С. 78–250.

Сузд. лет. — Суздальская летопись (по Лавр.).

Супр. — Супрасльский кодекс.

Твер. — берестяная грамота из Твери.

Тестелец 2001 — *Я. Г. Тестелец*. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

Тихомиров, Щепкина 1952 — *М. Н. Тихомиров, М. В. Щепкина.* Два памятника новгородской письменности. М., 1952.

Толстая 1991 — *М. Н. Толстая*. Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // Конференция «Славистика, индоевропеистика, ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо». Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.

Толстая 2000 — *М. Н. Толстая.* Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999, XIV. М., 2000. С. 134–143.

Торж. — берестяная грамота из Торжка.

Троицк. — Троицкий список «Хожения за три моря» Афанасия Никитина.

Увар. (и Увар. лет.) — Московский летописный свод конца XV века. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М., 1949.

Усп. сб. — Успенский сборник XII–XIII вв. М., 1971.

Устав Студ. — Устав Студийский. По изд. в кн.: *А. М. Пентковский.* Типикон патриарха Алексея Студита в Византии и на Руси. М., 2001.

Феод. — Житие Феодосия (по Успенскому сборнику).

Флав. (и Флавий) — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. Древнерусский перевод. Т. 1–2. М., 2004.

Хабургаев 1978 — *Г. А. Хабургаев*. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1978, № 4. С. 42–53.

Хлебн. — Хлебниковский список Ипатьевской летописи.

Хрест. — *С. П. Обнорский*, *С. Г. Бархударов*. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. I. М., 1952.

ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при императорском Московском университете.

Чуд. — Чудовский Новый Завет. По изд.: Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия Митрополита Московского и всея Руси. (Фототипическое издание Леонтия, Митрополита Московского.) М., 1892.

Чудеса Николы — По списку Торжественника XII в. (рукопись РНБ, F. п. I, 46).

Шахматов 1915 — *А. А. Шахматов*. Очерк древнейшего периода истории русского языка. Пг., 1915. (Перепечатка — М., 2002.)

Шестоднев — отрывок из Шестоднева Иоанна экзарха болгарского, приведенный в: Пам. лит. XII в., с. 184–196.

Якобсон 1935 — *R. Jakobson*. Les enclitiques slaves // Atti del Congresso di Linguistica tenuto in Roma il 19–26 Settembre 1933. Firenze, 1935. Перепечатано в кн.: *Jakobson R*. Selected Writings. Vol. II. The Hague–Paris, 1971. P. 16–22.

Якубинский 1953 — *Л. П. Якубинский.* История древнерусского языка. М., 1953.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Цифры обозначают параграфы. Для часто встречающихся терминов указывается только место, где содержится определение термина. В круглых скобках даны варианты термина, в квадратных — указание сферы действия термина и другие пояснения.

Индивидуальные лексемы

ОГЛАВЛЕНИЕ

Андрей Анатольевич Зализняк

ДРЕВНЕРУССКИЕ ЭНКЛИТИКИ

Издатель А. Кошелев

Зав. редакцией М. Тимофеева

Корректура и верстка М. Толстой

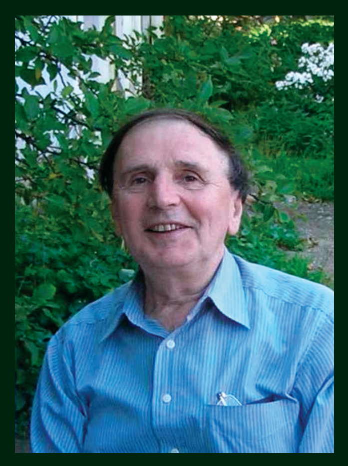
Художественное оформление переплета
Н. Прокуратовой и С. Жигалкина

Подписано в печать 17.01.2008. Формат 70 × 100 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Таймс.
Усл. п. л. 22,575. Тираж 1000 экз. Заказ № 8806.

Изд-во «Языки славянских культур».
ОГРН 1037789030641.
Phone: **607-86-93** E-mail: **Lrc@comtv.ru**
Site: **http://www.lrc-press.ru, http://www.lrc-lib.ru**

Отпечатано в ОАО ордена «Знак Почета»
«Смоленская областная типография им. В. И. Смирнова».
214000, г. Смоленск, пр-т им. Ю. Гагарина, 2.

*



Андрей Анатольевич Зализняк (род. в 1935 г.) — лингвист, специалист в области современной и исторической грамматики русского языка, сравнительного и общего языкознания. Ряд работ посвятил исследованию новгородских берестяных грамот. Действительный член РАН, профессор. Работает в Институте славяноведения РАН и преподает на филологическом факультете МГУ. Преподавал также в университетах Экс-ан-Прованса, Парижа и Женевы; выступал с лекциями в ряде университетов Италии, Франции, Швейцарии, Германии, Австрии, Швеции и Англии.

Основные книги: Русское именное словоизменение (издания: 1967, 2002), Грамматический словарь русского языка (1977, 1980, 1987, 2003), Грамматический очерк санскрита (в составе «Санскритско-русского словаря» В. А. Кочергиной; 1978, 1987, 2005), От праславянской акцентуации к русской (1985), «Мерило Праведное» XIV века как акцентологический источник (1990), Древненовгородский диалект (1995, 2004), Новгородские грамоты на бересте (совместно с В. Л. Яниным) — тома VIII (1986), IX (1993), X (2000), XI (2004), «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста (2004, 2007).